ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4-5

АПРЕЛЬ—МАЙ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1931

Цена отдельного номера — 1 рубль 50 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

10-й год ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Д[illegible] А. [illegible], Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой ст. Деборина, Карева, Стэна и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и рефлексология, диалектика и естествознание, антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес.—1 р. 25 к., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 6 м.—7 р. 50 к., на 12 м.—15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по периодической печати при ячейках ВКП(б).

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

АПРЕЛЬ—МАЙ **№ 4—5** 1931

СОДЕРЖАНИЕ.

Колхозное крестьянство как центральная фигура нашего земледелия.

I.

Не только партийные с'езды или конференции, но за последние годы и каждый пленум Центрального комитета нашей партии представляют собой важнейшие этапы в развертывании строительства социализма и приобретают тем самым крупное историческое значение. Иначе и быть не может, ибо мы переживаем период, когда крайне убыстрился ход истории не только на мировой арене борьбы между капитализмом и социализмом. Он особенно убыстрился благодаря исключительным, невиданным темпам нашего развития, в результате крупных классовых сдвигов, мощной перестройки социально-экономических отношений в стране диктатуры пролетариата.

Июньский пленум Центрального комитета войдет в историю нашей партии как пленум дальнейшего развертывания социалистического наступления по всему фронту, как пленум дальнейшего расширения сферы социалистической реконструкции народного хозяйства на новые области, как пленум, подведший в своих решениях предварительные итоги второй большевистской весны, итоги, имеющие всемирно-историческое значение с точки зрения социалистической переделки сельского хозяйства.

Июньский пленум ЦК партии заострил внимание на 3-х важнейших звеньях нашей дальнейшей работы: на задаче организации уборки урожая в связи с итогами сева, на проблеме реконструкции транспорта и, наконец, на вопросах коренной реконструкции пролетарского города, на строительстве новых городов, поднятии коммунального хозяйства до уровня задач, соответствующих периоду социализма.

«Одно из важнейших достоинств политической стратегии нашей партии,— писал т. Сталин,— состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент *основное звено движения*, уцепившись за которое она тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи». Правильность этого положения еще раз доказана последними решениями июньского пленума ЦК.

Смысл всех этих решений, а особенно решений по вопросу о коммунальном хозяйстве, состоит в том, что всем ходом нашего строительства мы практически вплотную подошли к задаче уничтожения противоположности между городом и деревней, которую Маркс, Энгельс, Ленин выдвигали как одну из важнейших проблем социализма, коммунизма. Смысл всех этих решений состоит в том, что поставлены *новые исторические реконструктивные проблемы*, *поставлены новые конкретные задачи*, которые не могут не вызвать нового под'ема трудового энтузиазма среди широчайших масс пролетариата и трудящихся и нового прилива доверия к нашей партии.

Подводя итоги весеннего сева, резолюция июньского пленума ЦК констатирует: «Из этого следует, что колхозное крестьянство уже превратилось в центральную фигуру земледелия, колхозы стали *основным производителем* не только в области зерна, но и важнейшего сельскохозяйственного сырья (хлопок, свекла, подсолнух и др.). Роль бедняка и середняка-единоличника в сельскохозяйственном производстве стала второстепенной. Завершается ликвидация кулачества как класса в зерновых и сырьевых районах СССР».

Эта кратенькая часть резолюции свидетельствует о таких сдвигах в стране, которые открывают новую страницу нашего развития, создают новую обстановку для всей нашей работы. Эта часть резолюции подводит важнейший *политический итог* борьбы партии за социалистическое переустройство деревни. Сделан еще один крупнейший шаг вперед по пути к полному завершению построения фундамента социалистической экономики.

Ленин писал, что учение Маркса всесильно потому, что оно верно. То же должно сказать и о развитии марксизма в эпоху империализма и пролетарской революции, данное самим Лениным. Можно твердо установить, что *каждый день развития современной истории, каждый новый успех, достигаемый нами под знаменем марксизма-ленинизма, это — подлинный триумф марксистско-ленинской теории*, триумф ее методологии, т.-е. материалистической диалектики, ее общественной теории, т.-е. исторического материализма. Практика является лучшим критерием и проверкой правильности такой теории. Наши успехи и победы на фронте социалистического строительства — это лучшая практическая проверка правильности и доказательства мощности нашего теоретического оружия.

Стоит провести в этом смысле некоторую параллель между нашим положением и вырождением всякого теоретического мышления, происшедшим у современного социал-фашизма. За последний период социал-фашистские и-

ститые «теоретики»—Каутский, Отто Бауэр, Макс Адлер,—готовясь, очевидно, к конгрессу II интернационала, разразились «трудами», которые как раз и характеризуют современное загнивание социал-фашизма в области политики, экономики и философии. Кризис и глубочайшее разложение мирового капитализма, вся безрадостность его перспектив получили «адэкватное» выражение в последних теоретических, с позволения сказать, работах его «холуев»: в книге Каутского «Большевизм в тупике», в новой книге О. Бауэра «Kapitalismus und Socialismus nach d. Weltkriege» (Капитализм и социализм после мировой войны) и в книге Макса Адлера «Lehrbuch d. materialistischen Geschichtsauffassung» (Учебник по материалистическому пониманию истории).

Беспардонный эклектик, идеалист, «левый» социал-фашист Макс Адлер с наибольшей яркостью выражает в своей книге всю силу падения, все теоретическое ничтожество теоретических апологетов и «врачевателей» капитализма все выхолащивание ими из марксизма его революционной души. Он пишет:

«Кто поэтому хочет вникнуть в понимание марксизма, тот должен прежде всего освободиться от этого почти автоматического амальгамирования (Verquikung) марксизма с повседневной политической борьбой партийных страстей. Он должен радикально выкорчевать всякую мыслительную ассоциацию, которая сплетает со словом марксизм политический боевой призыв» [1]).

Пошлейший соглашатель, верный представитель «гнусной партии середины», сохраняя марксистские словечки и терминологию, тщательно выхолащивает из насквозь революционного марксистского учения всякий «боевой политический призыв». Другой представитель социал-фашизма, «левейший» Отто Бауэр, как бы со специальной целью, чтобы стать предметом насмешек в момент жесточайшего кризиса капитализма, потрясающего самые его основы, в своей книге очень много, если не сказать, основное внимание уделяет преимуществам капиталистической рационализации и организации хозяйства в период после мировой войны.

Таково «теоретическое» лицо социал-фашизма. такова практическая проверка их теорий.

Сила и мощь большевизма именно в том и состоит, что он не разрывает теорию и политику, революционную теорию и борьбу «партийных страстей», что он сам весь — боевой политический призыв, в том, что он насквозь революционную теорию марксизма-ленинизма проводит в широчайшие трудящиеся массы, в том, что эта теория, овладевая массами, становится материальной силой.

Вооруженная самой передовой революционной теорией, теорией марксизма-ленинизма, наша партия идет от одного успеха к другому в построении социалистического общества.

Наши успехи, наш рост связан, однако, с громадными трудностями наши победы — с известным напряжением сил для того, чтобы их добиться. Однако диалектика нашего роста состоит в том, что это трудности роста, что они таят в самих себе силы для их преодоления, в том, что каждое пре-

[1]) Max Adler, Lehrbuch etc., S. 17

пятствие, каждая крупная трудность рождает, вызывает новую волну активности, новые, ранее бывшие под спудом, силы для их разрешения. Диалектика нашего противоречивого развития состоит в том, что в «историческое действие» вовлечены миллионные массы, втянуты такие социальные слои, которые в условиях старого строя, в условиях эксплоатации, угнетения, насилия спали вековой спячкой, разбужена такая энергия трудовых масс, их сил и способностей, что создаются основные условия для успешного осуществления крупнейших задач социалистической стройки. Диалектика нашего развития состоит в том, что мы имеем обостреннейшую классовую борьбу, которая ведет к полному и окончательному уничтожению классов; в том, что происходит очень трудный процесс ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации с целью окончательного выкорчевывания корней капитализма и всяких возможностей дальнейшего классообразования.

II.

К сдвигам, происшедшим в сельском хозяйстве, выразившимся в том, что колхозное крестьянство уже является центральной фигурой земледелия, что «в результате развития совхозов и перехода большинства крестьянства на путь коллективизации наша страна стала страной самого крупного сельского хозяйства в мире», необходимо прежде всего подойти с точки зрения развития производительных сил и производственных отношений в реконструктивный период.

Вопросу о развитии производительности труда как важнейшему критерию нашего движения вперед, как важнейшему фактору, характеризующему силу и мощь новой общественной организации труда, новой общественной формации по сравнению с капиталистической, Ленин придавал исключительное значение. Широко известна его постановка вопроса о том, что «производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя». Совершенно не случайно то обстоятельство, что в своей статье «Год великого перелома» при освещении существа великого перелома, в качестве самого важного фактора, характеризующего этот перелом, т. Сталин ставит вопрос о развитии производительности труда.

Основное противоречие современного капитализма, противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое закрывает возможность развитию производительных сил, увеличению производительности труда — очень хорошо можно проследить на положении американского сельского хозяйства. Социалистический характер производственных отношений колхозов, отсутствие частной собственности на землю, могучее значение диктатуры пролетариата, последовательно-социалистической промышленности на развитие производительности труда в сельском хозяйстве особенно хорошо можно проследить у нас, в Советском союзе.

Тов. Яковлев в своем докладе на XVI с'езде партии приводил красноречивые цифровые данные, характеризующие классовые противоречия капитализма в сельском хозяйстве, противоречия между высоко развитыми производ-

дительными силами и частной формой присвоения, между возможностям гигантского роста производительности труда и условиями частной собстве ности на землю, приводящими к подавлению, угнетению и разорению основн массы фермеров. Миллион тракторов в САСШ и прирост посевной площа только на 4 миллиона га в течение десятилетия; миллион тракторов в земл делии, при одновременном положении — когда $^4/_5$ всех фермеров лишены тра тора; миллион тракторов, обреченных системой капиталистических произво ственных отношений на использование с эффективностью, только немно превышающей лошадиную, — таковы эти данные.

Нужны ли после этого более красноречивые свидетельства в пользу ист рического материализма, в пользу знаменитых положений Маркса из пред словия «К критике политической экономии»: «на известной ступени ра вития материальные производительные силы общества приходят в противор чие с существующими производственными отношениями, или — что являет только юридическим выражением этого — с отношениями собственност внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производ тельных сил эти отношения превращаются в их оковы».

Нужны ли более красноречивые данные для характеристики капитал стических отношений как оков для развития производительных сил, чем и пользование силы трактора с эффективностью силы лошади, чем использов ние его только на одну четверть его производительной мощности.

Совершенно другая, противоположная картина у нас. Диктатура прол тариата, наши производственные отношения создают невиданные возможнос для развития производительных сил, для роста производительности тру доказывая тем самым историческую прогрессивность нов общественного строя, создавая тем самым могучие предпосылки для оконч тельной победы над загнивающим капитализмом.

Приведем некоторые материалы, характеризующие положение и пе спективы нашего сельского хозяйства в этом отношении. Прежде всего посм трим данные о росте нашего сельскохозяйственного машиностроения.

На основе гигантских темпов индустриализации страны мы получи возможность вливать ежегодно все возрастающую массу машин в сельск хозяйство.

Продукция с.-х. машиностроения, начиная с 1921/22, по год в млн. руб. росла следующим образом: 1921/22 — 6,9; 1922/23 — 11 1923/24 — 16,4; 1924/25 — 39,9; 1925/26 — 70,0; 1926/27 — 94,3; 1927/28 151,5; 1928/29 — 212,4; 1929/30 — 350. За 1931 наша продукция с.-х. маш ностроения более чем удваивается по сравнению с 1930, достигая 800 млн. против 60—65 млн. довоенной продукции. Стоимость с.-х. машин к кон пятилетки будет оцениваться по предварительным подсчетам в 6 млрд. р плюс тракторный парк—3 млрд. руб. Общая стоимость с.-х. инвентаря в 193 составит сумму примерно в 9 млрд. руб., или в 9 раз больше стоимости с. инвентаря, бывшего в России до войны. Затрата на инвентарь к концу пят

летки составит у нас 45 руб. на га, или сравняется с теперешними затратами в САСШ [1]).

Только условия диктатуры пролетариата, только преимущества нашей экономической системы, выражающиеся в том, что «орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства» (Сталин), в том, что наше народное хозяйство подчинено в основном социалистическому плановому регулированию, в том, что у нас нет основных паразитических классов, — только благодаря этим обстоятельствам возможна такого рода картина технического перевооружения сельского хозяйства. Если ко всему этому прибавить, что производительное использование трактора у нас в 4 раза больше, чем в САСШ, что при тракторном парке в 1931 г. в 4—5 раз меньшей мощности, чем в САСШ, мы превзойдем САСШ по выработке тракторной энергии, если принять во внимание, что во вторую большевистскую весну мы имеем почти удвоение темпов сева по сравнению с первой, что посев на один двор в колхозе в 2—3 раза превысил посев на двор единоличный, то мы сможем заключить о том, какие невиданные возможности для развития производительных сил создались у нас в результате Октябрьской революции, в результате развития коллективизации сельского хозяйства. Ленин полностью предвидел громадный рост производительности труда в сельском хозяйстве в связи с коллективизацией, который у нас происходит, когда писал:

«Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда; вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному» (Ленин, т. XV, стр. 594).

III

Победа всемирно-исторического масштаба, одержанная нами на фронте коллективизации, классовые сдвиги, приведшие к превращению середняка, как бывшей центральной фигуры нашего земледелия, в колхозное крестьянство, как центральную фигуру земледелия, должно быть расценено как блестящее историческое подтверждение *всей линии большевизма в крестьянском вопросе*. Если опыт революции 1905 года, Октябрьской революции 1917 г., опыт гражданской войны подтвердили на практике правильность наших теоретических позиций в противовес меньшевизму, в том числе троцкизму, в крестьянском вопросе в эпоху буржуазно-демократической революции, в эпоху завоевания, удержания и укрепления диктатуры пролетариата, — то опыт развития колхозного движения и перехода большинства крестьян на социалистический путь развития доказывает вполне ясно и убедительно правильность генеральной линии нашей партии в этом вопросе также и в период развернутого социалистического строительства.

Тов. Сталин в «Основах ленинизма» в 1924 г. следующим образом характеризовал роль и значение крестьянского вопроса в ленинизме. Он писал:

---

[1]) Эти материалы взяты из ст. т. Никулихина в № 10 «Большевика».

«Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть является вопросом производным».

Правильность этой характеристики проверена всей практикой революционной борьбы нашей партии как до завоевания диктатуры пролетариата так и после ее завоевания. Если бы во всех перипетиях бурных исторических событий первой четверти XX столетия, особенно после октября 1917 г., наша партия хотя бы на одну секунду забыла решающее в ленинизме, если бы она следовала, скажем, например, зиновьевскому пониманию основного в ленинизме и т. д., то совершенно ясно, что мы давно потерпели бы крах. Только благодаря тому, что твердо и неуклонно во всей практической политике проводилась эта основная линия большевизма, только благодаря тому, что и при организации комбедов и развертывании классовой борьбы в деревне, и при введении нэпа, и при решении вопроса о легкой и тяжелой индустрии, и при развертывании процессов коллективизации партия неуклонно всегда во главу угла ставила основное в ленинизме—диктатуру пролетариата,—только благодаря этому она смогла добиться решающих успехов в крестьянском вопросе, итоги которых были подведены на июньском пленуме ЦК партии.

Переход большинства крестьянства на социалистический путь развития превращение колхозника в центральную фигуру нашего земледелия подтверждает не только вопрос о главном и основном в ленинизме, но вместе с тем является лучшей исторической проверкой ленинского учения о возможности в условиях диктатуры пролетариата, под его руководством, вовлечь мелкое и среднее крестьянство в социалистическое строительство, а также правильность большевистского учения о путях и формах этого вовлечения, его переделки. Надо сказать, что вопрос о возможности социалистической переделки крестьянства—это кардинальный вопрос диктатуры пролетариата, это важнейшая грань, пролегающая между революционным марксизмом и оппортунизмом различного меньшевистского толка.

Под флагом якобы пролетарской политики, под флагом якобы защитников пролетариата и его классовых задач теоретики II интернационала, весь международный меньшевизм крайне пренебрежительно относились и относятся к крестьянскому вопросу, игнорируют эту проблему, считают отступлением от последовательной марксистской линии внимание к этим вопросам, которое столь характерно для большевизма. Сколько обвинений и упреков бросалось Ленину в его якобы народничестве именно по этой линии.

Исходя из теории принципиальной невозможности вовлечь крестьянство в строительство социализма, до настоящего времени горе-«теоретики» меньшевизма — Даны и Абрамовичи, Далины и Отто Бауэры — отказываются выдать свидетельство нашей пролетарской революции в ее социалистическом характере, полагая, что наша партия в конце концов должна будет капитули-

ровать перед мелкобуржуазной стихией. Однако вопрос об отношении к крестьянству — это пробный камень именно для понимания революционных задач пролетариата.

Тов. Сталин в «Основах ленинизма» писал:

«Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II интернационала об'ясняется не только особыми условиями развития на Западе. Оно об'ясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, не актуальным».

Надо сказать, что как раз в вопросе о возможности вовлечения мелкого и среднего крестьянства в социалистическое строительство с необычайной яркостью вскрывается внутреннее идейное родство троцкизма с меньшевизмом, с социал-фашизмом. Ведь как раз одной из характерных, если не важнейшей чертой троцкизма и является вот этакое «буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской «революционных фраз» о победе мировой революции» (Сталин).

Наша победа на колхозном фронте, будучи подтверждением всей линии большевизма в крестьянском вопросе, представляет собой одновременно и окончательный крах меньшевистских, социал-предательских концепций в вопросу об отношении пролетарской революции к крестьянству, позорнейший крах троцкистских «теорий». Это—победа всемирно-исторического масштаба. Она имеет международное значение для всех коммунистических партий в их борьбе с капитализмом. Особенно велико значение этой победы для крестьянских стран Востока, поскольку практически доказана возможность миновать капиталистический путь развития при условии руководящей роли пролетариата, при условии помощи диктатуры пролетариата. Факт нашей победы на колхозном фронте, факт массового перехода крестьян на колхозный путь развития в результате того, что они на своем опыте убедились в его прямой и непосредственной выгодности, должен послужить и послужит для сотен миллионов крестьян Китая, Индии, Индо-Китая призывом к революционной борьбе против феодализма и империализма под руководством Коминтерна с целью возможно быстрого перехода к социализму, минуя ужасы и бедствия дальнейшего проникновения и развития капитализма в сельском хозяйстве с его эксплоатацией, угнетением, разорением и нищетой.

Однако вопрос о возможности вовлечения основных масс крестьянства в строительство социализма, вопрос о социалистической переделке их имеет еще и другую сторону, а именно—вопрос о путях и формах этой переделки. Можно принципиально признавать эту возможность, однако исходить при этом из такого понимания путей и форм перехода крестьянства на социалистический путь развития, которое может привести фактически к отрицанию

самой возможности строительства социализма в деревне. «О правых уклонистах,—говорил т. Сталин на XVI с'езде,—нельзя также говорить, что они отрицают возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма в деревне. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма. Они не хотят признавать, что совхозы и колхозы являются основным средством и «столбовой дорогой» вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма».

Между тем наши победы на фронте строительства социализма в деревне имеют всемирно-историческое значение особенно в том отношении, что найдены формы и пути переделки основных масс крестьянства в социалистическом духе, при чем действительность доказала крайнюю успешность и правильность применения этих форм. Если проводить аналогии, то можно сказать, что так же, как массовое рабочее движение в начале XX века выковало себе форму диктатуры пролетариата—советы, миллионное движение основных масс крестьянства к социализму в условиях диктатуры пролетариата, под непосредственным руководством пролетариата выковало проверенные самой жизнью формы, пути, средства некапиталистической эволюции, движения невиданными темпами к социализму—колхозы. Колхозы, машинно-тракторные станции, сплошная коллективизация, совхозы— ценны тем, что они представляют собой «столбовую дорогу», по которой будет развиваться движение крестьянства к социализму и в других странах после победы пролетарской революции и ее укрепления. Уже в настоящее время в ряде советских районов Китая развивается колхозное движение. Этот маленький факт является самым красноречивым свидетельством в пользу того положения, что победы на колхозном фронте, это—победы всемирно-исторического значения.

Действительность самым лучшим образом доказала, насколько антимарксистскими, антибольшевистскими являются правооппортунистические установки и представления о путях и формах вовлечения крестьян в строительство социализма, теории увековечения мелкого крестьянства, теории равновесия секторов хозяйства, «теории двухклассового общества диктатуры пролетариата» и т. д. и т. п. Действительность и диалектика развития нашего колхозного движения показали вместе с тем, что нельзя сваливать и смешивать в одну кучу различные формы колхозного движения (артель, тоз, коммуну и т. д.), она показала, что нельзя перепрыгивать через ряд неизжитых ступеней в процессе обобществления, что никуда не годятся «попытки», имеющие целью обойти классы и классовую борьбу» (Сталин). Весь этот богатейший опыт нашего колхозного движения несомненно принадлежит к тем столпам или чертам нашей революции, о которых Ленин в свое время писал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», что «некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение».

IV

Превращение колхозника в центральную фигуру земледелия означает гигантский шаг вперед по пути ликвидации различия между рабочим классом и крестьянством, по пути уничтожения классов. В своей известной статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» в 1919 г. Ленин писал: «Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эти задачи мы выполнили, но это только часть и при том не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Это нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная... Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкотоварного хозяйства к общественному крупному хозяйству... Ускорить переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне».

Опыт массового колхозного движения показывает, насколько глубока и правильна была ленинская постановка этих вопросов, а также данная перспектива нашего движения по пути уничтожения классов. Было бы крайне неправильно из факта успехов колхозного движения делать вывод (который кстати иногда и делается), что уже на данном этапе ликвидирована разница между рабочим и крестьянином, между пролетарием и колхозником. Также глубоко неправильной является и такая установка, которая имеет иногда место, что в лице колхозника мы имеем новую классовую категорию, новый колхозный класс. Первая установка не понимает разницы между социалистической и последовательно-социалистической формой хозяйства, между рабочим, лишенным всякой частной собственности на орудия и средства производства, и трудящимся, сохраняющим в той или иной степени частную (индивидуальную, либо групповую, либо и то и другое вместе) собственность на орудия и средства производства, между членом колхоза и работником, о которой говорит Ленин. Вторая установка, пытаясь осмыслить классовые сдвиги в стране, не понимает, что суть этих сдвигов отнюдь не состоит в том, что нарождаются или восстанавливаются в той или иной форме новые «классовые категории» или же классовые отношения, а наоборот, что суть этих сдвигов состоит в постоянном уничтожении тех или иных сторон, черт, элементов классовых отношений, что это суть сдвиги в сторону окончательной ликвидации, уничтожения классов.

«Великий перелом» в нашем развитии состоит в том, что колхозник не есть уже крестьянство как класс в старом смысле этого слова. Вообще, когда мы подходим к анализу классов и классовых отношений в эпоху диктатуры пролетариата, надо не упускать из виду самое важное обстоятельство, которое подчеркивал Ленин в упомянутой нами статье, а именно, что каждый из классов и взаимоотношение между ними в эпоху диктатуры пролетариата существенно изменилось. Ведь самый факт диктатуры пролетариата, факт ликвидации крупной частной собственности и

основные орудия и средства производства создает совершенно новую обстановку во взаимоотношении классов. Это, конечно, отнюдь не означает, что исчезает классовая борьба, как думают правые оппортунисты, наоборот, она принимает только иные формы. Наряду с этим общим изменением обстановки, характерной для всего переходного периода, надо уметь учитывать специфическую обстановку каждого нового этапа в развитии социалистического общества.

Ряд важнейших черт, которые были характерны для основной массы крестьянства до «великого перелома», которые давали нам основание говорить о крестьянстве как классе, а, именно, черты «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способу получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин)—к настоящему моменту существенно изменились.

Если раньше бедняк и середняк—крестьянин занимал определенное место в исторически-определенной системе общественного производства, т.-е. в данном случае в условиях переходного периода и диктатуры пролетариата, как представитель мелкого товарного хозяйства, как носитель частной собственности на орудия и средства производства, в отличие от пролетариев, строящих хозяйство на основе коллективной собственности на орудия и средства производства,—то теперь колхозник представляет собой такой социальный слой, место которого в системе общественного производства существенным образом изменилось, поскольку и он является ныне носителем коллективной собственности на основные орудия и средства производства.

Если раньше основная масса крестьянства благодаря определенным отношениям к средствам производства и вытекающим из этого отношения способам и размерам получения доли общественного дохода находилась в определенном отношении к пролетариату, в котором сказывались известные противоречия между пролетариатом и крестьянством (по вопросам текущим, по вопросам о ценах и т. д.), то с превращением крестьянина-середняка в колхозника эти противоречия в значительной степени ликвидируются и колхозник становится прочной опорой советской власти в деревне.

Если раньше по своей роли в общественной организации труда основная масса крестьянства была носителем стихии и неорганизованности народного хозяйства, анархии и неплановости, в то время как пролетариат выступал как представитель организованного, планового, социалистического хозяйства, то превращение «колхозника в центральную фигуру нашего земледелия» включает основную массу крестьянства в русло плановой организации народного хозяйства, в русло организованных связей с последовательно-социалистической индустрией и представляет собой гигантский шаг вперед по линии охвата социалистическим планом всего народного хозяйства в целом.

Проведенный анализ классовых черт основной массы крестьянства взят только в отношении пролетариата и крестьянства. Меж тем ясно, что этот

анализ должен дополняться и в разрезе отношения основной массы кре-стьянства и кулачества. И в э т о м отношении переход основной массы кре-стьянства на сторону социализма, успешно проводимая ликвидация кулачест-ва на этой основе создают крупные изменения для характеристики классовой природы колхозников.

Все это вместе взятое говорит о том, как велики те социальные сдвиги, которые произошли у нас за последнее время. Все это говорит о том, что вступление миллионов мелких товаропроизводителей в колхозы означает сбрасывание ими ряда важнейших элементов, черт их прежней классовой природы. Все это означает, что уже существует к о р е н н а я разница в своей классовой природе между крестьянством как классом до колхоза и кре-стьянством колхозным. Если в нашей стране была раньше более прочная эко-номическая база для капитализма, то теперь, после наших успехов коллекти-визации, благодаря последовательно проводимой ликвидации кулачества как класса, создана более прочная экономическая база для коммунизма. Победа социализма в нашей стране с точки зрения ее внутренних сил полностью обеспечена.

Развернутые здесь положения свидетельствуют о том, насколько не-верна такая, с позволения сказать, точка зрения, которая занимается [illegible] «классообразовательством», полагающая, что в лице колхозника мы имеем в нашей стране образование новой классовой категории. Было бы одной крайней близорукости, неверным, было бы отступлением от марксизма-ленинизма, если бы мы отождествили колхозника с пролетарием. Именно теперь нам [illegible] с особой тщательностью анализировать условия и перспективы развития [illegible] [illegible]. Надо понимать, что социалистический характер колхозов [illegible] не [illegible] полного отсутствия элементов классовой борьбы в них. [illegible] [illegible] колхозов имеем известное неравенство, поскольку [illegible] остается и некоторая необобществленная часть хозяйства [illegible] отнюдь не освобождается на второй день после вступления [illegible] от [illegible]уалистических привычек и навыков [illegible] [illegible]енты классовой борьбы имеют место и внутри [illegible] [illegible]оворя о классовой борьбе в колхозах, надо понимать [illegible]ние, которое существует между классовой борьбой [illegible] и в недрах колхоза, между тем положением, когда кулачество [illegible] еще не ликвидировано, и тем положением, когда уже достигнуты [illegible] успехи в деле ликвидации кулачества как класса. Надо понимать, что одно дело — классовая борьба, в основе которой лежит присвоение одной соци-альной группой труда другой, а совсем другое дело — элементы классовой борьбы как остаток старых отношений после уничтожения всякой основы эксплуа-тации.

[illegible] колхозника в центральную фигуру нашего земледелия [illegible] [illegible] для быстрейшего движения вперед по пути полного уничто-жения классов. А что это значит «уничтожение классов»? — спрашивал Ленин в своей статье «Великий почин». «Ясно, — писал он, — что для полного уничто-жения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капи-талистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и [illegible]

кую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками».

Перспективы нашего колхозного движения совершенно ясны. Подведение материальной технической базы, поднимающей всю земледельческую технику на невиданный и недостижимый при капитализме уровень, отмена всякой частной собственности на орудия и средства производства, такой скачок вперед в развитии производительных сил и производственных отношений, которые дадут возможность преодолевать и активное и пассивное сопротивление многочисленных остатков мелкого производства, силу индивидуалистических привычек и мелкобуржуазной косности, — уничтожение различия между рабочим и крестьянином-колхозником, между умственным и физическим трудом, превращение всех в работников — такова столбовая дорога нашего развития.

Успехи колхозного движения еще раз продемонстрировали всю никчемность и метафизичность всякого рода оппортунистических нытиков, которые твердили: сначала дайте тракторы, обеспечьте полностью техническую революцию в земледелии, снабдите полностью машинами сельское хозяйство, и тогда у вас «деревня» «сама» пойдет по социалистическому пути. Действительность основательно посмеялась над такими умниками.

Конечно, известный уровень машинизации сельского хозяйства, известная насыщенность тракторами деревни была необходима вместе с рядом других условий (к числу важнейших из которых относятся гигантский рост индустриализации страны, руководство пролетариата, широкое кооперирование), чтобы созрел коренной перелом в недрах самого крестьянства. Однако сами успехи в развитии колхозов создают массовую гигантскую предпосылку для технического перевооружения сельского хозяйства. Тут можно провести некоторую аналогию с тем, что писал Ленин в своей знаменитой статье против Суханова «О нашей революции».

Для социалистического переустройства деревни требуется крупная машинная база, высокое развитие материально-технических предпосылок. Почему наша партия, диктатура пролетариата не могла сначала, на основе данного роста социалистической индустрии, на основе известного минимума технического вооружения сельского хозяйства приступить к широкому массовому насаждению совхозов и развитию колхозов, учитывая перелом внутри самого крестьянства, а затем уже с гигантской быстротой технически перевооружать крупное обобществленное сельское хозяйство. Действительность блестяще подтверждает как гениальные положения Ленина в упомянутой статье, известные по всему ходу нашей революции, так и в данном случае стратегию и тактику нашей партии в применении к колхозному движению.

Об „экономическом факторе“.

Г. Плеханов.

Первоначальная редакция.

(Этот вариант публикуется впервые).

I.

В марте прошлого года совершенно обновился, как известно, состав сотрудников «Нового Слова». Его прежние сотрудники, более или менее последовательно державшиеся народнического учения, торжественно удалились и были заменены людьми, относящимися к народничеству и подобным ему направлениям совершенно отрицательно. Это обстоятельство не осталось без заметного влияния на отношение к «Новому Слову» левого крыла наших консерваторов. Находящиеся в их руках органы печати стали, как говорится на
2 Западе, б о й к о т и р о в а т ь «Новое Слово»: они не упоминали о нем даже тогда, когда оспаривали высказанные в нем мнения. / Бойкот продолжался впредь до выхода октябрьской книжки «Русского Богатства», в которой г. Михайловский заговорил, наконец, о нашем журнале. Вслед за ним выступила в поход против нас и та пухлая московская тетушка, которая в шутку называет себя «Русской Мыслью». Одновременно с тетушкой ополчился г. Мякотин. Таким образом, опять загорается на время затихшая полемика между «учениками», с одной стороны, и левым крылом наших охранителей, с другой. / Это очень хорошо. Полемика очень полезна, разумеется если она ведется по поводу серьезных вопросов. Правда, у нас многие теперь не согласны с этим, многие не любят полемики, особенно резкой полемики. Конечно, о
3 вкусах / не спорят. Но если люди, предубежденные против полемики, имеют в виду интересы истины, то им следовало бы помнить, что горячие полемические схватки иногда безусловно необходимы для защиты этих интересов. Белинский и лучшие люди шестидесятых годов очень любили полемику. Автор «Очерков Гоголевского периода русской литературы», оправдывая Надеждина от упреков, которые многие делали ему за его страсть к резкой полемике, замечает:

«Удивительное дело наши литературные [да и всякие другие понятия]. Вечно предлагаются вопросы, почему земледелец пашет поле грубым железным плугом или сошником. Да чем же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на под'ем почву. Ужели можно не понимать, что без войны не решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечом, а не дипломатическими фразами, которые уместны только тогда, когда цель борьбы, веденной оружием, достигнута. Беззаконно нападать только на безоружного

---

[1]) Цифры на полях обозначают нумерацию страниц рукописи. Вертикальные черточки в тексте обозначают место, откуда начинается соответствующая страница рукописи. Все редакционные примечания, если не указано ред. «П. З. М.», принадлежат редакции «Архива Дома Плеханова» (Ред. «ПЗМ»).

беззащитного, на старцев и калек, а поэты и литераторы, против которых выступил Надеждин, были не таковы...»] [1]).

Нам сдается, что мы сердим некоторых почтенных людей / именно 4
тем, что предпочитаем решительные военные действия бессодержательным дипломатическим фразам. Но не мы виноваты в том, что только войной решаются важнейшие вопросы в области жизни и мысли. Видно уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно говорят против этого.

Итак, мы очень рады вновь начинающейся полемике. Ненавидя всякое фразерство, между прочим и дипломатическое, мы при случае будем очень горячо отстаивать свои мнения, но читатель может быть уверен в том, что о пустяках спорить мы не станем.

Вот, например, г. Михайловский говорит, что «Новому Слову» надо пересмотреть свой багаж «как относительно чисто теоретических положений отвлеченного характера, так и относительно практических выводов». / Мы 5
благодарим знаменитого социолога за добрый совет и тотчас принимаемся за пересмотр нашего багажа. Но так как вещи лучше всего познаются сравнением, то, пересматривая свой собственный багаж, мы по временам станем заглядывать и в тот багаж, с которым г. Михайловский вот уже тридцать лет гуляет «по садам российской словесности».

Начнем мы, как и следует, с начала, т. е. с философии. Г. Михайловский говорит, что философские взгляды так называемых «учеников» еще не вполне выяснились. Это, конечно, не хорошо: люди, берущиеся рассуждать о философии, должны иметь ясные философские взгляды. Но на чем же основывается мнение г. Михайловского. На том, что некоторые из них тяготеют к / нео- 6
кантианизму, а другие «воскрешают гегелианство». Странное основание! Кому не известно, что г. Михайловский не разделяет некоторых социологических взглядов Спенсера? Факт этого разногласия не подлежит ни малейшему сомнению. Но позволительно ли в виду сего сказать, что еще не выяснились социологические взгляды гг. Михайловского и Спенсера? Конечно нет. Каждый из них может иметь (мы не говорим: имеет) очень ясные взгляды, не похожие, однако, на взгляды другого. Умозаключить от разногласия к неясности способен только тот, кто сам не отличается ясным мышлением.

Скажут, пожалуй, что гг. Спенсер и Михайловский никогда не выдавали себя за последователей одного и того же социологического учения. / И это 7
будет справедливо. Но ведь «ученики», тяготеющие к неокантианизму, тоже никогда не считали и никогда не называли себя философскими единомышленниками тех из «учеников», которые стоят на точке зрения современного материализма. В свою очередь ученики-материалисты никогда не отождествляли своих философских взглядов с философскими взглядами неокантианцев. И те, и другие хорошо понимали, что в этом отношении между ними большая разница.

Но и те, и другие считают себя последователями одного и того же учения. — Это тоже справедливо, хотя тут необходимо оговориться.

/ Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии не похожи на философские взгляды автора «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его философии. Но это не мешает им признавать справедливость его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды.

---

[1]) В рукописи: «Удивительное дело наши литературные и т. д.» Социал-Демократ, № 1-4, стр. 147, в примечании до слов: были не таковы.
(Современник, апрель 1856 г. Критика, стр. 41—42).
Цитируется по статье Плеханова — Н. Г. Чернышевский. Трехмесячное литературно-политическое обозрение. Социал-Демократ. Лондон 1890. Февраль, кн. первая, стр. 88—176. Имеется в библиотеке Плеханова.
В собр. соч. см. т. V, стр 89, примеч 1. (Ред.)

они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в той же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого
9 мыслителя, как и любой из современных / материалистов, т. е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-нибудь писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На
10 этот вопрос нельзя ответить безусловно: / Sa depend[1]), как говорят французы. Но что касается неокантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точке зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса. Почему? Да потому, что их разногласие с ним ограничивается вопросом об отношении бытия к мышлению. Неокантианцы говорят, как говорил когда-то сам Кант: мы знаем только феномены, а нумены, вещи в себе, нам совершенно неизвестны. А современные материалисты, т. е. философские последователи Маркса, отвечают на это, что мы не могли бы порождать явления сочетанием известных условий, если бы нам были неизвестны хоть некоторые свойства «вещей в себе». Кто прав? По-нашему правы материалисты. Но как
11 бы там ни / было, несомненно, что это разногласие материалистов с неокантианцами по существу своему нисколько не может помешать им согласиться между собою во взглядах на мир явлений, к которому относятся, конечно, также явления экономические и исторические. Такое соглашение тем более естественно, что поскольку речь идет о мире явлений, последователи Канта вполне признают правомерность материалистической точки зрения.

II.

Конечно, кантианец кантианцу рознь. Есть такие кантианцы, которых трудно согласить не только с материалистами, но даже и с Кантом. К числу их, если мы не ошибаемся, принадлежит сам г. Михайловский. Мы потому
12 говорим это не совсем уверенным тоном, что философские / взгляды г. Михайловского до сих пор еще не выяснились, несмотря на его довольно уже преклонный возраст. Так, он доказывал когда-то, что «истина есть удовлетворение познавательной потребности того или другого исследователя»[2]). Эта замечательная мысль представляет собою переделку—применительно к «потребностям» суб'ективистов—кантовского учения о непознаваемости вещей в себе. Но эта переделка до такой степени нелепа, что она, разумеется, показалась бы злой насмешкой и самому Канту и всем его настоящим последователям. Может быть г. Михайловский перестал уже «тяготеть» на этот удивительный лад «к немецкой так называемой критической философии».
13 / Может быть он и сам понимает теперь, как дико искажал он эту философию в фельетоне, озаглавленном: «О жажде познания» (февраль 1875 года). Но если он до сих пор остался при своем старом взгляде, то мы советовали бы ему потолковать об «истине», например, с П. Б. Струве. Тот хорошо знает Канта и вероятно не откажется об'яснить нашему маститому социологу, что познавательная потребность людей сплошь и рядом удовлетворяется не истиной, а сущими пустяками. С своей стороны мы сказали бы П. Б. Струве, что он мог бы легко и неопровержимо доказать это ссылками на собственные сочинения г. Михайловского.

---

[1]) Это зависит (от обстоятельств).
[2]) Сочинения, т. III, выпуск I. С.-Петербург, 1888 г., стр. 96. (Г. П.).

Повторяем, «тяготение» к «так называемой критической философии» не может помешать мыслящим / людям стать на точку зрения философско- 14
исторической теории Маркса. Но нельзя в одно и то же время признавать экономические его взгляды и отрицать его философско-историческую теорию. Невозможность обусловливается здесь самим характером его экономического учения: кто усвоил себе это учение, тот тем самым усвоил себе и сущность его исторических взглядов. Это кажется парадоксом, а между тем это совершенно неоспоримо и, чтобы убедиться в этом достаточно выяснить себе некоторые основные понятия политической экономии.

Что такое стоимость? Это—общественное отношение производства,—отвечает Маркс. Что это значит? Вот что. В процессе производства люди становятся в известные отношения, например, в те отношения, благодаря которым продукты их труда принимают форму т о в а р о в. Товар А обменивается на такое-то / количество товара В, на такое-то < количество товара С (15)
и т. д. Все эти товары суть продукты т р у д а, поэтому их взаимные отношения в процессе о б м е н а выражают собою взаимные отношения трудящихся в процессе п р о и з в о д с т в а. Таким образом отношения л ю д е й представляются свойствами в е щ е й (товаров)> [1]).

Капитал есть меновая с т о и м о с т ь, одаренная способностью к возрастанию. Известно, что капитал, не приносящий дохода, считается м е р т в ы м капиталом. Стало быть эта способность приносить доход есть важнейшая отличительная черта ж и в о г о капитала. Но если меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения производителей в общественном процессе производства, то и капитал,—меновая стоимость, порождающая новую стоимость,—не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Поэтому Маркс говорит, что капитал тоже есть общественное отношение производства и именно отношение, свойственное буржуазному обществу, / б у р ж у а з н о е отношение производства. (16)
Это отношение характеризуется тем, что рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу. Всем известно, с какою целью покупает ее капиталист: в процессе производства работник создает стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы; разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Она принадлежит предпринимателю и служит источником его д о х о д а. Таким образом способность капитала приносить доход об'ясняется свойственными буржуазному обществу отношениями людей в процессе производства. Но свойства этих производственных о т н о ш е н и й кажутся свойствами в е щ е й, т. е. свойствами принадлежащих / капиталисту средств про- (17)
изводства. На известной стадии развития производительных сил это тоже неизбежная иллюзия.

Тайна такого рода иллюзий впервые была разоблачена Марксом. Но разоблачить ее, значит показать, каким образом ход идей определяется ходом общественных отношений.

В самом деле, если на известной стадии своего развития экономические отношения производства необходимо отражаются в человеческих головах в виде свойств вещей, и если,—как это говорит Маркс,—экономические отношения не падают с неба в готовом виде, а создаются развитием общественных производительных сил, то выходит, что известному состоянию этих сил соответствуют известные взгляды. Кто разделяет экономическую теорию Маркса, тот не может отказаться от этого вывода, < а кто признает этот

---

[1]) Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто в виду того что этот лист, составлявший часть настоящего варианта, был затем переложен в новый вариант. Это подтверждается совпадением текстов в обоих вариантах и двойной нумерацией страниц: 15—26 bis.

Воспроизводим его в первоначальном виде (Ред.).

16 вывод, тот в значительной степени признает и историко- > [1] / философскую теорию Маркса—] [2]), ведь смысл этой теории сводится именно к тому, что общественные отношения и взгляды людей всякого данного исторического периода обусловливаются в последнем счете состоянием общественных производительных сил в течение этого периода. Как же можно признавать экономическую теорию Маркса и в то же время отрицать его историко-философскую теорию? Так способен поступать только тот, кто совсем не усвоил себе сущности экономической теории Маркса. Но людей, «признающих» эту теорию и в то же время отрицающих историческую философию Маркса, как известно, очень много между сотрудниками «Русского Богатства». Выходит, что экономические понятия этих людей по меньшей мере «не выяснились». Об этом очень стоило бы подумать г. Михайловскому

/ Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Иные заметят, может быть, что все же лучше было бы, если бы сотрудники «Нового Слова» не расходились между собою даже и в философских взглядах. Мы сами думаем так, и мы были бы очень рады, если бы пишущие в «Новом Слове» неокантианцы перешли на философскую точку зрения Маркса. Но мы не знаем, случится ли это когда-нибудь, а пока этого не случилось, мы довольствуемся тем, что мы почти вполне согласны с ними во взглядах на общественные вопросы. Конечно, и тут между нами могут возникать разногласия по частным вопросам: на земном шаре нет ни одного направления, все представители которого вполне были бы согласны между собою во всех частностях. Но дело вовсе не в частных разногласиях; дело
30 в / том, мешают ли они совместной работе для решения данной общественной задачи. Если нет, то они не только не вредны, но даже полезны, так как вызывают живой и плодотворный обмен мнений между участниками одного и того же дела. «Копаться вокруг корней истины» всегда полезно. Но это занятие становится особенно полезным тогда, когда каждый из предающихся ему людей возбуждается дружескими замечаниями и возражениями со стороны товарищей, в уме, знаниях и благородстве которых он ни на минуту не может усомниться.

Неоспоримо, впрочем, и то, что враги данного направления всегда будут пользоваться частными разногласиями между его сторонниками в интересах своего собственного дела. Они будут указывать на такие разногласия как на доказательство того, что это направление еще не определилось и не выяснилось». / Но что же за беда. Несостоятельность вражеских комментариев
31 всегда можно обнаружить, а раз несостоятельность их обнаружена, они приносят не вред, а пользу тому направлению, для посрамления которого они придумываются [3]).

III.

Г. Михайловский говорит, что я, вместе с г. Бельтовым, «воскрешаю гегелианство». Это неправда. Этого не мог бы по совести сказать даже человек, изучавший философию лишь «по Льюису. Гегель был идеалист, а меня, равно как и г. Бельтова [трудно] принять [за идеалиста] . [4]

. . . .

87 <в доказательство можно> пожалуй, сослаться на то, что я говорю о Гегеле с величайшим уважением. Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности.

---

[1]) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию стр. 17—28). (Ред.).
[2]) В рукописи оборвана часть верхнего края. (Ред.).
[3]) В рукописи: см. вставку к стр. 21. Вставка не найдена. (Ред.).
[4]) В рукописи нижняя часть страницы оборвана. (Ред.).

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки [и, видя с одной стороны, несостоятельность прежних метафизических систем, с другой стороны, неразрывную связь их с господствующею теорией эстетики, выводит из этого, что господствующая теория искусства должна быть заменена другою, более сообразною с новыми воззрениями науки на природу и человеческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложением его понятий, составляющих только применение общих воззрений нового времени к эстетическим вопросам, мы должны об'яснить отношения, связывающие новые воззрения с старыми в науке вообще. Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так Аристотель враждебно смотрел на Платона, так Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают ясно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что обнаруживая недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе ясно показывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыши собственных воззрений. Г. Чернышевский понимает это, и следует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам] [1]).

<Г. Михайловскому неизвестно, может быть, кого называл Чернышевский основателем современной науки и кто были те «предшественники», к которым он, по примеру «людей, мысли которых применял к эстетическим вопросам» относился «с уважением и с почти сыновнею любовью»? Он об'ясняет это, говоря, что его учение «непосредственно связано с двумя системами идей,—начала нынешнего века, с одной стороны, последних двух десятилетий с другой» > [2]).

/Учителем Чернышевского в философии был Фейербах, а человек, из 21) философии которого вышла система Фейербаха, и к которому Чернышевский, по примеру Фейербаха относился с таким огромным уважением, был тот самый Гегель, в сочинениях которого г. Михайловский усматривает лишь «метафизику». Впрочем, я выразился, кажется, не совсем точно. Можно ли сказать, что г. Михайловский усматривает в сочинениях Гегеля то или то, когда он не видел этих сочинений? Тут следовало бы подобрать другое выражение, но я надеюсь, что моя мысль все-таки/понятна читателю.

С таким же огромным уважением говорит Чернышевский о Гегеле и в своих / «Очерках Гоголевского периода рус-

---

[1]) В рукописи: Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства и действительности.

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки и т. д. см. мою тетрадь до слов: к эстетическим вопросам».

Плеханов цитирует статью Чернышевского, напечатанную в «Современнике» в 1855 г., кн. 6, под заглавием «Эстетические отношения искусства к действительности, соч. Н. Чернышевского. СПБ, 1855 г., и представляющую разбор Чернышевским своей собственной диссертации. Статья подписана инициалами Н. П—ъ.

В Собр. соч. Н. Г. Чернышевского см. т. X, ч. 2, стр. 174—175. (Ред.).

[2]) <Эстетические отношения искусства к действительности, издание второе, стр. 131. Примечание для строгих критиков, подобных г. Мякотину. В этом сочинении Чернышевский говорит просто: последних десятилетий; слово: двух прибавлено им в разборе своей диссертации. > (Г. П.).

Место текста, заключенное в угловые скобки, так же как и примечание к нему, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию страниц). (Ред.).

ской литературы». Г. Михайловский с большой пользой для се прочтет, например, хоть следующие строки.

«Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Ари теля. [Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет др философию и хорошо видит недостатки гегелевской системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелем, действительно, были оч близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид эти мыслителем с истинно поразительной силой. Из этих истин открытие ин составляет личную заслугу Гегеля; другие, хотя и принадлежат не искл тельно его системе, а всей немецкой философии со времен Канта и Фих но никем до Гегеля не были формулированы так ясно и высказываемы сильно, как в его системе»] [1]).

Вот совершенно так смотрю на Гегеля и я многогрешный. Я столь ж мало стремлюсь «воскрешать гегелианство», как и картезианизм, но я зна что «принципы, выставленные Гегелем, действительно были очень близ к истине и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мысл телем с истинно поразительной силой». И я высказываю это в своих стать Михайловский недоволен этим. Я скажу ему как Фонвизин: утешительно в че ловеческом невежестве считать вздором все то, о чем понятия не име

(25) 90 / Знаете ли, читатель, какие отличительные черты Гегелевой фи софии особенно нравились автору примечаний к Миллю? Ненависть к «суб ективному мышлению» и диалектический метод. Вас удивляет? Читайте.

«Прежде всего укажем на [плодотворнейшее начало всякого прогр которым столь резко и блистательно отличается немецкая философия вооб и в особенности Гегелева система от тех лицемерных и трусливых воззре какие господствовали в те времена (начало XIX века) у французов и ан чан: «истина — верховная цель мышления; ищите истины, потому, ч в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что неист первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он д жен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнени Заблуждение — источник всякой пагубы; истина — верховное благо и ист ник всех других благ». Чтобы оценить чрезвычайную важность этого тре вания, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно э гически высказанного Гегелем, надобно вспомнить, какими странным узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних шк они принимались философствовать не иначе, как за тем, чтобы «оправд дорогие для них убеждения», т. е. искали не истины, а поддержки св предубеждениям; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, ч приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной пра Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубе дений, немецкие философы (особенно Гегель) прозвали «суб'ективным м лением», философствованием для личного удовольствия, а не ради живой п требности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную з баву»] [2]).

[1]) В рукописи: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта и Аристотеля и т. д. Очерки [Гоголевского периода русской литературы], стр. до слов: в его системе».

Цитируется по изданию М. Н. Чернышевского, СПБ., 1892 («Современ 1855—1856).

В собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., см. т. II, стр. 185—186.

[2]) В рукописи: «Прежде всего укажем на и т. д., стр. 258 и т. д. до слов: пустую и вредную забаву».

Цитируется по указанному выше изданию «Очерков Гоголевского пери СПБ, 1892

В собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. 1906 г., см. т. II, стр. 186—187.

Не правда ли, это замечательный отрывок? Он очень хорошо об'ясняет [почему] наши «передовые» люди совсем возненавидели Гегеля с тех пор, как [пре]дались «пустой и вредной забаве», называемой «суб'ективным мышле[нием]». <А с другой стороны, он позволяет нам сделать некоторое интересное [сравнение].

Г. Михайловский ссылается на какого-то г. М. М., которого он называет [певцом] материалистического понимания истории. Он приводит следующий [отрывок] из одного стихотворения> [1]) этого поэта:

Так люди живут; их делами
Слагается жизнь, [но всегда
Идет она теми шагами,
Что сделать фатально должна.

Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает,
А слезы оставим любителям лить
Пускай себе льет, кто желает!] [2]).

Эти отрывки составляют все, что мне известно из произведений г. М. М. [Гов]оря откровенно, они несколько напоминают мне рубленную прозу, но по [отр]ывкам нельзя судить о даровании поэта, поэтому от всяких суждений [о] таланте и миросозерцании г. М. М. я отказываюсь. В данном случае меня [инт]ересует лишь та цель, с которой привел эти отрывки г. Михайловский. [Ц]ель эта очевидна: г. Михайловский хотел оттенить бессердечие людей на[шего] направления. Он два раза приводит слова:

Сумеем мы сердце тому покорить,
Что ум неизбежным признает
. . . .
Научимся чувство уму покорять [3]).

[По]видимому он думает, что в этих случаях ярче всего отражается 27

---

[1]) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты (см. двойную нумерацию страницы: 25 — 90). (Ред.).

[2]) В рукописи:

Так люди живут их делами
Слагается жизнь и т. д.

Р. Бог., X, стр. 188—189.

Цитата взята Плехановым из обозрения Н. К. Михайловского «Литература и жизнь»—О новых словах и «Новом Слове»—«Русское Богатство», 1897 г., X, стр. 188—189.

Цитируется по указанному источнику. В собр. соч. Н. К. Михайловского. СПБ, 1914 г., см. т. VIII, стр. 698.

[3]) Стр. 26 имеет вариант. Приводим его:

Слушайте, что говорит Чернышевский о диалектике.

«Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклоняться от истины» и т. д., стр. 259, до конца страницы.

Вы видите, читатель, что диалектика вовсе не такая плохая вещь, как это думают невежды, считающие вздором все то, о чем они сами не имеют ни малейшего понятия. И если я «воскрешаю гегелианство» тем, что отстаиваю диалектический метод, то это «зло не столь большой руки». И очевидно, что меня совсем не осудил бы за это самый замечательный представитель эпохи шестидесятых годов. И не только не осудил бы, а наверное даже очень одобрил бы, особенно в виду того, что у современных материалистов диалектический метод приобрел новое значение и новую силу. Вот что говорит... (Ред.).

свойственное нам бессердечие. Но что выражают собою эти слова на деле? Ту мысль, которая заключается, например, в следующих словах [illegible]

Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut être mourir;
N'importe, o mon oeil, regarde! [1])

Эта же мысль выражается и в вышеприведенных словах Чернышевского, которыми он характеризует мужественную любовь к истине великих [illegible]ких идеалистов: «истина, верховная цель мышления, ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что не истинно: первый долг мыслителя не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими [illegible]ниями». Если бы Чернышевский прочитал дважды приведенный г. Михайловским отрывок из стихотворения г. М. М., то он наверное сказал бы: / [illegible] правы, не отступайте перед истиной даже ради самых дорогих убеждений». А вот г. Михайловский видит в этом отрывке что-то достойное осуждения. Нам кажется, что это различие говорит не в пользу г. Михайловского.

Правда, г. М. М. говорит еще:

А слезы оставим любителям лить
Пускай себе льет, кто желает!

И по этому поводу г. Михайловский разражается негодующей тирадой, смысл которой тот, что г. М. М. не хочет плакать потому, что сам не [illegible]дится в тяжелом положении жертв капиталистической эксплоатации. Повторяем: нам неизвестны стихотворения г. М. М. Может быть он и в самом деле не хочет плакать только потому, что дела эксплоататоров обстоят очень хорошо, а до эксплоатируемых ему нет никакого дела. Но этого совсем не [illegible] из тех его слов, которые приводит г. Михайловский. Из них видно только, что г. М. М. не скло. . . . Представитель этой эпохи по своему взгляду на философию был гораздо ближе к нам, сторонникам диалектического материализма, чем к г.г. суб'ективистам. Ниже я покажу то же [illegible]ю отношению к общественным идеям этого человека. А теперь замечу, что если г. Михайловский выдает нас за врагов оставшегося после шестидесятых годов наследства, то он выражается не точно. После шестидесятых годов осталось наследство различного рода. Шестидесятыми годами завещаны нам идеи «Современника». К этим идеям, повторяем, мы гораздо ближе, чем г.г. суб'ективисты. Но те же шестидесятые годы завещали нам самого г. Михайловского и некоторых других суб'ективистов. От этого наследства мы отмахиваемся обеими руками; / его нам не нужно, во-первых, потому, что в деле мышления эти господа вообще способны только на «пустые и вредные забавы», а, во-вторых,—и это главное—потому что та пустая и вредная забава, которая называется суб'ективным мышлением, представляет собой реакцию против направления, господствовавшего в нашей передовой интеллигенции в эпоху «Современника». Суб'ективизм утвердился у нас на [illegible]торое время только потому, что сошли со сцены деятели «Современника». Только этому обстоятельству г. Михайловский и обязан своим [illegible]ном . . . . [2]).

И если этот . человек решился обвинять нас в отрицательном отношении к оставшемуся после шестидесятых годов идейному н[illegible]

---

[1]) Знаю, что истина причиняет страдание.
Видеть, быть может, значит—умереть,
Нет нужды, глаза мои, смотрите!

[2]) Стр. 29 не является продолжением стр. 28. Тем не менее весь последующий текст по содержанию и планировке материала можно считать продолжением той же редакции.

[3]) Многоточия заменяют слова, опущенные редакцией.

следству, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но поступая так, он делал очень рискованный шаг. <Читатели очень часто действительно забывают такие вещи, которых> [1]) / забывать совсем не следует. (32
Но всему есть мера. Они могут вспомнить об истинном положении дел, и тогда горе тем, которые спекулировали на их забывчивости. Г. Михайловский прекрасно понимает опасность своего положения; оттого-то он и воюет с теми, чья проповедь может разбудить внимание читателей, так удачно усыпленное им и ему подобными. Но, воюя с этими нескромными людьми, он отстаивает вовсе не литературную традицию шестидесятых годов и совсем не интересы трудящегося населения России; он защищает просто на-просто свой собственный эгоистический интерес / человека, которому неприятно 33
расстаться с незаслуженной им репутацией «передового» представителя русской литературы. Заслуживает ли уважения этот эгоистический интерес? Конечно, нет. Интересы нашего дальнейшего литературного развития требуют, напротив, скорейшего разоблачения ужасающей пустоты «суб'ективных» теорий. Именно ради этих интересов необходимо показать, что г. Михайловский напрасно прячется за спину наших великих просветителей шестидесятых годов, идеи которых совсем не похожи на его собственные идеи. Это необходимое дело и сделают «ученики», как бы ни восставал против них г. Михайловский и как бы ни искажали их взгляды его сторонники.

Г. Михайловский говорит, что я «сержусь» на него и на его единомышленников. Я позволю себе сказать по этому поводу несколько слов.

/ Решительный враг всякой реакции вообще, я от всей души ненавижу 34
между прочим и ту реакцию в среде нашей интеллигенции, которая началась во второй половине шестидесятых годов и которая выразилась в когда-то модном у нас «суб'ективном мышлении». Если это значит «с е р д и т ь с я», то я действительно очень «с е р ж у с ь» и нисколько не скрываю этого. Но мне кажется, что отношение данного лица к данному направлению, как бы оно ни было отрицательно, не может быть характеризовано глаголом «сердиться». Но этот глагол скорее характеризует л и ч н ы е отношения между людьми. Но л и ч н о я против г.г. суб'ективистов ровно ничего не имею. Да и редко встречаюсь с ними. Конечно, человек слаб: случается, что .

. . . . 35 [2])

/ Г. Михайловский недоволен теми моими выражениями и оборотами 36
речи, которые он называет «щипками». По его словам эти щипки мешают [illegible] моих мыслей. Но мне сдается, что он говорит так лишь потому, что «сердится». В самом деле, ведь мои «щипки» по большей части являются исходной точкой тех или других об'яснений. Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам. «Г. Михайловский не однажды указывал»... «Однако, скажет нам, пожалуй, г. Кудрин»... «Г. Михайловский сказал бы»... «Г. Кареев, Н. Михайловский, С. Кривенко и прочие умные и ученые люди»... «Достаточно напомнить, что, по мнению г. Н. Михайловского» и т. д.....] [3]). Если читатель потрудится заглянуть в мою статью, то он увидит, что вслед за предположением, что, например, г. Кудрин

. . . . 37 [4]

. неудовольствие на них г. Михайловского тем менее основа- 38

---

[1]) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию стр. 31—96).

[2]) Стр. 36 не найдена. (Ред.).

[3]) В рукописи: Возьмем хоть те щипки, на которые указывает он сам. «Г. Михайловский не однажды указывал».

Всето из уже цитированной статьи Михайловского (см. примеч. к стр. 26 рукописи), стр. 182.

В собр. соч. Н. К. Михайловского. СПБ. 1914, см. т. VIII, стр. 690 (Ред.).

[4]) Стр. 37 не найдена. (Ред.).

тельно, что ведь, по его уверению [«щипки г. Каменского отнюдь не причиняют той боли, на которую рассчитаны»] [1]). [Оно («Новое слово»)],—говорит Михайловский, — [при всяком удобном и неудобном случае, кстати и некстати, щиплется (более подходящего выражения не нахожу), при чем охотно смешивает нас с «народниками» и другими лицами, к «Русскому Богатству» непричастными. И не то, чтобы такова была вообще манера «Нового Слова» по отношению ко всем собратьям—нет, только мы пользуемся таким исключительным вниманием почтенного журнала] [2]).

Тут есть маленькая неточность. Я «щипал» не «Русское Богатство», а неизвестных лиц, из которых иные вовсе не пишут в названном журнале. Что касается этих лиц, то мне действительно приходится вспоминать о них очень часто. Но причина этого лежит не во мне. Она заключается . . .

39[3])
. . . .

[4])/112 . . . . <Но мы не знали, что старые люди забывают об этом, а если бы знали, то и в самом деле не стали бы разбивать их иллюзии. Или > [5]), наконец, дело не в том, что я напомнил старикам об их старости, а в том, что отозвался о них непочтительно. Но, во-первых, непочтительно не значит бессмысленно, а, во-вторых, я скажу вот что.

Я хорошо помню совет: «перед лицом седого восстани и почти лицо старче». Это добрый совет. Но надо помнить и то, что поведение старых людей не всегда заслуживает одобрения. Читатель знает, может быть, с какими бурными аплодисментами французские романтики отвечали когда-то на известную фразу в Hernani: Vieillard va-t-en donner ta mesure au fossoyeur! [6]). Эти горячие аплодисменты наверно очень тяжело действовали на

41 стариков, присутствовавших / в театре. Но погодите винить романтиков. В их кажущемся бессердечии сказалась борьба двух направлений. Затрогиваемые ими старики были классики, которые тоже ведь не без бою покидали свои позиции и которые первые начали оскорблять романтиков грубыми на-

---

[1]) В рукописи: «ведь по его уверению, они», затем оставлено место и кавычки закрываются на половине следующей строки.

Повидимому, Плеханов имел в виду процитировать здесь приведенные в тексте слова Михайловского. См. «Русское Богатство». 1897 г., кн. X, стр. 182.

Собр. соч. Михайловского, т. VIII, стр. 690. (**Ред.**).

[2]) В рукописи:

По середине строки слова,—говорит г. Михайловский,—затем оставлены 4 строки для цитаты.

В виду отсутствия более точных указаний, цитата воспроизводится по содержанию следующего за ней текста. О «щипках» в связи с «Русским Богатством» говорится в обозрении Михайловского только в одном месте. См. «Русское Богатство», 1897 г., кн. X, стр. 180.

В собр. соч. Михайловского, см. т. VIII, стр. 688. (**Ред.**).

[3]) Стр. 39 не найдена.

[4]) По содержанию стр. 40 и последующие являются прямым продолжением данного варианта. Для связи необходимо здесь привести слова Михайловского, по всей вероятности процитированные Плехановым на недостающей 39-й странице: «Остановлюсь на одной из выходок, направленных лично против меня, не потому, чтобы она была ярче, характернее или типичнее других, а потому, что ее трудно обойти желающему вникнуть в одно чрезвычайно важное об'яснение г. Каменского: «Мы, может быть, подали бы нашим суб'ективным старичкам повод лишний раз похихикать на счет того, что между сторонниками материалистического понимания истории трудно отличить «настоящих» от «ненастоящих»...... «Суб'ективные старички»—это просто бессмысленное сочетание слов, отнюдь не свидетельствующее о том, что г. Каменский «дал себе труд продумать».

Цитата из обозрения Михайловского. Рус. Бог., 1897 г., кн. X, стр. 182.
В собр. соч., т. VII, стр.690. (Ред.).

[5]) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (См. двойную нумерацию страницы 40—112). (**Ред.**).

[6]) Старик, иди дай свою мерку гробовщику!

падками и обвинять их во всех смертных грехах. Конечно, жестоко напоминать человеку о близкой могиле. Но если бы вы сказали любому из тогдашних романтиков, что нехорошо желать смерти своему противнику, то он ответил бы вам, что его желание относится собственно не к *классикам*, а к *классицизму*, господство которого задерживает дальнейшее развитие французской литературы. Вот / такой же смысл имеет и моя непочти- 4
тельность по отношению к суб'ективным старичкам. Каждому из них лично я желаю прожить мафусаиловы лета, но что касается их направления, то я готов от души сказать ему: «Va-t-en donner ta mesure au fossoyeur!..» Если это выражение найдут слишком резким, я выражусь нежнее, я скажу, как говорят где-то крестьяне у Г. И. Успенского: «пора-а-а-б тебе, старичку, помирать!» Если и это не понравится кому-нибудь, то мне останется ответить французской пословицей: «La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a» ¹).

Вернемся к «щипкам». Они тем менее мешают мне выражать мои мысли, что / каждый из них, из этих бедных мнимых щипков, служит исходной 43
точкой тех или других об'яснений. Мои об'яснения не удовлетворяют г. Михайловского. Может быть они и в самом деле плохи. Но и в таком случае дело не в щипках—которые, повторяю, показались г. Михайловскому щипками только потому, что он с некоторых пор страдает болезненной чувствительностью—а в моем неуменьи дать нужные и всем понятные об'яснения. Должно быть, я действительно плохо об'яснил свою мысль в статье о книге Лабриола. Г. Михайловский «считает раз'яснение г. Каменского чрезвычайно важным»; он находит, что, хотя, правда, положительная сторона в моей статье несколько туманна, но спасибо и за то, что я даю; он говорит, наконец, что он утверждал «то самое», что утверждаю теперь я. Очевидно, что / я 4
сказал какую-то большую глупость. Поищем же, в чем она заключается.

Г. Михайловский утверждал то самое, что и я. Прекрасно. Что же именно утверждали мы с г. Михайловским. Что «нельзя приписывать экономическому (как и всякому другому) фактору господствующее или преобладающее значение; нельзя видеть в нем силу, будто бы определяющую собою историческое движение, являющуюся его последнею причиною. Так формулирует мою общую мысль г. Михайловский. Но спрашивается, верно ли он меня понимает? Я боюсь, что нет и что когда он поймет мое, как говорит он, чрезвычайно важное раз'яснение, то он опять откажется от солидарности / со 4
мной во взгляде на значение «экономического фактора» в истории.

Прежде, чем спорить, надо определить значение употребляемых нами терминов. Речь идет об экономическом факторе. Что же означают слова: экономический фактор?

/ Посмотрим сначала, какой смысл имеют они у писателей, считающих 4
неудовлетворительным материалистическое об'яснение истории.

Автор «Капитала» приводит факты, показывающие, что английская аристократия пользовалась своей политической властью для обезземеления своего народа. На этом основании довольно известный теперь в немецкой литературе д-р Пауль Барт решил, что Маркс противоречит себе; факты, приводимые им самим, показывают, что политические отношения тоже не бездействуют в истории, а между тем у Маркса все сводится к экономической структуре общества. Вот подлинные слова Барта:

Für den Ausgang des Mittelalters hat Marx selbst Material zu seiner Widerlegung geliefert, indem er (Cap. I, S. 737—750) die Vertreibung der englischen bäuerlichen Hintersassen durch die Feodalherren, welche der steigenden Wollpreise wegen d s Land in Schafweide mit wenigen Hirten verwandelten, die sogenannten „enclosures“ und die Verwandlung je ner

¹) Самая красивая девушка не может дать больше, чем она имеет.

Bauern in vogelfreie Proletarier, die sich nun der aufkommenden Manufactur zu Gebote stellten, für eine der ersten Ursachen der ursprünglichen „Accumulation“ des Capitals erklärt. Diese „Agriculturrevolution“ geht zwar nach Marx zulezt auf das Entstehen der Wollmanufactur zurück, aber nach seiner eigenen Darstellung werden die feodalen Gewalten, die gewinnsüchtigen Landlords, doch zu ihren gewaltsamen Hebeln (Cap. I, S. 747), d. h. eine politische Macht wird ein Glied in der Kette der wirtschaftlichen Umwälzungen“ [1]).

17 / Эти слова хорошо показывают, как понял Барт мысль Маркса о значении экономической структуры. По словам Барта этой мысли противоречит тот исторический факт, что английские бароны пользовались своей политической силой для достижения своих экономических целей. Значит она была бы верна лишь в том случае, если бы Марксу удалось доказать, что политическая власть английских баронов была простым признаком (ein blosser Schein), так как они никогда не пользовались ею, полагаясь на то, что экономическая структура общества все сделает своею собственною силой. Значит Барту показалось, будто Маркс утверждал, что в истории всегда действовал один экономический фактор, а другие факторы,—в нашем примере политический— не имели никакого или почти никакого значения. Но верно ли понял Барт 18 мысль Маркса? / Нет, совсем не верно. Маркс не говорил, что политический фактор не имеет значения. Он говорил совсем другое. По его учению политический строй всякого данного общества обусловливается его экономической структурой; но раз данная экономическая структура общества вызвала к жизни известный политический порядок, то он с своей стороны охраняет ее и усиливает. Иначе сказать: политический фактор вырастает из экономического, но это не мешает политическому фактору воздействовать на экономический. А раз политический фактор пока не бездействует в истории, то само собою понятно, что с точки зрения Маркса странно было бы, как я выразился в статье о книге Лабриола, всюду лезть с этим фактором.

19 / Итак, Барт плохо понял Маркса. А как понимали его наши русские противники материалистического взгляда на историю. Некоторые из них понимали его точь-в-точь как Барт. Вот, например, г. Кареев—пожалуйста не подумайте, г. Михайловский, что я опять хочу ущипнуть почтенного профессора—вот г. Кареев говорил, что «страницы, посвященные в книге Барта критике экономического материализма, могут быть указаны в качестве образчика того, как следует решать вопрос о роли экономического фактора в истории». Но г. Кареев не один понимал Маркса à la Paul Barth [2]). Не далее, как в январе 1894 года г. Михайловский писал о книге Блоса: «Из того, что Блос

---

[1]) Для конца средневековья Маркс сам дал материал для собственного опровержения, об'явив одной из первых причин первоначального «накопления» капитала изгнание английского коренного крестьянского населения феодалами, которые из-за растущих цен на шерсть превратили страну в пастбища для овец с небольшим числом пастухов (в так называемые «enclosures»), и превращение этих крестьян в свободных, как птиц, пролетариев, оказавшихся к услугам развивающейся мануфактуры. Хотя эта «агрикультурная революция» по Марксу в конечном счете сводится к возникновению шерстяной мануфактуры, но в его же собственном изложении, феодальные власти, корыстолюбивые лэндлорды 148 < становящиеся ее насильственными рычагами, т.-е. политическая власть становится членом в цепи хозяйственных переворотов.

В рукописи «Für den Ausgang и т. д. Книга Барта, стр. 49—50 до слов Umwälzungen» Цитата взята из книги D-r Paul Barth: Die Geschichtsphilosophie Hegel's und hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig, 1890. (Д-р Пауль Барт. Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана. Лейпциг, 1890).

Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками. Начало и конец приведенной цитаты отмечены карандашом в тексте, а вся цитата обведена линией на полях. (Ред.).

[2]) На манер Пауля Барта.

[говорит о классовой борьбе и об экономических условиях (сравнительно очень немного), еще не следует, что он строит историю на саморазвитии форм производства и обмена: обойти экономические условия в рассказе о событиях 1848 года было бы даже мудрено. Выкиньте из книги Блоса панегирик Марксу, как творцу переворота в исторической науке, да еще несколько условных фраз с марксистской терминологией, и вам не придет в голову, что вы имеете дело с последователем экономического материализма. Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как на деле в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической структуры в этом аккорде»] [1]). Выходит, что, по мнению г. Михайловского, Маркс считал возможным «строить» историю на саморазвитии форм производства и обмена. В сущности / это то же, что говорил Барт, только хуже сказано. Выходит, стало быть, что наши русские противники материалистического понимания истории тоже думали, что Маркс не признавал значения или даже существования никаких других факторов, кроме экономического. Но так как говорить это — значит совсем не понимать Маркса, то выходит еще, что я был совершенно прав, сказав в статье о книге Лабриола, что сторонники материалистического понимания истории вовсе не имеют приписанной им их противниками привычки всюду лезть с экономическим фактором.

Впрочем, это побочные выводы: их интересно отметить, но из-за них не надо забывать нашу главную цель — определение того смысла, который придают словам «экономический фактор» противники материалистического понимания истории.

/В приведенных нами словах г. Михайловского заключается ответ на наш вопрос. Мы видим, что по мнению почтенного социолога, экономический фактор — это формы производства и обмена; об'яснить историю с помощью экономического фактора, значит «построить» ее на саморазвитии форм производства и обмена. Если читатель заметит мне, что «саморазвитие форм производства и обмена» есть просто бессмысленный набор слов, то я спорить и прекословить не стану, а попрошу его отложить на время критическую оценку слов г. Михайловского и выслушать г. Кареева.

Г. Кареев исходит, как известно, из той мысли, что человек состоит из души и тела; «и у души и у тела [есть свои потребности, ищущие удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т.-е. к природе и к другим людям...] [2]). Материалистическое отношение человека к природе коренится в потребностях человеческого тела, в которых и надо искать «причины звероловства, скотоводства, обрабатывающей промышленности, торговли и денежных отношений. / Стало быть, если мы говорим, что в истории действует исключительно один только экономический фактор, — а мы видим, что именно эту мысль приписывал г. Кареев Марксу, — то мы этим самым утверждаем, что исключительным

[1]) «Русское Богатство», янв. 1894 г., отд. II, стр. 117. (Г. П.).

В рукописи: «Из того, что Блос и т. д. Бельтов, стр. 221 до конца выписки.

Цитируется по первому изданию книги Н. Бельтова. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПБ. 1895.

В собр. соч. Плеханова. см. т. VII, стр. 235—236. (Ред.).

[2]) В рукописи: «И у души и у тела и т. д. Бельтов, стр. 173 до слов: всю нравственную культуру.

Цитируется по первому изданию Бельтова.

В собр. соч. см. т. VII, стр. 197.

Указания Плеханова не совсем точны. В тексте начало цитаты: «И у тела и у души», а конец: «всю умственную и нравственную культуру». (Ред.).

двигателем в истории являются физические потребности человека [1]).

53 / «Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку, — рассказывает Г. И. Успенский. Она пришла [в Петербург из Пинеги, потому что в Пинеге стало нечего есть. Это была грубая черномазая женщина высокого роста. В Петербурге она от'елась скоро, и так как «есть» — до сего времени составляло все, что ее держало на белом свете, то житье ей стало в Питере плохое. Она жила у немки в меблированных комнатах, била посуду, ибо, что такое посуда и зачем? Спала, как мертвая и огрызалась, когда ее будили. Не могла упомнить фамилии того или другого жильца, не могла выучиться узнавать, который час. В церковь она никогда не ходила, потому что это ей было не нужно. Словом, это было создание, способное покуда только есть... [2])]. Если бы я был сторонником экономического материализма в том смысле, как его понимает Кареев, то я сказал бы, что все человечество и притом в течение всей своей истории было очень похоже на эту Марью, что оно постоянно заботилось только о том, чтобы поесть и поспать, и что если у него была, например, религиозная потребность, то при внимательном анализе и ее можно было бы свести к «потребностям» тела, т. е. к пище и сну. А если бы меня спросили, почему же сходство с Марьей не помешало человечеству достигнуть довольно высокой степени цивилизации, то я отве-
54 тил / бы: вы забыли саморазвитие форм производства и обмена; пока человечество ело и спало, эти формы развивались сами собою и, наконец, втащили людей в цивилизацию. Г. Кареев мог бы заметить мне, что у «тела» есть и другие потребности, кроме потребности в пище и сне. На это я скажу, что и Марья только «покуда» ограничивалась сном и едою.

«Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью, — продолжает Г. И. Успенский, — хотя это слово здесь неуместно. Прислуга меблированных [комнат утащила ее однажды на иллюминацию, а с иллюминации Марья возвратилась уже утром, и дня через два ее нельзя было узнать. В этом она сходна с парижским соотечественником, у которого скука прекратилась, как только пошли дети. Марья, почувствовав, что она будет мать, тоже как будто сразу скинула с себя лень и дурь и принялась обеими руками тянуть кусок из пасти свиньи, то есть всех, кто ей ни попадался. И фамилии жильцов она узнала, и знала, что у кого есть, и часы вдруг стала узнавать, и узнала, кто добр, кто зол из жильцов... «Теперь еще четвертый час, стала она шептать, господин Федоров приходят в пятом» — и она смело входит к г-ну Федорову в номер; запустила руку в сахарницу, взяла сахару; отсыпала чаю; галстух валяется — и галстух взяла, спрятала... Или вот другой господин, «простой», подгулял с приятелями — и уж Марья тут; как, оказывается, тонко понимает она этого простого господина. «Сестра месяц в больнице... сумасшедшая... маленькая девочка у ней осталась, пить, есть нечего... Что на себе было, отдала»... жалобно причитает она. И барин все вынимает мелочь, все вынимает... «А кум ей голову прошиб, да еще говорит: убью»... А барин все вынимает, и Марья примечает, где водится у барина эта мелочь, и когда барин спит, обыщет этот карман. Она стала изворотлива, как кошка; куда она прятала, что тащила — никто никогда не находил. Отец будущего ребенка попробовал было ее разыскать и повидаться, но так как и он из числа свиней, которым надо не дать возможность с'есть, то через десять минут и у него куда-то делся платок, в одном уголке которого был

---

[1]) Страница обрывается на 9-й строке. Есть ли здесь пропуск, установить трудно. (Ред.).

[2]) В рукописи: «Знал я на своем веку одну бабу-крестьянку, рассказывает Г. И. Успенский. Она пришла и т. д. Успенский, т. I, стр. 721, до слов: только есть». Цитируется по собр. соч. Глеба Успенского. СПБ. 1896 г., т. I.
Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками. (Ред.).

завязан рубль. С тех пор этот человек и глаз не показывал, что, конечно, еще более укрепило Марью в том, что «все свиньи». И вот она стала родить-тащить с правого и виноватого, перешивать и одевать ребят... Как она обращается с детьми? Любит и пичкает всем, что попало под руку, что нашлось «у господ». Когда отвозят ребенка в деревню, она плачет и потом удваивает свою хищническую деятельность...»] [1]).

Как видите, другие потребности «тела» своевременно вступили у ней в права и тем дали новый, чрезвычайно сильный толчок ее «экономической» деятельности. Правда, в эту новую эпоху ее жизни у нее было материнское чувство, а это / < чувство относится скорее к области «духа», чем к области «тела». Стало быть и Марья не вполне удовлетворяет тому представлению о человеке, которое г. Карев приписывает сторонникам материалистического понимания истории. Но нельзя ли доказать, что и любовь к детям непосредственно вырастает у людей из потребностей «тела»? Постойте, у Некрасова есть одно стихотворение, которое, если я не ошибаюсь, хорошо раз'ясняет этот вопрос. Помните деревенскую старуху, которая оплакивает сына, погибшего на охоте за медведем? > [2]).

Кто приголубит старушку безродную.
Вся обнищала в конец.
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец.
Кто, как износится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет.
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, -
Даром ружье пропадет!

/Вы видите, — старушка горюет совершенно искренно, но ее печаль вытекает из соображений самого недвусмысленного свойства: смерть сына лишает ее «дровец», «новых зайчиков», «теплой шубушки» и т. п. А уж, казалось бы, что может быть сильнее, что может быть бескорыстнее материнской любви! Ясно, что потребности тела всегда торжествуют над потребностями духа, и что деятельность, направленная на удовлетворение телесных потребностей, — экономический фактор — имеет господствующее значение в жизни отдельных людей и в истории человечества. / Так рассуждали бы сторонники материалистического понимания истории, если бы они действи

[1]) В рукописи: «Но вот в жизни ее случился переворот, именуемый любовью, — продолжает Г. И. Успенский, — хотя это слово здесь неуместно. Прислуги неблированных и т. д., стр. 721, т. I, до слов: никого никогда не находила на стр. 72 до слов: хищническую деятельность».

Цитируется по соч. Успенского, изд. 1896 г.

В виду неясности указаний Плеханова цитата приводится целиком до слов хищническая деятельность. (Ред.).

[2]) Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. См. двойную нумерацию страницы: 55—61 bis. (Ред.).

[3]) Страница 57 имеется в двух вариантах. Приводим второй: Так рассуждал бы я, если бы я держался тех взглядов на роль «экономического фактора», которые приписывает г. Кареев сторонникам материалистического взгляда на историю. И если бы я рассуждал так, то всякий с полным правом мог бы упрекнуть меня в клевете на людей. Рассуждать так можно было в XVIII веке при тогдашнем состоянии общественной науки; но все хорошо в свое время. Если бы теперь нашелся человек, который написал бы сочинение, подобное одному из сочинений Гельвеция, то его книга была бы пасквилем на человеческий род. К счастью я так не рассуждаю и по очень простой причине: потому, что г. Кареев приписал сторонникам материалистического взгляда на историю совсем не те взгляды, какие они имеют на самом деле.

Но каковы же их истинные взгляды? Они не однажды излагались даже в русской литературе, но... (Ред.).

ью держались тех взглядов на значение экономического фактора, которые приписывает им г. Кареев. И если бы они держались их, то они были бы аветниками на человеческий род. Но они очень далеки от них! Г. Кареев осто ничего не понял в их воззрениях.

Что же говорят они? Если бы они держались терминологии г. Кареева, они сказали бы, / что человек имеет не только телесные, но и духовные требности; они сказали бы, что потребности духа иногда гораздо сильнее от себя чувствовать, чем потребности тела; что, когда, например, первые истиане смело шли на страшные муки, то они делали это, конечно, не ради шубушки» или «дровец» и совсем не для сна или для еды (до сна ли и до ы ли в таких случаях?); что людей побуждает к деятельности не один лько экономический фактор; но что вместе с тем роль всех факторов, условливающих собою их поступки,— какова бы ни была природа этих кторов и каков бы ни был характер обусловленных ими поступков,— определяется в последнем счете теми взаимными отношениями, в которые стаются люди в / общественном процессе производства. Возвращаясь, для примера, к изображенной Г. И. Успенским Марье, мы скажем, что если бы она же совсем забывала о сне и еде, и если бы материнство, вместо животного щничества, вызвало в ней самые возвышенные чувства, то оказалось бы и некотором внимании, что и эти чувства являются в последнем счете одуктом указанных отношений. То же и со старухой, оплакивающей смерть оего сына. Если бы она в своей скорби, совсем позабыла о том, что ей удно жить без «дровец» и без «шубушки», т. е. если бы над нею в это емя совсем не имел силы экономический фактор, то это еще вовсе не означало бы, что нет никакой генетической связи между / ее материнской любовью и общественными отношениями производства.

Скажем то же самое другими словами: ведь наши противники очень догадливые люди и им надо много-много раз повторять одно и то же.

Из того, что говорят эти господа о значении экономического фактора, дно, что по крайней мере некоторые из них понимают под ним деятельность, направленную на удовлетворение материальных потребностей человека. Но сторонники материалистического взгляда на историю никогда не говорили, что этого рода деятельностью исчерпывается вся деятельность общественного человека. Они прекрасно знают, что кроме экономиче/ского ктора (понимаемого в этом смысле) существует множество других. Они ворят только, что если мы хотим выяснить себе историческое значение ех этих факторов, то мы должны прежде всего изучить историческое развитие взаимных отношений людей в общественном процессе производства, к как именно этими отношениями об'ясняется значение каждого отдельного ктора, а изменения этих отношений являются последней причиной того, о пределы и интенсивность влияния всякого данного фактора почти постоянно изменяется в ходе исторического развития человечества.

/ Выразим это еще иначе: понятие «экономический фактор» не покрывает собою понятия: взаимные отношения людей в общественном процессе оизводства. Первое из этих понятий гораздо хуже второго [1]).

[1]) Приводим вариант этого места. Первая половина его до незаконченного ва «истории...» — помещается на стр. 61 и зачеркнута, вторая составляет начало законченной стр. 62, имеющейся в двух экземплярах.

< Вот в этом смысле я и сказал, что с точки зрения материалистического глядa на историю нельзя приписывать экономическому, — как и всякому другому — фактору, господствующее или преобладающее значение, что нельзя видеть ем силу, будто бы определяющую собою истори>ческое движение человечества.

А изо всего этого следует, что понятие: экономический фактор вовсе не покрывает собою понятия: взаимные отношения людей в общественном процессе производства; что первое из этих понятий гораздо уже второго.

Г. Михайловский не без ехидства удивляется тому, что я в своей статье... (Ред.)

Теперь, надеюсь, ясно, в каком смысле я в статье о книге профессора Лабриола сказал, что с точки зрения материалистического взгляда на историю нельзя приписывать экономическому, — как и всякому другому — фактору господствующее или преобладающее значение в общественной жизни, что нельзя видеть в названном факторе силу, определяющую собой все историческое движение человечества. Г. Михайловский поспешил согласиться со мною; но пословица недаром говорит: поспешишь, людей насмешишь.

Фельетонист «Русского Богатства» замечает, что я, преследуемый мыслью о необходимости ущипнуть гг. Кареева, Кудрина, Кривенко и, наконец, самого г. Михайловского, не удостоил хотя бы только упомянуть о «роли способов производства и форм обмена, «этом достаточно, кажется, важном пункте в материалистическом понимании истории». Я очень прошу читателя внимательно отнестись к этому замечанию г. Михайловского. Оно чрезвычайно важно.

Излагая взгляд Лабриола, с которым я в данном случае совершенно согласен, я говорю в названной статье:

Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. [Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обусловливают собой все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т. е. экономические отношения. Эти отношения естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: «Каждая правовая норма защищает определенный интерес», — говорит Лабриола. Развитие производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих, — и при том самых существенных отношениях, — диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике] [1]).

Г. Михайловский читает это, но он не находит тут слов: способы производства и формы обмена и потому он не удовлетворен; он недоумевает, куда я девал «этот достаточно кажется важный пункт». Но что же такое этот пункт и что такое способы производства и формы обмена? Это именно «те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства. Стало быть я «удостоил» упомянуть об этом важном пункте. Удостоил. И не только удостоил, но и приписал ему всю подобающую ему важность. Чем же смущается г. Михайловский? Тем, что я употребил не те слова, к которым он привык. Если бы он знал > [2]), какое понятие связывается с этими словами, то он, конечно, сейчас же понял бы, что я говорю именно о способах производства и о (вытекающих из них) формах обмена. Но он заучил только слова, оставаясь в по-

[1]) В рукописи «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды и т. д. Новое Слово, стр. 79—80.

Цитата взята из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории». «Новое слово», 1897 г., кн. 12, сентябрь, стр. 70—98. Собр. соч. см. т. VIII, стр. 260.

Ввиду отсутствия указания в рукописи, цитируется до конца абзаца. (Ред.).

[2]) Место, заключённое в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто (См. двойную нумерацию стр. 63—17 и 64—19). (Ред.).

ной неизвестности насчет их смысла. Поэтому он немедленно попался впросак,
как только я заговорил другими словами! Вот так оказия! Как тут не
воскликнуть с Бобчинским: Чрезвычайное происшествие! И как не прибавить
с Добчинским: Неожиданное известие! По поводу моих приемов
г. Михайловский вспоминает анекдот о танцоре, умевшем танцовать только
от печки. Мне сдается, что он гораздо больше походит на этого танцора.
В самом деле, заучить на память известные слова, не понимая их
(65)—20 смысла, / требовать от своих противников, чтобы они всегда говорили
именно этими бессмысленно заученными словами и сбиваться с толку, когда
они иначе выражают те же самые понятия, именно это-то и называется танцевать
только от печки и не быть в состоянии двинуть ногою в том случае,
когда вместо печки приходится поместиться, например, около двери. Ай-
ай! Ну и попался же г. Михайловский!

«К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросом, почему
[мы оставляем без возражения многочисленные выходки журнала «Новое
Слово» против нашего журнала или его отдельных сотрудников»] [1]),—говорит
г. Михайловский. Надо думать, что после отмеченного нами происшествия
уже никто не станет побуждать к полемике с нами. Теперь уже всякий видит,
(66) 21 дит, что в этой полемике / он может только mit Worten krammen [2]). Правда,
еще известный Лисков в своей книге «Über die Nothwendigkeit und Vortreff-
lichkeit der elenden Scribenten» [3]) говорил, что «гораздо легче и естественнее
писать пальцами, чем головою». Но Лисков любил парадоксы; этот чудак уверял,
например, что лучше всех пишет тот, кто совсем не думает. С этим
наверно не согласятся те наивные люди (может быть «суб'ективные социологи»),
которые взывали к г. Михайловскому: «выдыбай, боже!».

В своем знаменитом предисловии к книге «Zur Kritik der politischen
(67) [5]) Oekonomie» [4]) Маркс говорит «В общественном производстве / своей жизни

---

[1]) В рукописи: «К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросами, почему и т. д. «Русское Богатство», стр. 180, до слов сотрудников».

Цитата взята из обозрения Н. К. Михайловского — Литература и жизнь. О новых словах в «Новом Слове» — Русское Богатство, 1897 г., кн. 10, стр. 180—[illegible]

Цитируется по указанному источнику. В собр. соч. Н. К. Михайловского в т. VIII, стр. 688. (Ред.).

[2]) Орудовать словами.

[3]) О необходимости и превосходности горемычных писателей.

[4]) К критике политической экономии.

[5]) Стр. 67 в двух вариантах, при чем второй помечен цифрой 22 (см. двойную нумерацию страниц всего этого отрывка).

Приводим этот вариант:

«[В общественном производстве] своей жизни люди наталкиваются на
[известные, необходимые, от их воли независящие отношения — отношения
производства, которые соответствуют определенной степени развития их ма-
териальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства
составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на
которой возвышается юридическая и политическая надстройка»] (Бельтов, стр. [illegible]

В своей статье о материалистическом понимании истории я писал, излагая
взгляды Лабриола, с которым я и тут совершенно согласен: «Итак, люди делают
свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти [даются первоначально,
конечно, природой; но затем значительно изменяются в количественном и
качественном отношениях свойствами искусственной среды. Находящиеся в распо-
ряжении людей производительные силы обусловливают собою все их общественные
отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются
отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства,
т. е. экономические отношения. Эти отношения естественно
создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве: «Каждая
правовая норма защищает определенный интерес», — говорит Лабриола. Развитие
производительных сил создает разделение общества на классы, интересы которых
не только различны, но во многих, — и при том самых существенных отношениях,
— диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов и

люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — отношения производства, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка». Как видите, тут ни слова нет «о роли способов производства и форм обмена», этом, достаточно, кажется важном и проч. Что за чудеса? Отчего же это Маркс «не удостоил»? Да оттого же, отчего «не удостоил» и я: оттого, что способы производства и формы обмена и составляют отношения производства, как выражается Маркс, или взаимные отношения людей в общественном процессе производства, как выразился я словами, которые употребляет тот же Маркс в других / местах для обозначения того же понятия. По Марксу, совокупность отношений производства составляет экономическую структуру, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка. Я же говорю, излагая взгляды Лабриола,—с которым я, повторяю, совершенно согласен в этом случае—что взаимные отношения людей в процессе производства, «т.-е. экономические отношения», непосредственно обусловливают собою право, государственный строй и нравственность всякого данного народа, а посредственно обусловливают собою, кроме того, «все создания мысли и воображения: искусство, науку и т. д.». Не правда ли, это то же самое, что говорит автор «Zur Kritik der politischen Oekonomie»? А г. Михайловский пишет: «В самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса-Энгельса. Казалось бы об этом следовало хоть / вскользь упомянуть. Но г. Каменский предпочитает тратить время на щипки». В основных своих взглядах на историю Лабриола целиком стоит на точке зрения Маркса-Энгельса. Кто понимает «историческую концепцию» этих двух мыслителей, тому достаточно прочесть вышеприведенные строки из моего изложения взглядов Лабриола, чтобы убедиться в этом. Но г. Михайловский не понимает этой «концепции», хотя и оспаривает ее, потому он и не узнал ее, не встретив в ее изложении некоторых слов, заученных им без всякого смысла. Ну как же тут не воскликнуть словами Бобчинского: чрезвычайное происшествие! И как не прибавить вместе с Добчинским: неожиданное известие! [1]).

Но зачем же вы заговорили не теми словами, к которым я привык,— скажет, может быть, г. Михайловский? Отчего вы прямо / не сказали, что Лабриола стоит на точке зрения Маркса-Энгельса? — Это уж мое дело, отвечу я ему. Может быть я именно на то и рассчитывал, что вы запутаетесь в незнакомых вам словах и тем покажете всей нашей читающей публике, что

вызывает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене родовой организации государственной, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обусловливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная нравственность, т.-е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике]. («Новое Слово», сентябрь, стр. 80, отмеченные места).

Повидимому, можно было бы надеяться, что всякий мало-мальски образованный читатель тотчас же заметит полное тождество этих взглядов со взглядами Маркса. Но г. Михайловский его не замечал. Он не без ехидства говорит: «В самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса-Энгельса. Казалось бы об этом следовало хоть вскользь упомянуть».

[1]) Стр. 69 (23) является до некоторой степени повторением стр. 64 (19) рукописи. Особенно странным кажется повторение восклицания о Бобчинском и Добчинском. Несмотря на эту небольшую неувязку, оставляем это место, как оно написано у Плеханова, так как рукопись, в том виде, как она восстановлена нами, читается, как сплошной непрерывный текст. Выкинув из нее 69 стр., мы нарушили бы ее целость. (Ред.).

у вас с затверженными вами терминами не связывается никаких понятий. Всякий согласится, что если я действительно рассчитывал так, то последствия оправдали мой расчет. А я, грешный человек, и в самом деле рассчитывал на неблагоразумную горячность г. Михайловского.

Когда г. Михайловский говорит об «исторической концепции Маркса-Энгельса», то он произносит слова, лишенные всякого определенного смысла.
71 Это доказывается еще тем его убеждением, что сторонники / этой «концепции» строят историю на саморазвитии форм производства и обмена. Выше я сказал, что если бы кто-нибудь об'явил подобное «саморазвитие» бессмысленным набором слов, то я не стал бы спорить и прекословить, теперь я им покажу, что это действительно так, что, говоря о саморазвитии названных форм, г. Михайловский опять не связывал со словами никаких понятий, опять обнаруживал «несчастие своего рассудка».

Формы производства и обмена—то же, что экономические отношения, а экономические отношения—это не более и не менее, как взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Поэтому развитие форм производства и обмена означает лишь изменение взаимных отношений
72 людей в названном процессе. А из этого следует, что / нет и не может быть такого развития форм производства, в котором не участвовали бы люди, и что говорить об их саморазвитии, как о процессе, который совершается «сам собою», т.-е. помимо людей, могут только те, которые ничего не поняли ни в экономическом, ни в историческом учении Маркса.

Но почему же изменяются взаимные отношения людей в общественном процессе производства? Маркс отвечает на это очень ясно. Оттого, что изменяется состояние производительных сил. «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 178 стр. своей книги, [что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о первичной причине всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, «функция» производительных сил»] [1]).

73 / В своей статье о материалистическом понимании истории я выразил ту же самую мысль и почти теми же самыми словами: «По учению новейших материалистов [человеческой природе соответствует всякий экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. И наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. «Господствующий» фактор сам оказывается, таким образом, подчиненным другому «фактору». Ну, а после этого какой же он «господствующий»?»] [2]).

Это чрезвычайно важный «пункт» в «исторической концепции» современных материалистов и по поводу его не мешает сделать некоторое «разъяснение». Если бы экономические отношения были последней, основной при-
34 чиной всех общественных явлений, то / невозможно было бы понять, откуда

[1]) В рукописи: «Из этого видно,—справедливо замечает г. Бельтов на 178 стр. своей книги,—что только в популярной речи можно говорить об экономии как о первичной причине и т. д. до конца отрывка.

Цитируется по первому изданию Бельтова, СПБ. 1895.

В собр. соч. Плеханова см. т. VII, стр. 197. (Ред.).

[2]) В рукописи: В своей статье о материалистическом понимании истории я выразил ту же самую мысль и почти теми же самыми словами: «по учению новейших материалистов и т. д., стр. 71 до конца, до слов: он «господствующий»?

Цитата взята из статьи Н. Каменского (Плеханова) «О материалистическом понимании истории» — Новое слово, 1897 г., № 12, сентябрь, стр. 70—98.

Страница в рукописи указана ошибочно. Цитируемое место находится не на 71, а на 77 стр.

В собр. соч. Плеханова, см. т. VIII, стр. 246. (Ред.).

ляется у цивилизованного человечества возможность современем отделаться от этих отношений. Но так как экономические отношения сами являются результатом данного состояния производительных сил, то все дело очень легко об'ясняется. Буржуазные отношения прочны лишь там и лишь до тех пор, где и пока они соответствуют состоянию производительных сил общества; когда исчезнет это соответствие,—исчезнут и буржуазные экономические отношения. Оно исчезнет, конечно, не сразу; его исчезновение есть целый процесс, который уже начался в передовых странах Европы и который налагает очень заметную / печать на внутреннюю жизнь западно-европей- 75
ских обществ и на взаимные отношения различных общественных классов. Орудием устранения отжившей экономической структуры является там политическая деятельность. Таким образом, политический «фактор», сам выросший на почве буржуазных экономических отношений и когда-то содействовавший их дальнейшему развитию, становится необходимым и сильнейшим средством их гибели, едва только общественные производительные силы перерастают эти отношения. Таким образом человечество переходит в новую фазу экономического развития.

Что же такое политический фактор? Это деятельность людей, направленная к достижению различных / (экономических, правовых, нравственных) 76
целей и опирающаяся на существующее в данное время соотношение общественных сил, т.-е. сил различных общественных классов и слоев. Таким образом мы в политике, как и в экономии имеем дело лишь с общественными отношениями людей. Одни и те же люди создают одною стороною своих отношений экономическую структуру общества, а другою стороною—его политический строй. Поэтому я имел полное право сказать, что люди делают не несколько [отдельных одна от другой историй—историю права, морали, философии и т. д.—а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории] [1]).

<С точки зрения этой «концепции», которая есть не что иное, как историческая концепция Маркса-Энгельса», различные «факторы» представляются совсем не в том > [2]) / виде, какой они получают благодаря 77
другим «концепциям». Эклектики, умственные ресурсы которых не позволяют им пойти дальше той мысли, что каждый фактор влияет на все остальные и в свою очередь испытывает на себе их влияние, решительно не могут ответить на вопрос о том, откуда же берется эта система сил, действующих одна на другую, и чем определяется величина и значение каждой из них. Поэтому они изображают дело так, как будто каждый фактор—экономия, право, мораль и т. д.—развивается сам из себя, как некая отдельная субстанция, хотя и испытывающая на себе влияние других отдельных субстанций, но имею-

---

[1]) В рукописи: Поэтому я имел полное право сказать, что люди делают не несколько и т. д. «Новое Слово», стр. 98.

Цитата взята из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории». «Новое Слово», 1897 г., № 12. Собр. соч., т. VIII, стр. 270. (Ред.).

[2]) Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. (Ред.).

[3]) Приводим второй вариант той же 77 стр.: ...виде, какой они получают благодаря другим «концепциям». Экономические отношения и политический строй данного общества, его право, мораль, наука, искусство прежде, чем стать факторами,—т.-е. прежде, чем так или иначе влиять на дальнейшее развитие общества—являются фактами, требующими своего об'яснения. Где искать его? В состоянии общественных производительных сил, отвечают современные материалисты. Правы ли они? По-моему, они совершенно правы, но дело не в том, правы они или нет, а в том, что...

щих также.

[1]) . . . .

79 или / общественной мысли и таким образом стал бы оперировать с простой абстракцией.

Излагая взгляды, с которыми я и в этом случае был совершенно согласен, я писал: как бы ни была законна [и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об **единстве** этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, **синтетическим взглядом на общественную жизнь**] [2]). Г. Михайловский вообразил, что я возвращаюсь к тому, свойственному всем эклектикам, учению о «факторах», которое не идет дальше указания существующего между факторами взаимодействия. Он не заметил или не хотел заметить, что я называю точку зрения взаимодействия **мертвой** точкой и говорю, что пока мы... . . . .

[3]) . . . .

81 . . . . / самыми видными представителями и в значительной степени отцами современного диалектического материализма. Я думал, что это последнее обстоятельство известно всем и каждому. Но выходит, что его не знал фельетонист «Русского Богатства». Возможно, что оно неизвестно и еще кому-нибудь. Стало быть мне нужно **доказать** то, что я считал общепризнанным. Что же, будем доказывать. Не угодно ли г. Михайловскому обратить внимание вот на эти строки, вышедшие из-под пера Энгельса: «Уразумение полной ошибочности [господствовавшего до тех пор в Германии идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, при чем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда себе равном целом, неизменно вращающемся в одних и тех же ограниченных пределах, с вечными мировыми телами,—как учил о них Ньютон, с неизменными органическими видами, как учил о них Линней,—современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа также имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают, и что вообще природа движется далеко не в таком тесном круге, как думали раньше. В обоих случаях материализм является существенно диалектическим и делает излишней всякую философию, пред'являющую претензию стать выше других наук] [4]).

---

[1]) Страница 78 не найдена. (Ред.).

[2]) В рукописи: как бы ни была законна и т. д. «Новое Слово», стр. 75–[illegible] до слов: «на общественную жизнь».

Цитата из статьи Н. Каменского «О материалистическом понимании истории» — «Новое Слово», 1897 г., кн. 12, сентябрь. В собр. соч., см. т. VIII, стр. 245. (Ред.).

[3]) Страница 80 не найдена. (Ред.).

[4]) В рукописи: «Уразумение полной ошибочности и т. д. Развитие Научного Социализма, стр. 21—22 до слов: выше других наук».

Цитируется по книге Фр. **Энгельса**—Развитие Научного Социализма, Женева, 1892. (Ред.).

Теперь вы видите, г. Михайловский, что по мнению Энгельса современный материализм есть материализм существенно диалектический. Но может быть вы усомнитесь в том, что Энгельс был [его] приверженцем. / Но вспомните, как характеризует он значение своей «исторической концепции».

«Гегель освободил от метафизики [понимание истории,—он сделал его диалектическим,—но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для об'яснения человеческого самосознания условиями человеческого существования, вместо прежнего об'яснения этих условий человеческим самосознанием] [1]).

Кажется, это ясно и понятно. Но может быть вы еще не понимаете, г. Михайловский? Может быть вас смущает употребленный Энгельсом и заимствованный у него итальянским профессором термин: исторический материализм? Я об'ясню вам, в чем тут дело. Читали ли вы известное полемическое сочинение Энгельса: Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft? Конечно, читали, ведь именно оттуда заимствовали мы так сконфузивший вас пример с зерном овса (помните—«момент цветения»?) Итак / <мы видим, что материалистическое миросозерцание Маркса-Энгельса охватывало и природу и историю. И в том и другом случае оно было «существенно-диалектическим». Поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим материализмом. Он употреблял это название не для характеристики своего миросозерцания, а лишь для обозначения той области явлений, которую он об'ясняет. Вот только и всего. Что может быть проще этого! > [2]).

У Г. И. Успенского в «Разореньи» фигурирует пожилой чиновник Павел Иванович Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все / понятия и представления, вследствие чего он уже не рассуждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал какую-то сердитую чушь: «Зайдет, например, речь о железной дороге, Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? в чем дело?.. неизвестно!». В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сродство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно как Павел Иванович Печкин. «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? А что такое? в чем дело?.. неизвестно!» Печкин нес свою сердитую чушь оттого, что голова его была, по выражению Г. И. Успенского, разорена современностью до последней возможности.

/ Неужели голова г. Михайловского находится в том же печальном положении?

Название: диалектические материалисты кажется ему «неуклюжим». Может быть это и так, но легко избежать его употребления; можно сказать просто: современные материалисты. Если я до сих пор редко пользовался этим термином, то лишь потому, что я считал нужным оттенить и подчеркнуть характер современного материализма. Теперь эта цель надеюсь достигнута: поэтому теперь вместо: диалектический материализм, диалектические материалисты я могу говорить: современный материализм, современные материалисты.

---

[1]) В рукописи: «Гегель освободил от метафизики и т. д. Развитие Научного Социализма, стр. 23—24 до слов «человеческим самосознанием».

Цитируется по книге Фр. Энгельса—Развитие Научного Социализма, Женева, 1892 г. (Ред.).

[2]) Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто (см. двойную нумерацию стр. 83—38). (Ред.).

) 41 / Замечу также, что в терминологии г. Михайловский плохой судья. Еще не так давно он осуждал термин «п р о и з в о д и т е л и»; конюшней, мол, пахнет! Что прикажете возразить на это? Со времени в ы х о д а сен-симонистского журнала «Le producteur» [1]) в 1825 году термин этот беспрестанно употребляется в Западной Европе и никому конюшни не напоминает. А вот в уме нашего «кающегося дворянина» он вызывает представление о конюшне Но винить в этом нужно не термин, а вероятно воспитание кающегося дворянина.

Я говорю в своей статье, что по мнению г. Михайловского Луи Блан и Г. Ю. Жуковский были такими же «экономическими материалистами», как и нынешние наши сторонники материалистического понимания истории, и что такое мнение может основываться лишь н а к р а й н е м с м е щ е н и и

1) 42 п о н я т и я. Г. Михайловский с обычною своею мягкостью возражает: / «это — н е п р а в д а (курсив его), я такого мнения не высказывал». Нет, г. Михайловский, вы его высказали. Вот ваши подлинные слова: «Г. Бельтов говорит о французских историках [и о французских «утопистах», оценивая тех и других в меру их понимания или непонимания экономики, как фундамента общественного здания. Странным, однако, образом он совсем не упоминает при этом о Луи Блане, хотя одного предисловия к «Histoire de dix ans» [2]) достаточно, чтобы предоставить ему почетное место в ряду первоучителей так называемого экономического материализма. Конечно, тут много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что п о з ж е вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Я потому отмечаю этот пробел, что он, во-первых, и сам по себе удивителен и намекает на какие-то побочные цели, не имеющие ничего общего с беспристрастием» (стр. 150)] [3]). Луи Блану принадлежит почетное место в ряду «первоучителей» так называемого экономического материализма. Прекрасно. Что понимает г. Михайловский под словами: экономический материализм? «Историческую концепцию Маркса-Энгельса». Отсюда следует, что Луи Блан был одним из отцов этой «концепции». А нынешние наши сторонники материалистического понимания истории придерживаются именно этой «концепции». Стало быть они такие же экономи-

88 ческие материалисты, как и / Луи Блан, о д и н и з и х «п е р в о у ч и т е л е й». Кто же из нас говорит неправду?

Знаю вас, я заранее вижу тот путь, которым вы постараетесь выйти из неудобного для вас положения. Вы скажете: «Ведь я же заметил, что у Луи Блана много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может», вы постараетесь, чтобы у вас вышло так, как поется во французской песенке:

Jls étaient quatre,
Qui voulaient se battre,
Mais y en avait trois,
Qui ne le voulaient pas [4]).

89 Но ссылка на «многое такое» едва ли убедит того, / кто припомнит ваши же слова: но тут есть и борьба классов и характеристика [их экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что п о з ж е вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой

[1]) «Производитель».

[2]) «История десяти лет».

[3]) В рукописи: «Г. Бельтов говорит о французских историках и т. д. Сборник, моя статья, стр. 239 до конца выписки.

Цитата из статьи Утиса (Плеханова). Несколько слов нашим противникам (Материал для истории цивилизации в русской литературе), напечатанной в совместном марксистском сборнике: «Матерьялы к характеристике нашего хозяйственного развития». СПБ, 1895, стр. 225—259. Собр. соч. Плеханова, т. VII, стр. 303. (Ред.)

[4]) Было четверо, которые хотели драться. Но трое из них не хотели.

г. Бельтовым] [1]). Этих слов нельзя понять иначе, как понял их я, т.-е. в том смысле, что поскольку у Луи Блана есть и характеристика классов экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики и проч. он был таким же экономическим материалистом, как и нынешние наши сторонники материалистического взгляда на историю. Поняв вас таким, т.-е совершенно правильным образом, я указал читателям на то, что «экономический материализм» не мешал Луи Блану быть идеалистом по взгляду на историю [2]). И это неоспоримо: Луи Блан действительно был идеалистом. / Но каким же образом идеалист мог быть первоучителем материализма? Это, разумеется, бессмыслица, которой вы не заметили, но на которую я счел нужным обратить внимание читателей, сказав что далее путаница понятий итти не может. При этом я об'яснил, каково было действительное положение дела. Вы ничего не поняли в моем об'яснении, поэтому я должен повторить его.

Хотя у Луи Блана была «экономика, как скрытая пружина» и проч и проч., но для Луи Блана эта экономика, служащая пружиной, сама был лишь функцией «человеческой природы». А пока люди апеллируют к это природе, как к последней причине общественных явлений,—они так или иначе прямо или окольным путем / (подобно материалистам-метафизикам прошлого века) приходят к идеалистическому взгляду на историю. Покончить с идеализмом в истории удалось лишь Марксу, который об'ясняет общественную жизнь не теми или другими свойствами человеческой природы, а свойствами тех взаимных отношений, в которые становятся люди в общественном процессе производства. Эти отношения обусловливаются не природой человека, а состоянием производительных сил. Воздействуя на внешнюю природу в качестве производителя, человек изменяет свою собственную природу. / Другими словами, природа людей изменяется в зависимости от природы их взаимных отношений в процессе общественного производства. Из этого следует один чрезвычайно важный вывод, возможности которого даже и не подозревает г. Михайловский.

«Экономический фактор», дальше которого ничего не видят в наше теории наши противники, приурочивается им к одной из сторон человеческой природы: к потребностям «тела»; а умственный и нравственный факторы приурочиваются к потребностям «духа». Если с изменением характера процесса общественного производства изменяется и человеческая природа, т отношение потребностей «тела» к потребностям «духа» не может оставатьс

---

[1]) В рукописи: но тут есть и борьба классов и характеристика и т. д. 230, я слов: защищаемой г. Бельтовым.

Выписка из предыдущей цитаты. В собр. соч., см. т. VII, стр. 303. (Ред.).

[2]) Сделать примечание, отмеченное на стр. 71 моей статьи (Г. П.). Плеханов имеет в виду свою статью «О материалистическом понимании истории», помещенную в «Новом Слове» за 1897 г., кн. 12, сентябрь, стр. 70—98.

В виду того, что в экземпляре «Нового Слова», имеющемся в библиотеке Плеханова, эта статья вырвана и пометок Плеханова установить невозможно, приводим из 71 стр. то место, которое отвечает по смыслу указаниям Плеханова:

Мы просим читателя заметить, что и для Луи Блана и для Роджерса экономический фактор, господствующий в общественной жизни, сам был, как выражается математика, функцией человеческой природы, а главным образом — человеческого ума и знания. То же надо сказать и об упомянутых нами выше французских историках времени реставрации. Ну, а как назвать исторические взгляды людей, хотя и утверждающих, что экономический фактор господствует в общественной жизни, но в то же время убежденных, что фактор этот,—т.-е. экономика общества,— в свою очередь является плодом человеческих знаний и понятий? Такие взгляды нельзя назвать иначе, как идеалистическими. Выходит, что экономический материализм еще не исключает исторического идеализма. Да и это еще не совсем точно; мы говорим: еще не исключает идеализма, а следует сказать: может быть, и до сих пор чаще всего бывал простою его разновидностью. В собр. соч., см. т. VIII, стр. 240—241. (Ред.)

3 постоянным. Это мы и видим в истории. / Производительные силы, находящиеся в распоряжении первобытного человека, крайне ничтожны; поэтому самая главная часть его времени употребляется на удовлетворение элементарнейших потребностей «тела»; здесь, стало быть, почти безраздельно господствует «экономический фактор» в смысле, придаваемом этому слову г. Кареевым. Но по мере того, как развиваются производительные [силы] людей, у них является все больше и больше времени, которым можно воспользоваться для удовлетворения потребностей «духа». Таким образом постепенно растут и усиливаются «духовные факторы». Повидимому, можно было бы сказать на
4 этом / основании, что сама история все более и более опровергает «экономический материализм», как учение, провозглашающее господство «экономического фактора». Но это только повидимому. На самом же деле рост и усиление «духовных факторов» есть результат развития общественных производительных сил и тех отношений, в которые, благодаря ему, становятся люди. Таким образом, хотя по мере развития производительных сил [изменяются] взаимные отношения различных факторов, но все они без исключения испытывают на себе определяющее и формирующее влияние процесса развития производительных сил и обусловленного им изменения общественных отношений.

Возьмем пример. Магнат доброго старого времени, имевший, положим, 10 тысяч тягол, получал от них так называемый в науке прибавочный про-
5 дукт / или (при развитии товарного производства) прибавочную стоимость, которую он и проживал более или менее весело [1]). На удовлетворение собственно физических потребностей этого помещика уходила прибавочная стоимость, создаваемая трудом, скажем, 250 тягол. Остальная часть помещичьего дохода шла на поддержание псовой охоты, домашнего театра, собственного оркестра и других затей, удовлетворявших те или другие потребности помещичьего «духа»; значит «экономический фактор», как его понимает г. Кареев, вовсе не занимает господствующего места между факторами, способствующими потреблению помещичьего дохода. Но несмотря на это, и сам по-
6 мещик и способы удовлетворения всех его п о т р е б н о с т е й были / в последнем счете продуктом тогдашних экономических отношений, которые обусловливались тогдашним состоянием общественных производительных сил.

Развитие производительных сил ведет к разделению общества на классы. Низшие классы, с трудом удовлетворяющие самые неотложные потребности своего тела, почти всецело подчинены «экономическому фактору», а высшие, имея много свободного времени, погружаются в искусства, в науки, предаются мечтам и страстям. Они обидятся, если вы подумаете, что экономический фактор играет в их жизни самую главную роль. Мы можем допустить,
7 что они действительно больше думают об искусствах и нау / ках, чем о потребностях тела, но это не помешает нам сказать, что как сами эти высшие классы, так и господствующие в их среде «мечты и страсти», созданы развитием общественных отношений, происхождение которых уже не составляет теперь для нас никакой тайны.,

В первой из своих статей о судьбах русской критики я, чтобы выяснить г. Волынскому совершенно неизвестные ему взгляды современных материалистов, указал на ход развития французской живописи. Я вернусь теперь к тому же примеру.

Передо мной на письменном столе лежит превосходная гравюра с кар-
8 тины Буше «Les graces au bain» [2]) и фотография с картины / Давида: «Les licteurs rapportent à Brutes les corps de ses fils» [3]).

[1]) Строго говоря, помещику доставалась, конечно, не вся эта прибавочная стоимость. Часть ее доставалась государству, купеческому сословию и т. д. Но для нас здесь это совершенно безразлично. (Г. П.).

[2]) «Купающиеся грации».

[3]) «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей».

Памятуя извлеченное мною из сочинений г. Кареева определение «экономического фактора», я довольно легко об'ясняю себе, какое отношение имеют изображенные Буше грации к потребностям «тела», особенно «тела» тогдашнего французского аристократа,—но для меня совсем непонятно, как относится к ним живопись Давида. Как я ни бьюсь над этим вопросом, я не могу разрешить его даже с точки зрения «саморазвития форм производства и обмена», приписанной г. Михайловским сторонникам «экономического материализма». Я не понимаю, как это саморазвитие могло вызвать появление вышеназванной картины. Как быть? Я развертываю известную историю искусства Любке и нахожу там следующее место:

„Bien que la peinture moderne ait abandonné le mode classique beaucoup plus résolument que la plastique ne l'a jamais fait et ne le pourra jamais faire, elle aussi procède en droite ligne du mouvement politique, social et scientifique, qui a marqué les dernières années du siècle passé. C'est la revolution qui a brusquement coupé le fil de la tradition, gracieuse et si française du XVIII siècle, la plus gracieuse, la plus française. C'est le petit neveu de Boucher — David — qui a passé condamnation sur la peinture des boudoirs et des cabinets d'amateurs pour lui substituer, sur la base de la nature et de l'antique, un art véritablement moral et républicain... David se révèla des son coup d'essai (le Bélisaire, Louvre, 1781) tel, qu'il devait rester toute sa vie: un homme de travail et de réflexions plein de hautes voisées, mais exclusif, à la fois consciencieux et prétentieux, plus maniéré dans son genre qu'un Boucher dans le sien, un moraliste enfin, un philosophe plutôt qu'un peintre... Il faut se rapporter aux temps de la revolution pour apprécier à leur valeur ces oeuvres, qui nous paraissent theâtrales, pédantes et froides, mais qui étaient autant de révélations pour ses contemporains"[1].

. . . . (99)[2]

...давала тогда история древнего мира. И вот передовые люди Франции (100) обращаются к этой истории: вспомните рассказ m-me Ролан о том, как она в юности зачитывалась Плутархом. После этого уже нельзя удивляться тому, что Давид написал своего Брута; не удивителен и тот успех, который имела его картина: не удивительно, наконец, даже и то, что она была лишь выполнением официального заказа. Это последнее обстоятельство хорошо раз'ясняет Эрнест Шесно. «В последние годы царствования Людовика XVI,—го-

[1]) Хотя современная живопись и отказалась от классической традиции несравненно более решительно, чем это сделала и когда-либо сможет сделать пластика, однако и она ведет свое происхождение по прямой линии от политического, социального и экономического движения, которым отмечены последние годы прошлого столетия. Именно революция резко оборвала нить изящной, чисто французской традиции XVIII века, самой изящной, самой типичной французской. Внучатный племянник Буше — Давид — был тем, кто осудил будуарную и кабинетную живопись любителей, чтобы заменить ее искусством подлинно добродетельным и республиканским на основе природы и древности... С первого своего опыта (Велизарий, Лувр. 1781) Давид обнаружил себя таким, каким он должен был остаться на всю жизнь: человеком труда и размышления, полным высоких прозрений, но исключительным, добросовестным и в то же время претенциозным, более манерным в своем роде, чем какой-нибудь Буше в своем, наконец, моралистом, философом скорее, чем художником... Надо перенестись во времена революции, чтобы оценить по достоинству эти картины, которые кажутся нам театральными, педантичными и холодными, но которые были настоящим откровением для современников.

В рукописи: Я развертываю известную историю искусства Любке и нахожу там следующее место:

Цитата из книги Wilhelm Lubke. Essai d'histoire de l'art. Paris, 1887 (перевод с немецкого), т. II, стр. 437—438. Книга имеется в библиотеке Плеханова с его пометками.

За отсутствием точных указаний у Плеханова, приводим из книги Любке место, наиболее соответствующее тексту рукописи. (Ред.).

[2]) Страница 99 не найдена.

во / рит он,—всеобщее увлечение древними республиками вызвало в официальном мире живой интерес к художественному воспроизведению—в пластике, живописи и литературе—подвигов греческих и особенно римских героев. Уступая этому направлению французского вкуса, господин д'Анживилье, директор всех королевских зданий, поручил Давиду нарисовать две картины, окончательно упрочившие его репутацию». «Le serment des Horaces»[1]) и «Les licteurs rapportent à Brutes les corps de ses fils»[2]), д'Анживилье был увлечен напором общественного мнения, а направление общественного мнения определилось тогдашними общественными отношениями Франции, которые в свою очередь созданы были развитием производительных сил, глубоко
102 изменившим все ее «экономику». < Но есть в этом деле и другие > / еще неясные для меня «Пункты».

Указанные причины об'ясняют мне выбор Давидом сюжетов для своих картин. Но ведь он сделал целый переворот во французской живописи. Неужели к выбору сюжетов сводится все значение этого переворота?

Нет. Дело далеко не в одних только сюжетах: изменилось все отношение живописца к технике своего искусства. Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшною манерностью и вычурностью, которые были доведены до последней степени Карлом Ван-Лоо и его учениками. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного направле-
103 ния, / поэтому вычурность и манерность заменились у него суровой простотою [3]). Но где же можно было искать лучших образцов такой простоты? Опять в древности и опять преимущественно в римской древности, с которой тогда были лучше знакомы, чем с греческой. И вот Давид подражает древним. Но древняя живопись нам мало известна; для новейших народов [скульптура являлась] искусством, наиболее ярко выражающим эстетические понятия античного мира. Это обстоятельство имело огромное влияние на художественные приемы Давида. Его не даром упрекали в том, что каждая его картина
104) 75 представляет собою лишь собрание хорошо нарисованных статуй. / < При некотором внимании не трудно видеть, что это обстоятельство об'ясняет и другие недостатки его школы. Конечно, можно сказать, что самым главным ее недостатком было отсутствие в ней очень больших талантов. И этого недостатка конечно нельзя об'яснить ни предшествующим состоянием французской живописи, ни характером полученного от древности художественного наследства. Но он очень хорошо > [4]) об'ясняется тогдашним общественным состоянием Франции, сильно способствовавшим развитию рассудочности, но неблагоприятным для развития художественных талантов. У Давида рассудочность совершенно преобладала над воображением, отчего
106) 76 он, разумеется, много терял как живописец. / Живописцы-романтики бесспорно имели гораздо более художественную организацию, чем живописцы школы Давида. Но романтизм соответствует иной ступени общественного развития Франции.

Итак, переворот, совершенный в живописи Давидом, был лишь художественным выражением освободительной борьбы третьего сословия. Если я знаю, как относится это движение к развитию экономической структуры французского общества, то я умею связать с этим развитием и художественную деятельность Давида. <И для выяснения этой связи мне не нужно ни-

---

1) Клятва Горациев.

2) La peinture française au XIX siècle, 3-me éd., p. 10 [Г. П.].

3) «Autant on a été loin dans le contourné le fadement gracieux, autant on a voulu réagir dans le simple et l'austère». Arsène Alexandre, Histoire populaire de la peinture, Ecole française, p. 284. [Г. П.].

(Чем дальше заходила вычурность и пошлая изысканность, тем сильнее была реакция в сторону простоты и суровости).

4) Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную нумерацию страницы 104—75). (Ред.).

…ровать ни к экономическому фактору, как его понимает г. Кареев, ни к тому «саморазвитию» экономических форм, которое совершается будто бы > [1]) / помимо людей и независимо от их общественных отношений. 10

А может быть я ошибаюсь, говоря, что художественная деятельность Давида выражала собою общественное движение третьего сословия? Может быть эта моя мысль порождена той односторонностью и узостью понятий, в которой гг. эклектики не перестают упрекать современных материалистов? К счастью это не так, к счастью моя мысль не составляет моей исключительной собственности, а принадлежит всем тем, которые хоть немного знакомы с историей литературы и искусства во Франции прошлого века.

Раскройте хоть Геттнерову «Geschichte der französischen Literatur im achtzehnten Jahrhundert» [2]). Там вы найдете, во-первых, краткую, но верную / характеристику взаимного отношения сословий, а во-вторых, раз'- 10 яснение того, в какой мере и каким [образом] эти классовые отношения выразились во французской литературе и во французском искусстве.

Посмотрим сначала, как обстоит дело с сословными отношениями.

«Дворянство все более и более разлагается и дичает, буржуазия крепнет и приобретает непредвиденную прежде силу и значение... Рядом с развращенным дворянством неожиданно становится молодое и сильное среднее сословие, заслуги и требования которого с каждым днем становятся важнее и настойчивее» [3]).

Хорошо. Как влияют эти сословные отношения на психологию третьего сословия?

Оно начинает восставать против привилегий дворянства, роптать на сословные подразделения. Неудовольствие / вызываемое в нем этими привиле- 10 гиями и подразделениями, становится все сильнее и сильнее и порождает учение об естественном равенстве всех людей, с точки зрения которого старые формы права и старый государственный быт оказываются, конечно, совершенно несостоятельными [4]).

Как же отразилось это настроение в литературе и искусстве? Отчасти мы уже знаем—как. Рас / пространение учения об естественном равенстве лю- 10 дей было делом литературы. Но может быть вы хотите знать, что происходило здесь собственно в художественной литературе? И на этот счет вы найдете у Геттнера некоторые не лишенные интереса указания.

Вот что говорит он, например, об эпохе регентства в главе, носящей выразительное название: Die gesellschaftlichen Gegensätze in Kunst und Dichtung [5]).

«Если смысл общественного брожения того времени сводится главным образом к тому, что с одной стороны дворянство дичает и падает, а с другой, напротив, возвышается и приобретает более важное значение среднее сословие,—говорит он—то / те же два течения замечаются и в поэтических изобра- 11 жениях тогдашних нравов. Одно воспроизводит легкомысленную жизнь высшего общества; другое описывает борьбу и приключения, радости и безумства поднимающейся буржуазии. Наиболее заметными представителями первого являются аббат Прево, Кребильон младший и Грессэ; представителями второго служат Мариво, Детуш и Нивелль де ля Шоссэ» [6]).

Указанные общественные противоположности отражаются не в одной поэзии.

---

[1]) Место, заключенное в угловые скобки, в рукописи зачеркнуто. (См. двойную пагинацию стр. 106—76). (Ред.).
[2]) Есть русский перевод. [Г. П.].
«История французской литературы в XVIII столетии».
[3]) Стр. 66 и 72 (я цитирую по Брауншвейгскому изданию 1881 года). [Г. П.].
[4]) Ibid., стр. 76—77. [Г. П.].
[5]) Общественные противоречия в искусстве и поэзии.
[6]) Ibid., S. 100. [Г. П.].

Испорченные нравы и вкусы дворянства выразились в картинах Буше и
111 Ван-Лоо, а / выразителем в живописи стремлений, представителями которого в литературе были Мариво, Детуш и Нивелль де ля Шоссэ, был Шарден. Жанр в живописи и чувствительная («слезливая») комедия порождены были одним и тем же движением среднего сословия [1]).

С этим взглядом немецкого историка литературы полезно будет сопоставить взгляд французского критика Брюнетьера.

Говоря о происхождении «мещанской драмы» (т.-е. той же «слезливой комедии») и указав на свойственную тому времени чувствительность — черту, которую тоже не трудно об'яснить тогдашними общественными отношениями — Брюнетьер продолжает.

112 / «Не забудьте последней черты: мы находимся в XVIII веке, после крушения банка Лоу, когда, как вы знаете, почва все более и более ускользает из-под ног аристократии. Этот класс делает все от него зависящее, чтобы дискредитировать себя. Больше всего он разоряется, а соответственно этому буржуазия, третье сословие, становится богаче, приобретает более важное значение и новое понятие о правах, которые должны принадлежать ей. Неравенство становится для нее более обидным, злоупотребления более возмути-
113 тельными... Могла ли она не воспользоваться при этом такими средствами пропаганды?... Еще того более: могла ли эта уже торжествующая буржуазия довольствоваться вечным изображением на сцене императоров и королей и, так сказать, не воспользоваться своими сбережениями для того, чтобы заказать свой собственный портрет? [2]).

Слезливая комедия,—точно так же, как и картина Шардэна—не была созданием экономического фактора в Кареевском смысле: она явилась вовсе не для удовлетворения потребностей «тела». Точно так же не была она создана и тем саморазвитием форм производства и обмена, какое придумано было
114 г. Михайловским. Она не имеет никакого прямого / отношения к самым этим формам, ни к их непостижимому «саморазвитию». Экономическое развитие Франции создало более высокое общественное положение для некогда униженной буржуазии; это более высокое положение дало сильнейший толчок развитию ее самосознания, а это самосознание вызвало появление мещанской драмы. В свою очередь этот род драматических произведений содействовал дальнейшему развитию самосознания буржуазии, которое было необходимо для устранения отживших общественных отношений производства, мешавших дальнейшему развитию производительных сил. Такова истинная связь собы-
115 тий. / Тому, кто понял ее, нет надобности всюду лезть с экономическим фактором для того, чтобы уметь об'яснить связь духовной «надстройки» с экономическим развитием данной страны [3]).

[1]) Ср. стр. 121, 228 и 334. [Г. П.].

[2]) Les époques de theâre français. [Г. П.].

[3]) Продолжением текста стр. 115 является набросок дальнейшего плана статьи. Приводим его:

«Упомянуть о том, что Михайловский не любит сам-м-мой, сам-м-мой. Ты чуже для него. К тому же неизлечимый был эклектик и разыскивал в сущности только наилучшую формулу духовного прогресса. О Жуковском выгородить Туг-новского.

О Жуковском и Туган-Барановском см. в окончательной (у нас первой) редакции настоящей статьи. Страницы рукописи 56—58 и 86. (Ред.).

К впервые публикуемой статье Г. В. Плеханова „Об экономическом факторе“

(Первоначальной редакции).

А. Таксер.

Борьба за марксистско-ленинскую философию против двух потоков ревизионистского искажения ее как со стороны механистов, так и со стороны меньшевиствующих идеалистов со всей остротой поставила вопрос о соотношении Плеханова и Ленина, как философов-марксистов, о необходимости критического разбора плехановского наследства в свете указаний, оставленных Владимиром Ильичем как в отношении его теоретических, так и политических позиций, о необходимости изучения связи между политическим оппортунизмом Плеханова и его теоретическими ошибками. Некритическое отношение к ошибкам Плеханова, противопоставление его как теоретика — «практику» Ленину и смазывание этим ленинского этапа в развитии диалектического материализма, было присуще не только деборинцам в области философии. Ряд других теоретических участков проявлял такое же отношение к Плеханову. Понимание Плеханова как одного из лучших представителей марксизма эпохи II интернационала возможно только при серьезной критической разборке его наследства, при критическом отсеивании того, что является в его наследстве «лучшим в литературе марксизма», от его грубейших теоретических ошибок, тесно связанных и с его тактическим и организационным оппортунизмом.

В этом отношении вариант статьи Плеханова «Об экономическом факторе», публикуемый впервые в нашем журнале, является *лучшим подтверждением правильности борьбы, проведенной на философском фронте с деборинцами по вопросу об отношении к Плеханову*. Эта статья дает ключ к разрешению целого ряда вопросов, которые были раньше недостаточно ясны, освещает их с новой стороны и вскрывает некоторые корни как теоретических ошибок Плеханова, так и его тактического и организационного оппортунизма.

Плеханов, блестяще дравшийся с народниками, провел большую борьбу и со всякого рода ревизионистскими течениями (Бернштейном, Конр. Шмидтом, Струве, махистами). Но в то же время необходимо отметить, что он с большими колебаниями брался за оружие для борьбы с прежними единомышленниками или союзниками, подвергал их главным образом «логической» критике, не вскрывая в необходимой степени связи их теоретических позиций с классовыми корнями, с их практическим оппортунизмом и изменой пролетарскому движению. Он выступал с запозданием, после длительных уговоров и убеждений. И после этого все же выступал так, что Владимир Ильич (допустим, в отношении его критики махистов) принужден был заявить, что Плеханов, будучи «*всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто... И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*»

(Письмо к Горькому, I Лен. сб., стр. 97 — 98). О том, что Плеханов не умеет или не хочет, свидетельствует также его позиция по отношению к ревизионистским высказываниям Маслова, что бичуется Лениным в статье «Как Плеханов и К° защищает ревизионизм». Об этом же свидетельствует и позиция, занятая им по отношению к Струве и другим легальным марксистам, что вызвало, как пишет Ленин (в письме к Потресову от 2/IX 1898 г.), крайнее его удивление: «почему это автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (т.-е. Плеханов. — *А. Т.*) не высказался в русской литературе и не высказывается решительно против нео-кантианства, представляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников» (IV Лен. сборник, стр. 8 — 9).

Организационный и тактический оппортунизм Плеханова, проникающий в основном, за небольшими исключениями, почти всю его деятельность в рядах соц.-демократического движения, линия его на консолидацию с оппортунистами во что бы то ни стало и осуждение им ленинского положения «раз'единиться, чтобы соединиться», союз с легальными марксистами и соглашение с либералами, вытекавшее из его меньшевистской оценки движущих сил революции 1905 года и результатов ее, а также и ряд крупных теоретических ошибок приводили его к примиренческому отношению к ревизионистским высказываниям, а затем и к защите их. Характеристика Ленина, что из-за «мелких фракционных интересов Плеханов и К° дошел до защиты теоретического ревизионизма» (том XII, стр. 386, 2-е издание), подтверждается еще одним фактом, а именно публикуемой нами статьей Плеханова.

Не чем иным, как «защитой теоретического ревизионизма путем самых недостойных софизмов» (Ленин), не может быть определено следующее место в этой статье: «Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды автора «Капитала». Они прекрасно знают и не считают себя последователями его философии. Но это не мешает им признавать справедливость его экономической и философски-исторической теории. И поскольку они разделяют его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в той же мере, как и те, которые разделяют не только его экономические и философски-исторические, но также и философские взгляды. Нео-кантианец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т.-е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-нибудь писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно: Sa depend [1]), как говорят французы. Но что касается нео-кантианцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точке зрения, признавать справедливость экономических и философски-исторических воззрений Маркса. Почему? Да потому, что их разногласие с ним ограничивается вопросом об отношении бытия к мышлению. Нео-кантианцы говорят, как говорил когда-то сам Кант: мы знаем только феномены, а нумены, вещи в себе нам совершенно неизвестны. А современные материалисты, т.-е. философские последователи Маркса, отвечают на это, что мы не могли бы порождать явления [illegible] известных условий, если бы нам были неизвестны хоть некоторые свойства «вещей в себе». Кто прав? По-нашему правы материалисты. Но как бы там ни было, несомненно, что это разногласие материалистов с кантианцами по существу своему нисколько не может помешать им [illegible]

[1]) Это зависит (от обстоятельств).

собой во взглядах на мир явлений, к которому относятся, конечно, также явления экономические и исторические. Такое соглашение тем более естественно, что поскольку речь идет о мире явлений, последователи Канта вполне признают правомерность материалистической точки зрения (разрядка Плеханова, настоящий № «П. З. М.», стр. 16).

Конечно, надо принять во внимание, что это место Плеханов не внес в окончательную редакцию своей статьи, но оно является весьма важным для изучения развития Плеханова, для изучения того, как понимал он ряд главнейших вопросов марксистской философии и в первую очередь партийность философии, суть и значение диалектики, важность и необходимость решительного беспощадного отпора всякого рода ревизионистским течениям, и с другой стороны, оно важно для изучения политической тактики Плеханова, который хотел итти на союз с представителями либерализма, не сохраняя самостоятельности и не борясь с союзниками. Наоборот, он сам делал компромиссы и уступки, приведшие его во время революции 1905 г. и после нее (как и весь меньшевизм) в положение проводника политики либералов, а затем во время войны—и союзника русского самодержавия. Совершенно очевидно, что попытка примирить кантианство с марксизмом и представить этот «синтез», как не только возможный, но больше того, как даже вполне «естественный», «правомерный», вызвана была, с одной стороны, стремлением сохранить союз с русскими нео-кантианцами (Струве, Туган-Барановский, Булгаков и др.), но, с другой стороны, она обусловлена также известным непониманием Плехановым сущности кантианства, с одной стороны, сущности марксистской теории познания как диалектики—с другой. Это место обусловлено также теми позициями, с точки зрения которых он выступал против кантианства, критикуя его «более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения... более по-Фейербаховски (и по-Бюхнеровски), чем по-Гегелевски» (Ленин, IX Лен. сб., стр. 197 — 199).

Плеханов писал публикуемую здесь статью после того, как уже была дана критика работ Струве Лениным, как «отражению марксизма в буржуазной литературе», после того, как в германской социал-демократии уже сложилось прочное ревизионистское ядро [1]), линию которого в основном отражали тогда Струве и другие русские легальные марксисты. Он писал свою статью после того, как были даны основоположниками марксизма лучшие образцы непримиримости ко всякого рода теоретическим ошибкам и неточностям, о чем свидетельствует вся их деятельность, а особенно критика Готской и Эрфуртской программы, переписка Энгельса с Бебелем и Либкнехтом, как руководителями германской с.-д.

На этом вопросе, на вопросе об отношении к Струве и его ревизионизму особенно резко и отчетливо проявляется принципиальное различие между Плехановым и Лениным, две их линии, линии принципиально отличные, и более ясным становится путь Плеханова от примиренчества к Струве и к нео-кантианцам в 1897 г., к меньшевизму в 1903 г. и к открытому социал-шовинизму в 1914 г.

В предисловии к «Критическим заметкам» Струве оповещает, что «примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам (т.-е. к марксизму. — *А. Т.*), он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен» [2]). Содержание этой работы действительно показало, что Струве «ортодоксией не заражен» и его понимание марксистской теории общественного развития, путей развития России и других вопросов,

[1]) Правда, Бернштейн со своими «Предпосылками социализма» выступил только в 1899 г.

[2]) Цитата взята из работы Ленина «Эконом. содерж. народнич. и критика его в книге г. Струве», том 1, стр. 225, 2-е издание.

поставленных в его книге, обнаружило, что с марксизмом он ничего общего не имеет, «говорит языком об'ективиста, а не материалиста», скатывается к апологетике капитализма и выражает буржуазно-либеральные взгляды, прикрытые марксистской формой. Эта работа Струве вышла в свет в сентябре 1894 г. и сразу же, осенью этого же года, она подвергается жестокой критике со стороны Ленина сначала в реферате, а затем и в статье (написанной осенью же 1894 г. и вышедшей в свет весной 1895 г.), ибо он считал необходимым немедленно же противопоставить буржуазно-либеральным взглядам Струве действительные взгляды революционной с.-д. То, что Струве являлся временным союзником, Ленину не препятствовало, а наоборот, обусловливало необходимость дать жесточайшую критику его «с точки зрения человека», примыкающего «по в с е м (а не по «некоторым» только) основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам» (Л е н и н, там же, стр. 226).

Ленин считал Струве, как и других литераторов, пришедших в легальный марксизм, «буржуазными демократами, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму», и реферат свой, посвященный критике работы Струве, он назвал «Отражением марксизма в буржуазной литературе». «Приятие» марксизма по частям, отбрасывание его революционного метода — материалистической диалектики, и заигрывание с нео-кантианцами со стороны Струве — вызвали у Ленина необходимость резкой критики, а не политику уступок и компромиссов, не попыток теоретически обосновать это «сожительство», а необходимость резкого отмежевания от такого союзника. Ленин пишет: «В 1895 г., за несколько лет до «бернштейниады» на Западе... я указывал на то, что г. Струве — марксист ненадежный, от которого соц.-дем. должны отгородиться» (Предисл. к сб. «За 12 лет», том VIII, стр. 476, 1-ое изд.). И там же еще одно очень важное замечание: «В 1895 г. его (т.-е. Струве, — *А. Т.*) предостерегали и от него отмежевывались как от союзника. В 1901 г. ему об'является война, как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто демократические требования». И все эти годы Ленин не прекращал критики Струве, несмотря на участие в одном журнале с ним (в «Новом Слове»). Например: в примечании к своей статье «Еще к вопросу о теории реализации» (март 1899 г.) он прямо выступает против попыток Струве «об оплодотворении марксизма критической философией» (том II, стр. 411, 2-е изд.) и т. д.

Как же реагировал Плеханов на эти выступления Струве? До 1901 г. Плеханов против Струве не выступает, т.-е. он не выступал до тех пор, пока ему не была об'явлена война «как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто демократические требования». А до этого, когда Ленин отмежевывался от Струве, когда Ленин бичевал его взгляды как «отражение марксизма в буржуазной литературе», — Плеханов в 1895 г. берет его фактически под защиту в ряде своих статей («Еще раз г. Михайловский», «Несколько слов нашим противникам», том VII, соч. Плеханова), считая, что он только «неосторожно выразился». О статьях Струве этого периода он пишет, что они показывают нам, «как высоко стоял, — несмотря на все недостатки своего мышления и на все пробелы своего образования, — г. Струве в 1896 — 97 гг.» (том VIII, стр. 380), а в 1897 г., ради сохранения союза с представителями либеральной интеллигенции, чем явились легальные марксисты, идет «на защиту теоретического ревизионизма», о чем свидетельствует, между прочим, и публикуемая статья.

Хотя это место и не вошло в окончательную редакцию статьи Плеханова, но оно н е я в л я е т с я с л у ч а й н ы м для Плеханова. Меньшевизм не отгорожен китайской стеной от экономизма и легального марксизма. Ленин в свое время писал: «Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в рус-

...сизме и в русской соц.-дем. за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм г. Струве (1894 г.) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм»... фактически осуществил программу буржуазно-либерального «credo»... Меньшевизм...—сплоченная фракция, которая провела в течение 1-го периода русской революции (1905—1907 гг.) особую политику, на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму» (разрядка Ленина, т. VIII, стр. 486, изд. 1-е).

Не случайным цитированное выше место Плеханова является, когда мы рассматриваем его и в связи с теоретическими ошибками его кантианского характера, которые он делал и до и после 1897 г. Достаточно указать на его иероглифическую теорию, изложенную им впервые в 1892 г. (в примечаниях к «Л. Фейербаху»), полностью повторенную в статьях против К. Шмидта (1898—1902 гг.), и отказ его в 1905 году только от терминологии, но не от существа самой теории; ряд кантианских ошибок (наряду с некоторыми гегельянскими и механистическими) в его эстетической теории, изложенной полнее всего в «Письмах без адреса» (1899—1900 гг.); ряд принципиальных уступок нео-кантианству в его статьях, направленных против Бернштейна и Конрада Шмидта (1898—1902 гг., т. XI), как, допустим: «Мы только верим в атом» и приписывание этого Энгельсу (стр. II), знаменитые рассуждения Плеханова о кубе и цилиндре, его точка зрения о том, что представление наше о предмете соответствует самому предмету так же, как тень от куба, упавшая на цилиндр, самому кубу (стр. 129), что «пространство и время суть формы сознания и что поэтому первое отличительное свойство их есть субъективность,... и этого не станет отрицать теперь ни один материалист» (стр. ...); сведение французских материалистов в теории познания к Канту и т. д. Достаточно указать бегло на все эти моменты, чтобы убедиться, что не случайно «сорвалось» цитированное выше место у Плеханова.

Мы не даем разбора всей статьи Плеханова и надеемся, что редакция к нему в скором времени вернется, особенно после выхода всех трех сборников «Архива дома Плеханова», подготовляемых к печати. Мы не останавливаемся также на ряде мест, связанных с разобранным нами вопросом, например: на софистическом выверте Плеханова, когда он разделяет философские взгляды и философско-исторические, когда он правомерность соединения кантианства с марксизмом обосновывает тем, «что их разногласие с ним (кантианцев с марксизмом. — *А. Т.*) ограничивается вопросом об отношении мышления к бытию» (!?). Место, например, где он говорит, что «такое отношение тем более естественно, что поскольку речь идет о мире явлений», «к которым относятся, конечно, также явления экономические и исторические» и др. потребует специального разбора. Также не останавливаемся мы и на других вопросах, трактующих ряд основных положений исторического материализма.

В заключение приводим небольшую историческую справку о вновь публикуемой статье Плеханова, заимствуя некоторые факты из предисловия Е. Коц, опубликованного в «Литературе и Искусстве».

Среди неопубликованных материалов Г. В. Плеханова найдена была статья без заглавия в двух редакциях, первоначальная редакция которой и помещается в нашем журнале под названием: «Об экономическом факторе»[1]). Статья представляет собой заключительное звено в цикле статей Пле-

[1]) Окончательная редакция этой статьи под тем же названием впервые опубликована в «Литературе и искусство», №№ 2 и 3—4 за 1930 г.

ханова против народничества и явилась ответом на обозрение Михайловского «Литература и жизнь» — «О новых словах» и «Новом Слове», помещенный в октябрьской книжке «Русского Богатства» за 1897 г. «Обозрение же Михайловского в свою очередь было ответом на статью Плеханова (Каменского), помещенную в «Новом Слове» № 12 за 1897 г. «О материалистическом понимании истории» (разбор книги Антонио Лабриола) (том VIII, стр. 237). Написана статья по всем данным в конце 1897 г. или в начале 1898 г. и предназначалась для журнала «Новое Слово». Но в виду закрытия журнала в декабрьской книжке 1897 г. статья не увидала света. По той же причине не появилась она и в другом легальном марксистском журнале «Начало», выходившем с января по май 1899 г. О попытках поместить ее там видно из письма Струве к Плеханову от 17 мая 1899 г. Закрытие в мае месяце и этого журнала опять помешало опубликованию статьи. После этого, очевидно в силу того, что сопротивление народнических предрассудков было сломлено и их глава и теоретик — Михайловский—умер, Плеханов считал уже несвоевременным ее помещение, о чем он пишет в предисловии к сборн. «Критика наших критиков» (том XVII, стр. 294 — 295).

Статья Михайловского, на которую, как мы видим, не смог ответить Г. В. Плеханов, не осталась без ответа и критики. На нее был дан ответ Владимиром Ильичем в его статье «От какого наследства мы отказываемся», написанной в 1897 г. и в 1899 г. опубликованной в сб. Вл. Ильина «Экономические этюды и статьи».

Заглавие этой статьи или не было дано Плехановым или до нас не дошло. О мотивах, на основании которых дано ей указанное нами заглавие, работники «Дома Плеханова» в частности Е. Коц пишет: «При чтении статьи заглавие напрашивается само собой: «О факторах» или вернее «О «экономическом факторе». В этом заглавии мы берем в кавычки слово «экономический фактор», так как спор велся именно около этого понятия, за которое уцепились народники, всячески извращая его... В заголовке печатаемой ниже статьи (Е. Коц указывает на содержание сборника из предисловия к которому приводится цитата. — *А. Т.*), «опять об «экономическом материализме» (ответ В. А. Гольцову), относящееся к 1896 г., Плеханов берет в кавычки слово «экономический».

А в письме от 21/IX 1897 г. Аксельрод пишет Плеханову: «А хорошо бы если бы противники откликнулись, да ухватились бы за «фактор»... Все эти соображения и факты оправдывают, как нам кажется, заглавие, данное нами статье».

Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопрос о классах в СССР.

Т. Ищенко.

I.

Первое основное положение теории исторического материализма состоит в том, говорит Ленин, что «эта теория выработала понятие общественно-экономической формации»[1]. Учение об общественно-экономической формации впервые позволило взглянуть на общество как на естественно-исторический процесс в его развитии и переходе от одной общественно-экономической формации к другой. Благодаря именно этому учению, благодаря пониманию истории общества, как истории развития общественно-экономических формаций, законы общества были лишены того абстрактного, метафизического характера, какой они имели у предшественников Маркса и какой они имеют у большинства современных буржуазных социологов. Только учение об общественно-экономической формации и дает возможность понимать общественные явления и законы общественного развития как исторические, преходящие, свойственные только определенным формам общества. Это же учение впервые позволило понять, что и классы суть также явление историческое, преходящее.

Преходящий характер деления общества на классы состоит, во-первых, в том, что классы возникают только на определенной ступени развития общества и на определенной же исторической ступени они уничтожаются, и, во-вторых, согласно марксистско-ленинской теории классов каждой классовой общественно-экономической формации присущи свои особые классы. Классы, следовательно, раз возникнув, не остаются неизменными, а изменяются: одни исчезают, а на смену им приходят другие, новые классы.

Вот почему задача марксистско-ленинской теории классов, прежде всего, состоит в том, чтобы: 1) исследовав причины и условия возникновения классов, показать, что на определенной ступени исторического развития производственные отношения принимают форму классовых отношений; 2) показать, что каждой исторически определенной системе общественного производства присущи свои особые классы; 3) вскрыть, что история общества, будучи историей общественно-экономических формаций, с момента возникновения классов выступает как история классов и что, следовательно, задача науки в этот отрезок времени сводится, прежде всего, к исследованию конкретного соотношения классов в тот или иной исторический период.

В этих основных моментах и заключается, прежде всего, ценность марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. Если мы озна-

[1] Ленин, т. I, изд. 3-е, стр. 296.

комимся с основными высказываниями классиков марксизма о классах и классовой борьбе, то легко заметим, что именно на эти моменты они делают прежде всего упор. Так, в письме к Вейдемейеру (от 5/III — 1852 г.) Маркс, говоря о том новом, что он внес в учение о классах и классовой борьбе, писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы развивающегося производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы». Маркс, таким образом, прежде всего подчеркивает исторический, преходящий характер деления общества на классы: классы не вечны; они возникли в определенный момент и в определенный же исторический период будут уничтожены.

В своем определении класса Ленин первым пунктом ставит: «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства» [1]). Ленинское определение следовательно говорит не вообще о классах, а о классах, присущих данной, исторически определенной общественно-экономической формации. С этой точки зрения, чтобы узнать, что такое классы, необходимо конкретное исследование места и роли людей в исторически определенной системе общественного производства, а не рассуждение на тему о классах вообще.

Однако, если мы обратимся к точке зрения Н. И. Бухарина на классы и классовую борьбу, то увидим совершенно обратное. Рассуждения т. Бухарина о классах и классовой борьбе именно тем и страдают, что они суть прежде всего, рассуждения на тему о классах вообще. И это вполне понятно, поскольку в своем учении о классах и классовой борьбе т. Бухарин исходит не из учения об общественно-экономической формации, а из понятия общества вообще. Дано общество, как некая «реальная совокупность людей», как некая система различных элементов, находящихся между собой в равновесии [2]). Задача состоит в том, чтобы разложить, расчленить эту систему на составляющие ее элементы. Разлагая общество на образующие его элементы, Н. И. Бухарин постепенно, шаг за шагом, и приходит к одному из этих элементов — к классам и далее — к классовой борьбе.

Не беря общество в его развитии от одной общественно-экономической формации к другой, а рассуждая об обществе вообще, Н. И. Бухарин не ставит, да и не может поставить вопрос о преходящем, историческом характере деления общества на классы. Этот пункт марксистско-ленинской теории классов совершенно выпадает у т. Бухарина, его нет в учении Н. И. Бухарина о классах и классовой борьбе. Исходным пунктом этого учения является определение класса.

От вопроса, что такое общество вообще, к вопросу, что такое класс вообще,—таков путь бухаринского исследования, учения о классах и классовой борьбе.

Естественно поэтому, что все недостатки, присущие учению об обществе, переносятся и на учение о классах и классовой борьбе. Общество вообще, это — «реальная совокупность» людей, некая взаимодействующая

---

[1]) Ленин, Великий почин, т. XVI, изд. 1-е, стр. 249.

[2]) Общество «есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь» (Бухарин, Теория ист. мат., изд. 1929 г., стр. 93). «...Не подлежит никакому сомнению... известное равновесие внутри общества между его элементами, между его составными частями, между различными видами общественных явлений» (там же, стр. 141).

стема. А класс вообще? Тоже — «реальная совокупность» и также — некая система, но теперь уже—маленькая система внутри большой системы. Н. И. Бухарин так и пишет: «...Класс есть некоторая «реальная совокупность», т.-е. совокупность людей (еще бы!—*Т. И.*), находящихся в непосредственном взаимодействии, «живых людей» (не может быть, т. Бухарин! — *Т. И.*), корнями уходящих в производственную жизнь, мыслями летящих хоть до облаков небесных. Это есть особая частная людская система внутри большой системы, которую мы называем человеческим обществом» [1]). И дальше: «Классы—это особые группы людей, «реальные совокупности», отличающиеся друг от друга своей производственной ролью, которая находит свое выражение в отношениях собственности» [2]). Наконец, самое развернутое определение класса у Н. И. Бухарина гласит: «...Под общественным классом разумеется совокупность людей, играющих сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, при чем эти отношения выражаются также и в вещах (средствах труда)» [3]).

Можно было бы привести и еще несколько определений класса, устанавливаемых Н. И. Бухариным, так как этих определений у него «великое множество». Но все эти определения ничем не отличаются существенно от только что приведенных и страдают тем же недостатком — абстрактным схематизмом и неисторичностью, крайней метафизичностью, неумением взять предмет в его движении и конкретности. Нет ничего удивительного поэтому в том, что т. Бухарин не заприметил первого основного пункта марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы — учения об историческом характере деления общества на классы. Нет ничего удивительного поэтому в том, что т. Бухарин и не ставит проблемы классовых структур и конкретного исследования классов; конкретные классы фигурируют у него в качестве примеров, в качестве подтверждения его «общесоциологической» концепции. Нет ничего удивительного, наконец, и в том, что Бухарин не понимает, да и не может понять того огромного методологического значения марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, которое она на самом деле имеет. Этой стороны марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы Н. И. Бухарин также не заприметил.

Происходит все это от того, что, как мы уже отметили, Н. И. Бухарин берет общество не в его движении и развитии, не в его переходе от одной общественно-экономической формации к другой, а в с т а т и к е. Да иначе и быть не могло. Ведь т. Бухарин исходит в учении об обществе из теории равновесия. А эта последняя отправным пунктом исследования берет не движение, через борьбу внутренних противоречий, а именно равновесие, т.-е. п о к о й. Отвлекшись от движения общества, беря его в статике, в равновесии (конечно — в «относительном» и «подвижном» равновесии), Бухарин и строит с в о ю теорию классов и классовой борьбы, которая ничего не имеет общего с марксистско-ленинской теорией, кроме словес.

Коренное отличие марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы от бухаринской состоит в том, что последняя, как мы видим, насквозь метафизична, первая же есть по существу наиболее конкретное выражение диалектического материализма. Ибо она рассматривает общество «как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации элементов) [4]), для изучения которого необходим об'ективный анализ произ-

---

[1]) Н. И. Б у х а р и н, Теория ист. мат., ГИЗ, 1929 г., стр. 316.

[2]) Там же, стр. 324.

[3]) Там же, стр. 313.

[4]) Это замечание Ленина попадает «не в бровь, а в глаз» бухаринской теории классов и его учению об обществе: Бухарин, именно, рассматривает общество, как «нечто механически сцепленное».

водственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование ее законов функционирования и развития» [1]).

Бухаринская же теория классов основана на понимании общества как механического сцепления отдельных разобщенных элементов. И сама эта теория поэтому насквозь механистична, метафизична. Чего, например, стоит «знаменитая» таблица Бухарина, долженствующая доказать, что классом, способным повести общество к социализму, является пролетариат. В самом деле, — почему пролетариат только и может привести общество к социализму? Почему эту роль не может выполнить другой класс, например, крестьянство? «Чтобы ответить на эти вопросы,—говорит Н. И. Бухарин,—мы спросим себя предварительно, какими чертами должен обладать класс, который может совершить преобразование общества, перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы» [2]). И т. Бухарин начинает придумывать признаки, на основании которых можно было бы отнести тот или иной класс в разряд способных повести общество к социализму. Метод, как видим, «рационалистический»: отправной пункт — не конкретное исследование об'ективной действительности, а собственный идеал, понятие класса, способного «перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы».

Само собой понятно, что при таком методе Бухарин легко и быстро на протяжении одной страницы, устанавливает целых шесть признаков, на основании которых можно было бы определить, способен ли тот или иной класс «перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы». После того, как выработаны эти признаки, т. Бухарин заявляет: «Теперь сведем эти признаки в табличку и посмотрим, какой класс и какая группа из наших трех (пролетариат, крестьянство, люмпен-пролетариат.—Т. Ш.) удовлетворяет этим требованиям. Кто удовлетворяет, тому будем ставить знак +, кто не удовлетворяет, тому будем ставить знак —.

		Крестьянство	Люмпен-пролетар.	Пролетариат.
1.	Хозяйственная эксплоатация	+	—	+
2.	Политическое угнетение	+	+	+
3.	Бедность	+	+	+
4.	Производительность	+	—	+
5.	Несвязанность с частной собственностью	—	+	+
6.	Сплоченность в производстве и совместный труд	—	—	+

Отсюда ясно, «что к чему»,—заканчивает Н. И. Бухарин [3]). Действительно ясно «что к чему». Ясно, что т. Бухарин совершенно не понял марксистско-ленинской теории классов и что его теория — метафизическая теория. Почему, спрашивается, Н. И. Бухарин устанавливает только 6 признаков, а не 7, 10 и т. д.? И почему именно эти шесть признаков, а не другие? Почему, скажем, нельзя было установить такой признак: «размеры, количество членов данного класса»? И тогда бы пролетариат получил «минус», а крестьянство «плюс». И дело было бы «швах», пролетариат оказался бы не способным «перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы»... Восьмым «признаком» можно было бы поставить, ну, скажем, «выносливость», почему бы не так? И тогда, пожалуй, чего доброго, положение еще больше ухудшилось бы и пролетариат совсем бы оказался в хвосте остальных «классов и групп».

[1]) Ленин, т. I, изд. 3-е, стр. 84.
[2]) Н. И. Бухарин, Теория ист. мат., стр. 328.
[3]) Там же, стр. 329.

К счастью мы знаем, что вся эта игра в побрякушки с плюсами и минусами ничего не имеет общего с марксистско-ленинской теорией классов и классовой борьбы. Когда Маркс, Энгельс и Ленин доказывают, что из всех современных классов только пролетариат способен привести общество к социализму, то они при этом исходят не из придуманных и надуманных признаков, а из анализа отношений капиталистического производства, из анализа современного общества и противоречий, внутренне присущих этому обществу. Вскрывая противоречия капиталистического способа производства и тенденции развития этих противоречий, Маркс, Энгельс и Ленин устанавливают, что капитализм сам, в своем самодвижении, в своем развитии создает класс, который только и может быть гегемоном в освободительной борьбе, который только и в состоянии повести и привести общество к социализму. Таким классом, создаваемым самим процессом капиталистического развития, и является пролетариат. Исходный пункт у классиков марксизма, следовательно, совершенно иной, чем у Н. И. Бухарина. Первые исходят из конкретного анализа современного им общества и потом уже «определяют» пролетариат, как класс, который только и может «перевести общество с капиталистических на социалистические рельсы». Второй, наоборот, исходит из абстрактных определений, из «признаков», в которые затем надлежит втиснуть конкретную действительность. При этом условии может оказаться, что ни один из взятых (притом же произвольно) классов не отвечает установленным признакам, так как количество и характер этих признаков определяются исключительно произволом «социолога».

При этом условии ничего, кроме произвольной схемы, не получается, так как в этой схеме отражена не об'ективная действительность, а изворотливость ее конструктора. В самом деле, как только мы подходим к действительному обществу, а не к обществу вообще, сейчас же мы обнаруживаем недействительность бухаринской схемы: сколько же надо поставить плюсов и минусов крестьянству как классу в СССР? Какими знаками отличия необходимо наделить буржуазию и в частности рантье? Куда девать колхозника? И т. д. и т. д. На все эти вопросы бухаринская схема ничего не может ответить, ибо она есть произвольная конструкция и мертвая схема.

И так всюду. Какую бы сторону бухаринского учения о классах и классовой борьбе мы ни взяли, она страдает одной и той же болезнью — неумением взять общество в его развитии, в самодвижении, отсутствием конкретного анализа, пониманием общества и классов, как механического агрегата, абстрактным схематизмом, а в общем — отсутствием диалектики. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим остальные основные моменты бухаринского понимания классов и классовой борьбы.

II.

Учение об общественно-экономической формации, как мы сказали, есть первая основная отличительная черта марксистско-ленинской теории классов. Но этим не исчерпывается марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, и не в этом даже заключается ее центральное ядро. Наиболее полное и правильное определение классов мы имеем у Ленина: «Классами,—говорит Ленин,—называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1]).

[1]) Ленин, Великий почин, т XVI, изд. 1-е, стр. 249

Момент эксплоатации, таким образом, есть наиболее полное выражение классовых отношений, и он является одним из центральных пунктов марксистско-ленинского определения классов. Классы — это не просто различные группы людей («совокупности», пусть даже — «реальные»), которые стоят рядом друг с другом и внешне взаимодействуют. Нет, это такие группы людей, из которых одна стоит над другой, одна живет за счет эксплоатации другой и каждая из которых является необходимым моментом целого — определенной системы общественного производства. Отношения эксплоатации и придают всем отношениям классового общества характер антагонистических. Ибо с того момента, как в обществе образовались классы, оно распадается на два враждебных и непримиримо-противоположных полюса: на эксплоататоров и эксплоатируемых [1]) и антагонизм этих противоположностей оказывается основой развития классового общества.

В классовом обществе, следовательно, противоречия общественного производства принимают форму антагонизма классов. В обратном выражении это означает, что антагонизм классов и проистекающая отсюда борьба классов есть форма проявления противоречий, внутренне присущих исторически определенной системе общественного производства. Поэтому история общества на этой ступени есть история борьбы классов, которая (борьба) меняет свои формы в зависимости от изменения классов и их соотношения. Поэтому же все явления общественной жизни на этой ступени исторического развития суть выражение классовой борьбы. Вне исследования всех сторон общественной жизни как формы проявления классовой борьбы нельзя понять ни одного события в классовом обществе. Наконец, сама классовая борьба теряет случайный характер, приобретая определенную закономерность, как форма проявления закономерности общественного производства.

Совершенно иное понимание классовой борьбы, ее характера, значения и места мы имеем у т. Бухарина. Понимая общество как некую «систему», находящуюся в равновесии, Н. И. Бухарин причин изменения общества ищет не внутри этой «системы», не в борьбе противоречий, внутренне присущих каждому обществу, а во вне общества, во взаимодействии «системы» с «средой», т.-е. — во взаимодействии общества с природой [2]). Но раз не поняты истинные причины развития общества, то не может быть понята и истинная роль классов и классовой борьбы. С точки зрения Н. И. Бухарина «Под классовой борьбой понимается такая борьба, когда класс противостоит классу в действии» [3]). Это определение классовой борьбы совершенно недостаточно, а потому и неверно. Конечно, «когда класс противостоит классу в действии», то мы имеем классовую борьбу. Но этим классовая борьба не исчерпывается, и поэтому здесь точку ставить еще нельзя. Бухарин же ставит именно здесь точку, что и приводит его в дальнейшем к совершенно неверным положениям: «Классовая борьба проявляется тогда, — развивает свою точку зрения т. Бухарин, — когда она противопоставляет класс классу в действии. Другими словами: классовая борьба в собственном смысле слова развертывается лишь на определенной ступени развития классового

[1]) В своей критике Бухарина т. Кошин («Революция и культура», № 19-20 за 1930 г., стр. 55) пишет: «Нигде Маркс, Энгельс и Ленин не развивали теорию двухклассового общества». Это заявление, с нашей точки зрения, и не соответствует действительности и неправильно. Маркс, Энгельс и Ленин, конечно, нигде не развивали «теорию двухклассового общества», но они всегда подчеркивали, что в каждом классовом обществе есть два основных класса, что вытекает и из [illegible] что приведенного ленинского определения общественных классов. Так что т. Кошин бьет мимо цели.

[2]) «Соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете, движение любой системы» (Бухарин, Теория ист. мат., стр. [illegible]).

[3]) Бухарин, Теория ист. мат., стр. 340.

общества»[1]). На какой же ступени развертывается «классовая борьба в собственном смысле слова»? Оказывается, что классовая борьба с точки зрения Бухарина есть только орудие «общественной трансформации». Под общественной же «трансформацией» Н. И. Бухарин понимает переход от одной формы общества к другой: «Если смотреть на общество как на некоторую об'ективно развивающуюся систему, то мы видим, что переход от одной классовой системы (от одной классовой «общественной формации») к другой происходит через ожесточенную борьбу классов. Классы являются в об'ективно развивающемся процессе общественных изменений живым трансмиссионным (передаточным) аппаратом, через который перестраивается вся совокупность жизненных отношений общества... Таким образом классовая борьба и классовая воля являются работающим передаточным аппаратом при переходе от одной общественной структуры к другой»[2]).

Классы и классовая борьба — «передаточный аппарат» при переходе от одной общественной формации к другой и только. И это не случайное замечание. В следующем и последнем пункте, где речь идет о значении классовой борьбы, это значение опять-таки сводится к тому, что классы — орудие «общественной трансформации»: «Из предыдущего мы уже знаем, какую громадную роль играют классы в развитии человеческого общества. Недаром даже общественная структура в классовом обществе определяется именно тем, какие классы в нем существуют, в каком соотношении друг к другу они стоят и т. д. Недаром всякое крупное изменение в общественной жизни так или иначе связано с классовой борьбой. Недаром переход от одной ее формы к другой реализуется через бешеную борьбу классов. Именно поэтому начинали Маркс и Энгельс «Манифест Коммунистической Партии» словами: «Вся история общества была до сих пор историей классовой борьбы»[3]). Вот и все, что говорит Н. И. Бухарин о значении и роли классов и классовой борьбы в классовом обществе.

Не поняв диалектики общественного развития, как борьбы внутренних противоречий, Бухарин не понимает и истинного значения классов и классовой борьбы, как формы проявления и разрешения этих противоречий. Исходя из теории равновесия, Бухарин совершенно не понимает, да и не может понять, что источник классовой борьбы лежит во внутренних различиях классов. Вот почему в своем определении класса он совершенно упустил из виду момент эксплоатации. Здесь же надо искать об'яснение и тому, что область значения классовой борьбы т. Бухарин вынужден ограничить только крупными событиями, только периодом перехода от одной общественной формации к другой, при чем даже в этих случаях мы имеем только «связь». Бухарин так и пишет: «Недаром всякое крупное изменение в общественной жизни так или иначе связано с классовой борьбой». Иначе и быть не могло. Раз нет понимания классов и классовой борьбы, как формы действия производственных отношений на определенной ступени развития общества[4]), раз изменения в обществе имеют своей причиной внешние для него действия, лежат в изменении соотношения между «средой» и «системой», то между общественным производством и классовой борьбой может быть только отношение связи, как между рядом стоящими элементами

---

[1]) Там же, стр. 339.
[2]) Там же, стр. 351—352.
[3]) Там же, стр. 313. (Разрядка моя.—Т. И.).
[4]) С точки зрения т. Бухарина классовые отношения, это не форма действия производственных отношений в классовом обществе, а «особый вид производственных отношений», которые именно стоят рядом с вообще производственными отношениями. Есть просто производственные отношения, неклассовые, и есть «классовые производственные отношения» (см. Бухарин, Теория ист. мат., изд. 1929 г., стр. 157—159).

общества. При чем связь эта вовсе не необходима, а чисто случайна. Может быть, а может, очевидно, и не быть, никакой связи. Поэтому-то она и ограничивается только областью крупных политических событий. При чем, совершенно справедливо указывая, что, по Марксу, «всякая классовая борьба есть борьба политическая», Бухарин совершенно упустил из виду, что при всем том классовая борьба развертывается в трех формах: в форме политической, экономической и теоретической. Проблема форм классовой борьбы у Бухарина вообще является самым слабым местом. Пытаясь дать определение классовой борьбы вообще, Бухарин не может понять того, что формы классовой борьбы изменяются в зависимости от экономического развития, от развития классов и их соотношения. Рассматривая общество в статике, Бухарин вынужден классифицировать формы классовой борьбы не как различные этапы этой борьбы, а как различные формы борьбы за различные классовые интересы: «Из различной градации интересов возникают и различные виды борьбы» (339). А классовые интересы, как известно, бывают различные: временные, преходящие, длительные, групповые, общеклассовые и т. д.

Совершенно очевидно, что такая точка зрения на значение классовой борьбы ничего общего не имеет с марксистско-ленинской теорией классов и классовой борьбы. Маркс, Энгельс и Ленин учили, что в классовом обществе все решительно явления, а не только крупные, «разыгрываются ли они в политической, религиозной, философской или иной идеологической области, представляют в действительности лишь более или менее ясное выражение борьбы классов» [1]). И это вполне понятно: с точки зрения марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы классовая борьба есть двигатель развития классового общества, поэтому никакое общественное изменение не может произойти вне классовой борьбы. Всякое общественное изменение не «так или иначе связано с классовой борьбой», а есть «лишь более или менее ясное выражение борьбы классов». Маркс и Энгельс, следовательно, в «Манифесте Коммунистической Партии» писали, что «вся история общества была бы до сих пор историей классовой борьбы» вовсе не потому, что крупные изменения так или иначе связаны с классовой борьбой, а потому, что, с их точки зрения, действительно вся история есть история борьбы классов, более или менее ясное выражение классовой борьбы. Согласно же бухаринской теории «связи» история общества распадается на два периода: 1) период мирного, органического, развития общества, где еще нет классовой борьбы «в собственном смысле слова»; 2) период катастроф, революций, общественных «трансформаций», где классы и выступают как «передаточный аппарат». При чем сама революция сводится, как увидим ниже, к моменту переворота и только.

Не поняв истинной роли и значения классовой борьбы, Н. И. Бухарин не смог извлечь из учения о классовой борьбе никакого методологического багажа. О методологическом значении марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы Бухарин и здесь, в учении о классовой борьбе, не говорит ни слова.

III.

Исследуя классы и классовую борьбу в ее историческом развитии, и в частности (и в особенности) в капиталистическом обществе, марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы устанавливает неизбежность диктатуры пролетариата. И не только неизбежность диктатуры пролетариата устанавливает марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы. Эта теория есть вместе с тем учение о классах и классовой борьбе при диктатуре пролетариата и учение об условиях уничтожения классов.

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. III, изд. 1921 г., стр. 132.

ма, т.-е. — учение о путях и способах движения общества к социали... В вышеприведенном письме Маркса к Вейдемейеру мы уже видели, что с... заслугой в учении о классах и классовой борьбе Маркс считал именно д... зательство неизбежности диктатуры пролетариата и доказательство т... «что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению вся... классов и к установлению общественного строя, в котором не будет м... деления на классы». Вот почему центральным звеном, сущностью маркс... ско-ленинской теории классов, взятой в целом, является именно учени... диктатуре пролетариата. Учение о диктатуре пролетариата есть тот пу... которым марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы о... чается не только от буржуазных «социологий», но и от всякого рода р... зионистских и полуревизионистских теорий. Ленин так и пишет: «Маркс... лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до приз... ния диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отли... марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом осе... надо испытывать действительное понимание и признание марк... ма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий кл... практически к данному вопросу, то не только все оппортунист... реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмо... марксизмом люди) [1]) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазны... демократами, отрицающими диктатуру пролетариата» [2]).

Н. И. Бухарин, конечно, не дошел еще до отрицания диктатуры п... летариата. Напротив мы имеем заявление Бухарина, в котором он д... ывает, что учение о диктатуре пролетариата есть «душа» марксиз... ленинизма [3]). Однако первая заковыка состоит в том, что т. Бухарин, ... торый потом признает, что «душой» марксизма-ленинизма является учени... диктатуре пролетариата, в главе, посвященной специально изложе... марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, совершенно ... ходит вопрос о диктатуре пролетариата. Основная же задача марксистс... ленинской теории классов и классовой борьбы, как мы видели, и состои... разработке учения о диктатуре пролетариата, понимая под этим последн... исследование условий, путей и способов захвата пролетариатом власти и ус... ний путей и способов строительства социализма после установления д... татуры пролетариата. У Н. И. Бухарина мы встречаем, прежде всего, зия... щую пустоту, «отсутствие всякого присутствия», дырку того бублика, о ... рой так много говорит Бухарин в «теории исторического материализм... Так «душа» марксизма-ленинизма оказалась обойденной.

Это, конечно, не означает, что Н. И. Бухарин в своих писаниях (... частности в «Теории исторического материализма») вовсе обходит вопр... о диктатуре пролетариата. Нет, он его не обходит, как увидим ниже. Но ... прежде всего, должны отметить, что Бухарин не видит и не понимает нео... ходимой связи учения о диктатуре пролетариата с марксистско-ленинск... учением о классах и классовой борьбе. И это опять-таки совершенно ... ятно. Н. И. Бухарин исследует общество и классы вообще, а для это... он берет и рассматривает их в статике, как предстоящие нашему умстве... ному взору неподвижные об'екты. Разлагая, далее, общество и классы на ... ставляющие их элементы, Н. И. Бухарин, естественно, не может обнаружи... в этих абстрактных, но «реальных совокупностях» диктатуры пролетар... та, так как там ее действительно нет. Вот почему второе, что необходи... отметить при разработке бухаринского «учения» о диктатуре пролетари... та — это то, что у него это «учение» развертывается в порядке примечани...

[1]) Именно с тех пор Каутский окончательно и бесповоротно перешел ... сторону ревизионизма и стал мелкобуржуазным демократом.

[2]) Ленин, Государство и революция.

[3]) См. «Ленин, как марксист».

в порядке примеров и иллюстраций, долженствующих подтвердить его абстрактную теорию общества. Так учение о диктатуре пролетариата в «души» марксизма-ленинизма превращается в примечания к учению об обществе, государстве и классах, как «реальных совокупностях», как о некоторых системах и системках.

Что же говорит т. Бухарин о диктатуре пролетариата в порядке примечаний и примеров? А говорит он следующее: «В капиталистическом обществе у пролетариата самый длительный и общий интерес есть интерес разрушения капиталистического строя... Но вот пролетариат выполнил свою историческую миссию. Он разрушил старую государственную машину и построил новую, он создал новое общественное равновесие; пролетариат занимает место временного командующего класса. Совершенно ясно, что здесь направление его интересов радикально меняется: все его частные интересы выстраиваются по линии укрепления и развития новых отношений, по линии их организации и по линии сопротивления любой разрушительной попытке. Это диалектическое превращение есть следствие диалектического развития самого пролетариата, который «конституировался, как государственная власть» [1]). Тут что ни слово, то перл. И перлы эти совершенно неизбежны в ходе развития общей концепции Н. И. Бухарина. Общество, с его точки зрения, есть некая система элементов, находящихся в состоянии равновесия. Под действием внешней среды это равновесие внешних друг другу элементов нарушается. Тогда происходит «трансформация», изменение общественных отношений. В этот «жуткий момент» и выступают классы и классовая борьба как орудие, как работающий аппарат, с помощью которого и происходит «общественная трансформация». И вот класс выполнил свою историческую миссию; достигнуто новое равновесие, и песенка классовой борьбы спета. Теперь уже мы вступаем в полосу мирного организационного развития. Так происходит всегда, и примером этого может служить опыт пролетарской революции. «Когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: «внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе итти, т. е. другими словами: после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм» [2]).

Мы можем снова констатировать, что это неслучайное замечание, не обмолвка. В другом месте это утверждение целиком воспроизведено, развито и дано в более конкретной форме: «В своем собственном государстве рабочий класс после того, как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти... Сейчас (1925 г.—*Т. И.*) у нас совершенно иное положение (чем в 1917 — 1919 гг. — *Т. И.*). Сила советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим порядком вещей» [3]). И дальше на протяжении десяти страничек идет развитие этого положения. Вывод, к которому приходит т. Бухарин, гласит: «[illegible]

[1]) Бухарин, Теория ист. мат., стр. 326—327.
[2]) Бухарин, «Ленин, как марксист».
[3]) Н. И. Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок, ГИЗ, 1925 г., стр. 52.

всего сказанного в предыдущих главах можно сделать тот вывод, что, по мере роста прочности советского строя центр тяжести все больше и больше перемещается с дела непосредственного и механического подавления эксплоататоров и остатков враждебных рабочему классу общественных групп на дело хозяйственного преобразования общества, на мирно-организаторскую работу» [1]).

Если эти положения Н. И. Бухарина о диктатуре пролетариата сопоставить с тем, что по этому же вопросу говорят классики марксизма, то между ними получится дистанция пушечного выстрела. В самом деле, ведь всем известно, что уже Маркс и Энгельс, жившие задолго до диктатуры пролетариата, учили, что между капитализмом и коммунизмом лежит целый исторический период диктатуры пролетариата. Спрашивается, для чего же нужна эта диктатура пролетариата, т.-е. ничем не ограниченная власть одного класса — рабочего класса? Прежде всего, для подавления сопротивления свергнутых капиталистов и их всех и всяческих приспешников, которые вовсе не сдаются «на милость победителям», а пользуются всяким случаем для того, чтобы оказать сопротивление строительству социализма, для того, чтобы еще и еще раз попытаться восстановить свое былое господство.

В соответствии с этими указаниями Маркса и Энгельса и на основе опыта русской пролетарской революции Ленин неустанно повторял: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества» [2]). Эта борьба вовсе не заканчивается моментом захвата пролетариатом власти и установления господства рабочего класса, так как установлением диктатуры пролетариата еще не заканчивается «общественная трансформация». Пролетариат, захватив власть и укрепив свое господство, должен построить социализм и уничтожить классы. Однако, «уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [3]).

Поэтому, учил Ленин, «диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями» [4]). Товарищ же Бухарин говорит о линии на замирение классовой борьбы, о гражданском мире в противоположность гражданской войне. Но, с его точки зрения, только и существует или состояние равновесия, мирная организационная работа, гражданский мир, или — «трансформация», линия «катастроф», гражданская война. При этом одно другое исключает и «третьего» нет, т.-е. нет классовой борьбы, как формы проявления и разрешения внутренних противоречий переходного периода и как двигателя общественного развития (поскольку классы еще не уничтожены); нет классовой борьбы в форме ли строительства, в административной ли форме, или в форме вредительства и т. д. и т. п. Все это, с точки зрения Н. И. Бухарина, не есть еще классовая борьба в «собственном смысле слова», и все это может быть, а может и не быть; необходимости здесь нет.

IV.

Не подлежит сомнению, что т. Бухарин не только не понимает, но и извращает марксистско-ленинскую теорию классов и классовой борьбы и здесь, в учении о диктатуре пролетариата.

---

[1]) Там же, стр. 68.
[2]) Ленин, Детская болезнь левизны в коммунизме.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 227.
[4]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 294.

Где лежат корни, основы этого непонимания и этой ревизии?

Основой этой ревизии и этого непонимания являются, с нашей точки зрения, двоякого рода обстоятельства. С одной стороны, основы бухаринской ревизии марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, как мы видели, лежат в его «теории равновесия», в его метафизической, недиалектической общефилософской и «социологической» концепции. В своих теоретических и практических действиях Н. И. Бухарин исходит не из материалистической диалектики, а из теории равновесия, которая ведет его к эклектизму, к абстрактному схематизму, к такой абстракции, которая ничего общего не имеет с методом Маркса [1]).

Здесь лежат теоретические основы бухаринской ревизии марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. С другой стороны, причины бухаринской ревизии марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, как и причин самой теории равновесия, надо искать в том, что Бухарин не понял (как говорит Маркс о Прудоне) «общественного строя в его сцеплениях», или, что то же, — Бухарин не понял «механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата» (Сталин). Бухарин совершенно не понял ни характера русской революции, ни конкретного соотношения классов в СССР.

Н. И. Бухарин считает, что Октябрьская революция есть «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны». Тем самым он скатывается к пониманию нашей революции как буржуазно-демократической.

Что касается классов СССР, то, с точки зрения Н. И. Бухарина, в СССР имеется два класса — пролетариат и крестьянство плюс некая «дробь» из нэпманов, бывших людей и т. п. При этом особый интерес представляют три обстоятельства. Во-первых, «дробь», о которой говорит т. Бухарин, лишена у него характера самостоятельного класса; это есть так себе, нечто, что не заслуживает внимания и что волей-неволей мирится «с существующим порядком вещей», а поэтому, как известно, спокойно и «мирно врастает в социализм». Во-вторых, крестьянство, о котором т. Бухарин говорит с особенной «любовью», выступает у него на протяжении всей революции как сплошная «серая» масса, причесанная под гребенку маломощного середняка [2]). Наконец, в-третьих, у Бухарина нет и тени какой бы то ни было попытки рассмотреть классы СССР в их движении, рассмотреть экономику СССР в ее изменении, исследовать изменение соотношения различных экономиче-

---

[1]) Отмечая совершенно справедливо, что одной из самых характерных черт бухаринского метода является «непонимание Бухариным диалектического соотношения между абстрактным и конкретным», т. Кошин («Революция и культура» № 29 за 1930 г., стр. 58) допускает совершенно неправильное, с нашей точки зрения, утверждение, будто для Маркса метод абстракции имел «смысл только отвлечения от несущественного, случайного, внешнего» (там же). Это есть формально-логическое понимание абстракции, и оно стоит в явном противоречии с диалектикой. Абстрактное, как всеобщее, конечно, не есть несущественное. Но и абстракция как способ познания не сводится только к отвлечению существенного от несущественного. Не скажет же т. Кошин, что Маркс, абстрагируясь в главе I тома «Капитала» от отношений эксплоатации, абстрагируется от несущественного, случайного для капиталистического общества. Ошибка Бухарина состоит в том, что он конкретное подменяет абстрактным, а диалектику—абстракцией, которая признается и Марксом, но лишь в качестве одной из ступеней диалектического метода познания.

[2]) «При характеристике крестьянства у него (у т. Бухарина.—Т. И.) выпадает факт дифференциации, исчезает куда-то наличие социальных группировок, и остается одно лишь серое пятно, называемое деревней. У него и кулак не кулак, и середняк не середняк, а какая-то сплошная нищета. Он так и говорил здесь (на апрельском пленуме ЦК ВКП(б), 1929 г.—Т. И.) в своей речи: разве наш кулак может быть назван кулаком, да это ведь нищий, говорил он. А наш середняк разве он похож на середняка,—заявлял здесь т. Бухарин,—это ведь нищий, живущий впроголодь» (Сталин. О правом уклоне, изд. «Правда», стр. 14).

сных укладов и различных классов СССР. Бухарин попрежнему берет и экономику СССР как некую систему равновесия различных элементов, разлагает эту систему на образующие ее элементы и описывает. У т. Бухарина и здесь обнаруживается отсутствие конкретного анализа, абстрактный схематизм, недиалектический способ рассмотрения явлений.

Не поняв характера Октябрьской революции и не стремясь уяснить конкретное соотношение классов в различные ее периоды, т. Бухарин естественно не может понять самой сущности переходного периода и роли классовой борьбы в этот период. С точки зрения т. Бухарина, переходный период, это — равновесие двух различных систем: социалистической и несоциалистической, при чем эта последняя, как мы видели, причесана под гребенку мелкобуржуазного и даже маломощного крестьянского хозяйства. Носителями этих различных систем и являются два класса. Отныне задача, по Бухарину, состоит в том, чтобы всячески, всеми силами и средствами удержать раз достигнутое равновесие между этими экономическими укладами и представляющими их классами.

Здесь уместно подчеркнуть, что троцкисты и всякого рода «леваки» до Карева включительно [1]) также стоят на понимании нашего общества как двухклассового. Но, в то время как у т. Бухарина (и у правых вообще) два класса, это—пролетариат и крестьянство,—и в последнем, следовательно, растворяются буржуазия и кулачество, у троцкистов два класса, это—пролетариат и буржуазия, которая поглощает крестьянство. Несмотря на все различие этих точек зрения, несомненно их методологическое тождество, несомненно также и то, как теперь выяснилось со всей очевидностью, что конечные результаты этих точек зрения также тождественны.

Если троцкистская точка зрения неизбежно ведет к линии на искусственное обострение классовой борьбы, к перегибам и авантюризму, то неизбежным следствием бухаринской точки зрения является линия к «гражданскому миру», к мирному врастанию кулака в социализм. Так теория двухклассового строения нашего общества ведет к политике замирения классовой борьбы, т.-е. к отказу от строительства социализма.

Неверное понимание характера нашей революции и расстановки сил в этой революции приводит, далее, т. Бухарина к искажению основного пункта в учении Ленина о движущих силах пролетарской революции — учения о союзе рабочего класса с крестьянством. Уже в своей «Теории исторического материализма» т. Бухарин писал: «Крестьянство поддерживало пролетариат в бою против помещиков и капиталистов, оно поддерживает его потому, что пролетариат охраняет крестьянскую землю и дает возможность развиваться крестьянскому хозяйству» [2]). О каком крестьянстве здесь идет речь, известно только аллаху да т. Бухарину. До каких пор и в какой мере пролетариат «охраняет крестьянскую землю и дает возможность развиваться крестьянскому хозяйству», также известно только Н. И. Бухарину. Тов. Бухарин совершенно не понял, да и не может понять, поскольку у него совершенно выпадает факт дифференциации крестьянства, того основного положения Ленина, что в различные периоды революции устанавливается специфический характер союза и пролетариат опирается на различные группы крестьянства. Отсюда Бухарин не может понять и того обстоятельства, что с момента, когда «бой» против помещиков в основном был закончен и пролетариат перешел к непосредственной организации и осуществлению свержения капиталистов, крестьянство перестает быть единым и в своем расслоении. С этого момента кулачество окончательно перешло в лагерь буржуазии и стало не только неот'емлемой частью этого класса, но такой

[1]) Карев, правда, еще сригинальничал в этом вопросе в своей известной теории однок лассового общества.

[2]) Бухарин, Теория ист. мат., стр. 328.

частью, которая, после разгрома капиталистов, становится основной силой этого класса в СССР. Поэтому уже с момента перехода к свержению капиталистов задача пролетариата состояла в том, чтобы организовать непримиримую борьбу и с кулачеством: сначала в форме гражданской войны и раскулачивания, затем в форме ограничения роста и вытеснения кулацких элементов и, наконец, в форме ликвидации кулака как класса на основе сплошной коллективизации [1]).

Понимая переходный период как сосуществование и равновесие двух систем, а союз рабочего класса с крестьянством как условие, обеспечивающее это равновесие, Н. И. Бухарин не может понять центрального пункта в учении Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством, не может понять того, что этот союз оправдывается и допустим лишь в той мере, в какой он обеспечивает гегемонию пролетариата, укрепление его диктатуры, победу социалистических элементов над капиталистическими, уничтожение классов и построение социализма [2]). С точки же зрения т. Бухарина союз рабочего класса с крестьянством, это — обычный компромисс двух классов: «Точно так же, как помещики и капиталисты, не будучи одним классом и отличаясь друг от друга, шли и идут в блоке, в союзе друг с другом и все больше об'единяются в хозяйственной жизни и классовой борьбе против рабочего класса с крестьянством, так и пролетариат, не являясь тем же классом, что и крестьянство, тем не менее должен итти в блоке, в тесном союзе с крестьянством; а крестьянство, с своей стороны, должно, ради собственных основных интересов, поддерживать пролетариат, быть с ним в союзе, добровольно соглашаться на руководящую роль рабочего класса, ибо только при этих условиях возможна общая победа рабоче-крестьянского дела» [3]). Эта аналогия не только характерна для Н. И. Бухарина, она вместе с тем и неудачна и насквозь неправильна. Изображая союз рабочего класса с крестьянством как компромисс двух классов, эта точка зрения предполагает и поднятие интересов крестьянства до уровня интересов пролетариата, а стало быть за реализацию «основных интересов» крестьянства. Если мы вспомним, что под крестьянством как классом и союзником пролетариата Н. И. Бухарин понимает в с е крестьянство, то для нас станет совершенно очевидным, куда ведет такая аналогия: она ведет к отказу от борьбы с кулачеством, она ведет к отказу от задачи п е р е д е л а т ь крестьянство, она ведет в общем к отказу от построения социализма. И Н. И. Бухарин так и пишет, правда в порядке примечания, но все же четко и определенно: «Рабочий класс взял в Октябре 1917 г. власть в свои руки. Но он н е м о г и д у м а т ь о том, чтобы, напр., централизовать и социализировать мелкобуржуазное хозяйство, в частности хозяйство крестьянское. А в 1921 году выяснилось, что русская экономика еще более упрямится и что сил пролетарской государственной машины хватит на то, чтобы д е р ж а т ь социализированной лишь крупную промышленность, да и то не всю» [4]). И это проповедуется в 1929 году без каких бы то ни было оговорок! Ясное дело, что при таком понимании ни о какой переделке крестьянского хозяйства и речи быть не может: «не до жиру, быть бы живу» — дай бог удержаться на раз достигнутом уровне, крепи смычку, укрепляй равновесие. Но это и есть неверие в силы пролетариата; это и есть отказ от социалистического строительства; это и есть — «царству рабочих и крестьян не будет конца»; здесь заложено уже отрицательное отношение к коллективизации. Нет ничего удивительного

---

[1]) Само собой понятно, что ни один из этих лозунгов не отделен от других китайской стеной и в этом смысле не действовал в «чистом виде», но это все три принципиально отличных этапа в нашей политике.

[2]) Сталин, О правом уклоне в ВКП(б), стр. 14—15.

[3]) Бухарин, Путь к социализму и раб.-кр. блок. стр. 19.

[4]) Бухарин, Теория ист. мат., изд. 1929 г., стр. 301.

поэтому в том, что правые, и Бухарин в частности, совершенно запутались при переходе к новому этапу социалистического строительства, к этапу развернутого наступления социализма по всему фронту: ведь это нарушало раз достигнутое равновесие, ведь это означало, что пролетариат осмелился, вопреки теории Н. И. Бухарина, не только «думать», но и на деле осуществлять «социализацию» крестьянского хозяйства и всей промышленности...

V.

Когда троцкисты, «леваки» и правые говорят о том, что наше общество—двухклассовое, то они на первый взгляд исходят как будто из об'ективно данного: в нашем обществе действительно есть два основных сектора—социалистический и несоциалистический. На это обстоятельство неоднократно указывал и Ленин. Но в чем различие между Лениным, с одной стороны, и правыми и троцкистами, — с другой? Это различие идет, если отвлечься от оценки социалистического уклада, главным образом по линии того, что понимать под несоциалистическим сектором и каковы взаимоотношения между социалистическим и несоциалистическим укладом. В то время как с точки зрения троцкистов [1]), различного рода «леваков» вплоть до Карева и под несоциалистическим сектором следует понимать капиталистический способ производства, в котором стирается грань между остальными экономическими укладами, с точки зрения правых и Бухарина под несоциалистическим сектором следует понимать мелкотоварный способ производства, в котором также стерты различия между остальными экономическими укладами. Точка зрения Ленина стоит в явном противоречии как с троцкистской, так и с правооппортунистической точки зрения. Да, Ленин говорил, что переходный период есть борьба между коммунизмом и капитализмом. «Теоретически не подлежит сомнению, — писал он, — что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом» [2]).

Так говорил Ленин. Однако он не останавливался на этой общей характеристике переходного периода и шел дальше, стремясь, как и всегда, вскрыть за различными экономическими тенденциями реальные классы. Более конкретный анализ, как известно, приводит Ленина к установлению пяти экономических укладов в экономике России. Это многообразие экономических укладов свойственно только России, есть, так сказать, специфическая особенность русской экономики. И тем не менее, несмотря на эту специфичность, Ленин в той же брошюре—«Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», пишет: «В России диктатура пролетариата неизбежно

[1]) «Для каждой общественно-экономической формации существуют свои основные классы, воспроизводимые ходом развития данного общества. Для переходного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь один основной класс — пролетариат, который, уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя, как пролетариат. Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе лишь один класс. В «исторически-определенной» для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и частично воспроизводятся и другие, оставшиеся от прежних общественно-экономических формаций, классы. Их судьба, пути развития определяются общей динамикой борьбы капиталистических и социалистических элементов переходного общества. Отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы, формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам» (Карев, За материалистическую диалектику, стр. 62—63).

[2]) Ленин, т. XVI, стр. 348.

должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного. Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат. Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе, капитализмом» [1]).

Ленин, как видим, не ограничивается общим положением: наша экономика есть борьба социализма с несоциализмом. Он шел дальше, к более конкретному анализу, который вскрывал, что несоциалистический сектор нашего хозяйства многообразен, и в этом многообразии Ленин устанавливает два основных, главных уклада — мелкотоварный и капиталистический. В умении установить принципиальное различие в едином капиталистическом наследии, различие между капитализмом и мелкотоварным производством, которые оба представляют в условиях диктатуры пролетариата одну — «товарно-капиталистическую» — тенденцию, в умении, в общем и целом, не терять различия за тождеством и заключается отличительная черта ленинского понимания экономики переходного периода от понимания ее у правых и троцкистов, которые, повторяем, каждый на свой лад стирают эти различия [2]).

Эта особенность ленинского понимания экономики СССР приводит и к уразумению специфического для переходного периода соотношения классов. Прежде всего, в переходный период «внутренне политическое положение Советской власти определяется тем, что здесь мы видим в первый раз во всемирной истории существование, в течение целого ряда лет, только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения» [3]). Крестьянство, таким образом, в переходный период становится основным классом общества. Почему? Потому, что крестьянство есть основная масса нашей страны, которую после свержения и разгрома буржуазии нельзя уничтожить (ибо крестьяне, это—труженики) и с которой надо ужиться. Но крестьяне—мелкие собственники, носители «товарно-капиталистической тенденции» [4]), они в своем движении ежечасно и ежеминутно «рождают капитализм». Поэтому крестьянское хозяйство нельзя просто сохранить; его надо переделать. Так вырисовывается необходимость союза рабочего класса с основной массой (середняком) крестьянства, необходимость союза, возможность которого обусловлена тем, что после установления диктатуры пролетариата перед крестьянством открывается новый путь развития—через кооперацию (не только товарную, но и производственную—колхозы) к социализму. Отныне задача состоит в том, чтобы не просто поддерживать и давать возможность развиваться мелкотоварному крестьянскому хозяйству (как этому учит Бухарин), а в использовании всех преимуществ и рычагов диктатуры пролетариата для того, чтобы, укрепляя союз с основной массой деревни (с середняком), опираясь на бедноту и борясь с кулаком, помочь крестьянству восстановить свои силы и направить развитие крестьянского хозяйства не по капиталисти-

[1]) Ленин, т. XVI, стр. 348.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 352.
[3]) Ленин, О тактике РКП.
[4]) Лен. сб. XI, стр. 367.

скому пути развития, а по социалистическому. В этом, в борьбе за социалистический путь развития крестьянского хозяйства, за переделку крестьянства и состоит смысл всех последующих мероприятий партии. Само собой понятно, что эту огромнейшую задачу нельзя было осуществить сразу, в один прием; для этого необходим целый исторический период. Таким периодом и является период новой экономической политики.

Если в СССР мы имеем «в первый раз во всемирной истории существование... только двух классов» — пролетариата и крестьянства, то значит ли это, что кроме этих двух классов в СССР нет других классов? Отнюдь нет! Мы уже видели, что Ленин намечает три классовые силы в переходном периоде: пролетариат, мелкая буржуазия (главным образом крестьянство) и **капиталисты**. Почему класс капиталистов, буржуазию, нельзя уподобить «дроби», лишенной классовых признаков? Потому, что «класс эксплоататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены»[1]. Эти разбитые, но еще не уничтоженные полностью остатки класса эксплоататоров усиливаются, как известно, тем, что до тех пор, пока крестьянство еще остается мелкотоварным, оно ежечасно и ежеминутно рождает капитализм. На базе мелкотоварного производства «капитализм сохраняется и возрождается вновь»[2]. Буржуазия, следовательно, и в СССР сохраняет черты самостоятельного класса. Однако буржуазия не является **основным** классом нашего общества, так как Октябрьская революция вышибла из-под ее ног экономическую и политическую основу. «Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически и как класс»...[3]. Рост же капиталистических элементов на основе нэпа ограничен силой диктатуры пролетариата, развитием социалистической промышленности, прочностью союза рабочего класса с средним крестьянством и степенью переделки крестьянского хозяйства. Роль, значение и поведение капиталистических элементов в нашей стране конечно не остается неизменной. Но мы считаем необходимым здесь оговориться.

В своей статье «Бухаринская теория классов и ее критика» («Революция и культура» № 19 — 20 за 1930 г., стр. 58) тов. А. Кошин пишет: «Только диалектический метод Маркса дает возможность проследить все многообразное движение и смену экономических формаций и классов. Так, в наш переходный период мы имели два периода, которые характеризуются значительным сдвигом классовых сил. В 1921 г. мы имели два основных класса: пролетариат и осередняченное крестьянство, плюс сравнительно незначительная классовая дробь нэпманов и кулачества. В 1927 году мы имеем другую существенно изменившуюся картину; три класса: пролетариат и массы крестьянства — два основных класса и выросший капиталистический класс (особенно в своей деревенской, кулацкой части)». С нашей точки зрения, это положение т. Кошина ничего общего не имеет с ленинизмом и противоречит действительности. По Кошину выходит, что за период с 1921 г. по 1927 г. у нас (и особенно в деревне) рос и вырос новый класс. Но ведь такую постановку вопроса партия в течение двух лет разоблачала в борьбе с троцкистами. Тов. Кошин подменил процесс изменения соотношения классов процессом образования новых классов. Мы выражаем недоумение, почему т. Кошин для уяснения поставленного вопроса не обратился к работам т. Сталина, где он бы нашел вполне исчерпывающие указания на этот счет. В ответах свердловцам т. Сталин писал: «Ленин го-

---

[1] Ленин, Экон. и политика в эпоху дикт. прол., т. XVI, стр. 354.
[2] Там же, стр. 349.
[3] Ленин, Тактика РКП, т XXVI, изд. 3-е, стр. 129.

ворил о двух основных классах. Но он знал, конечно, о существовании третьего, капиталистического, класса (кулаки, городская капиталистическая буржуазия). Кулаки и городская капиталистическая буржуазия, конечно, не «сложились» как класс лишь после введения нэпа. Они существовали и до нэпа, как класс второстепенный. Нэп на первых стадиях развития облегчил в известной степени рост этого класса. Но он еще больше помог росту социалистического сектора. Переход партии в наступление по всему фронту резко поворачивает дело в сторону подрыва и уничтожения класса деревенских и отчасти городских капиталистов» [1]).

VI.

Отличие ленинского понимания экономики СССР от понимания ее правыми и «левыми» состоит не только в том, что Ленин отличает буржуазию (кулаки и капиталистические элементы города) от крестьянства. Ленин, как мы уже видели, писал: «переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом». Ленин, следовательно, брал социалистический и несоциалистический уклады не как сосуществующие и уравновешивающие друг друга (согласно теории т. Бухарина), а как противоположные и борющиеся. Только такой взгляд и дает возможность понять динамику, развитие, движение и изменение соотношения борющихся укладов и представляющих их классов. И наоборот, — характерная особенность как правых, так и троцкистов в том и состоит, что они не берут, да и не могут взять, в силу ограниченности своей точки зрения, экономику СССР, наши классы, в движении и изменении их соотношения.

Нет надобности доказывать особо, что буржуазия и пролетариат как представители двух экономических укладов являются непримиримыми противоположностями. И если Н. И. Бухарин договорился до мирного врастания кулака в социализм и даже больше, то здесь ревизионистский и оппортунистический характер его точки зрения достигает своего высшего предела. Ибо такая точка зрения ведет к проповеди отказа от борьбы и преодоления капиталистических элементов в нашей стране путем их уничтожения. Разрешить непримиримые противоречия буржуазии и пролетариата и в СССР можно только непримиримой классовой борьбой, и всякие разговоры о «затухании» классовой борьбы только помогают врагам партии, усиливают позиции врагов социалистического строительства.

Мы не думаем так же подробно останавливаться и на характеристике тех противоречий, которые существуют между пролетариатом и крестьянством в переходный период. Приведем только характеристику этих противоречий, данную т. Сталиным: «Мы имеем, во-первых, общность интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным, их общую заинтересованность в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства. Отсюда союз рабочего класса и крестьянства. Мы имеем, во-вторых, противоречия рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим. Отсюда борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами, когда они превратятся в тружеников бесклассового общества. Мы имеем, в-третьих, средства и пути для разрешения этих противоречий между рабочим классом и крестьянством в рамках сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян в интересах обоих союзников. И мы не только имеем в своем распоряжении эти пути и средства, но мы уже применяем их с успехом в сложной обстановке нэпа и временной стабилизации капитализма» [2]). Кажется просто и ясно.

[1]) Сталин, «Правда» от 10/II - 1930 г.

[2]) Сталин, Вопросы и ответы, 1925 г.

А между тем основная ошибка троцкистов состояла в отрицании общности интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным». Ошибка же правых состояла в смазывании противоречий «интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим».

Перейдем, однако, к характеристике изменения соотношения классов в нашей стране. Первый, так называемый восстановительный, период нэпа, как мы уже видели, характеризуется одновременным ростом и укреплением всех классов нашего общества. При этом этот рост и укрепление происходили так, что, во-первых, окреп союз рабочего класса с крестьянством, а, во-вторых, неизмеримо усилилась руководящая и первенствующая роль пролетариата, поскольку окрепла и усилилась социалистическая промышленность, вырос и окреп аппарат государственных и общественных организаций» [1]) и т. д. Совершенно естественно, что восстановительный период не мог не закончиться резким изменением нашего отношения, отношения пролетариата к относительно окрепшим капиталистическим элементам, и мы знаем, что именно в это время партия переходит к усилению наступления на капиталистические элементы. Этим открывается новый этап в нашей политике, соответствующий новому периоду в развитии нашего народного хозяйства — реконструктивному периоду. Индустриализация народного хозяйства, развитие тяжелой промышленности и подготовили переход к развернутому наступлению социализма по всему фронту.

Теперь мы являемся свидетелями нового изменения соотношения классов и коренного изменения всей классовой структуры нашего общества. Каковы характерные моменты этих процессов?

Если восстановительный период нэпа характерен консолидацией классов (правда, далеко не равномерной, не одинаковой для всех классов), то в реконструктивный период мы имеем совершенно иную картину. Как класс попрежнему и еще больше укрепляется только пролетариат. Что же касается капиталистических элементов, то они неизменно идут на убыль, теряют экономическую почву из-под своих ног и в ходе классовой борьбы теряют одну за другой свои позиции. На основе индустриализации страны, развития тяжелой промышленности и завоевания кооперацией рынка городская буржуазия — торговая и промышленная — в основном уже лишена экономической базы и вопрос «кто кого» здесь решен окончательно в пользу социализма. В городе мы имеем теперь остатки капиталистических элементов, совершенно потерявших сколько-нибудь прочную основу в нашем хозяйстве. Значит ли это, однако, что напряжение борьбы этих капиталистических остатков с пролетариатом ослабевает? Нисколько! «Классовая борьба свергнутых эксплоататоров против победившего авангарда эксплоатируемых, т.-е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной... Энергия сопротивления их возросла именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз» [2]). Теперь после шахтинского дела и после дела «Промпартии» едва ли найдутся омельчаки, которые бы стали сомневаться в том, что положение Ленина полностью оправдалось развитием классовой борьбы в реконструктивный период. Реконструктивный период тем и характерен, что по мере ускорения темпов социалистического строительства, по мере усиления наступления на капиталистические элементы, по мере того как буржуазия все больше и больше убеждается в провале своей надежды на мирную реставрацию на основе нэпа, классовая борьба обостряется и достигает своих крайних пределов. Этого не поняли правые во главе с тов. Бухариным; но этого не понимают и те из последователей т. Бухарина, кто считает, что раз вопрос «кто-кого» в городе снят, то классовая борьба больше идет на убыль. Как раз наоборот: именно потому, что остат-

[1]) Сталин, Вопросы и ответы, 1925 г.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 354.

ки городской буржуазии лишены экономической основы, именно потому, что социалистическое строительство наносит удар за ударом по капиталистическим элементам города, их сопротивляемость, энергия их сопротивления (при одновременном количественном уменьшении) возрастает во сто крат. И это возрастание неизбежно до тех пор, пока не будет окончательно ликвидирована почва, питающая их,—мелкое производство, пока не будет закончен в основном процесс переделки мелкого крестьянского хозяйства (если отвлечься от международных условий).

Лишение капиталистических элементов города их экономической основы есть следствие индустриализации страны, и прежде всего следствие форсированных темпов развития тяжелой промышленности. Но та же индустриализация страны, развитие тяжелой промышленности были необходимым условием, позволившим перейти к сплошной коллективизаии целых районов[1], а на ее основе — к ликвидации кулака как класса. Мы сейчас находимся в центре, в разгаре выполнения этой задачи. Но уже и те результаты, которые мы имеем на пути выполнения этой задачи, коренным образом изменили и изменяют социальное лицо нашей страны, поскольку коллективизация превышает 50% всех крестьянских хозяйств, поскольку социалистическому сектору уже на сегодняшний день принадлежит более ¾ по всем основным показателям[2]).

Основной массой деревни, «центральной фигурой», если можно так выразиться, современной деревни уже является не среднее крестьянство, как это было до сих пор, а к о л х о з н и к. Это обстоятельство коренным образом изменило соотношение классов в нашей деревне. Пролетариат в лице колхозников получил новую и более прочную опору в социалистическом переустройстве деревни.

Все эти факты говорят о том, что победа социализма в нашей стране обеспечена полностью.

Колхозник есть прочная наша опора в деревне. Иногда, однако, возражают, что нельзя говорить о колхознике как опоре во всех районах потому, что де-мол мы имеем такие районы, где процент коллективизации не превышает 15. При этом совершенно упускается из виду, что такой же аргумент можно было бы выставить на предшествующем этапе против политики опоры на бедноту, поскольку и тогда мы имели не мало таких районов, где процент бедноты едва ли многим превышал 15. Дело, однако, не в том, сколько процентов колхозников в том или ином районе, а в том, что уже сейчас колхозник—основная масса нашей деревни, и что коллективизированному хозяйству отныне принадлежит первая скрипка в дальнейшем развитии с. х.[3])

Колхозник, как основная масса деревни, — совершенно новый тип в нашей действительности. Выйдя из бедняцко-середняцкого крестьянства, он принципиально, мы бы сказали, — качественно отличается от прежнего крестьянина, от того крестьянина, которого мы раньше называли основным

---

[1]) Вопрос об очередности районов определяется конкретной хозяйственной кон'юнктурой, конкретным соотношением классов и главным образом характером нашего с. х., где преобладающим является зерновое хозяйство.

[2]) Удельный вес социалистического сектора в народном доходе . . . . . . [illegible]

Удельный вес социалистического сектора	в народном доходе	[illegible]
" " " "	в капитальных вложениях	[illegible]
" " " "	в основных фондах и . . .	[illegible]
" " " "	в валовой промышленности	[illegible]
" " " "	в валовой продукции зерна	[illegible]
" " " "	" " хлопка	[illegible]
" " " "	" " свеклы	7[illegible]
" " " "	в розничном торгово-обороте	[illegible]

(Н. Вознесенский. — Хозрасчет и планирование на современном этапе. «Большевик», № 9, 1931 г., стр. 35).

[3]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 641.

классом СССР. Как бывший крестьянин он сохраняет черты этого класса и, следовательно, сохраняет черты прежнего внутреннего различия, различия между беднотой и середняками. Эти различия вытекают также из того имущественного неравенства, которое определяется наличием известной доли необобществленного имущества. В этом смысле процесс образования колхозника, конечно, не есть внезапный процесс, и мы в данном случае согласны с положением тов. Д. Лурье: «Новая социальная категория — крестьяне-колхозники — образуется не внезапно, а в процессе организованной работы под руководством рабочего класса над созданием и укреплением крупного коллективного хозяйства. Не сразу и не без трений стираются внутри колхоза различия между отдельными социальными группами, из которых колхоз составился... Элементы имущественного неравенства между батрачеством, беднотой и середняками будут существовать до тех пор, пока у колхозника еще есть сколько-нибудь значительный остаток собственного мелкого индивидуального хозяйства. Решающим моментом в деле ликвидации этих остатков имущественного неравенства является задача обобществления животноводства, а также перевод на рельсы крупного коллективного хозяйства огородничества и садоводства. Борьба за коллективизацию этих отраслей сельского хозяйства является в настоящее время не только важнейшим звеном для разрешения мясной, молочной и плодоовощной проблем, но и борьбой за перевод колхозов на более высокую ступень социалистического производства, борьбой за изживание внутри колхозов элементов имущественного неравенства.

В пределах самого коллективного производства не могут не иметь места многочисленные остатки прежнего классового деления вошедших в колхозы хозяйств» [1]).

Но те черты классовости, которыми все еще обладает колхозник, являются именно чертами, остатками. Основным же и всеопределяющим для колхозника является то, что он — представитель н о в о г о, социалистического уклада в нашем хозяйстве. Колхозник, следовательно, не является и не может быть, по своей социальной природе, основной силой, противостоящей пролетариату в его строительстве социализма. Колхозник — живой тип, пример становления социалистического производителя деревни. Тем самым различия между пролетариатом и колхозником не устранены, но они идут по линии исторически сложившегося и веками укреплявшегося различия между городом и деревней. Различия между пролетариатом и колхозником, следовательно, начинают терять характер различия двух особых классов, как это полагают некоторые. Вот почему мы не согласны с дальнейшими положениями статьи т. Лурье, когда он говорит: «Колхозное крестьянство, эта новая социальная категория, возникшая на основе сплошной коллективизации, стоит значительно ближе к пролетариату, нежели индивидуальное крестьянство, как середняцкое, так и бедняцкое. Частичные противоречия между пролетариатом и крестьянством по мере превращения бедняцко-середняцкого крестьянства в колхозное крестьянство значительно смягчаются... Но все же различие между пролетарием и крестьянином-колхозником еще не уничтожается. *Крестьяне-колхозники недаром еще носят название крестьян, — они не стали пролетариями, они еще продолжают оставаться классом, отличным от пролетариата, но идущим* с ним рука об руку, под его руководством, как его основная, главная опора. Категория колхозного крестьянства является своеобразной переходной ступенью от мелкособственнического крестьянина к превращению рабочего и крестьянина в работника единого, бесклассового социалистического общества...

---

[1]) «Правда» от 20/IV—1931 г.

Четкое понимание природы колхозного крестьянства как класса, все еще отличного от пролетариата, является необходимой теоретической предпосылкой понимания всех коренных вопросов, связанных с последним этапом нэпа, с началом периода социализма в нашей стране»[1]).

Конечно, колхозник, это—не пролетарий. Правильно также и то, что колхозник—переходная ступень между мелкособственническим крестьянином и социалистическим производителем. Но отсюда вовсе еще не следует, что колхозник, это—особый класс в отличие от пролетариата. Именно потому, что колхозник—переходная «категория», он перестает быть классом, поскольку он освобождается от пережитков старого. Но поскольку колхозник еще не освободился от этих пережитков, постольку он остается классом, и не каким-либо новым классом, в отличие от прежнего крестьянства, а именно—колхозным крестьянином. Колхозник — переходный тип, и уже по одному этому его нельзя зачислить и признать за новый класс, как это имеет место у т. Лурье, новый—в том смысле, что он отличается (как класс) и от прежнего крестьянства и от пролетариата[2]). В лице колхозника мы имеем живой пример того, как социалистически переделанный крестьянин поднимается до уровня пролетариата и вступает в ряды общей армии социалистических производителей.

Такова тенденция развития. В наличии же мы имеем колхозника как прочную опору пролетариата в его борьбе против кулака за коллективизацию деревни, за социалистическую переделку бедняцких и середняцких масс деревни. Следовательно, в современной деревне мы имеем в наличии более сложную обстановку, чем это было на предшествующем этапе. Рядом с прежним разделением деревни на бедноту, середняков и кулаков мы имеем деление первых двух групп на колхозников и неколхозников. Соответственно этому мы имеем и новую расстановку сил: пролетариат, опираясь на колхозника в своей борьбе против кулака за коллективизацию деревни, имеет в качестве своего союзника неколлективизированного середняка[3]). Соответственно этому же мы имеем изменение и в классовой борьбе. Основной пункт обострения классовой борьбы, это — организация колхоза. Классовая борьба вокруг организации колхозов, — вот где центр. Классовая же борьба на иной почве, не на почве коллективизации, в данный момент, конечно, не только не уничтожается, но и не идет на убыль. Однако все формы классовой

---

[1]) «Правда» от 20/IV — 1931 г.

[2]) Тов. Лурье также, следовательно, подменяет процесс изменения класса процессом образования нового класса, вследствие чего получается несуразица: процесс коллективизации, по т. Лурье, есть вместе с тем и процесс создания нового класса, отличного и от прежнего крестьянства и от пролетариата.

[3]) Если некоторые организации совершенно замалчивают лозунг опоры на колхозника и не ведут никакой раз'яснительной работы, то среди организаций, пытающихся раз'яснить этот лозунг, мы нередко встречаем (как это было уже отмечено в печати) двоякого рода ошибки. С одной стороны, упускается из виду, что колхозник есть не просто опора, а прочная и главная опора рабочего класса в деревне, т. е. не понимают, что колхозник стоит неизмеримо ближе к нам, нежели неколлективизированная беднота. С другой стороны, имеют место и «новые» загибы, выражающиеся в том, что за лозунгом об опоре на колхозника совершенно забывают и игнорируют работу среди бедноты, огульно относя ее в лагерь непримиримых противников коллективизации (т. е. не видят различия между беднотой, с одной стороны, и середняком и даже кулаком — с другой). Более того: иногда лозунг опоры на колхозника так «раз'ясняют», что мы имеем прямой возврат к перегибам, поскольку известное положение VI всесоюзного с'езда советов о необходимости середняку и бедняку определить свое отношение к колхозному строительству используется как ультиматум — «или иди в колхоз, или ты враг коллективизации, враг советской власти и подлежишь дополнительному обложению» и т. д. (см. напр. «Правду» от 4/VI—31 г.).

борьбы и все поводы этой борьбы выстраиваются по линии основного звена, по линии обострения классовой борьбы вокруг организации колхозов. Что касается элементов классовой борьбы внутри самих колхозов, то здесь необходимо помнить, что эти элементы (о которых вовсе не следует забывать, как это делают некоторые) есть прежде всего отражение той классовой борьбы, которая происходит вокруг колхозов: до организации и вокруг организации колхозов, и уже после этого источник внутренних противоречий в колхозе надо искать по линии тех различий, которые принесены различными группами крестьянства в колхоз.

Если попытаться теперь еще раз, в самой общей форме, очертить соотношение классов в нашей стране, то самый общий вывод, который с необходимостью напрашивается, будет таков: в различные периоды пролетарской революции и в различные периоды новой экономической политики соотношение и расстановка классовых сил не остается неизменной, как это полагается согласно бухаринской теории равновесия, а изменяется. Необходимость и закономерность изменения соотношения классов вытекает из самой сущности переходного периода, который является периодом борьбы рождающегося коммунизма с умирающим капитализмом. Соответственно изменению соотношения классов изменяются и формы классовой борьбы, чего также не понимает т. Бухарин, когда он форму борьбы одного из этапов новой экономической политики — конкуренцию — превращает в универсальную и единственную форму борьбы [1]).

Нам нет нужды особо останавливаться на характеристике всех этапов различного соотношения классов и всех форм классовой борьбы: это может послужить предметом особой статьи. Скажем только еще несколько слов о последнем этапе нэпа и в связи с этим — о перспективе дальнейшего развития классов и классовой борьбы.

Бурный рост социалистической индустрии, колоссальные успехи в деле коллективизации деревни, внедрение планового начала во все народное хозяйство и т. д. и т. д., — все это говорит о том, что мы вступили в такой период нэпа, который вместе с тем является и первым периодом социализма, периодом завершения построения фундамента социалистической экономики. В этой связи возможны двоякого рода ошибки в вопросе о классах СССР, которые, с нашей точки зрения, являются всего лишь новой формой правого и «левого» оппортунизма. Уже сейчас некоторые заявляют, что по завершении строительства фундамента социалистической экономики, говоря конкретно — в конце третьего года пятилетки, — мы и будем иметь бесклассовое общество, где «замирение» классовых противоречий будет составлять основной фон нашего общественного развития. Аргументы в данном случае идут от анализа понятия «социализм». Что такое социализм? И какой же это социализм, где классовые различия не уничтожены и где возможно обострение классовой борьбы?! С другой стороны, есть и такие настроения, согласно которым первый период социализма ничем существенно не будет отличаться от предшествующего этапа нашего развития, поскольку рыночные отношения еще сохраняются, различие между колхозами и госпредприятиями как между двумя хозяйствующими суб'ектами также сохраняется и поскольку, следовательно, мы будем иметь еще почву для оживления капиталистических элементов. Абсурдность последней точки зрения совер-

---

[1]) «Государственное предприятие конкурирует с частным предпринимателем и в конце-концов забивает его» («Путь к социализму и раб.-крест. блок», стр. 70). «Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию государственные предприятия и кооперация будут выживать своего конкурента (? — Т. И.), т.-е. — частный капитал» (там же, стр. 65). «Мы преодолеваем нэп не путем разгрома лавок (?! — Т. И.) в Москве и провинции, а путем преодоления его конкуренцией»... («Атака», стр. 277).

шенно очевидна, поскольку здесь вовсе забывается о принципиальном, каче- ственном отличии периода (хотя бы и первого социализма от предшеству- щего этапа, поскольку эта точка зрения возводит различия, имеющиеся между пролетариатом и колхозниками, до различия двух противостоящих классов. Но не менее ошибочна и вредна и первая точка зрения. Стоит только нам вспомнить о действительности, как станет совершенно очевидным, что и по завершении построения фундамента социалистической экономики эле- менты классовых различий еще сохраняются (остаются), сохраняются, сле- довательно, и элементы классовой борьбы. В этой связи нам хотелось бы на- помнить одну из корреспонденций «Правды». В «Правде» от 13 апреля сооб- щают: «ДЕБАЛЬЦЕВО, 11 апреля. Вчера в 10 часов вечера, в день подписки рабочими дебальцевского узла ответа тульским рабочим, произошло возму- тительное убийство, которое является местью классового врага энтузиасту социалистического строительства. Тремя ударами лома убит заведую- щий культпропом парт'ячейки, активный член партии и профсоюза, премированный ударник, рабкор «Гудка» и мест- ной газеты «За большевистский транспорт» — ремонтный рабочий Демьян Чепиков. Убийца Семен Чижов, первоначально на- звавший себя Челяйкой, бывший кулак, торговец, скрывший свою враждебность к рабочему классу и пролезший в ряды рабочих. Чижов жил в казарме ремонтных рабочих. Убийца пьянствовал вместе с другими рабо- чими казармы № 105. Тов. Чепиков, возвратившись с узлового профсоюз- ного собрания и застав в казарме пьянку, начал доказывать и требовать прекращения пьянства и шума. В ответ он получил три удара ломом в голове» («Правда», 13/IV — 1931 г.).

Приведенный пример является не единичным актом классовой борьбы и притом актом диким во всех отношениях. Но если мы вспомним, что состав нашего рабочего класса в своей значительной степени возрос за последние 2-3 года за счет выходцев из деревни, если мы вспомним, на- сколько крепки еще традиции старого общества не только в этой части пролетариата, то для нас станут совершенно очевидными условия обостре- ния классовой борьбы и в городе. Но что сказать о деревне, где наследие старого, элементы классовых различий сохраняются безусловно в неизмеримо больших размерах и несравненно более ярких формах даже после сплош- ной коллективизации?! Не может быть никаких сомнений в том, что те остатки капиталистических элементов в деревне, которые мы ликви- дируем как класс, питаемые надеждами на интервенцию, попытаются еще и еще раз в той или иной форме выступить против диктатуры пролетариата, вставить палку в колесо социалистического строительства, навредительствовать и ослабить темпы социалистического строительства. Если верно то, что по завершении построения фундамента социалистической экономики вопрос «кто-кого» переносится на международную почву, то это вовсе еще не означает, что внутренняя борьба, борьба внутри страны, бое- окончательно уничтожена. Наоборот. Мы в любой момент должны быть го- товы дать отпор классовому врагу и добить его окончательно.

Против одной оппортунистической ревизии исторического материализма.

Л. Арисьян.

В своем решении от 25/I 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма» ЦК ВКП(б) констатировал, что группа тов. Деборина скатывалась «в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма». Разумеется, что это относится также и к трактовке целого ряда важнейших проблем исторического материализма. Товарищи Карев, Луппол и отчасти Разумовский в ряде своих письменных и устных выступлений практиковали по ряду вопросов методологии обществознания идеалистические установки. Полное разоблачение и беспощадная борьба против этих антиленинских теорий и теориек представляется ныне существенно важным.

Практическая подготовка вооруженной интервенции против страны строящегося социализма сопровождается лихорадочной идеологической обработкой «общественного мнения» путем клеветы на социалистическую организацию труда. Суть, ядро этой клеветы заключается в стремлении доказать принудительность труда в СССР. В этом именно смысле и выразился недавно один видный чиновник из министерства финансов САСШ. Отрицание, замалчивание социалистического, бесклассового характера того общества, которое у нас строится под руководством ленинской партии, является одним из сильнейших средств, которыми пользуется буржуазия в борьбе против СССР, особенно обострившейся в связи с успешным осуществлением пятилетки и завершения построения фундамента социалистической экономики. В этой кампании против строящегося социализма об'единяются все силы капиталистической реакции, от твердолобых магнатов капитала до их социал-фашистских агентов, вроде Каутского, Гильфердинга, Вандервельде и др. Так, Каутский, теоретический вождь социал-фашизма, принципиально не допускающий возможности социалистического строительства на основе пролетарской диктатуры, еще в 1929 г. писал о колхозном и совхозном строительстве в СССР: «Способ, каким недавно стали форсировать создание крупных предприятий (речь идет о совхозах. — *Л. А.*), еще более усиливает убыточность последних. Там, где таковые созданы, они работают (betrieben) главным образом на принудительном труде; они представляют собою не восхождение к высшей форме хозяйства, но возврат к старому барщинному или плантационному хозяйству с той только разницей, что советское барщинное хозяйство (Sovietfrohnhof) находится во владении не семьи дворянской знати, а шайки коммунистического дворянства, образовавшегося в результате гражданской войны» [1]). Само собой понятно, что особенное значение приобретает теперь борьба со всякими прямыми и косвенными меньшевистскими попытками теоретического «доказательства» невозмож-

---

[1]) K. **Kautsky**, Der Bolschewismuss in der Sackgasse, S. 28.

ности социализма, невозможности бесклассового общества, а равно и с такими теориями, которые, независимо от суб'ективным намерений своих авторов, к этому приводят.

Это буржуазное, меньшевистское отрицание процесса созидания социализма у нас, в условиях ожесточенной классовой борьбы, нашло свое, в большинстве случаев весьма искусно завуалированное, выражение и в «методологических» работах ряда товарищей, которые, порывая с основами марксистско-ленинского мировоззрения, одевались в тогу защиты марксистской ортодоксии. Конкретное разоблачение идей меньшевиствующего идеализма, развиваемых товарищами из группы Деборина в вопросах исторического материализма, имеет особенно актуальное теоретическое и политическое значение. В этой связи мы хотим в настоящей статье остановиться на разборе взглядов Луппола в вопросе о марксо-ленинском понимании общества, изложенных им в статье «К вопросу о теоретических корнях правого уклона» [1]).

* * *

В означенной статье тов. Луппол, якобы защищая позиции марксизма-ленинизма, выступает с критикой бухаринского понимания общества. В действительности же он дает немарксистское, неленинское толкование этой основной категории исторического материализма, скатываясь, по существу, на меньшевистские кантианские социологические позиции. Достаточно наглядно выступает это при сравнении его концепции с концепцией, скажем, проф. Солнцева, нашего доморощенного неокантианца.

Целью настоящей статьи является показать «лево»-оппортунистическое существо концепции тов. Луппола, как равно и то, что эта концепция действительно составляет «взаимно проникающую» противоположность с откровенно-оппортунистической, правой концепцией тов. Бухарина.

Мы постараемся показать на дальнейших страницах, что, [illegible] возражая против антиисторического понимания общества Бухариным, тов. Луппол сам, по существу, выхолащивает все конкретно историческое содержание из этой категории исторического материализма.

Следуя за мыслями тов. Луппола, мы должны заняться вопросами, [illegible] можно ли с точки зрения исторического материализма общее определение общества и каково должно быть его содержание.

1. Об общем определении общества.

Известно, что тов. Бухарин в борьбе с психологистическими извращениями марксизма со стороны «австрийцев» возымел желание дать свое истолкование основных категорий теории исторического материализма. По его представлениям, это толкование, будучи построено якобы на принципах «современной науки», должно было путем замены диалектики теорией равновесия «перевести» гегелевскую диалектику с мистического языка на язык научный и «освободить» марксизм, раз навсегда, от возможности идеалистических извращений. Как всегда бывает в таких случаях, дело свелось попросту к замене материалистической диалектики ходячей буржуазной теорией равновесия и в конечном счете к новой разновидности механистического, богдановско-суб'ективистского извращения марксизма. В концепции тов. Бухарина математический схематизм и самый абстрактный рационализм тесно сомкнулись с вульгарным эмпиризмом, и в результате получилась абстрактная, метафизическая концепция, которая не в состоянии отразить диалектику общественной жизни во всем своеобразии ее закономерностей. Отрезывая путь к адэкватному, конкретному познанию законов [illegible]

---

[1]) Луппол, К вопросу о теоретических корнях правого уклона, Сборник «Теория равновесия и материалистическая диалектика», ОВМД, ГИЗ, Москва [illegible]

щественной жизни, она, разумеется, не только не может служить теоретическим орудием в руках пролетариата в его революционной перестройке мира и самого себя, но сама выступает в качестве враждебной силы, активно борющейся с пролетарской идеологией и пролетарской политикой. Известно, что методология тов. Бухарина не раз сталкивала лбами «его» политику с политикой партии. В общей теоретической концепции тов. Бухарина находит своё об'яснение и обоснование теснейшим образом с ней связанная политика правого уклона, являющаяся выражением идеологии ликвидируемого как класс кулачества. Мы не ставим себе здесь специальной задачей критику теоретических взглядов тов. Бухарина, поэтому мы не будем теперь останавливаться на разборе его крупнейших политических ошибок.

В своей трактовке производственных общественных отношений, в которой производственные отношения превращаются в физические отношения между живыми, находящимися в определенной пространственно-временной координации, машинами, тов. Бухарин с позиций механицизма скатывается в конечном счете к идеализму того же самого «австрийского» толка. Разумеется, что при той общей «переоценке ценностей», которой он подверг теорию исторического материализма, его не могло также «удовлетворить» и марксистское определение общества. Определение общества у Бухарина, являющееся результатом его понимания производственных отношений, имеет своей методологической основой абстрагирование от существенной определенности, от своеобразия природы общества и превращает последнее в самую голую абстракцию, в момент общей идеи «систем».

Необходимо было разоблачить эти основные недостатки концепции тов. Бухарина, его понимания общества, где берет своё логическое основание определение дальнейших категорий исторического материализма. Но многие тт. в полемике с тов. Бухариным попадают в другую «крайность». Они отрицают возможность общего определения общества или, иначе говоря, такого понятия об обществе, которое отображало бы общество в целостности его исторического развития. К числу последних принадлежит и т. Луппол. У него, как и у всех остальных, дело сводится к замене действительно общего определения таким, которое отображает по существу только особые ступени в развитии общества.

Говоря об общем и частном определении общества, мы имеем в виду такое определение, которое отображает общество в единстве его различных исторических фаз или, наоборот, отдельные фазы в историческом развитии общества, отдельные общественно-экономические формации. Повторяем, вопрос, который мы разбираем в настоящей статье, сводится к следующему: правомерно-ли с точки зрения марксизма общее определение общества в указанном выше смысле, в чем суть этого общего определения в противоположность частным определениям, должно ли марксистское определение общества отображать какую-нибудь особую ступень в развитии его, одно определенное общество или один определенный тип общественно-экономических формаций. Понятно также, что мы говорим об обществе все время с точки зрения экономической его структуры, т.-е. в том именно его разрезе, в котором разбирает вопрос и тов. Луппол.

Тов. Луппол, приводя основные аргументы в пользу отрицания правомерности общего понятия об обществе, ставит вопрос общеметодологического характера: возможно ли общее понятие об обществе или, как это принято обыкновенно называть, понятие «общества» вообще. Послушаем т. Луппола: «Марксистское понятие «всеобщего», — говорит тов. Луппол, — конечно, не есть порок или погрешность, но, как требовал Ленин, «всеобщее» должно быть не просто абстрактным всеобщим, в котором исчезают все особенные характеристики и признаки, а таким «всеобщим», которое со-

держит в себе все богатства «особенного» и «единичного» (Луппол, «К вопросу о теоретических корнях правого уклона», стр. 113). Теперь посмотрим, как применяет тов. Луппол это в основном правильное определение категории «всеобщего» в его взаимоотношении с «особенным» и «единичным» в отношении понятия «общества».

После приведенных строк тов. Луппол переходит к тем условиям, при соблюдении которых, как он полагает, только и можно образовать конкретное «всеобщее» понятие об обществе. «Марксистское определение общества, стало быть, должно быть всеобщим, но таким, которое содержит в себе понятие производственных классовых отношений и через них все единичные явления» (там же). Правильно ли тов. Луппол образует свое «всеобщее» понятие общества? Нам кажется — нет. Из раз'яснения тов. Луппола следует, что во «всеобщем» (как он предпочитает выражаться) понятии общества производственные отношения содержатся в качестве момента «особенного», через которое представляется, в свою очередь, момент «единичного». Производственные отношения не составляют, как думает т. Луппол, «особенное» в общем понятии общества, да и то «в снятом виде». Маркс, Энгельс и Ленин всегда определяли общество с точки зрения его экономической структуры, как «совокупность производственных отношений». Следовательно, в марксистско-ленинском понимании производственные отношения являются основным, непосредственно характеризующим общество в его существенной определенности. Если же стать на точку зрения т. Луппола, то, пожалуй, и бухаринское определение общества, как «наиболее широкой системы взаимодействия людей, опирающейся на трудовые связи» может и должно быть признано если не правильным вообще, то, во всяком случае, одним из логически допустимых определений. В нем, как того требует тов. Луппол, понятие труда, играющее роль т. н. differentia specifica, содержится именно в качестве «особенного» во «всеобщем» понятии «системы», имеющем универсальный характер. При чем в бухаринском определении общества «трудовые связи» содержатся даже не в «снятом виде», а непосредственно. Но ведь пустота и формальность бухаринского определения общества в основном заключается именно в том, что у него производственные отношения (в лице «трудовых связей») выступают в роли «особенного», в качестве момента абстрактной универсальной идеи «система». Ясно, что такое определение, не отображающее «спецификум» общества вообще (т. е. всякого общества), в отличие от всяких других областей действительности, общественную форму движения материи в отличие биологической, физической и т. п. других форм движения, не может вследствие этого играть объективно познавательной роли и ведет на деле к идеализму. В аналогичном случае Маркс пишет о гегелевском определении понятия государства: «Исходным пунктом является здесь абстрактная идея, что развитие в государстве есть политическое устройство. Речь идет таким образом не о политической идее, а об абстрактной идее в политическом элементе. Тем, что я говорю: этот организм (государство, политическое устройство) есть развитие идеи к его различиям и т. д.», я еще ничего не знаю о специфической идее политического устройства. То же положение может быть высказано с таким же основанием о животном организме, как и о политическом организме. Чем же, таким образом, отличается животный организм от политического? Из этого общего определения усмотреть этого нельзя. Но об'яснение, в котором не указано differentia specifica не есть об'яснение. Интерес направлен только на то, чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти «чистую идею», логическую идею, действительные же суб'екты, как, например, здесь «политическое

устройство», становятся простыми названиями идеи, и мы в результате имеем только видимость действительного познания: эти субъекты суть и остаются непонятыми, непостигнутыми в их специфической особенности, определениями»[1]). (Разрядка везде Маркса).

У тов. Бухарина реальный субъект, общество, становится «непознанным», «непостигнутым», по выражению Маркса, моментом в абстрактной общей идее «системы» равновесия благодаря тому, что differentia specifica общества — *общественные отношения* — не поняты в их своеобразной качественной определенности и включены в определение общества в качестве «особенного» во «*всеобщем*». *Между тем, понятие производственных отношений не просто содержится в* марксистском определении общества (а уж «о снятом виде», конечно, нечего и говорить), но оно составляет центр этого определения, самое *содержание* «всеобщего», непосредственно характеризующее его. В противном случае, всякое определение общества сводится к отождествлению его с чем-нибудь, не являющимся человеческим обществом: к «организму», «системе», «взаимодействию» и т. д. Вот почему Маркс, Энгельс и Ленин определяли общество, как «совокупность производственных отношений». Если же понятие производственных отношений войдет в общее определение общества только в качестве момента «особенного в снятом виде», то будет нарушено основное правило материалистической диалектики — *конкретное определение* предмета, ибо в таком случае то, что составляет специфическую качественную характеристику общества, как раз и будет *снято*. И тогда, повторяем, конечно, логически допустимо определение общества как «системы» вроде, скажем, солнечной системы, как это делает тов. Бухарин, при чем «особенным» в этой системе (во «всеобщем» определении) и будет то, что эта система «опирается на трудовые связи». Больше того, можно прямо сказать, что логическую ошибку в бухаринском определении составляет именно то, что тов. Луппол считает основным условием правильного марксистского определения общества.

Политический смысл концепций Луппола и Бухарина оказывается *по существу* столь же одинаковым, как и их исходные методологические позиции.

Признавая на словах логически возможным «всеобщее» определение общества, тов. Луппол фактически тут же снимает его тем, что действительное «всеобщее», как некоторое единство во многообразии, характеризующее все особенности в историческом развитии общества, он превращает в «особенное», в *момент* «всеобщего». Но именно поэтому же он, как мы это увидим в дальнейшем, возводит «особенное» во «всеобщее», *классовую, антагонистическую структуру особых исторических формаций* превращает в *общий закон* строения общества, во «всеобщее» определение общества.

«Давая предельно-универсальное определение: «*наиболее широкая система*», — говорит тов. Луппол, — тов. Бухарин и приходит не к подлинно материалистическому взгляду на общество», а к совершенно абстрактному взгляду, в котором *погибает все специфически общественное. Под его определение подходят все люди всего земного шара*» (там же, стр. 163; разрядка, так же, как и в дальнейших цитатах, если это специально не оговорено, принадлежит мне. — *Л. А.*). Согласно последнему предложению приведенной цитаты, «специфически социальное» заключается в том, чтобы определение не распространялось на «всех людей всего земного шара». Несколько выше тов.

[1]) К. Маркс. Критика философии права Гегеля. Архив Маркса и Энгельса. Изд. ИМЭ, Москва, 1927 г., кн. III, стр. 149.

Луппол пишет: «...при желании теоретика дать универсальное определение общества, т.-е. такое, под которое могут подойти все люди всего земного шара, исчезает социально-классовый характер экономических структур (не некоторых, а всяких структур, экономических структур вообще! Это надо запомнить. — *Л. А.)*, общество становится безжизненным, превращается в голую и пустую абстракцию (там же, стр. 162). Как видим из этих цитат, по мнению тов. Луппола, нельзя давать общего определения общества, — такого определения, которое годилось бы для всех известных нам типов производственных отношений или для всех «общественно-экономических структур». Но при такой постановке вопроса сразу становится заметной ошибочность позиций тов. Луппола. Распространяется ли определение общества, данное Марксом в «Наемном труде и капитале», на все известные нам общественно-экономические формации за прошлый период истории человечества и на грядущее коммунистическое общество? Для марксизма всегда было ясно, что коммунизм будет представлять собою выход человечества из состояния общественности, а восхождение на высшую ее ступень, переход к новой, «особенной» фазе. Переход к коммунизму Маркс называет «возвращением человека к себе, как к общественному (подчеркнуто Марксом), т.-е. человеческому человеку» [1]. В «Наемном труде и капитале» Маркс, как известно, дает следующее развернутое общее определение общества: «Отношения производства, в своей совокупности, образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» [2].

Годится ли это определение «для всех людей всего земного шара», на протяжении всей истории человечества? Нам представляется — да. Нам думается (надеемся, что тов. Луппол согласится с нами), что «все люди всего земного шара» всегда живут в обществе — в определенной совокупности производственных отношений. Теперь мы посмотрим, как относился Ленин к этому вопросу.

В «Друзьям народа» Ленин высмеивает потуги Михайловского и других «суб'ективных социологов» об'яснить конкретное многообразие истории тощими абстракциями, исходя из априорных общих понятий «общества» и «прогресса». Он говорит: «Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к этому фактическому изучению, к об'ективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это—самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли apriori общие теории, всегда оставшиеся бесплодными» [3].

В последние годы эта цитата приводилась часто для того, чтобы, «опираясь на Ленина», выбросить из исторического материализма общие категории и обосновать риккертианскую ревизию исторического материализма [4]. Но мысль Ленина заключается вовсе не в том, чтобы выбросить общее понятие

---

[1]) К. Маркс. Архив, IV. Подготовительные работы к «Святому семейству».

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, изд. ИМЭ, 1929 г., стр. ...

[3]) Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии. Соч., изд. 3-е., т. I, стр. 61

[4]) Такого рода попытку делает, между прочим, т. Разумовский в своем докладе «Механистическая теория исторического материализма Бухарина», ВКА № 35—36.

тие об обществе или, как он говорит, понятие общества вообще. Ведь ясно, что Ленин отрицает абстракции не «вообще», а конкретно, т.-е. он отрицает априорное конструирование общих понятий. Он требует, чтобы общее понятие об обществе было результатом конкретного изучения определенных общественных формаций. Это не означает, конечно, что Ленин рекомендовал плыть по течению эмпирии без руля и без ветрил. Опираться же на Ленина в пользу отрицания роли общих понятий в процессе познания, в пользу фактического отрицания об'ективного значения, об'ективного содержания общих понятий может, конечно, только тот, кто, мягко выражаясь, ничего в ленинском учении о взаимоотношении общего и единичного не понял. Интересно здесь, между прочим, то, что такую вульгарно эмпирическую позицию защищает человек, который вместе с Дебориным, Каревым, Стэном обвинял позицию Ц. О. в философской дискуссии в «ползучем эмпиризме»! Поистине с больной головы на здоровую! Но вернемся к Ленину.

Раз'ясняя свою мысль, он дальше пишет: «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного» общества, «одного» прогресса — капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных производственных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще».

Как видим, Ленин не отрицает всеобщего понятия общества, как это стремятся представить некоторые товарищи в своем усердии подогнать исторический материализм под неокантианскую «философию истории» риккерт-виндельбандовского толка. Он здесь подчеркивает, что общие понятия, чтобы быть адэкватным отображением своего предмета, должны быть сконструированы не априорно, а добыты в результате «перевода и переработки в голове» определенного фактического материала на основе изучения хотя бы одной определенной общественно-экономической формации. Именно поэтому Ленин и говорит, что «гипотеза» (речь идет о принципе материалистического понимания истории), выставленная Марксом в 40 годах, пройдя горнило практической проверки на конкретном изучении хотя бы одной из известных исторических формаций — капиталистической формации, одной определенной совокупности производственных отношений — капиталистических производственных отношений, стала теорией, общей теорией. «В результате этого, — говорит Ленин, — социология стала «научной», ибо отныне была разгадана тайна общества, была познана действительная природа его, было сформулировано конкретное определение общественных отношений, как производственных отношений... «потому эта гипотеза впервые создала возможность «научной» социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом...» [1]).

Итак, марксизм не отрицает общего понятия об обществе или понятия общества вообще, а ставит на место метафизического — конкретное, диалектическое всеобщее понятие общества. Это конкретное общее определение общества отображает то, что характеризует общественную жизнь человека на всех ступенях ее развития и поэтому заключает в себе, и что весьма важно, в снятом виде те «особенные» моменты, которыми характеризуются отдельные общественно-экономические формации, как особые фазы в историческом развитии человеческого общества. Следовательно,

[1]) Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 61.

«особенное» в «общем» определении общества и есть как раз то, что отображает характерные принципиальные особенности отдельных общественно-экономических формаций. Поэтому понятие производственных отношений составляет не «особенное» во «всеобщем» определении общества, да и в снятом виде, а как раз основное, существенное всеобщее в этом определении. Поэтому это «всеобщее» и конкретно, оно не внешне, не чуждо «особенному», «единичному», а отображает, говоря словами Маркса, «действительную сущность действительного конечного». Вот почему марксистское определение общества, как «совокупности производственных отношений» есть «всеобщее» понятие, распространяющееся на все и всякие общественно-экономические формации, выделяющее их все в их качественной определенности из других сторон, других областей действительности. Разумеется, что это определение, как общее, не может быть приложено непосредственно к изучению отдельных исторических формаций. Определенные формации суть определенные «фазы», как выражается Маркс, в историческом развитии общества. Поэтому теоретические категории, которые должны отображать ту или иную определенную формацию, должны быть не метафизически, формально противопоставлены общим категориям, а поняты в единстве с последними.

Но это определение — «совокупность производственных отношений» — само по себе еще не полно, оно еще относительно абстрактно. Для полной конкретизации его требуется новый момент, в частности момент, указывающий на историческую определенность каждого данного общества, каждой данной общественной формации, вне которых, конечно, нет «общества вообще». Забегая несколько вперед, заметим, что в этих определениях нет указаний на классовое или неклассовое строение общества, хотя обязывает дать специфическое, классовое определение тем формациям, которые обладают классовой структурой. И это потому, конечно, что речь идет об общем определении, которое должно относиться как к классовым, так и к неклассовым формациям, отображая характерное им общее, их общую differentia specifica. Вот почему также моменты, указывающие на «особенное» в общем определении, сами имеют общий, а не частный характер.

Нельзя также признать вполне удачным, когда говорят об «обществе вообще», которое «проявляется» в определенных формациях[1]). Эта формулировка носит некоторый дуалистический оттенок. С точки зрения марксизма нельзя, конечно, говорить об общих законах, которые остаются сами по себе неизменными, но которые особым образом, в особой форме проявляются в различных общественно-экономических формациях. Такое по существу метафизическое понимание отношения формы и содержания, сущности и явления господствует в концепции пресловутого «закона трудовых затрат» т. Бухарина. При таком представлении дела история общества исчезает в абсолютном тождестве само по себе существующего неизменного «общества вообще». Исторически определенные, преходящие формации общества в этом случае превращаются как бы в различные костюмы, которые один за другим набрасывает на себя «общество вообще», чтобы снова их сбросить. Марксистское общее понятие общества, классические формулировки которого мы уже приводили, отображает именно историчность самого существа человеческого общества. Следовательно «общее» и «особенное» не должны быть разорваны на сущность и явления и в качестве чего-то чуждого друг другу взаимно противопоставлены. Маркс замечает, что у Гегеля в «Философии права» [...]

[1]) См. Заключительное слово И. Подволоцкого на дискуссии в Комакадемии по докладу И. Разумовского и С. Кривцова о «Механистич. теории ист. мат. Бухарина», «В. К. А.» № 35—36.

у диалектика Гегеля, поскольку он хотел об'яснить материальную действительность из идеалистических, подчас прямо спиритуалистических начал) имеет место именно такого рода дуализм сущности — общего и явления — особенного: «Гегель, — говорит Маркс, — раз'единяет содержание и форму, в себе и для себя, делая из последнего лишь внешне преходящий, формальный момент. Содержание готово и существует во многих формах, которые не являются формами этого содержания, зато ясно само собою, что форма, которая должна считаться действительной формой содержания, не имеет своим содержанием действительное содержание» [1]). Исторически определенная общественно-экономическая формация представляет собою не проявление само по себе сущего «общества вообще». Она является именно этим «обществом вообще», человеческим обществом на определенной ступени своего исторического развития, обладающим особенным отличительным характером. Иначе говоря, каждая данная историческая форма общества является не внешней содержанию, случайной в метафизическом смысле этого слова формой, а вполне существенной; она является единственно возможной и необходимой формой, присущей содержанию, — человеческому обществу на данной стадии его развития. Так что, если «общество» нельзя свести к эмпирически данной исторической формации, то так же нельзя вывести его за пределы исторических форм, т.-е. об'ективно за пределы реальной истории. В обоих случаях мы будем иметь не диалектическое, не марксистское понимание общества. Марксизм дает диалектическое, наполненное конкретным, насквозь историческим содержанием определение общества. Общие определения Маркса и Энгельса таковы, что они отображают различные типы общественных формаций в том, что общее для них, в том, благодаря чему все они являются конкретными формами исторически развивающегося человеческого общества. Именно поэтому, когда речь идет об определенном обществе, а не обществе безразлично к его исторически определенному характеру, нельзя оперировать такими общими определениями, которые, будучи абстракциями, конечно, не могут адэкватно отображать специфические закономерности исследуемого предмета. Теперь обратимся к тому пониманию марксистского определения общества, которое изложено в статье Луппола.

2. Общее определение общества у тов. Луппола.

Тов. Луппол, не удовлетворяясь абстрактным, неисторическим определением общества у т. Бухарина, сам дает такое определение его, которое, хоть и с другой стороны, но так же метафизично, так же неисторично.

Он правильно указывает, что из бухаринского определения общества классов не выведешь, между тем как почти вся предыдущая история человечества до наших дней почти целиком есть история борьбы классов. Отсюда он делает тот вывод, что определение общества должно обязательно содержать в себе в качестве основного момента понятие о классах и классовой борьбе: «Марксистское определение общества, — читаем мы у него, — не только должно учитывать закономерности движения классов, но должно основываться на закономерностях этого движения» (там же, стр. 161). Но может быть речь идет о тех общественно-экономических формациях, которые имеют классовую структуру? — спросит законно читатель, тем более, что, напр., в 4-й главе своей статьи т. Луппол пишет, что производственные отношения «в классовом обществе не могут быть классовыми по своей природе». К сожалению, дело обстоит не так. Эта случайно оброненная правильная мысль осталась в стороне от хода мысли

[1]) К. Маркс. Критика философии права Гегеля. Арх. III, стр. 191.

т. Луппола и не только не имела никакого влияния на положительное ре-шение проблемы, но, как мы это увидим сейчас, становится в непримири... противоречие к его концепции.

Развивая свою мысль дальше, т. Луппол говорит: «... отдельные п... риоды в движении классов... представляют собой вполне определенные... исторически последовательные типы, структуры (эти два слова по... черкнуты Лупполом) взаимоотношений и борьбы классов...

Такие социально-классовые структуры и долж... быть отражены в марксистском понятии общест... Только тогда оно будет обладать об'ективно познавательной и действ... ценностью (там же, стр. 161—62). Тов. Луппол полагает таким обра... что основным, характерным в общем определении общества, в определ... которое относится ко всем известным формациям, должен быть ... классов и классовой борьбы: «Марксистское определение общества, ... быть, должно быть всеобщим (всеобщим! — *Л. А.)*, но таким, котор... содержит в себе понятие производственных, классовых отношений» (там ж... стр. 163). Тов. Луппол думает, что такое «всеобщее» определение, котор... не содержит в себе понятия производственных классовых отношений, ... обладает никакой познавательной... ценностью» (там же, стр. 164). Поэт... говоря о носителях производственных отношений, он утверждает, что и... всегда являются классы: «Классы в своей совокупности составляют то, ... называется обществом» (там же). Возражая Бухарину, Луппол г... рит: «Здесь мы видим все то же, чисто механическое, вульгарно ма... риалистическое понимание общества, совершенно смазывающее осн... моменты производственных отношений (?! — *Л. А.)* и связанной с ни... классовой структуры общества» (там же, стр. 166), или «О... ектом общественных производственных отношений являются классы» (... же, стр. 172); или же: «Метафизичность теоретических взглядов т. Бух... сказывается не только в абстрактном определении общества, трактовки ... как суммы людских элементов, с выхолащиванием классового сод... жания» (там же, стр. 181). Все эти определения, как видим, относятс... к исторически определенным формациям, а к общественным форма... вообще [1]).

В определении т. Луппола устанавливается формальное тожд... между производственными отношениями и классовыми отношениями (оп... деление Бухарина «не содержит в себе понятия производственных, класс... отношений» и др.). Вот почему он определяет общественно-экономич... формацию, как «тип структуры взаимоотношений и борьбы классов», ... же как «экономическую структуру» с «социально-классовым характер... Иначе, — думает т. Луппол, — нет спасения от оппортунизма; иначе нет с... сения от тощей, никуда не годной, пустой абстракции.

Но ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, когда они говорили об обще... вообще, а не специально об антагонистических классовых обществах, ... когда не включали в это общее определение понятия о классах и ... вом антагонизме. Вспомним Марксово определение: «производственные ... ношения в их целом образуют то, что называют общественными отн... шениями, обществом» или ленинское определение «общественно-эконом... ской формации». Разве в этих общих определениях отражены не... средственно понятия классов и классовой борь... Конечно, нет! А по Лупполу выходит, что в общем марксистском опр...

[1]) Интересно отметить, что во всех своих рассуждениях относительно о... деления общества т. Луппол ни разу не привлекает к делу социалистическое ... ство, т. е. тот тип производственных отношений, который строится и позн... у нас. Это и понятно!

ии общества должно быть отражено понятие о классах и классовой борьбе «типы структуры взаимоотношений и борьбы классов», «социально-классовые структуры». Иначе и немыслимо с точки зрения общей концепции тов. Луппола. Определения Маркса и Ленина таковы, что они отображают в качестве «всеобщего» то общее, что присуще как классовым, так и неклассовым формациям, то, благодаря чему как коммунистические, так и антагонистические классовые общества являются исторически определенными формациями, ступенями в развитии человеческого общества. Отсюда вытекает логическая необходимость определить классовые формации так, чтобы это определение отражало в себе непосредственно самую суть данного типа формаций, а именно, «структуру взаимоотношений и борьбы классов». Говоря о построении теории исторического материализма, Ленин в «Друзьях народа» пишет: «...Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое... изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства, и на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества... Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основой самой этой капиталистической организации» [1]). Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет о «переходе к общественности, основанной на классовой противоположности» [2]). Маркс в т. III «Капитала» пишет прямо о том, что «капиталистический способ производства есть исторически определенная форма общественного производства вообще» [3]). Весьма определенные указания на этот счет дает Маркс также и в своих «Теориях прибавочной стоимости».

Ясно, что говорить о «превращении» одной организации народного хозяйства в другую и о создании антагонистических классов «в пределах» производственных отношений или «о переходе» к общественности, основанной на классовой противоположности, можно только тогда, когда стоишь не на эмпирической, не на позитивистской, а на диалектической точке зрения, когда из-за деревьев не теряешь из виду леса, когда, как говорит Маркс, признаешь понятие об «общественном способе производства вообще», способе, который на различных ступенях своего исторического развития принимает ту или иную форму антагонистического или неантагонистического порядка. Но это единственно правильное, действительное конкретное понимание общества возможно только, когда между понятиями «производственные отношения» и «классовые отношения» не ставишь знака равенства «вообще». Неправильно, абсолютно недопустимо формальное отождествление этих двух понятий, как это делает тов. Луппол вслед за буржуазными социологами и экономистами, об'являющими антагонизм характерной особенностью всякого общества. Ибо, если правильно положение, что классовые отношения являются производственными отношениями, то обратное утверждение — «производственные отношения всегда и обязательно являются классовыми отношениями», — высказанное

[1]) Ленин. Соч., т. I, стр. 61—62, изд. 2-е.
[2]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 168, изд. ИМЭ, ГИЗ, Москва, 1928 г.
[3]) Маркс. Капитал, т. III, ч. 2 я, стр. 355, ГИЗ, 1923 г., «Теория».

в такой общей форме, неправильно. Классовые отношения являются только исторически определенной формой существования производственных отношений на известных ступенях развития производительности общественного труда.

Об этом говорит и сам т. Луппол в некоторых местах своей статьи. Между тем ясно само собою, что, с точки зрения исторического материализма, производственные отношения, как таковые, если абстрагироваться от различных форм их на различных ступенях истории, постоянны для человечества с того момента, как оно стало «делать орудия», и до того момента, пока оно будет существовать и «делать орудия».

Раз марксист утверждает, что в общем определении общества должно содержаться понятие о классовом антагонизме, что понятие об обществе (именно общее понятие об обществах) должно отображать классовую структуру экономических форм, то ясно само собою, что при отсутствии этого условия понятие об обществе не имеет об'ективного значения, т.-е. не отражает никакого об'ективного бытия. Логическим выводом отсюда будет прямое отрицание возможности неклассового строения общества. Ведь мы с тов. Лупполом исходим из основного положения материализма, которое с особым упорством долбил в голову всяким «методологам» вроде Богданова и tutti quanti Ленин, а именно, что наши понятия отображают материальную действительность, а не являются произвольными конструкциями, простыми инструментами разума, сделанными из собственного материала, независимо от предмета познания.

Вспомним, что говорил т. Луппол: «... такие социально-классовые структуры... и должны быть отражены в марксистском понятии общества. *Только тогда* оно будет обладать об'ективной познавательной и действенной ценностью». Непосредственно за этими строками т. Луппол пишет: «В противном случае, при желании теоретика дать универсальное определение общества, т.-е. такое, под которое могут подойти все общества всего земного шара,— исчезает *социально-классовый* характер экономических структур, общество становится безжизненным, превращается в голую безжизненную абстракцию» (там же, стр. 162).

С точки зрения концепции т. Луппола всякое общество должно обязательно обладать (или обязательно обладает) *классовым характером*, иначе «общество становится безжизненным», «абстракцией». Спрашивается, что же означает это в переводе с языка логики на язык политики, каков действительный классовый смысл этой теории? — Апология классового общества, утверждение, что человек может жить только в классовом обществе! Что бы т. Луппол ни говорил после этого, требуя обязательного включения понятия о классах и классовой борьбе в общее определение общества, об'ективно он об'являет невозможным понятие о таком обществе, которое не будет основываться на антагонизме классов. Об'ективно это есть теоретическая дискредитация коммунизма, который строится пролетариатом СССР. И логика заставила т. Луппола сделать заключение: «Такое общество (т.-е. общество без классов. — *Л. А.*) становится безжизненным, голой пустой абстракцией» (там же, стр. 168).

Но ведь это — подлинный буржуазный поклеп на коммунизм. Ведь именно апологеты классовой эксплоатации и твердили всегда, что общество без классов и классового антагонизма — невозможно, что это — «безжизненная абстракция», плод досужей фантазии. Было бы смешно предполагать, что т. Луппол хоть в малейшей мере согласится с этими выводами, иначе он не называл бы социалистический «уклад» в СССР «типом совокупностей производственных отношений». Однако они неизбежно вытекают из его позиции в определении общества. Тов. Лупполу нужно задать следующий вопрос: «можно ли определить коммунизм, который мы строим

обществом?» Если это так,— а марксисты никогда коммунизм иначе как «коммунистическим обществом» и не называли,— тогда снимаются всякие разговоры о «безжизненности», «голой абстрактности», понятия общества без классов, когда речь не идет об определенном классовом обществе. Если же это не так, то как же т. Луппол изволит назвать этот самый коммунизм, если не «коммунистическим обществом».

Обратимся, наконец, к последнему аргументу т. Луппола. Говоря об «универсальном определении» общества, определении, в котором непосредственно не отражены классовые отношения, т. Луппол заключает: «Не говоря уже о том, что такое определение не обладает никакой познавательной ценностью, с этим определением нечего делать», т.-е. в применении к такому «обществу» нельзя выработать никакой нормы поведения, нельзя дать никакого действенного лозунга, нельзя, например, говорить об и з м е н е н и и такого общества, ибо действительное общество неправильно об'яснено (сиречь, «из него выхолощено классовое содержание»,—*Л. А.* Там же, стр. 163—64). Итак, «последний аргумент», т. Луппола—«от практики». И это, конечно, очень важно. Но, как нам кажется, он бьет своим примером по собственной же концепции. В самом деле, обратимся к практике. Наша страна вступила в период социализма, мы идем к м и р о в о й коммуне, к мировому коммунистическому о б щ е с т в у, а т. Луппол заявляет, что в отношении такого «общества», которое обнимает «всех людей всего земного шара», «нельзя выработать никакого действенного лозунга», «нельзя, например, говорить об и з м е н е н и и». Но тогда коммунизм действительно означал бы застой, всемирное коммунистическое общество, фундамент которого закладывается у нас, представляло бы собой состояние всеобщего индиферентизма, упадка всего живого, уничтожение всякого импульса к изменению окружающего и, следовательно, к изменению собственной природы человека. Стоит ли на страницах нашей печати распространяться насчет действительных основ таких взглядов, в какие бы революционные фразы они ни были наряжены и как бы они ни были формально направлены против теоретиков правого уклона? Ясно, что действительный смысл сей «теории» ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет. Ясно, что эта «левая» теория, якобы борющаяся с правоуклонистской концепцией т. Бухарина, по существу совпадает с последней, питает ее. Мы здесь имеем дело с конкретным случаем единства противоположностей правого и «левого» оппортунизма. Концепция т. Луппола, при всей своей шумихе о классовой борьбе, глубоко антиреволюционна. Действительно, как могла бы наша партия мобилизовать энергию пролетариата и широких масс трудящихся для социалистического строительства, как мог бы Коминтерн вести массы мирового пролетариата на разрушение капитализма и создание всемирного коммунистического общества (а ведь под это определение уже подойдут «все люди всего земного шара»), если бы буржуазные социологи и «коммунистические» теоретики вроде т. Луппола были правы в своем утверждении, что такое общество является только «о б щ е с т в о м» в к а в ы ч к а х, что оно безжизненно, что оно—абстракция, и т. д., и т. п.?

Воистину не всякая критика теории правого уклона есть настоящая марксистская критика, не всякое употребление понятий «класс», «классовая борьба» свидетельствует о правильном понимании этой социально-исторической категории.

Итак, мы видим, что т. Луппол пришел к универсализированию, к увековечению классовых антагонизмов, а не к отрицанию понятия общества вообще; иначе говоря, он на место бухаринского «общество вообще» б е з к л а с с о в поставил «общество вообще» к л а с с о в о е.

Эта точка зрения, конечно, неверна потому, что она [illegible] из страниц истории человеческого общества первобытный коммунизм, она искажает перспективы исторического развития человечества, она [illegible] ликом враждебна всему духу марксизма, исторического материализма и всей революционной практики пролетариата, направленной на разрушение антагонистического строения общества в целях построения единого [illegible] мирного коммунистического общества. Поскольку эта теория исторически ограниченный тип общества — классовое общество — превращает во [illegible] общий тип общества, она по существу насквозь оппортунистична, насквозь реакционна, ибо она, об'ективно, является теорией невозможности коммунизма, теорией бессмысленности социалистического строительства. В наших условиях она является «левой» разновидностью меньшевистской концепции. Об'ективно-политический смысл ее сводится к отрицанию того факта, что наша страна вступила в период социализма, дальнейшее развитие которого приведет к полной ликвидации всех остатков капитализма, к развитому социалистическому обществу, «экономическая структура» которого не будет иметь в себе ничего «социально-классового». Ведь [illegible] успехи практического осуществления социализма в нашей стране и [illegible] дят в бешенство международную буржуазию, которая, наряду с практической подготовкой к войне против СССР, пускает в ход гнуснейшую [illegible] о якобы «рабском», «принудительном», т. е. на языке социальной [illegible] антагонистическом, характере социалистических производственных отношений. Борьба против социалистического пролетариата всегда толкала и толкает буржуазных социологов к различным теориям, об'ясняющим антагонизм существенным, а потому характерным признаком общественной жизни вообще.

В борьбе с растущим революционным движением пролетариата буржуазия старается также подчинить его своей идеологии путем [illegible] идеологию отсталых слоев пролетариата, путем оппортунистического [illegible] ления революционного марксизма. Оппортунистическая ревизия марксизма-ленинизма идет по двум направлениям, которые представляют собой [illegible] две разновидности, в конечном счете совпадающие по существу, но различные по форме. Особенная опасность «левого» ревизионизма заключается в том, что он под прикрытием «революционной фразеологии» протаскивает те же, по существу правые, буржуазные антимарксистские идеи.

Концепция т. Луппола представляет собой такое «левацкое» [illegible] исторического материализма, которое меньшевиствующий идеализм [illegible] лял против бухаринской правооппортунистической теории марксизма-ленинизма. Особенность ее заключается в жонглировании понятиями «[illegible]» «классовая борьба» и т. п.

Опасность абстрактной, сплошной постановки вопроса о классовой природе общества особенно заостряется в настоящий исторический период. В этом отношении весьма поучительны прения, происходившие на I всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Тов. Ларин выступил за «[illegible]вую» характеристику колхозов, утверждая, что «сплошная коллективизация при диктатуре пролетариата является **необходимым и важным этапом на пути строительства социализма в деревне** (разрядка автора.— *Л. А.*). «Это,— говорит т. Ларин,— несомненно [illegible]». Но вместе с тем он не соглашается с тем, что наши колхозы представляют **социалистический тип** хозяйства. «Но она никоим образом,— говорит т. Ларин, — не является **социализмом, социалистическим хозяйством**, хозяйством **выдержанного** (подчеркнуто автором.— *Л. А.*) социалистического типа» [1]. Как видим, т. Ларин не признает [illegible]

[1]) Труды I всесоюзной конференции аграрников-марксистов, т. V, [illegible]

социалистическим хозяйством под тем предлогом, что они не «выдержанного» социалистического типа хозяйства, и в этом его оценка совпадает с буржуазной оценкой наших колхозов. Тов. Сталин вполне резонно заявил в ответ т. Ларину, что его точка зрения «не имеет ничего общего с ленинизмом». «Один из ораторов, — говорит т. Сталин, — выступал здесь и развенчивал колхозы. Он уверял, что колхозы, как хозяйственные организации, не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства. Я должен заявить, товарищи, что такая характеристика колхозов совершенно неправильна». «Не может быть сомнения, — говорит т. Сталин, переходя к квалификации этой точки зрения, — что она, эта характеристика, не имеет ничего общего с ленинизмом» [1]).

Несколько дальше т. Сталин предупреждает против абстрактного подхода к вопросу о классах и классовой борьбе. «Болтовня о классовой борьбе, — говорит он, — писк и визг насчет классовой борьбы в колхозах представляют характерную черту всех наших «левых» крикунов» [2]).

В чем заключается методологическая суть «левой» «болтовни» о классовой борьбе в колхозах? Она заключается в том, что т. Ларин и «левые» крикуны не умеют отличить социалистический тип общественных отношений от капиталистических отношений, что «родимые пятна» классовых отношений, с которыми появляется на свет социализм, принимают за сущность, основную характеристику социалистического хозяйства у нас. Сплошное, внеисторическое понимание классов и классовых, антагонистических отношений, забвение того, что у нас, в условиях ожесточенной классовой борьбы, строится социалистическое бесклассовое общество, «болтовня» о классовой борьбе вообще, вместо конкретно-исторического ее понимания, — вот что роднит методологию «левых» крикунов» с методологией буржуазных социологов.

Возвратимся к Лупполу.

Мы утверждаем, что концепция его, согласно которой общее определение общества базируется на понятии классов и классовой борьбы, коренным образом расходится с марксизмом-ленинизмом и совпадает с концепциями тех буржуазных социологов кантианского направления, которые антагонистичность об'являют существенной характеристикой всякого «социального». Для иллюстрации этого нашего утверждения рассмотрим взгляды одного буржуазного ученого, проф. Солнцева.

„Социально-классовая" методология проф. Солнцева.

Проф. Солнцев — наш «отечественный» неокантианец, представитель социологической школы в экономической науке. Он является автором ряда «солидных» работ и, с легкой руки т. Бухарина, с некоторых пор слывет «марксистом» [3]). Мы выбираем проф. Солнцева потому, что по печальному недоразумению его общеметодологические позиции до сих еще не подвергались необходимому критическому разбору на страницах нашей философской

[1]) Труды I всесоюзной конференции аграрников-марксистов, т. V, стр. 444

[2]) Там же, стр. 445.

[3]) Тов. Бухарин называет работу Солнцева об «Общественных классах «очень старательно выполненной и притом «марксистской» (см. его «Теорию исторического материализма», стр. 314, изд. 1928 г., ГИЗ). Что работа эта очень «старательно» выполнена, это, пожалуй, верно, но марксистской ее можно назвать только в том случае, если абстрагироваться от одного «маленького» обстоятельства, заключающегося в том, что «марксистской» фразеологии Солнцева не соответствует содержание работы.

Заметим, между прочим, что в своей большой рецензии на «Общественные классы» Солнцева Удальцов сам стоит в известной мере на формалистических позициях, почему и возражает часто против энгельсовского конкретно-исторического объяснения возникновения классов (см. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. I. Москва, 1924 г.).

и экономической печати, хотя его работы рекомендованы как «марксистские» и имеют большое распространение среди вузовской молодежи. Другое, пожалуй наиболее существенное основание нашего выбора определяется тем, что проф. Солнцев как нельзя ярко демонстрирует нам пример подделывания под марксизм самых доподлинных буржуазных теорий и тем самым — пример тонкой фальсификации марксизма под прикрытием фраз о классах и классовой борьбе.

Разобрав «критически» различные школы буржуазной социологии (конечно, он их не называет буржуазными, точно так же, как Марксово понимание общества, исторический материализм, — пролетарским; он «рание» классовой точки зрения), наш профессор приходит к выводу, что Маркс стоит на общих позициях с Гумпловичем, Шмоллером, Ахмоном, Шпанном и др.

Профессор Солнцев думает, что прогресс общественной науки заключается в постепенной выработке, в постепенном развитии «социальной точки зрения» или «социальной методологии», в противоположность индивидуалистическому рассмотрению общества. (Заметим, между прочим, что в этом отношении солнцевская и бухаринская оценки роли Маркса в развитии обществознания почти целиком совпадают).

Сущность «социального метода», по Солнцеву, заключается в том, что представители его все свои построения основывают на анализе общественной структуры в ее целом и главным образом на анализе общественных групп, их сталкивающихся интересов, их антагонизма, их борьбы [1]. Основателями этой «точки зрения», основателями «социального метода», — говорит Солнцев, — можно считать Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Родбертуса—с другой стороны. Первым, полагает Солнцев, принадлежит особая заслуга подчеркивания, выделения роли и значения категории класса в обществознании. Однако «требовались большие усилия в области социально-методологической мысли, чтобы идеи классового расчленения общества, антагонизма и классовой борьбы, как важнейшие элементы социального метода, могли получить себе развитие и укрепление в социально-научном познании» [2].

Профессор Солнцев, как истинный формалист, кантианец-«методолог», задается в самом начале исследования вопросами: «Что такое социальное», «Каковы его признаки?». Систематический разбор этого вопроса мы находим в его «Введении в политическую экономию», появившемся после «Общественных классов». Ответ на эти вопросы гласит, что социальное явление имеет три основных признака. Первым из них является признак «общественного отношения» (по-нашему — «производственные отношения». Проф Солнцев «принимает» марксизм и поэтому согласен под «общественными» отношениями понимать «производственные» отношения). Вторым и существенным главным признаком «социального» — говорит Солнцев, — является «гетерогенность», антагонистичность социального явления. Наконец, третий момент, характеризующий «социальное», это — «об'ективация». Теперь рассмотрим детальнее, как характеризует Солнцев эти три признака «социального явления», как расценивает он место каждого из них в характеристике «социального».

Солнцев хоть и признает «общественные отношения» необходимым «признаком» социального, но он не считает этот признак имеющим отношение к содержанию, к сущности общественного явления: «Мы считаем этот признак социального явления,—говорит Солнцев,—т.-е. тот признак, что социальное явление есть общественное отношение, формальным признаком; это—признак формально-логического ...

[1] Солнцев. Общественные классы, стр. 5, изд. 2-е, 1923 г., Ленинград.
[2] Там же, стр. 7

рактера, т. к. понятие общественного отношения выражает лишь то, что данный факт, данное социальное явление имеет причинное отношение и связь ко всему целому, как по своему происхождению, так и по своему результату, или, иначе говоря, что социальный факт строго обусловлен и связан со всем целым» [1]). Общественные отношения для Солнцева, таким образом, становятся абстрактной логической категорией, они бессодержательны и бескачественны. Поэтому история их не касается. Этот признак хоть и «существенен», т. е. хотя и не бывает общественного явления, которое бы не имело этого признака, однако же, это—«признак формально-логического значения» [2]). «Что же касается внутренней природы социального, то одним из важнейших признаков, характеризующих по существу социальное явление, мы считаем,—говорит Солнцев,—его гетерогенность (разрядка автора.—*Л. А.*) и другим—об'ективированное его существование, об'ективирование его. Эти признаки точно так же, как и первый, формальный, присущи социальному во все моменты его проявления и существования: социальное явление всегда и во всех случаях не только гетерогенной природы, но и имеет характер об'ективированного существования» [3]). (Разрядка моя.—*Л. А.*). Мы не будем останавливаться специально на признаке «об'ективации», ибо в такой связи, в которой нас интересуют взгляды проф. Солнцева, непосредственное отношение к нашей теме имеет признак «гетерогенности». Приведем только заключительную характеристику «об'ективации» у Солнцева. «Итак,—читаем мы у него,—об'ективация социального явления выражается прежде всего в самостоятельном существовании над и вне индивидуального сознания, в чем и состоит существенное различие между психологическими явлениями и социальными явлениями. Вторым моментом такой об'ективации может быть выявление независимо существующего социального отношения в той или иной форме, его воплощения. Об'ективация, — резюмирует свою мысль Солнцев,— не только в том, что социальное явление надиндивидуально, но и в том еще, что оно имеет воплощенное в том или ином виде существование. Правовое отношение воплощается в законе, экономическое — в товаре и т. д.» [4]). (Тут Солнцев ссылается на Дюркгейма, Оржицкого, Зиммеля и др.). В этом третьем существенном моменте в определении социального, «который,—как говорит Солнцев,—является вторым непосредственно характеризующим внутреннюю природу содержания «социального», нам важно отметить, с точки зрения интересующего здесь нас вопроса, следующее:

Абстрактная постановка вопроса о «социальном» у Солнцева приводит к тому, что все стороны общественной жизни, все многообразие ее проявлений воплощаются в тощей формуле «вне»- и «надиндивидуального» существования «социального». Этот отрыв формы от содержания, это рассматривание формы самой по себе, это несодержательное, чисто формальное определение целиком покоится на идеалистической, метафизической методологии. Мы должны отметить также, что, свалив в одну кучу язык, право, экономику и т. д., Солнцев декретирует вечность для истории человеческого общества правовых норм и фетишизации присущих товарному хозяйству экономических категорий, об'являя все это вечными и существенными чертами всякого «социального».

---

[1]) Солнцев. Введение в политич. экономию, стр. 54, 1923 г., Петроград.

[2]) Мы уже указывали на тождество взглядов Солнцева и Бухарина на «социальное», как на формальную противоположность «индивидуальному».

[3]) Солнцев. Введение, стр. 55.

[4]) Там же, стр. 59

Мы обращаемся теперь к вопросу о гетерогенности, которая представляет для нас существенный интерес в связи с разбором взглядов тов. Луппола.

«Гетерогенность (разрядка автора.—*Л. А.*) социального явления,— говорит Солнцев,— состоит в том, что социальное явление представляет собой выражение или результат противоположных сталкивающихся воль, интересов, настроений, желаний. Его природа антагонистична. Всякое общественное отношение гетерогенно не потому, что оно социально обусловлено, а потому, что социальные связи и зависимости, социальная обусловленность, складываются в сфере столкновений, соприкосновения противоположностей, различно настроенных воль» [1]). Солнцева не удовлетворяет «абстрактная» (в лупполовском смысле слова) постановка вопроса. Он—не индивидуалист (здесь он отходит в некотором смысле от общих с Бухариным позиций), он исходит из жизни «общества, как целого». Поэтому он имеет в виду здесь не противоположность, антагонизм индивидуальных воль», а антагонизм групповых воль, групповую гетерогенность «социального». Больше того, он, Солнцев, если хотите, даже и «марксист». Он «приемлет» теорию «трудовой связи членов общества», он, пожалуй, приемлет бухаринское определение общества, как системы взаимодействующих людей, основанной на трудовых связях. Но его не удовлетворяет Марксово определение общества, как «совокупности производственных отношений». Не может, конечно, удовлетворить Солнцева и определение общества, как определенной экономической формации, и если, как мы видели, если по Ленину существенная заслуга Маркса заключается в том, что он возвел социологию на степень науки, выделив из всех общественных отношений главные, основные, что он «свел общественные отношения к производственным отношениям, а эти последние к высоте производительных сил», что он сформулировал теорию общественно-экономических формаций и дал возможность рассматривать историю общества, как естественно-исторический процесс, то для Солнцева, для которого Маркс есть только примитивная ступень своего «социологического», «социально-классового метода»,— для Солнцева общественные или производственные отношения, это—формально-логического характера «признак» социального». Солнцев выхолащивает все конкретное содержание из Марксова понятия общественных отношений прежде всего как производственных отношений. Поэтому у него,— как говорит Маркс по другому поводу относительно Гегеля,— «конкретное содержание, действительное определение выступает, как формальный момент; совершенно абстрактное же определение формы выступает как конкретное содержание» [2]). Существенным, самым главным, что характеризует «социальное» по его содержанию, наряду с «объективацией», по словам Солнцева, является гетерогенность, антагонистичность общественных явлений: «Эта гетерогенность,— говорит он,— самая существенная черта социального» [3]).

Стремясь выдать свою концепцию за «марксистскую», наш почтенный академик прибегает к подделке Маркса. Но об этом мы поговорим несколько ниже. Теперь же возвратимся к рассмотрению взглядов его по существу.

Гетерогенность, антагонистичность,— говорил Солнцев,— «основана на разделении труда, на том, что в обществе имеются различные общественные группы, имеющие различные отношения к процессу общественного

---

[1]) Солнцев. Введение, стр 55.

[2]) Архив Маркса и Энгельса, т. III, стр. 153.

[3]) Солнцев. Введение, стр. 56.

изводства [1]). Как же быть с действительной историей, если эта гетерогенность является обязательным конститутивным признаком общественной жизни? Вопрос решается Солнцевым в том смысле, что вся история человеческого общества является историей форм гетерогенности или процессом кристаллизации классовой гетерогенности: «Социальная гетерогенность,—говорит он,—классовая гетерогенность. Где в обществе еще недостаточно сложилась классовая структура, там и социальность едва еще заметна, там и общество, как таковое, только еще складывается» [2]). Как видим, Солнцев дарует общественную жизнь человечеству лишь постольку, поскольку общественные отношения людей имеют антагонистический, классовый характер. Вся история человечества у него превращается в историю дифференциации общества на противоположно направленные, антагонистические группы. Это движение общества находит свое логическое завершение в окончательной откристаллизации общественных классов, освобожденных от всех тех юридических и иных наслоений и форм, которые облекали общественные группы в докапиталистический период. «Социальная гетерогенность,—пишет Солнцев,—выявляется как признак социальности вместе с развитием социальной жизни. Гетерогенность слабо проявляется в социальных явлениях там, где социальная жизнь примитивна, не развита, где неравенство социальное не выявилось еще в определенные формы. С развитием общества современной капиталистической формации, формы разделения труда достаточно определяются, отношения неравенства фиксируются с определенностью, как отношения классовые, и с этого времени, т.-е. с момента капитализма, социальное общение проникается насквозь характером классовых различий, и социальные факты пропитываются гетерогенностью определенного классового характера. Это и есть социальная гетерогенность в своем наиболее чистом виде» [3]).

Итак, Солнцев превращает отношения буржуазного общества в наиболее совершенные формы по существу всегда антагонистических, классовых (или, на ученом жаргоне Солнцева, гетерогенных) отношений и этим увековечивает отношения общественного неравенства, отношения классовой эксплоатации. Для него возникновение общества и возникновение антагонизма—это тождественные процессы. А если это так, то исчезновению антагонизма должно соответствовать исчезновение общественности вообще, ибо, как мы уже указывали выше, по его мнению, всякое общественное отношение гетерогенно», «его природа антагонистична», «гетерогенность—самая существенная черта социального». Вот почему он любезно отсылает первобытное коммунистическое общество в царство животной стадности: «Начало процесса социальной дифференциации,—говорит он,—относится к глубокому историческому прошлому. Если историки человеческой культуры и отмечают на заре человечества существование первобытных обществ с коммунистическим, недифференцированным строем, то существование таких «обществ» относится собственно к доисторическому периоду общественной жизни. Вся же действительная история человеческого общества не может не рассматриваться как процесс непрерывного социального дифференцирования, образования социальных групп из взаимного обособления и внутреннего уплотнения и об'единения. Самый переход от простого общения между человеческими индивидами,

[1]) Солнцев. Введение, стр 55
[2]) Там же, стр. 56.
[3]) Там же, стр. 57

или состояния стадности, к обществу, социальности, должна характеризоваться и обуславливаться процессом образования социальных различий и появлением социального неравенства» [1]).

Вот и «последнее слово» солнцевского «марксизма». Его «социально-классовая точка зрения», его «социально-классовый метод», который внешне, может быть, выглядит и очень «революционно», есть, по существу, апологетика антагонистического строя, есть возведение классовых антагонизмов в высший и неот'емлемый признак общественной жизни вообще. Не трудно понять, что эта буржуазная концепция ничего общего не имеет с концепцией Маркса, который всю жизнь трудился над доказательством обратного и над организацией пролетариата для уничтожения последней антагонистической общественной формации – капитализма. «Настоящая наука политической экономии,—говорит Маркс,—кончается тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения только как исторические (разрядка Маркса.— *Л. А.*) отношения, которые ведут к высшим отношениям, где исчезает антагонизм, на котором основано капиталистическое общество» [2]). Таким образом, если для Маркса капиталистические отношения являются последней антагонистической формой общественного производства, то для нашего новоявленного «марксиста» они (капиталистические отношения) имеют только предисторию, а сами, будучи стадией расцвета общественности, не могут быть уничтожены развитием общества. Не трудно понять, что «революционный» метод профессора Солнцева представляет собой очень «удобную» теоретическую основу для самого махрового оппортунизма. «Социальная точка зрения, из которой исходил Маркс, когда уяснял природу социальных явлений,—пишет Солнцев,—все больше и больше проводится в современных социальных науках. Можно думать (?!—*Л. А.*), по крайней мере, что у Маркса в общем (sic) подход к освещению и изучению социальных явлений был правильный, научный. Философские и методологические воззрения Маркса не шли, разумеется, дальше того, что могла выдвинуть его эпоха» [3]). В этом полном гелертерской спеси и трусливом, завуалированном «прощении» Марксу его «философских и методологических воззрений», т.-е. диалектического материализма, раскрывается тайна тайн солнцевского «согласия», «принятия» Маркса. Нашему профессору нехватало мужества и знания открыто взяться за доказательства «ограниченности философских и методологических воззрений» Маркса, но в такой прикрытой форме он все-таки отделывается от них, ибо солнцевское истолкование социологии Маркса ничего общего не имеет с действительным марксизмом, ибо его методология ничего общего не имеет с диалектическим материализмом. И он сам, конечно, об этом прекрасно знает. Это «допущение» «правильности в общем» Марксова метода обществознания и указание на то, что собственно Маркс якобы начал в несовершенной форме то, что завершили вышеупомянутые буржуазные социологи и «сам» Солнцев, выдает внутреннее беспокойство профессора, «подстригшего» Маркса под апологета социальных антагонизмов.

Выше мы уже говорили, что Солнцев не только произвольно интерпретирует Маркса, но что он также прибегает к недобросовестному приему, к прямой фальсификации мыслей Маркса, чтобы успешно завершить свою подделку Маркса под «социального методолога». Приведя из «Нищеты философии» то место, где Маркс говорит, что для адэкватного понимания природы феодального общества необходимо исходить из вскрытия специфической антагонистической природы его, Солнцев заключает: «Из

[1]) Солнцев. Общественные классы, стр. 14—16.

[2]) К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 334, изд. «Прибой» 1924 г. Ленинград.

[3]) Солнцев. Введение, стр. 47—48.

слова Маркса указывают на то, что классовый антагонизм и борьба классов для Маркса являются, прежде всего, методом исследования, при помощи которого только и возможно понять ту или иную систему общественного хозяйства»[1]). Насколько здесь фальсифицированы действительные социологические взгляды Маркса, видно хотя бы из того, что строгий материалистический об'ективизм Маркса самым откровенным образом выдается за чистейший суб'ективизм. Иначе как же можно сказать, что для Маркса «классовый антагонизм и борьба классов являются прежде всего методом исследования»? Мы указывали на суб'ективистское истолкование Маркса, не останавливаясь на нем специально, в виду того, что не эта сторона методологии Солнцева нас в данный момент интересует. Однако надо отметить, что суб'екивизм методологии Солнцева находит свое выражение также и в том произволе, который он проявляет в интерпретации Маркса. В главе, посвященной общим вопросам методологии политической экономии и называющейся «Метафизика политической экономии»,—из которой Солнцев приводит цитаты, — Маркс развертывает исключительную по форме и глубине критику различных буржуазных точек зрения в политической экономии, которые в различных формах проводят одну и ту же общую основную мысль, а именно, что капиталистические отношения — это наисовершеннейшие общественные отношения вообще, что классовые отношения—отношения естественного порядка. Вот что пишет Маркс об условиях научного адэкватного познания феодального общества: «...чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его, как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавалось богатство в этой, основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы, как один из этих классов,—представлявший собой другую, неудобную сторону общества,—постепенно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения»[2]). Здесь Солнцев прерывает мысль Маркса, относящуюся к определенному феодальному обществу и делает общий вывод: вот «классовый метод» Маркса. Вот, мол, сам Маркс требует ко всякому обществу подходить «этим методом», т.-е. рассматривать «ту или иную систему общественного хозяйства», как антагонистическую, классовую систему. Конечно, читатель Маркса, свободный от неокантианских очков нашего профессора, из приведенных его строк такого вывода вовсе не сделает. Не сделает потому, что Маркс говорит об исторически определенной системе хозяйства, именно о феодализме, о такой «системе народного хозяйства», которая антагонистична («в этой, основанной на антагонизме среде»...). Но отсюда вовсе не следует, что для Маркса «любая система народного хозяйства» антагонистична. Такое заключение можно сделать только, надев суб'ективистские, «классово-методологические», т.-е. буржуазные, очки профессора Солнцева.

А вот, если бы Солнцев процитировал этот абзац дальше, до конца, то у него, конечно, не осталось бы и малейшей возможности создать даже видимость того, что Маркс—его единомышленник. Вот что пишет Маркс непосредственно вслед за тем, где обрывает цитату Солнцев: «Но, поступая таким образом, не признаете ли вы, что способ производства, равно как и те отношения, при которых совершается развитие производительных сил, вовсе не составляют вечных законов, а соответствуют известному развитию людей и их производительных сил; не признаете ли вы также, что всякое из-

---

[1]) Солнцев. Общественные классы, стр. 6.

[2]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. V, стр. 374—375, изд. ИМЭ, 1930 г.

мнение в области принадлежащих людям производительных сил необходимо ведет за собой изменение в производственных отношениях» [1]). Из этого видно, что Маркс не рассматривает данный тип производственных отношений, в данном случае антагонистические производственные отношения, как вечный атрибут человеческой истории. Маркс ясно говорит здесь о том, что обществу на различных стадиях своего развития представляет собою различные типы производственных отношений, различные способы производства, соответствующие определенным ступеням развития производительных сил общественного человека. Маркс зло высмеивает всевозможных представителей вульгарной буржуазной политической экономии—«фаталистов», «романтиков», «гуманистов», «филантропов», рассматривающих капиталистические отношения производства не как исторические. Солнцев умолчал о том, что в этой главе вообще, и в приведенных нами дальнейших строках в частности, Маркс развивает свою точку зрения о «различных способах производства», каждому из которых соответствует свой особый тип производственных отношений. Он умолчал о том, что Маркс говорит об исторически необходимой форме перехода к следующей, «высшей системе народного хозяйства», о том, что старая система разбивается. Наконец, Солнцев скрыл от своих читателей, что Маркс в том же 7-м замечании упомянутой главы «Нищеты» говорит о том, что пришедший на смену феодализму капиталистический способ производства является последним способом производства с антагонистическим строением и что только при правильном, научном представлении имманентных капитализму противоречий, приводящих его к уничтожению, наука «перестает быть доктринерской». Иначе говоря, Солнцев остался доктринером и апологетом капитализма, сделав одновременно негодную попытку спрятаться за спиной Маркса.

Выводы.

Итак, результат, к которому мы пришли, следующий: мнение, будто по Марксу, антагонистичность, классовость составляет существенный признак общества и поэтому должно быть также существенным моментом в общем определении общества, неверно. С точки зрения марксизма, классы, классовое строение общества, представляют собою несколько ступеней в историческом развитии человечества. Эти ступени, эти фазы являются исторически преходящими формами общественного производства вообще, формами, порождаемыми определенным состоянием производительных сил. Поэтому на определенной ступени развития производительных сил всякая форма классовых отношений, всякий вид классовой структуры общества становится излишним и капитализм — последний антагонистический способ производства — сменяется через пролетарскую революцию новым, коммунистическим обществом. Отсюда следует, что общее определение общества не может иметь своим основным, характеризующим «всеобщее» понятием понятие классов. В письме к Анненкову Маркс особенно подчеркивает, что основной методологический грех Прудона заключается в том, что он не сумел подняться до понимания исторического характера общественно-экономических формаций, что он, Прудон, повинен в «непонимании» исторического, преходящего характера производственных отношений определенной эпохи. Следовательно, «признать» классы и отразить их в общем определении общества — это, само по себе, еще не марксизм. В письме к Вейдемееру от 5 III 1852 г., Маркс пишет: «Чтобы выяснить себе прошлую историю классов, эти господа должны были бы изучить исторические произведения Тьери, Гизо, Джона Уэтта и т. д.» [2]).

[1]) Маркс и Энгельс. Сбор. соч., т. V, стр. 375, изд. ИМЭ, 1930 г.
[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 41, перевод Адоратского, изд. «М. Р.», 1923 г.

касается меня,—пишет он дальше, — то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки еще задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов.

То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано *лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства*, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход *к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы*»[1]). Как видим из приведенной выдержки, сам Маркс указывает как нельзя более ясно на то, что признание классов не есть еще марксизм, так же, как отрицание классов не является необходимым атрибутом буржуазной науки. Наоборот, последняя все больше начинает *признавать* классовое строение не только *современного* общества, но и превращает его (классовое строение) в *вечный атрибут человеческого общества*. Буржуазным социологам, как духовным представителям и апологетам классовой эксплоатации, это выгодно. Ибо в таком случае исторически определенная и *притом последняя* форма классового общества об'является универсальным принципом всей истории человечества. Маркс говорит о Гегеле: «Гегель заслуживает порицания не за то, что он рисует сущность современного государства так, как она есть, а за то, что он это выдает за *сущность* государства»[2]). Так же поступает и т. Луппол вслед за Солнцевым и другими буржуазными социологами, когда он, говоря об общем определении общества, делает существенным его моментом классовость, классовую борьбу. Что же касается вопроса о месте понятия классов в Марксовом определении общества, то оно характеризуется тем, что устанавливается исторически преходящий, следовательно «частный», а не «общий» характер классового строения общества, необходимым образом возникающего на определенной ступени развития производительных сил общественного человека и также необходимо уступающего место через период пролетарской диктатуры бесклассовому коммунистическому обществу. Вот в чем суть Марксова понимания общества. Если это так, то «всеобщее» определение общества, которое должно быть действительно всеобщим, а не относиться только к определенным формациям, не может иметь понятие классов своим центром, не может отражать непосредственно «особенную», классовую форму общества.

Итак, сущность методологической ошибки т. Луппола в определении общества заключается в том, что он (как и проф. Солнцев) «особенное» в развитии общества выдает за «всеобщее», что означает об'явление «особенной формы» в развитии общества его «всеобщей формой», его сущностью на всем протяжении его исторического развития. Пути, по которым идут т. Луппол и проф. Солнцев, формально различны. Солнцев идет «дедуктивно», он, как кантианец, прямо отправляется от формального общего определения «социального». Свой «социально-классовый» метод он выдает за метод Маркса. На самом же деле он увековечивает классы, не видит исторически преходящей природы классовой структуры общества. Поэтому в его общем определении «социального», в его общем определении общества, понятие о классах и их борьбе составляет основной, всеобщий, характерный признак. Тов. Луппол идет «индуктивным» путем. Отправляясь в своей

[1]) Там же, стр. 42.
[2]) Архив М. и Э., т. III, стр. 192

критике абстрактной механистической концепции тов. Бухарина от конкретного классового общества, он также приходит к универсализации последнего, что находит свое выражение в том, что определение классовых обществ у него превращается во всеобщее определение общества.

Отрицая на деле (не на словах) общее определение общества, т. е. руководствуясь некоторым методологическим эмпиризмом, тов. Луппол приходит к такой же абстрактной, неисторической точке зрения на общество: он приходит к универсализации «особенного», к превращению последнего в «всеобщее».

Позиция т. Луппола в вопросе о марксистском понимании общества может быть квалифицирована не иначе, как «левацкая». «Левой», «революционной» фразой о классовости общества, о борьбе с правооппортунистической механистической теорией Бухарина и его коллег он прикрывает ту же, по существу оппортунистическую, теорию. Если натуралистическая концепция смазывает классовое строение и антагонизм капиталистического общества, если она смазывает классовые противоречия и специфические классовые задачи пролетариата в эпоху его диктатуры, в эпоху строительства социализма, если она разоружает нас перед бешеной борьбой остатков буржуазии против социалистического наступления пролетариата, то «левая» теория тов. Луппола увековечивает классовое строение общества, превращает классовые антагонизмы в существенный атрибут всякого общества вообще, в нечто неисторическое, непреходящее в общественной организации человека. Поэтому эта теория на настоящем историческом этапе представляет собой по своему существу идеологическое оружие в руках буржуазии, направленное против мировой социалистической революции пролетариата, против социалистического строительства в СССР.

Эти взгляды тов. Луппола, повторяем, разделялись и выдвигались рядом товарищей на прошлом этапе нашей философской работы (Карев: «Исторический материализм, как наука», Разумовский: «Механистическая теория ист. мат. Бухарина» и т. д.); они преподносились широкой читательской массе, партийной, комсомольской молодежи, как ортодоксальные марксистско-ленинские взгляды, и «революционая» фраза помогала прикрыть антиленинское, антиреволюционное их существо. Тем более необходимо их разоблачение, тем более необходима решительная борьба с «левой» разновидностью оппортунизма на этом участке нашего теоретического фронта.

Рязановщина и военное дело.

И. Каплан.

Ожесточенная классовая борьба в реконструктивный период, в период развернутого социалистического наступления по всему фронту разоблачает до конца тех, кто не сумел понять, что Ленин продолжил и углубил марксизм. Разоблачение Рязанова полностью оправдывает это положение. За двурушничество, предательство партии ученый «марксист» выброшен из рядов ВКП(б). Такова судьба «марксиста», не хотевшего признавать, что подлинным марксизмом современности может быть только ленинский марксизм. Для нас ясно, что Рязанов, боровшийся долгие годы до Октябрьской революции против Ленина и не раз атаковавший линию партии в период пребывания в коммунистической партии, в действительности не мог преодолеть вульгарного марксизма.

Второй интернационал опошлил, вульгаризировал марксизм, выхолостил живую душу марксизма—материалистическую диалектику. Так было до войны и во время войны. После империалистической войны и по сегодняшний день продолжался и продолжается другой процесс, неразрывно связанный с первым этапом: процесс ревизии марксизма во всех его составных частях. Результат этой «блестящей» работы налицо — марксизм заменен теорией социал-фашизма.

Ленин не просто и не только восстановил подлинный марксизм, но, восстановляя его, он развил его дальше в новых условиях империализма и пролетарских революций.

Еще задолго до своего предательства на практике Каутский, Бауэр, Гильфердинг и др. ортодоксальные герои II интернационала предали марксизм в теории. Без революционной теории нет революционной практики. Эту мысль Ленин неоднократно подчеркивал. Анализ позорной измены рабочему классу, совершенной Каутским и др. в 1914 г., Ленин начинал с того, что указывал на вульгарный марксизм Каутского:

«Полезным уроком могло бы быть (и должно было бы быть) то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксистской диалектике... но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку, или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова» (т. XXV, стр. 237).

Вполне понятно, что «диалектика» в теории, оказавшаяся бессильной на практике, не имеет ничего общего с революционной диалектикой. Это и подчеркивал Ленин. У героев II интернационала это сказалось не только в отрыве теории от практики, что особенно ярко обнаружилось в годы империалистической войны, но их теория в лучшие годы носила в себе элементы

кантианства. И поэтому ничего удивительного нет в том, что теоретики, подобные ученым из II интернационала, оказались предателями рабочего класса в годы величайших испытаний, в годы крутых поворотов.

«Крах отдельных лиц,—писал Ленин,—не диковинка в эпохи великих всемирных переломов. Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о мильеранизме») (т. XVIII, стр. 77).

Вульгаризация марксизма заключалась в болтовне о диалектике. Когда же приходилось практически действовать, то вместо понимания многообразия живых форм оказывалась односторонность, вместо руководства к действию, каким должен быть марксизм, давалась мертвая догма. И предательство Рязанова по отношению к диктатуре пролетариата имеет свои корни в вульгарном понимании теории марксизма. Рязанов и в лучшие годы своего пребывания в партии не поднимался до подлинного учения Маркса, хотя «по штату» ему и положено было его понимать.

Нашей задачей и является показать на понимании Рязановым вопросов военного дела, насколько марксизм под руками ученого мужа становился неузнаваемым.

* * *

II интернационал теоретической стороне вопроса войны и военного дела до войны уделял очень мало, если не сказать никакого внимания. В этом можно усматривать одно из наиболее ярких выражений всей позиции II интернационала. О насильственном свержении империализма, о захвате власти пролетариатом, о неизбежности гражданской войны, после установления пролетариатом своей диктатуры, об обучении трудящихся военному делу,—обо всем этом «мирные» герои II интернационала мало думали [1]).

В противовес этой позиции—война и военное дело, как теоретические и практические проблемы, все время стояли в центре внимания Ленина и большевистской партии. Иначе и не могло быть. Партия и пролетариат готовились к захвату власти. Для этого они готовили вооруженные силы, неустанно разрабатывая и теорию и практику военного дела. «Мы всегда знали, говорили, повторяли,—писал Ленин,—что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой, классовой борьбы и гражданской войны,—что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук»,—что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества,—что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т.-е. особая система организованного насилия над известным классом) именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти» (т. XXI. стр. 156).

Воинствующий большевизм сказался в том, что он оставался верным подлинному революционному марксизму также и в теории и в практике войны и военного дела.

Отрывая теорию от практики, Второй интернационал мог создавать красивейшие лозунги по вопросам войны, но решительно ничего не сделал для осуществления своих социалистических задач.

---

[1]) Насильственным путем свергать капиталистическое господство II интернационал в прошлом не думал. Вполне понятно, почему его программа носила весьма мирный характер. Этого нельзя сказать о нынешнем периоде, когда теперь II интернационалу есть кого свергать... власть советов, диктатуру пролетариата.

Принципиальный «марксист» Рязанов не признавал авторитета Ленина в вопросах теории войны и военного дела, как не признавал роли Ленина и в других теоретических областях. Это означает полное отрицание за пролетарской партией руководства гражданской войной и военным делом на протяжении нескольких десятков лет. После того, как Ленин гениально предсказал неизбежность перерастания империалистической войны в гражданскую, после того, как коммунистическая партия под руководством Ленина разложила царскую армию и создала новую армию, Красную, победоносно боровшуюся на многочисленных фронтах, после всего этого отрицать роль ленинизма в теории военного дела означает, попросту говоря, проституирование марксизма.

Поэтому не случайным надо признать выступление Рязанова в Комакадемии, когда ставился вопрос о переименовании социалистической Академии в коммунистическую.

«Предложение о переименовании,—говорил Рязанов,—я, кажется, вносил в начале 1919 года. Но у меня были другие соображения, которые я теперь повторяю. Я не большевик, я не меньшевик и не ленинец. Я только марксист и как марксист—я коммунист».

Можно поверить Рязанову в том, что он не большевик и не ленинец, но напрасно он отрицал, что не принадлежит и не принадлежал к меньшевикам. Меньшевиком он действительно был и таковым по существу остался.

* * *

Понимал ли Рязанов, что такое марксизм? Вопрос этот может показаться странным—ведь Рязанов был директором института Маркса и Энгельса. И тем не менее с этого вопроса приходится начинать, чтобы показать, что, не усвоив сущности марксизма, Рязанов не мог никогда быть и большевиком-ленинцем. Рязанов не понимал сущности марксизма. Для него существовал укороченный марксизм. Каждый знает, что укороченный марксизм перестает быть революционным марксизмом. Вот одна из характеристик марксизма в изложении Рязанова:

«Повторяю, только в таких чисто технических частях военного дела, как учение об оружии и фортификации, марксизм, поскольку он является методом исследования общественных явлений,—не применим. Тут требуются другие научные методы, тут могут и должны помочь техника, математика и естествознание» (Д. Рязанов, «Военное дело и марксизм», стр. 20).

Итак, из уст «ортодоксальнейшего марксиста» мы узнаем, что марксизм является методом исследования общественных наук и что наряду с этим методом могут и должны существовать другие научные методы. До таких чудовищных извращений марксизма редко кто доходил.

Справедливость требует отметить, что и Троцкий доходил до таких извращений. Вот, что писал Троцкий по вопросу о применении марксизма в военном деле:

«Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав... Что же касается чисто военных методов, как они закреплены в наших уставах, то тут уже с марксистским методом подходить вряд ли целесообразно. В уставы, конечно, нужно вносить максимальное единство, проверяя его на опыте, но говорить по этому поводу о едином военном мировоззрении просто-таки глупо» (Троцкий, «Как вооружалась революция», т. III, кн. II).

Живою и составной частью марксизма является диалектический материализм, философия марксизма. Диалектический метод универсален, но универсальность его заключается не в том, что марксизм приписывает конкретным наукам свой метод, т.-е. стоит над всеми [illegible] од есть

аналог любой действительности—как природы, так и общественных [illegible] Диалектический метод не оперирует вечными и неизменными категориями, он совершенствуется, развивается и усложняется по мере развития и усложнения самой об'ективной действительности. При помощи диалектического метода и возможно научное изучение любого явления об'ективной действительности. Вот почему этот метод является научным методом любой науки, поскольку наука имеет своей задачей выяснение закономерности той или иной стороны нашей об'ективной действительности.

Непонимание этого основного важнейшего вопроса,—что диалектический метод применим ко всем решительно наукам, и что он составляет существеннейшую часть революционного марксизма—и составляет одно из основных искажений и вульгаризаций марксизма, что нашло свое отражение в теории II интернационала.

Ленин упрекал русских махистов в том, что они не поняли философских основ марксизма:

«Наши махисты не поняли марксизма потому, что им довелось подойти к чему, так сказать, с д р у г о й с т о р о н ы, и они усвоили—а иногда не столько усвоили, сколько заучили— экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т. е. философского материализма» (т. XIII, стр. 270).

Любой буржуазный ученый готов признать множественность [illegible] стать на точку зрения плюрализма, чтобы протащить и позитивизм и субъективный идеализм и прочий философский хлам. И военные специалисты, [illegible] нившие буржуазные предрассудки по части марксизма, были приятно [illegible] жены, услышав из уст «авторитетного марксиста», что марксизм в [illegible] не противоречит их методологии [1]), узнав, что могут существовать [illegible] сты которые не признают применения марксизма-ленинизма в военном [illegible]

Меринг когда-то похвалил известного штатского профессора [illegible] за то, что он, вопреки своему реакционному мировоззрению, мог [illegible] давать блестящие образцы бессознательного применения диалектического метода при об'яснении отдельных военно-исторических явлений. Но это [illegible] давно и в тот период, когда пролетарская революция непосредственно [illegible] угрожала существованию капитализма. Рязанов забывает, что история [illegible] вивается путем скачков. Безвозвратно канули в вечность те времена, [illegible] европейские ученые позволяли себе кокетничать, заигрывать с диалектикой, с материализмом, что несколько выделяло их ученые труды по [illegible] с трудами тех, кто продолжал исключительно опираться на [illegible] в научных вопросах. Но Ленин тем и отличался от Плеханова, не говоря о Рязанове, что предвидел связь эпохи загнивания империализма с [illegible] черной реакцией во всех вопросах науки, и в первую очередь историческо[illegible] Диалектическая сторона ускользала от Рязанова,—это, пожалуй, [illegible]

---

[1]) Достаточно привести рассуждения о методе теории военного [illegible] безызвестного профессора А. Свечина, чтобы стало ясно, с кем [illegible] кий и Рязанов.

«В теории военного искусства мы видим не чистую науку a priori, [illegible] ческую науку a posteriori, науку второго разряда или даже вовсе не [illegible] гом смысле этого слова, так как военная теория не располагает той [illegible] аподиктической точностью и убедительностью, которые Кант требовал [illegible] ственно науки... Ни один метод изучения военного искусства, [illegible] не позволяет охватить его в целом. Необходимо пользоваться [illegible] методов, чтобы возможно шире исследовать его. Если нельзя строить [illegible] ности, а тем более на метафизике, все здание военной теории, то, с [illegible] в каждом ученом и сейчас заключается доля рационализма, все [illegible] являемся отчасти учениками Декарта, все мы стремимся к углублению, не довольствуемся изучением поверхностных явлений, и [illegible] метафизиками» («Стратегия в трудах военных классиков ВВРС», стр. [illegible]

ряд[к]е вещей для того, кто изучал Маркса в тиши кабинета, вдали от бурно-революционных событий.

Меньшевик не понимает живой диалектики, он не понимает единства мира, заключающегося в его материальности и многообразии форм этого мира, получающихся в результате диалектического развития. Он либо признает, что нечто вообще существует, т.-е. становится на точку зрения об'ективизма струвистского типа, и этим ограничивается, либо, подделываясь под Маркса, фальсифицируя революционную теорию пролетариата, готов признать скачки, переходы, но как присущие лишь нашему мышлению.

Абстрактный материализм снизу и идеализм сверху. Бывает и наоборот—снизу идеализм и сверху вульгарный исторический материализм. Рязановская эклектическая методология блестяще соединяет и первое и второе [1]).

Мировая империалистическая война как в политике и экономике, так и в военном деле вскрыла всю безнадежность для империалистов разрешить какие бы то ни было противоречия, которые лежат в основе империализма и делают невозможным его существование. Бессилие буржуазного мышления понять действительный ход событий особенно остро сказалось в теории и практике военного дела. Буржуазные военные специалисты оказались жалкими игрушками в руках военной стихии. Как слепые кроты, они ползли вслед за разыгравшимися в 1914—1918 и 1918—1921 гг. боевыми событиями, не поспевая выполнять то, что повелевал вчерашний день, но что оказывалось неверным на сегодняшний день. В этом признаются многие военные буржуазные авторитеты, начиная со столпов — Людендорфа, Гинденбурга, и кончая такими военными авторитетами, как Люка, Зольдан, Лидель-Гарт, Жан де Пьерфье и др. Вот что мы читаем в брошюре Зольдана «Человек и битва будущего»:

«Мы должны усвоить себе взгляд на 1914 год, *как на год, лишенный всякого значения для современного научного исследования*, как бы тяжело нам это ни было, так как этот год для нас является годом кажущегося величайшего героизма. Оба противника сражались в 1914 году, не осознав полностью силы современных технических средств борьбы, находившихся в их распоряжении, и не сделав правильных выводов из мощности этих средств» (стр. 22).

В других местах этот вывод он распространяет на всю войну:

«Все армии, принявшие участие в мировой войне, плелись в хвосте военной техники. Ни одно командование не смогло поспеть за развитием военной техники, быстрый рост которой обозначился уже с начала нашего столетия. Эту отсталость все участники войны вынуждены были оплатить невероятными громадными жертвами» (стр. 29).

Мало чем отличается вывод немецкого офицера от утверждений английского офицера Лидель-Гарта.

---

[1]) Следует указать, что и Бухарин в определении марксизма ограничивается только одной его стороной. Так, в брошюре «Ленин как марксист» мы читаем:

«Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология—система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей, скажем,—мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч. и, кроме того, включаем целый ряд конкретных положений, т. е. берем марксизм не только, как метод или теоретически оформулированную методологию, но и как целый ряд конкретных приложений этого метода, всю сумму идей, которая получилась в результате этого приложения» (стр. 16).

И Бухарин ограничивает применение марксизма, забывая совершенно его методологическую сторону. И не только в этом ошибочность бухаринских позиций. Здесь сказывается и отрыв метода от мировоззрения, отрыв, в конечном счете, теории от практики.

Чем об'яснить, что во время войны господствовали позиционные формы, когда были все условия для маневренности и мобильности? Вот вопрос, который мучает Лидель-Гарта:

«Причина, быть может, крылась в том,—отвечает Лидель-Гарт на поставленный вопрос,—что большинство даже выдающихся деятелей, изучавших военное дело, было так увлечено открытием секрета стратегии Наполеона, имея в виду применить его на полях сражения будущего, что упустило из виду необходимость учета изменений в материальных условиях ведения этих сражений и забыло о том, что эти условия могут свести на-нет все их старания» (Лидель-Гарт «Новые пути современных армий», ГИЗ, 1930 г., стр. 30).

Не отстают от них ни французские буржуазные военные специалисты, ни австрийские, ни русские и т. д.

На что они все жалуются? На то, что генеральные штабы были в плену формальной логики, что они не понимали зависимости самой войны от политики, не понимали диалектики взаимодействия технических средств борьбы и бойцов, что определяется в первую очередь уровнем развития производительных сил и классовой борьбы в данной стране.

Война 1914 года выявила новые закономерности по сравнению с теми, которые были характерны для предыдущих войн. И вполне понятно, что огромнейший размах новой бойни, которая разыгралась на европейских и азиатских полях сражений, не поддавался какому бы то ни было прогнозу и правильному руководству буржуазными военными специалистами. Они справедливо жалуются, что им не была понятна диалектика развития войны и зависимость войны от политики. Вполне понятно, почему после мировой войны раздаются вопли о том, что перестало существовать военное искусство, что не стало великих полководцев, что нет больше героев. И как бы в ответ вслед им несутся возгласы: «Да здравствует военное искусство, да здравствует военный диктатор, да здравствуют отборные профессиональные армии, очищенные от предателей и трусов, т. е. от социалистов».

Такова диалектика буржуазного мышления: диктатор на белом коне или, вернее, в бронированном автомобиле призван восстановить классическое военное искусство времен Фридриха Великого, Наполеона и Мольтке.

Кризис военного искусства можно было бы сравнить с кризисом, который переживала физика в начале XX столетия, когда электронная теория перевернула вверх ногами устаревшие представления о физическом строении материи. Ленин показал кризис физики. Он показал также, что буржуазные ученые используют этот кризис в своих классовых интересах, чтобы доказать несостоятельность материалистического мировоззрения. Партийная заинтересованность буржуазных ученых возрастает по мере того, как наука все больше доказывает правоту диалектического материализма.

Нечто аналогичное случилось и с кризисом военного искусства. Буржуазные военспецы,—в этом хоре слышится голос и наших доморощенных военных специалистов,—на всех перекрестках не перестают кричать о необходимости возродить дух и диктатора—военного вождя, ибо с их уходом закатилось искусство вождения армии. Дух борется с материей, дух должен победить,—таков вывод всех буржуазных военных специалистов, хотя вывод этот не мешает в то же время сторонникам духа вооружаться до зубов.

Кризис военного искусства полностью подтверждает положение Маркса, углубленное Лениным, о том, что восстание есть искусство и чтобы руководить восстанием, как и войной, необходимо понимать закономерности ведения войны:

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении».

Так писал Маркс. Вполне понятно, что овладеть новыми правилами войны не были в состоянии генеральные штабы, впервые имевшие дело с подлинными народными массовыми армиями, которые в процессе войны оказывались вооруженными до зубов. Это грозило, с одной стороны, тем, что оружие может быть повернуто против господствующих классов, а с другой—обнаруживало крах прежних методов ведения войны. Империалистическая война вскрыла глубочайшую брешь между практикой военного дела и теорией, творцами которой были генеральные штабы империалистических армий.

Буржуазные военные теории Запада находили свое отражение в трудах наших военных специалистов, не сумевших сбросить с себя одежду ветхого Адама. На военно-теоретическом фронте уже в наших условиях предстояла довольно острая борьба против буржуазного мировоззрения за овладение ленинской теорией в области военного дела. Начать борьбу решил воинственный Рязанов и начал он ее не как ленинец, не как большевик, а как меньшевик.

Ленин всегда подчеркивал, что философия партийна, как партийна любая наука, развивавшаяся и развивающаяся в определенном классовом обществе. Наука призвана и ее прямой задачей является обслуживать определенные классовые интересы. Рязанов полагал, что военное дело в узком смысле не подвержено законам классовой борьбы, что оно внепартийно и внеклассово. И, исходя из этого положения, он мог утверждать, что к военному делу надо подходить беспристрастно, имея в руках абстрактный общечеловеческий научный критерий.

Бешеное вооружение, проводимое во всех империалистических государствах, наглядно показывает, как вопросы вооружения и фортификации давно уже приняли ярко выраженный классовый характер. В области военной техники крупные капиталистические акулы, поставщики оружия, определяют, в каком направлении должно развиваться техническое оснащение армии. Моторизация и механизация армии в империалистических армиях принимает тот или иной конкретный характер в зависимости от определенных интересов тех или иных господствующих клик. Попробуйте оторвать техническое свойство оружия от подготовленности человеческого материала, от экономических условий самой страны, забудьте при этом о целях господствующего класса и характере классовой борьбы, и от технического свойства оружия останется голая, никому ненужная тень. Как же можно обойтись без материалистической диалектики при изучении всех этих проблем, требующих всестороннего рассмотрения во всех их связях и опосредствованиях. Разве не ясно, что отказ от материалистической диалектики означает грубый эмпиризм и в вопросах военного дела?

Рязанов учил красных командиров меньшевистскому «марксизму», а не ленинизму, поскольку он выхолостил душу марксизма, его диалектический метод. Он не только в этом вопросе стоял на меньшевистской позиции.

Война—хаос, бедлам, так характеризует ее любой буржуазный военный специалист. Чтобы война перестала быть хаосом—полагали Рязанов и Свечин—необходимо ввести в нее определенный научный взгляд, т.-е. необходимо внести закономерность. Только под углом нашего мышления война перестает быть суммой беспорядочных, следующих друг за другом, явлений. На такой теоретической позиции, как известно, стоял и Кант. Только при помощи наших понятий хаотический мир явлений получает оформленность, закономерность. На помощь нашему разуму приходят априорные понятия, при помощи которых разум оформляет мир явлений. Принципиально кантианская теория познания не меняется от того, что вместо априорных застывших понятий будут пользоваться априорными понятиями иного характера: подвижными, не застывшими. Идеализм от этого вряд ли проиграет, а марксизму от подобной операции вряд ли поздоровится. Такую операцию

в наше время проделывает каждый, кому необходимо протащить идеализм в условиях диктатуры пролетариата.

Как же соединить марксизм, научную теорию пролетариата с военным делом? Оказывается, что по Рязанову это очень легко сделать.

«Марксизм вносит научный метод во всякое общественное дело, во всякий общественный процесс, во всякое политическое и экономическое действие. И только марксизм может и должен пропитать научным духом такое по преимуществу политическое и экономическое действие, как военное дело. Вопрос о том, в какой степени наука вообще и марксизм в частности может овладеть той или иной отраслью военного дела, зависит от условий, времени и места, от специфических особенностей данной отрасли» (стр. 17, подчеркнуто нами). (Пусть читатель не удивляется, что в приведенной цитате Рязанов говорит о военном деле, подлежащем ведомству марксизма: в этом сказывается просто непоследовательность автора).

Итак, мы узнаем, что марксизм вносится в действительность, вносится и в военное дело. И это далеко не оговорка, не описка. Рязанов нашел подражателей, в первую очередь в лице тов. Горева, Б. И. Последний в вопросах военного дела полностью исходил из рязановских позиций. В основном важнейшем методологическом вопросе Горев повторяет Рязанова.

«Вот почему, готовясь к обороне нашей страны от грядущих нападений империалистов, мы должны не только овладеть в совершенстве техникой военного дела, но быть на высоте и той могучей теории, которой революционная техника придает характер науки, которая вносит закономерность в пеструю картину военных интересов и на основе изучения опыта прошлых войн позволяет делать предсказания о войнах будущих» (Б. Горев, «Война и военное искусство в свете марксизма и ленинизма», стр. 15).

Понятно, что теория, которая вносит закономерность в пеструю картину военных явлений, ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. И здесь высказывается явно идеалистическая точка зрения на природу войны и на характер теории военного дела. Идеализм явный и неподдельный у обоих авторов.

Попутно нам необходимо отметить еще одну сторону. По Рязанову выходит, что можно говорить о науке вообще и наряду с нею о марксизме как науке, что должно означать, что есть какая-то абстрактная, всеобъемлющая наука, в которой находит свое место и марксизм. Но это немаловажно, поскольку и это обстоятельство характеризует непонимание Рязановым соотношения между марксизмом и другими науками. Вполне естественно, что если марксизм, и в первую очередь его диалектический метод, не находит своего подтверждения в действительности, то методологическая основа марксизма теряет свою научность. В таком случае надо быть последовательным и отказаться от признания общеметодологических основ марксизма. Но отказаться от этого нельзя, слишком грубо выйдет—и остается одно—«вносить» марксизм в военное дело, вне зависимости от того, кто творил его: Цезарь или Александр Македонский, Наполеон или Мольтке, вне зависимости от того, на каком уровне находилось их теоретическое мышление.

В отличие от буржуазных деятелей пролетарский полководец должен действовать, исходя из учета соотношения классовых сил, поскольку перед ним стоит задача сделать военное дело одним из орудий уничтожения буржуазии и содействия созданию бесклассового общества. Вполне понятно, что он сумеет сознательно творить военное дело только тогда, когда поймет диалектику развития об'ективного мира. Достаточно отвлечься от исторической борьбы классов, как немедленно исчезает об'ективная грань между пролетарским мышлением и буржуазным. Марксизм ставит своей основной задачей изменение мира,—это его основная и важнейшая задача. Поэтому он дает возможность привести в соответствие теорию и практику, [illegible]

как единство, учит, как наше мышление в процессе активного воздействия на действительность может и должно в понятиях правильно отражать об'ективную действительность.

Это и отличает его от других методов, которые больше заботятся о внешнем расположении материала. Рязановский мтеод метафизичен, он заставляет действительность сообразоваться с его методом. Марксистско-ленинский метод должен проверяться на деле, на практике с тем, чтобы всегда и во всех случаях быть аналогом самой действительности. Ленин указывал в 1920 г. на тяжелое наследие, которое оставил пролетариату капиталистический мир,—отрыв теории от практики. Он подчеркивал тогда, что буржуазия вынуждена создавать такую теорию, которая затушевывает истинный смысл действительности.

Особенно такой разрыв характерен для загнивающей буржуазии. И Маркс всегда подчеркивал, что искаженная теория вызывается классовой природой буржуазии, конкретный характер искажения зависит от исторического этапа ее существования. Рязанов, повторяем, всего этого не хотел видеть. Он не облегчал борьбы с буржуазными извращениями во всех областях теории и в том числе в теории военного дела, он затруднял борьбу за марксизм-ленинизм. Буржуазные военные специалисты обнаруживают свою реакционность в важнейшем вопросе—зависимость войны от политики. Но бороться с реакционностью буржуазных военных теоретиков не способен каутскианец, каковым по существу был Рязанов.

Война есть продолжение политики, но другими средствами.

Ленин наиболее полно применял это диалектическое положение Клаузевица. II интернационал в своих теоретических построениях, как и любой умный буржуазный специалист, связь политики и войны признавал лишь на словах, на деле же война рассматривалась и рассматривается им изолированно от политики, от классовой борьбы, от того, какой класс ведет войну, в какую историческую эпоху и какую цель этот класс преследует. Достаточно заглянуть в любое буржуазное исследование по вопросам войны, по вопросам оперативных и тактических форм, чтобы убедиться, что закономерности войны рассматриваются совершенно изолированно от причин, их породивших. Но положение не улучшается, если герои II интернационала для пущей важности добавляют к рассуждениям буржуазных специалистов несколько маркссообразных слов. Ленин писал, критикуя деятелей II интернационала, что исходить из одной только формы войны, наступательной или оборонительной, означает стать на сугубо формальную точку зрения, что неизбежно заставляет при анализе империалистической войны и даже войны между империалистами и советской властью стать на защиту империалистических интересов.

Крах старого военного искусства в первую очередь и вытекает из того, что старый и нынешний генералитеты провалились и проваливаются на руководстве современными армиями, состоящими из трудящихся масс, отражающими все стороны острейшей классовой борьбы, происходящей в империалистической стране.

Рязанов не мог вырваться из плена традиций II интернационала. В разрешении этого вопроса он шел по пути формально-логического мышления, которое является теоретическим выражением методологии II интернационала.

Рязанов полностью игнорировал ленинское указание о том, что диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и классовой борьбе.

«Не надо тешить себя иллюзиями о внесении революции извне. Самая выгодная комбинация для нас,—это внутренняя, гражданская война по ту сторону. А это означает революцию изнутри. Но и в этом случае не всегда дик-

туется «движение на выстрелы». Когда у наших друзей пожар в доме, или когда на них напали бандиты, они встречают с радостью помощь, но если избавитель, даже при достаточной жилплощади, располагается в этом доме на постой, он рискует вызвать очень скоро не совсем благожелательные чувства» (Д. Рязанов, «Военное дело и марксизм», стр. 22).

«Глубочайший» анализ, достойный Рязанова. Ленин говорит о соединении внешнего кажущегося к производительным силам и классовой борьбе, а Рязанов подменяет классовую борьбу достаточной жилплощадью и помощью соседу-обывателю. Ни классового анализа, ни анализа типа войны, ни выяснения того, при каких конкретных условиях понадобится помощь нашего пролетариата, при каких условиях европейский пролетариат обратится к нам за помощью и т. д. Всего этого не требуется,—даешь вечную и неизменную формулу! Просто, ясно и здорово

Рязанов изображает пролетариат восставшей страны как обыватель, который не захочет уступить часть своей жилплощади войскам социалистической страны, пришедшей им на помощь. Только филистер, насквозь пропитанный узким национализмом, стоящий в стороне от величайших исторических битв мирового пролетариата, может думать, что отношения между пролетариатом СССР и западно-европейским пролетариатом могут напоминать отношения между двумя обывателями. Ведь это насквозь философия II интернационала, каждый народ, — читай: буржуазия, — может сделать то, что ему захочется, и мешать ему в этом не следует. Такая философия выгодна буржуазии, но насквозь враждебна пролетариату. Во время войны Каутский оправдывал свое ренегатство тем, что в ней участвовали народные массы и каждая сторона поддерживала свое империалистическое правительство. На этом основании он решил плыть по течению, забывая, что долг подлинного социалиста плыть против течения, когда народная масса охвачена шовинизмом.

Рязанов целиком использовал аргументацию Каутского, но аргументация Каутского 1914—1931 гг. насквозь пронизана аргументацией Струве. Рязанов нам на это возразит·

«Ведь в 1925 г., как и сейчас, СССР не собирался и не собирается выступать против империалистов. Мы за политику мира и будем защищать политику мира даже вплоть до того, что если разразится революция на Западе, мы и тогда политику мира сохраним».

Прямолинейность, доходящая до предательства, что фактически и было сделано Рязановым. В Германии ведется отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть, между компартией и II интернационалом, и его главным пособником—Каутским. Рязанов молчит, сохраняет политику «мира», скрывает от мирового пролетариата компрометирующие Каутского документы. II интернационал и его сторонники в СССР—«Союзное бюро» меньшевиков—готовит совместно с империалистами войну против СССР. «Честность и миролюбие» Рязанова доходят до того, что он прячет документы, изобличающие вредительскую, интервенционистскую работу меньшевиков. Предательство на практике давно уже имело свои корни в теоретическом предательстве.

Что соотношения классовых сил могут измениться, что резко может измениться роль западно-европейского пролетариата,—все это для него не важно. Формула найдена, и ее неуклонно надо проводить в жизнь. В рассуждениях Рязанова мы имеем не только отрыв войны от политики, но и отрыв СССР от западно-европейского рабочего движения. Противопоставляя СССР пролетариату Запада и Америки, Рязанов по существу защищал позиции II интернационала. Не стоит обвинять Рязанова в том, что он не изменял большевизму. Он блокировался с Зиновьевым в 1917 году, он был одним из вождей с Бухариным в 1918 г., он покинул компартию после Брестского мира, когда наступила трудная полоса для Советского союза. Он пришел в партию,

когда германская революция несколько облегчила международное положение нашей страны. Он вместе с Томским боролся против партии в 1921 году. Он вместе с Троцким боролся против партийного режима. Он, наконец, дошел до прямого содействия меньшевикам-интервенционистам. За короткое время пребывания в партии Рязанов был и левым и правым, и кем только он ни был. Рязанов упорно добивался, чтобы коммунистическая партия признала и осуществляла теорию и практику II интернационала. И на этом он провалился.

Ленин в годы империалистической войны очень внимательно следил за ней, изучал Клаузевица, читал труды других военных авторитетов, интересовался организационными, оперативными, тактическими формами войны. Вот что он писал в 1915 году в брошюре «Крах II интернационала».

«Возьмем современные войска. Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — г и б к а, умея вместе с тем миллионам людей давать е д и н у ю в о л ю. Сегодня эти миллионы сидят у себя дома по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации—и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячутся от пуль и шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам войны» (т. XVIII, стр. 275—276).

Стоит только сравнить рязановские понятия с ленинскими и перед нами встает, с одной стороны, метафизика II интернационала и подлинная диалектика революционного марксизма—с другой.

Ленинские положения отображают действительность во всем ее многообразии, тождестве и различии. Они показывают самодвижение реальной действительности, они не вечны, а историчны, суть каждого из них—конкретная историческая действительность. В этом и заключается научность понятий, без которых теоретическое мышление не может служить практике. Ленин никогда не связывал себя односторонностью, прямолинейностью. Ленин знал, когда, при каких условиях, какие общие понятия должны быть претворены в жизнь. Он внимательно следил за изменением оперативных и тактических форм борьбы на полях сражения.

Ленин на своем практическом пути замечал любую извилину, незначительный поворот, ибо каждое изменение в практике требовало изменения в теории. Он умел соединять всемирно-исторические масштабы с повседневными нуждами рабочего класса, а герои II интернационала в своем увлечении не замечали таких всемирно-исторических поворотов, как империалистическая война, Октябрьская революция, гражданская война и т. д.

«Плеханов,—писал Ленин в статье «О двух линиях революции»,—сводит дело к вопросу, «правильны» или неправильны были «стратегические понятия» передовых элементов? Маркс рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по-разному (речь идет о революции 1848 г. и 1789 г.—*И. К.*), а о б ' я с н е н и я этой разницы Маркс н е искал в «стратегических понятиях». Смешно, с точки зрения марксизма, искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии с о о т н о ш е н и я к л а с с о в» (т. XVIII, стр. 314).

Ленин бьет софизм II интернационала, его формально-логический метод мышления, его идеализм. Он задним числом бьет всю схоластичность современного нам меньшевиствующего идеализма. Подмените реальную жизнь по-

нятием, выводите из понятий реальную жизнь, и налицо—защита классового врага.

Рязанов, как и Плеханов, связывали себя формальными соображениями, оба они исходили из понятий, не желая усвоить, что понятия должны отображать действительность, а не наоборот. В противопоставлении войны пролетариата против собственной буржуазии войне пролетариата социалистической страны против мировой буржуазии Рязанов стал на точку зрения Бухарина. Последний указывал, что гражданская война—для Бухарина определение «гражданская война» применимо только к СССР, поскольку борьба происходила внутри одной страны,—должна трансформироваться в классовую войну по мере того, как революционный процесс в одной стране будет развертываться в мировой революционный процесс [1]).

Бухаринское и рязановское противопоставление одной гражданской войны другой ведет к смазыванию, вернее к игнорированию, наиболее благоприятного сочетания для мировой пролетарской революции гражданской войны внутри страны с войной пролетарской страны против буржуазных стран.

Ленин учил партию, особенно после Октябрьского переворота, что надо «сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной» (Ленинский сборник, XI, стр. 10).

Он прекрасно понимал, что война с заграничной буржуазией неизбежно рано или поздно будет в первую очередь навязана ею же самою, хотя и не исключена и другая комбинация, когда победивший в нашей стране пролетариат будет дополнять гражданскую войну внутри империалистических стран войной против заграничной буржуазии.

Но Ленин не указ Рязанову, для него пролетариат другой страны имеет полное право пользоваться своей жилплощадью и вовсе не желает сочетать борьбу против своей буржуазии с борьбой Красной армии против этой же буржуазии.

Рязанов из благородных побуждений боится такого сочетания, но эта боязнь полностью вытекает из его меньшевистской концепции. Неизвестно кто у кого позаимствовал теорию невозможности сочетания гражданской войны внутри одной страны с войной нашей Красной армии против заграничной буржуазии,—Бухарин ли у Рязанова или Рязанов у Бухарина, но факт тот, что эта теория ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом.

Рязанов последователен в своих меньшевистских установках по вопросам марксизма. Он начал с того, что выхолостил марксизм, лишив его существеннейшей части—диалектического материализма, затем последовательно дошел до отрыва войны от политики и кончает тем, что военное дело отдает на с'едение буржуазным мыслителям. Изучать военное дело—т.-е. организационные формы, оперативные и тактические действия армии, отрывая их от производительных сил и классовой борьбы—означает стать на путь формально-логического мышления. Военное дело—надстройка, и, как каждая надстройка, оно имеет определенную форму проявления. Ее необходимо изучать, избегая при этом шулятиковщины, с одной стороны, и отрыва ее от конкретного состояния производительных сил и условий классовой борьбы.

Борьба против троцкизма в военном деле—один из существеннейших моментов борьбы за создание и углубление теории военного дела Красной армии, отличной от империалистической армии. Не могут разные социально-экономические и политические условия, существующие в империалистических странах и в СССР, служить одинаковым фундаментом для одних и тех же оперативных и тактических форм. Троцкий, все время оставаясь в плену метафизической логики, не сумел понять диалектики развития нашей страны

[1]) Ленин чрезвычайно ярко подчеркнул негодность терминологии Бухарина, поскольку «смазывался основной фактор — «завоевание государственной власти классом» (Лен. сборник, т. XI, стр. 375)».

Бывало и так, что он одновременно занимал по одному кардинальному вопросу позиции «левака», а по другому—правые позиции. Так было в 1921 г.: в профсоюзной дискуссии Троцкий архилевый, по вопросам военного дела—правый.

Военное дело пролетариата рождается не сразу, как не сразу рождается и социализм. На первых ступенях элементы старой тактики сосуществуют с новыми, поскольку старое офицерство и солдатский материал сохраняют старую выучку. Старое полностью уничтожается по мере того, как бойцы из рабочих и колхозников и новые технические средства,—последнее обстоятельство играет чрезвычайно важную роль, — становятся господствующими факторами.

Тактика революционных войск Великой французской революции с первых же дней резко стала отличаться от тактики феодальных армий тех коалиций, которые вели борьбу против армий Вел. фр. революции. Там мы имели с первых же дней войны резкое противопоставление одной тактики другой. Решающим фактором борьбы в то время был человек, так как техника находилась на чрезвычайно низком уровне развития. Иной процесс происходит в период ломки империалистических отношений и строительства социализма. Поскольку социализм строится в особых условиях по сравнению с капитализмом, постольку иные формы принимает различие между оперативно-тактическими действиями империалистических армий и армии социалистической.

В разрешении вопроса о том, что мы имеем дело с двумя различными типами военного дела, следует избежать ошибок как в сторону отказа от использования приемов империалистической армии, так и от глупого механического подражания. Было бы чистым ребячеством отказаться от использования чисто военно-технических приемов врага, который продолжает совершенствовать методы борьбы, поскольку он еще занимает пять шестых частей мира и ведет отчаянную классовую борьбу за свое существование. Но таким же ребячеством было бы и глупое подражание всем приемам сильнейших империалистических армий. Если первое достойно поведения мелкобуржуазных революционеров, то второе означает предательство по отношению к собственной, социалистической армии, которая дает нам такие преимущества, которыми не может пользоваться ни одна империалистическая армия. И в военном деле нужна решительная борьба против механицизма, как главной опасности, и против меньшевиствующего идеализма. Механистическая опасность на данном этапе—это нежелание понять, что наша Красная армия рождает новые оперативно-тактические формы, что сейчас необходимо не забывать, что гражданская война уже выявила нечто совершенно новое по сравнению с войной империалистической и что нынешний этап продолжает углублять и совершенствовать те новые оперативно-тактические формы, которые рождались на полях гражданской войны. При одних и тех же технических средствах наши красноармейцы способны на больший героизм, на большую маневренность, чем империалистические солдаты (разумеется, если как красноармейцы, так и начальствующий состав полностью владеют новыми оперативно-тактическими формами).

Гражданская война показывает, как наступательные действия белых, вытекавшие из политических условий, терпели поражение, выдыхались в момент наивысшего напряжения, ибо подводили насильно навербованные солдаты, подводил и тыл. Наоборот, в момент наивысшей опасности наш тыл усиливался. Красноармейские массы, спаянные коммунистическим цементом, превосходно дрались, рождали на полях сражения такие тактические формы борьбы, которые не могли быть осуществлены армиями противника. Казань, Орел, Волга, Ростов, Киев, Перекоп—моменты наибольшего напряжения как для одной, так и для другой стороны—выявляли различие методов борьбы, применяемых воюющими сторонами, целиком обусловленных политическими

положением сторон. Варшавская операция показала, что советское командование увлеклось, но 500—600 километров, которые красные войска прошли в короткий период времени, свидетельствовали о том, на что способны были подчас разутые, раздетые, но одушевленные единой волей, единой идеей красные войска.

Современные французские военные теории делают упор на огонь, и только на огонь. И это показывает, каким страхом охвачена буржуазия перед солдатом—пролетарием и крестьянином, одетыми в серую шинель. Ставка исключительно на огонь и отсюда ставка на медленное действие в целях [illegible] большей методичности,—означает отказ от риска, ибо рассчитывать на решительные, быстрые действия своих войск генеральный штаб не [illegible] вопреки своей доброй воле. Вся эта тактика есть результат глубочайшего кризиса империализма, результат ожесточенной классовой борьбы в империалистической Франции.

Германская буржуазия полагает, что ей удастся увлечь народные массы на новую бойню за возрождение былой славы империалистической Германии. Отсюда и ставка на решительные действия. Внезапность, быстрота—вот основные лозунги немецкого командования. Германская буржуазия не мирится с цепями Версальского договора, она усиленно готовится к войне, и она хочет верить, что ей удастся привлечь на свою сторону весь германский народ.

Совершенно различные политические цели, совершенно различная политическая обстановка порождают различные теории военного дела.

Необходимо отметить, что несмотря на всю реакционность буржуазного мышления, вопреки идеализму и позитивизму, в отдельных вопросах военного дела пробивается и правильная мысль. Клаузевицу подражают в многих армиях, но использовать по-настоящему его сильные стороны мешает реакционность мышления загнивающего империализма. Отсутствие грани между обороной и наступлением, их проникновение друг в друга—положения Клаузевица, на которые обращал внимание Ленин, начинают теперь находить на Западе свое признание. Вот как Зольдан, после мировой войны, характеризует взаимопроникновение обороны и наступления:

«Позиционную борьбу можно рассматривать, как модернизацию формы борьбы в век материального содержания. Она включает в себя старые [illegible] тия наступления и обороны. Обе эти формы сменяют друг друга с невиданной доселе быстротою. Между ними попросту стерлись грани. Французы, несомненно, сделали правильные выводы из мировой войны, установив в изложении принципы боя. «Мощь обороны настолько повысилась благодаря применению материальной силы, что при атаке возникают бои, в которых защита и нападение беспрестанно сменяют друг друга» («Человек и битва будущего», стр. 29).

И немецкий офицер и французский официальный устав в отдельных вопросах становятся на позицию Клаузевица—диалектика. Но это частный случай—не больше, ибо подойти к диалектическому пониманию [illegible] военного дела неспособен современный буржуазный офицер. Диалектика стихийно пробивается незначительными дозами в головы реакционнейших [illegible] Она разрушает кое-какие старые представления, и это свидетельствует о том, в каком кричащем противоречии находится сама практика военного дела с той теорией, которая целиком покоится на формально-логической [illegible] Они признают, что не только стерлась грань между обороной и наступлением, но что уничтожилась грань между тылом и фронтом и т. д.

Какую позицию должен был занять марксист, претендующий на [illegible] щение военного дела с точки зрения марксизма? Какую позицию должен [illegible] занять марксист, когда с одной стороны, он видит перед собой [illegible] нейшую философию войны и наряду с нею отдельные проблески, [illegible]

ствующие о том, что кое-где, понемногу, диалектическое понимание отдельных вопросов военного дела начинает проникать в головы даже реакционнейших умов? Задача марксиста, который брался осветить проблемы военного дела с точки зрения марксизма, заключалась в необходимости в первую очередь разоблачить контрреволюционные взгляды офицерства и показать, что только при помощи марксизма-ленинизма и можно не только строить сильную Красную армию, но и творить новые оперативно-тактические формы. Основное не в том, что сильнее—оборона или наступление,—нужны оба вида боя. Суть военного дела в том, как увязать, соединить технические средства борьбы и социалистического бойца, как правильно расставить людей в процессе боя, операций, чтобы они соответствовали поставленным целям и задачам. А цели Красной армии и империалистической армии диаметрально противоположны.

Рязанов в этом вопросе не стал на ленинские позиции, он разрешал эти проблемы с позиций меньшевистско-троцкистских. Вот его установки:

«Было бы только наивностью думать, что если марксизм также необходим при изучении военного дела, как при изучении всякого общественного явления, что если марксизм является по преимуществу теорией классовой борьбы пролетариата, то можно построить особенную пролетарскую военную доктрину, в противоположность буржуазной. Это утопия!» («Военное дело и марксизм», стр. 20).

Той же позиции придерживался и Троцкий.

Необходимо со всей резкостью подчеркнуть, что буржуазные военные мыслители настаивают на особой фашистской военной доктрине и они ее создают [1]). Другое дело, что она потерпит поражение, как и любая другая буржуазная теория. Но буржуазные военные специалисты свою теорию выдают за единственно правильную.

Думать, что Рязанов, как и Троцкий, скатившиеся в лагерь социал-фашизма, до своего ренегатства считали возможным применить такую доктрину для Красной армии, не приходится. Приходится признать, что и Троцкий и Рязанов стояли на точке зрения незыблемых и вечных истин военного дела,—в зависимости от условий и времени та или иная истина получает свое конкретное осуществление. Кто отказывается признать принципиальную разницу между тем, что должно представлять собою военное дело в Красной армии в отличие от военного дела в империалистических армиях, тот становится на явно идеалистический путь.

А. Свечин, отечественный буржуазный военный специалист, гордился тем, что он вкупе с Троцким и Рязановым стоит за широкую стратегию, а не за «узкую» доктрину. Его аргументация против пролетарской военной стратегии почти не расходится с аргументацией Рязанова и Троцкого.

«Теория может принести пользу, только поднявшись над сторонами, проникшись полным бесстрастием. Мы рассматриваем современную войну со всеми ее возможностями, и не стремимся сузить нашу теорию до наброска узкой советской стратегической доктрины... Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мировоззрение, чем ориентировать его работу» (А. Свечин, «Стратегия», стр. 9).

Аудитория Рязанова состояла из двух поколений: Свечины, Верховские, Лазурины, Базаревские и другие буржуазные военспецы, с одной стороны, и рабоче-крестьянская молодежь,—с другой. Рязанов свои поучения выдавал за 100% марксизм. Но поразительно, что талантливыми учениками оказалась не молодежь, а старцы. Об'яснение простое: старцы продолжали дело своих отцов. А Рязанов воображал, что, поучая буржуазных военспецов, он

[1]) Особенно ярко выявляет этот момент брошюра знаменитого немецкого генерала-фашиста Секта от 1930 г. «Защита страны» (немецкое издание).

вносит нечто принципиально новое по сравнению с учением Леера, Драгомирова, Пузыревского и др.

Достаточно остановиться на одном только вопросе, который волнует как Красную армию, так и армию империалистов — на роли вторых эшелонов, чтобы сразу же увидеть, что эта проблема будет неодинаково разрешена воюющими сторонами на кровавых полях [1]).

Уже империалистическая война потребовала, чтобы оборонительная полоса глубиною, в среднем, в 6—8 км пробивалась насквозь в тот промежуток времени, когда подходящие резервы не в состоянии остановить наступающих частей. Достаточно было во-время подойти резервам, чтобы наступление задохнулось и не достигло желательного эффекта. Не одно оружие решало дело (необходимо отметить, что пехота долгое время страдала от того, что недостаток технических средств не позволял успешно прорывать укрепленные полосы), а главным образом, стойкость частей, готовых все сделать, чтобы смять обороняющихся. Современные технические средства борьбы дают возможность пехоте, с точки зрения военно-технической, прорвать укрепленную полосу в течение нескольких часов. Но этого мало, чтобы решить проблему второго эшелона.

Все будет зависеть от того, насколько устойчивость первых эшелонов позволит, несмотря ни на какие трудности, безостановочно добраться до артиллерийских позиций и выйти в открытое поле. В единстве двух, неразрывно связанных элементов выпячивается на первый план роль бойца. Понятно, что Красная армия может потребовать от своих бойцов действий, которые создадут такое сочетание между первым эшелоном и вторым, что второй эшелон будет все время питать потери первого эшелона, не заменяя его в процессе наступления с тем, чтобы с первым эшелоном добраться одновременно до артиллерийских позиций. Первый эшелон обязан безостановочно дойти до артиллерийских позиций — и этого добьется социалистический боец. Сумеет ли империалистическая армия рассчитывать на высокую стойкость своих солдат? Можно определенно сказать, что рабочий и крестьянин, одетые в серые шинели, не дадут должного боевого эффекта. И напрасно идеалисты будут ссылаться на общечеловеческую психологию, которая заставляет любого бойца первого эшелона во что бы то ни стало безостановочно пробираться сквозь оборонительную полосу; напрасно будут жаловаться на то, что нет прежнего духа частей, что нет общепризнанного военного вождя, который мог бы своим приказом заставить империалистические войска совершать чудеса. Существенный, важнейший элемент военного дела — человек — изменяется его социальная природа, изменяется и характер всего военного дела. Но необходимо понять, каков характер этого изменения и какие практические выводы необходимо из этого сделать.

* * *

«Марксист» Рязанов принимает видимость, кажущееся за действительность. Подобно всем героям II интернационала, он ищет в характере самой войны, оторванной от состояния классовой борьбы, причины возникновения социальных изменений и классовых сдвигов [2]). Марксизм-ленинизм не отрицает известного воздействия надстройки на базис, но в противоположность [illegible]

---

[1]) Необходимо отметить, что уставы, вырабатываемые в мирное время, не всегда оказываются действительными даже для первого периода войны. [illegible] армия вышла на войну с уставами, содранными с немецких, но эта [illegible] мало помогла царским войскам, поскольку социальная природа армии, [illegible]тание, ее тактическая подготовка не соответствовали этим уставам. В [illegible]жении находится наша Красная армия: ее уставы, приказы Реввоенсовета [illegible] более глубокое предвидение характера будущей войны по сравнению с [illegible]нием буржуазных полководцев.

[2]) Рязанов подражает В. Зомбарту, немецкому буржуазному [illegible] последний ставит прогресс человеческого общества в зависимость [illegible]

лизму он не делает исходным моментом надстройку и из нее не выводит базиса.

Современные социал-фашисты в вопросе о защите отечества исходят из того, каков характер войны—оборонительный или наступательный. Иной метод применял Ленин, следуя по стопам Маркса и Энгельса. Он сумел увязывать характер войны с состоянием классовой борьбы и производительных сил. И только такой анализ позволял ему определять классовый характер войны, выяснять ее стратегические, оперативно-тактические формы и обратное воздействие войны на самую политику. Кажущееся он сводил к сущности. А II интернационал оставался в плену у кажущегося.

По стопам II интернационала шел Рязанов.

«Я хорошо знаю,— говорил Рязанов,— что среди вас есть горячие головы, которые во сне и наяву только о том и мечтают, как в один прекрасный день они завоюют и сокрушат весь буржуазный мир» («Военное дело и марксизм», стр. 21).

Мечта как будто не плохая, если она по-ленински будет претворена в жизнь. Не троцкистский авантюризм, соединенный с трусливостью,— что неоднократно обнаруживалось у Троцкого (Брест, советско-польская война и др.), не бесшабашное, безостановочное наступление, когда забывают о законах наступления, о том, что оно не может совершаться без временных остановок, без подтягивания сил, без перегруппировки, —о чем неоднократно напоминали Ленин и Сталин,—не об этом говорил Рязанов, не это он имел в виду.

«Опыт истории революционных войн от 1791 г. еще до сих пор не изучен, как следует, с точки зрения марксизма,— продолжал он.— Только превращение оборонительной войны в завоевательную, замена идейной пропаганды пропагандой при помощи оружия и создали благоприятные условия для термидорианства, а затем бонапартизма» (стр. 21).

Все валится в одну кучу. Этим же грешил и продолжает грешить Каутский (см. его «Терроризм и коммунизм» от 1918 г., «Большевизм в тупике» от 1930 г. и др.). В одну кучу — революцию 1789 г. и 1848 г., и 1871 г., туда же и нашу пролетарскую революцию. Для всех ищется одна мерка — мерка вечная и неизменная. И для революционных войн 1791 г. и для нашей пролетарской революции». Какой глубокомысленный анализ революционной войны!

Ленин в постановке проблемы взаимодействия политики и войны исходил из положения Клаузевица, что «война равна части целого, а это целое — политика» (Лен. сб. XII, стр. 437). Только так понимая эту проблему, можно уяснить и целое и ее часть. Без правильного понимания классовых сил, без изучения политики господствующих классов не понять тенденции войны. Рязанов, как метафизик, который противопоставляет часть целому, отрывает их, выдает часть за целое, и не мог понять, как должны быть увязаны революционные войны и политика Великой французской революции и как увязать наши гражданские войны с политикой пролетариата. Словечки «Термидор», «Бонапарт» и др., подобные им, широко пускались в обращение троцкистами в тот период, когда Рязанов разрешал проблемы военного дела с точки зрения «марксизма» [1]). И внутренне и внешне Рязанов явно подражал Зиновьеву и Троцкому. Те упрекали партию в том, что она идет к бонапартизму через национал-большевизм, а Рязанов видит бонапартизм в сокрушении буржуазных государств. Рязанов и Троцкий как будто бы шли разными дорогами, а пришли к признанию социал-фашизма.

---

[1]) Рязанов может утешиться. В воображении Троцкого в СССР был не только термидор, но в настоящее время завершает свое развитие бонапартизм. Не объявит ли Рязанов Троцкого ренегатом на том основании, что последний не признал его теории происхождения термидора и бонапартизма?

Революция 1791 г. и Октябрьская революция были вынуждены вести революционные войны против старого, отжившего или отживающего режима. В этом можно, пожалуй, найти сходство между войной 1791—93 гг. и нашей гражданской войной. Но видеть надо не только сходство, но и то громаднейшее различие, которое имеется между революционными войнами XVIII века и нашими революционными войнами. И в этом суть дела, суть вопроса. Не понимать этого — значит ничего не понимать в истории[1]. Ленин никогда не связывал гражданскую войну с одной только формой ее ведения: или оборонительной или наступательной. Она может быть с точки зрения формы и оборонительной и наступательной. Ленин в первую очередь выяснял, какие цели и задачи преследует определенный господствующий класс, а в отношении гражданской войны,— какова политика пролетариата. И если с этой точки зрения подойти к вопросу, то мы увидим, что мелкобуржуазные революционеры 1791—93 гг. выполняли дело промышленной буржуазии. Их руками укреплялись основы капиталистического строя. Но по мере того, как они укрепляли основы капиталистического строя, социально-классовые сдвиги, происшедшие и в городе и в деревне, обеспечивали падение их власти, поскольку их социальные эксперименты переставали совпадать с интересами зажиточного крестьянства и новой буржуазии. В этом лежит и социальная основа термидора. Победившая буржуазия должна была начать с борьбы за свою независимость от феодального мира. Затем, по мере того, как обнаруживалась настоящая природа буржуазии, в порядок дня стал вопрос обеспечения рынками сырья и сбыта. Разрешить эту задачу она могла лишь при условии победы над феодальной Европой, которая могла бы тормозить этот процесс. И, наконец, в порядке вещей была борьба французской буржуазии с английской,— без преодоления экономического господства последней французская буржуазия не могла мечтать о большом влиянии в Европе и в колониях. Термидор и бонапартизм в основном гармонировал с интересами победившей буржуазии. Они завершили то, к чему стремилась промышленная буржуазия. После свержения военной диктатуры Наполеона наступившая реакция не в состоянии была повернуть колесо истории вспять, т.-е. восстановить феодальный режим во Франции. Она могла только задержать развитие национального освобождения Германии и Италии и несколько укротить аппетиты определенных слоев буржуазии.

Совершенно иной характер имеют войны пролетарской революции. Задача пролетариата — уничтожение всех капиталистических отношений и создание бесклассового общества. Выкорчевывая капиталистические корни, укрепляя союз рабочего класса с главной опорой — колхозной крестьянской массой, можно завершить построение социализма в нашей стране. Вот наше основное положение. Война между империалистами и Советским союзом есть война за капитализм или социализм. Об этом должен помнить каждый трудящийся, в том числе и командир и красноармеец. Стратегические, оперативные тактические формы нужно рассматривать с такой точки зрения, чтобы в случае нападения на нас империалистическая война приняла характер крайне неблагоприятный для напавших на нас империалистов. Ни с какой определенной формой действий, раз навсегда установленной, ни один борющийся класс не связывал себя и не свяжет. Ильич неоднократно указывал, что диалектика борьбы в том и заключается, что формы борьбы все время

---

[1]) Ленин зло высмеивал Бухарина за то, что последний говорил о войне вообще, не различая особенности одной войны от другой. Так, в одном из замечаний на «Экономику переходного периода» Бухарина—читаем: «война 1914—18 гг., но не «война» 1911—12 гг. Академик опустил differentia specifica (специфическое различие) (стр. 396). Кавычки к слову война означают, что Ленин отвергал рассуждение о войне вообще.

меняются и воюющая сторона должна быть готова в любую минуту изменить эти формы, как только обстоятельства этого потребуют. Рязанов учил меньшевизму, а не большевизму, когда связывал по рукам и ногам формы борьбы вооруженного пролетариата, когда распространял закномерности Великой французской революции на нашу пролетарскую. Он клеветал на Красную армию и на партию, когда воображал, что наступательные действия пролетариата могут привести к бонапартизму. Ленин всегда учитывал, что грани как в природе, так и в обществе всегда условны, подвижны, что простое изменение в соотношении сил может изменить качество, создать совершенно новые условия, мало похожие на вчерашние. Сегодня предлагают мир на невыгодных условиях, чтобы избежать разорительной и невыгодной войны. Завтра противник навязывает войну, и перед пролетариатом встает задача довести ее до конца, до полного сокрушения противника. Война, коль скоро она началась, представляет для пролетариата одно из орудий борьбы за создание бесклассового общества. За день как будто ничего не могло измениться, но, с об'явлением войны, задача ставится уже совершенно по-иному. Об'явленная война вскрыла, например, что капиталистическая страна не может обойтись без нее, что для этой страны наступил кризис, разрешить который она может только войной. От этого факта пролетариат не может отмахнуться. Он обязан все больше и больше углублять этот кризис, стремясь к тому, чтобы последний содействовал установлению в этой стране диктатуры пролетариата.

Битвы предстоят не на жизнь, а на смерть. Не думать о сокрушении врага, полагаться только на свой смиренный вид могут лишь жалкие мелкобуржуазные революционеры, полагающие, что современная война—это столкновение мужественного Голиафа со смиренным Давидом.

Верховский, бывший военный министр в правительстве Керенского, сделал для себя определенный вывод из рязановских поучений: лучше отходить на Смоленск, чем наступать на Молодечно и Лиду, ибо один вид наступающих может вызвать консолидацию враждебных сил. Буржуазный специалист, в прошлом заядлый ура-империалист, правомерно продолжал проводить старую линию и в условиях диктатуры пролетариата. Для отказа от старого не было необходимости, поскольку в лице Рязанова нашлась мощная поддержка. Смиренный вид отходящего и обороняющегося принесет лучшие плоды, чем буйный вид наступающего,— таков был вывод обоих. Не забудем, что смиренность Верховский рекомендовал Красной армии.

Рязанов, оставаясь до конца «верным марксизму», о роли Ленина в теории военного дела не упомянул ни слова. Великий стратег, под руководством которого была проведена величайшая в мире революция, руководитель вооруженных восстаний и гражданской войны, творец Октября, остался в тени в высказываниях марксиста. До чего только может дойти верность неизменным принципам [1])!

Было бы несправедливо упрекать Рязанова в том, что он не упомянул о Ленине. Все проблемы, поставленные и разрешенные им, получили меньшевистско-троцкистское освещение. При чем же тут Ленин, позиция которого, как известно, была совершенно противоположна?

Что удивительного в том, что Рязанов не попытался разобраться в типах войны современной нам эпохи, не попытался остановиться на выяснении политических целей каждого типа. Все это могло быть понято лишь в свете

---

[1]) Д. Рязанов был одним из защитников А. Деборина во время философской дискуссии. Деборин боролся против признания ленинского этапа в философии, и [illegible] Рязанов естественно оказывал ему поддержку в «святом деле». Впрочем, в тот же период оказывалась поддержка и интервенционистской работе меньшевиков.

ленинской теории. Следовать по пути Ленина означало измену незыблемому принципу Рязанова — оставаться «марксистом».

Классовая борьба в период диктатуры пролетариата не ослабляется. Особенно обостряется она в момент выкорчевывания капиталистических корней. Классовый враг цепляется за все, чтобы не дать пролетарской диктатуре уничтожить себя. В области теоретической борьбы за марксизм-ленинизм — та же ожесточенная классовая борьба. И в теории военного дела борьба за Ленина — это борьба за ликвидацию пережитков II интернационала, борьба против империалистов, против оппортунистов всех мастей, борьба за социализм. Партия устами Сталина заявила, что теория для настоящего периода приобретает важнейшее значение. Красная армия в своей практической работе, как в прошлом, так и в настоящем, в период оснащения ее техникой и укрепления ее пролетарскими и колхозными массами, следовала и следует ленинским заветам. Она не мыслит себе, чтобы без овладения ленинской теорией военного дела, без решительной борьбы на два фронта она могла бы успешно продолжать свою военно-научную и практическую работу. Она и в области теории военного дела каленым железом выжжет все остатки буржуазного мировоззрения. Ленинизм-марксизм и в теории военного дела будет полностью торжествовать.

Основные элементы материалистической философии Гассенди (1592—1655).

Л. Ческис.

Среди материалистов XVII в. Петр Гассенди занимает одно из самых видных мест. При жизни его философия его пользовалась большим успехом в философских кругах, и «гассендистов» было не меньше, чем картезианцев. Историки атомизма не без основания уделяют Гассенди довольно много внимания. Альберт Ланге в своей «Истории материализма» признает также его заслуги в философии материализма. Между тем мы этого философа-материалиста оставляем без внимания, и Гассенди у нас очень мало знают. Ничего, конечно, удивительного, если в буржуазной истории философии ему уделяют очень мало внимания. Ясно, что буржуазные историки философии замалчивают Гассенди именно потому, что он был материалистом, возродившим философию Эпикура, его атомистическую теорию. Но мы, марксисты-диалектики, должны наоборот внимательно изучать Гассенди и найти то ценное, что он внес в материализм.

Гассенди один из первых выступил в атаку против идеалистической метафизики Декарта. Маркс писал: «Метафизика XVII столетия, главным представителем которой во Франции был Декарт, должна была со дня своего рождения вести борьбу с материализмом. Материализм выступил против Декарта в лице Гассенди, возродившего эпикурейский материализм...» (Сочинения, т. III, стр. 155).

Но Гассенди был эклектиком. Гассенди хотел примирить непримиримое: материализм с религией, Эпикура с католицизмом.

В своей юношеской работе, в докторской диссертации Маркс замечает «Гассенди, освободивший Эпикура от интердикта, наложенного на него отцами церкви и всеми средними веками, этой эпохой воплощенного в жизнь бессмыслия, дает в своих очерках один только интересный момент. Он старается как нибудь примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура с церковью. Но это, конечно, был напрасный труд. Это равносильно попытке набросить на веселое, цветущее тело греческой Лаисы христианское монашеское одеяние. Гассенди скорее сам учился философии у Эпикура, чем выясняет нам философию Эпикура» (т. I, стр. 25).

Как видно из приведенных слов, Маркс не считал Гассенди самостоятельным оригинальным философом и был, конечно, вполне прав. Гассенди, будучи материалистом, был тем не менее одновременно эклектиком.

Чтобы правильно оценить и материализм и эклектизм Гассенди необходимо выяснить их социальные корни.

Философская деятельность Гассенди развертывалась во Франции в первой половине XVII века. Каковы были характерные черты экономической и политической жизни Франции того времени? Это была эпоха диктатуры Ришелье, а затем борьбы Мазарини с фрондой. И тот и другой боролись, глав-

ным образом, с французским феодализмом, с привилегиями дворянства, с раздробленностью государственной власти. Французская монархия в течение всего XVII столетия боролась, и не безуспешно, за концентрацию государственной власти и за ее централизацию. Развитие торгового капитала, развитие мануфактуры требовало централизованной государственной власти и ограничения феодального сепаратизма. Те войны, которые вела Франция за расширение своей территории в XVI и XVII вв., тоже делали необходимой централизацию власти. Но сама монархия, проводившая эту централизацию, в лице Ришелье, Мазарини, а затем Людовика XIV, была кровно связана с феодальным дворянством, и в нем черпала свою силу и авторитет. Отсюда компромисс между дворянством и народившейся буржуазией, который тянулся почти что два столетия и задерживал развитие новой общественной формации, шедшей на смену феодализму.

Этот компромисс получил свое отражение также и в философии того времени. Идеологическое выражение его мы находим как у Декарта, так и у Гассенди. В философии Декарта мы имеем сочетание механического материализма в его физике с идеалистической метафизикой. У Гассенди—попытка примирить католицизм («католическую совесть») с эпикурейским материализмом. Интересы нарождающегося нового класса (буржуазии) толкали вперед развитие таких наук, как математика, механика, физика. Это нашло свое выражение в механическом материализме XVII в. С другой стороны, компромисс с дворянством и церковью (а во Франции католицизм торжествовал победу над реформацией) отразился в идеалистической стороне философии Декарта, в эклектизме и примирении с католицизмом у Гассенди.

Всю философскую деятельность Гассенди можно разделить на две части: на критическую и на конструктивную часть.

Первая его работа была посвящена резкой критике Аристотеля и схоластики. Она представляет собой курс, который он читал в Э, где он получил кафедру философии. В этой работе Гассенди выказал яркий полемический талант и большую боеспособность.

Особенно выступает он там против бесплодности схоластических рассуждений и против преувеличенного авторитета, которым пользовался Аристотель. Вот образец этой критики: «Ничего,—говорит Гассенди,—из философии до сих пор не узнали о природе вещей. Философ скажет, что в солнце форма и содержание, в воздухе—форма и содержание, в дожде—форма и содержание, в камне, в дереве, в человеке—форма и содержание. О, честная философия! Все имеет форму и содержание. Этим мы знаем уже все. Для чего же нам стараться узнать и изучать природу».

Первая книга этого полемического сочинения (1624 г.) вызвала большое возмущение среди церковников и школьных философов. По совету своих друзей Гассенди отказался от печатания других частей этого труда и предал их, как говорят, сожжению. Нужно кстати отметить, что Гассенди желал жить в мире с католической церковью и Сорбонной и это особенно заставляло его воздерживаться в дальнейшем от резких выступлений, тем более, что его духовное звание и ранг в церковной иерархии требовали от него подчинения его философии религии.

Вторая его работа—книга против Флюдда (мистика-теософа), доказывавшего, что разум не в состоянии дать нам никакого знания и что единственным источником познания является откровение и т. д. Гассенди выступил против Флюдда по просьбе Мерсенна и защищал с большим жаром и уменьем права разума в области науки. Он ссылается на философию древних, которые явились результатом не откровения, а именно [illegible]

деятельности разума. Гассенди оговаривается, впрочем, не желая ссориться с церковью, что он не думает умалять значение откровения, он только считает, что в известной ограниченной области разум имеет право на существование.

Третья важная его работа—тоже полемическая, но в ней уже ясно намечаются основные моменты положительных воззрений Гассенди (сенсуализм, материализм, эмпиризм). Это—возражения на «Метафизические размышления» Декарта. По своему содержанию возражения, сделанные Декарту Гассенди, почти совпадают с теми, что делал Гоббс, но у Гассенди они развиты гораздо более обстоятельно и детально. Декарт ответил ему тоже обстоятельно, но с большим раздражением, лишь слегка прикрытым формой вежливости.

Свои возражения Декарту Гассенди начинает с критики «методического сомнения» Декарта. Он утверждает, что нельзя всерьез сомневаться в существовании внешнего мира, ибо такому сомнению противоречит вся наша повседневная практика. «Если,—говорит Гассенди,—вы еще не верите, что существует земля, небо и звезды, то скажите, пожалуйста, почему ходите по земле? Почему поднимаете глаза, чтобы созерцать небо? Почему приближаетесь к огню, чтобы согреться? Почему садитесь за стол и почему вы едите, чтобы утолить голод? Почему двигаете языком, чтобы говорить? Почему берете перо, чтобы написать свои мысли? Конечно, все эти тонкости можно выдумать и о них говорить, но не трудно выявить их обманчивость; но так невозможно, чтобы вы всерьез сомневались в существовании этих вещей и чтобы вы не знали, что они существуют вне вас. Поговорим серьезно и добросовестно обо всем этом и научимся говорить о вещах так, как они в действительности». Таким образом Гассенди доказывает, что все рассуждения Декарта покоятся на гнилом базисе. Далее, наш философ указывает, что критерий истины Декарта суб'ективен. В самом деле, если верно лишь то, что ясно и отчетливо представляется нам, тогда приходится в наших утверждениях базироваться на суб'ективных представлениях, ибо то, что ясно для одного, то далеко не ясно для других, то, что ясно было раньше, теперь может быть совершенно н е ясно. Во избежание этих именно затруднений Декарт прибегает к аргументу об искренности бога, который не обманет нас. Но, возражает на это Гассенди, откуда мы знаем об этой искренности бога? Почему мы в ней не сомневаемся? Вы вероятно скажете, что в ней не сомневаетесь, ибо она нам ясна и отчетливо представляется, но тогда мы попадем в заколдованный круг.

Точно так же раскрывает Гассенди ошибочность декартова заключения: я мыслю, значит я—мысль, дух; в полном согласии с Гоббсом, он указывает, что правильный вывод был бы следующим: я мыслю, значит материя мыслит. Гассенди подвергает также жестокой критике теорию врожденных идей, пытаясь доказать, что всякая идея имеет в своей основе чувственный опыт.

В этих возражениях, которые были затем, после ответа Декарта, подкреплены новыми доказательствами и раз'яснениями, Гассенди выступает как материалист-сенсуалист и выявляет очень большую гибкость ума и уменье отстаивать свои принципы даже против такого противника, как Декарт. Этим заканчивается критическая часть его философской деятельности.

В этой части своей философской работы Гассенди высказывает большое знание дела, серьезное, сознательное знакомство с предметом, который он берется критиковать, и большую сдержанность в форме критики-черты, которые характеризуют его как философа-ученого.

Этот период философской деятельности Гассенди характеризуется борьбой против схоластики, борьбой против м и с т и к и и т е о с о ф и и, борьбой против и д е а л и з м а Декарта.

* * *

Мы не можем здесь останавливаться на работах Гассенди по астрономии и по физике. Из философских работ Гассенди второго периода его деятельности отметим его работы о жизни и учении Эпикура и 2-томную работу, опубликованную после его смерти, посвященную изложению его философской системы «Syntagma philosophica».

Характерен и интересен тот факт, что наш философ выбрал из древних философов именно Эпикура, самого последовательного материалиста и атеиста древности. «Эпикур,—говорит Маркс,—был действительно радикальный просветитель древности, открыто нападавший на древнюю религию и из него исходил атеизм римлян, поскольку он у них существовал. Вот почему Лукреций превозносил его как героя, который впервые низвергнул богов и растоптал ногами религию; вот почему он заслужил у всех отцов церкви... славу безбожного философа, по преимуществу—свиньи». (Святой Макс). Это был несомненно революционный шаг со стороны священника, шаг, требовавший большого мужества, особенно если принять во внимание, что Гассенди выступил с реабилитацией не только атомизма Эпикура, но и его морали.

Следует кстати отметить, что атомистическая теория Демокрита имела себе в то время довольно много последователей среди ученых во Франции, в особенности среди врачей. Известно также, что Бэкон Веруламский противоставил философии Аристотеля философию Демокрита, которой он отдал предпочтение. Однако действительное возрождение материалистической философии древности мы находим лишь у Гассенди, вместо Демокрита избравшего Эпикура, система которого получила систематическое изложение в знаменитой книге Лукреция. Система Эпикура является действительно материалистической во всех своих частях; мы находим у него не только атомизм, но и материалистическую (сенсуалистическую) теорию познания и гедонистическую этику.

В работах, посвященных Эпикуру, Гассенди дает нам изложение не только атомистической теории, но подвергает тщательной разработке и все другие космогонические теории. Он приходит к заключению, что атомистическая теория Эпикура ближе к истине, чем другие теории, причем старается конечно доказать, что она не находится в противоречии с учением католической церкви, если только допустить, что атомы созданы богом. Примиряя учение атеиста Эпикура с учением католической церкви, философ-священник вынужден заявить, что там, где учение Эпикура противоречит религии, он не согласен с Эпикуром. Таким путем Гассенди обеспечивает себя от преследований католической церкви, которая в то время беспощадно расправлялась с своими противниками.

В изложении философии Эпикура Гассенди выявляет серьезное знание последней, хотя ничего нового мы не находим в его интерпретации. Он скорее учится философии, как говорит Маркс, у Эпикура, чем выясняет нам темные места в учении греческого материалиста-атеиста. Своими попытками примирить материалистическую философию Эпикура с учением католической церкви он внес в последнюю элементы дуализма и разрушил ее цельность, монолитность.

Но Гассенди дал нам не только изложение Эпикура. В своей двухтомной работе «Syntagma philosophica» наш философ пытается дать систематическое изложение своей собственной философской системы, которая не отличается оригинальностью, но является яркой иллюстрацией того, что примирить материализм с религией нельзя и что всякие попытки подобного характера, по словам Маркса, являются «напрасным трудом». Однако в своей материалистической части эта философия представляет для нас значительный интерес в целом ряде пунктов; с этой частью мы попытаемся познакомить читателя.

«Философия,—говорит Гассенди,—состоит из двух частей: одна занимается вопросом об истине, другая—вопросом о честности. Первая добивается истинного знания природы: это—физика. Вторая старается водворить истинность и честность в людские отношения и поступки: это—этика. Обе вместе образуют законченную мудрость... Это высшее совершенство души, которая владеет, таким образом, обеими способностями—разумом и волей, дабы разум нашел истину, а воля стремилась к честности».

Философия Гассенди распадается, таким образом, на две главные части: физику и этику. Этим частям он предпосылает еще логику, как науку о правильном мышлении, науку о методе.

Каковы основные моменты его физики, т.-е. его философии природы? «Предположим,—говорит Гассенди,—что все тела, которые мы находим в пространстве, сведены к бесконечно малой пыли, более тонкой, чем те вихри, которые мы видим в воздухе, когда луч солнца проникает между ветвями дерева; эти элементы суть действительно материя всех тел и называются атомами. Дело обстоит с атомами, как с буквами алфавита, точно так же как буквами мы образуем буквы языка и, следовательно, самые разнообразные поэмы, точно также атомами мы образуем при помощи бесконечных комбинаций все предметы вселенной; изучать их свойства—это значит изучать свойства материи».

Итак, мир материален, он состоит из атомов, свойства которых и суть свойства материи. Последние элементы материи—атомы имеют определенную, хотя и очень малую величину. Атомы не математические точки; атомы неделимы, потому что они не рассекаемы, не проницаемы, или абсолютно плотны. «Атом,—говорит Гассенди,—называют так [1]) не потому, что он чрезвычайно мал, что он нечто в роде точки (ибо он имеет величину), а потому что он не может быть разделен, так как недоступен никакому воздействию и не содержит никакой пустоты в себе». Между атомами же находится пустота, благодаря которой и возможна делимость вещей и движения атомов. Таким образом, все предметы вселенной состоят из атомов, находящихся в движении, и пустоты, позволяющие атомам двигаться и образовать бесконечное количество предметов при помощи бесконечных комбинаций и соединений.

Все тела, следовательно, состоят из атомов, определенным образом соединенных и сгруппированных. Атомы не разрушимы, но они, согласно Гассенди, не имеют независимого существования, ибо они созданы богом. Впрочем роль бога ограничивается актом творения. Раз созданные, они уже существуют, согласно своим внутренним законам и не могут быть разрушены, ни уничтожены никакой силой, помимо самого бога.

«Вещи,—говорит Гассенди,—различаются между собой по форме, но форма не может быть без субстрата, формой которого она является; этот субстрат и есть материя—атомы. Формы вещей меняются: теряя какую-нибудь форму, материя обязательно приобретает другую. Материя не рождается и не погибает, количество ее неизменно» (ac tanta adhuc quanta initio fuit).

Наряду с плотностью или непроницаемостью другим основным свойством атомов является присущая им тенденция к движению. Эта тенденция к движению отождествляется у Гассенди с количеством движения, которое всегда сохраняется неизменным в атоме. Эта тенденция к движению есть тяжесть. Направление движения тела определяется, однако, не одной тенденцией атомов, а зависит от отношения атомов к другим атомам, с которыми они приходят в столкновение. Гассенди, таким образом, занимает [illegible] материалистическую позицию в вопросе об атрибутивности движения материи.

---

[1]) Атом по гречески значит—неделимый. Л. Ч.

Теория атомов не допускает бесконечной делимости материи. «В самой природе процесс разложения не бесконечен,—говорит Гассенди,—но останавливается на некоторой границе и никакое тело не может быть делимо в бесконечности». В определенном конечном теле не может быть бесконечного количества частей. «Тот, кто утверждает, что в какой-нибудь данной вещи содержится бесконечное количество частей, никогда не сумеет понять и об'яснить, каким образом эта вещь стала конечной. Каковы бы ни были части, из которых должна состоять вещь, чтобы допускать бесконечное деление—равны ли они между собой или нет—все равно ясно, что величина, которая из них состоит, должна быть и сама действительно бесконечной».

Существование атомов и их неделимость доказывается Гассенди еще другим путем: «Если бы при процессах разложения не сохранились тела достаточно плотные, чтобы не допускать дальнейшего разложения, то нельзя было бы как следует понять различие между телом и пустотой, тело, бесконечно истончаясь, не оставляло бы после себя ничего такого, что могло бы оказывать сопротивление».

Гассенди впрочем считает, что человеческий ум не может себе вообще представить бесконечности. Идея бесконечности так же бессодержательна, как и представление бесконечности. «Тот, кто говорит о бесконечной вещи приписывает вещи, которой он не знает, имя, которого он не понимает». Таким образом, наш философ отвергает Декартовское доказательство бытия бога, базирующееся на существовании в нас идеи о бесконечном совершенстве.

Взгляды Гассенди на движение чрезвычайно интересны. Он искал способ разрешить парадоксы Зенона о невозможности движения и для этого «атомизировал» само движение. Поэтому он рассматривает процесс движения не как непрерывный, а как прерывный, или правильнее, как прерывный ряд скачков. Скорость движения для всех атомов одна и та же. Если же одно тело движется быстрее другого, то это происходит оттого, что число пауз между отдельными скачками в движении у одного тела больше, чем у другого. Интересно отметить, что точка зрения Гассенди относительно прерывности движения находит, до некоторой степени, свое подтверждение в современной теории квант.

Тело, согласно учению Гассенди, может быть рассматриваемо, как тело вообще и как определенное тело. Как тело вообще, оно рассматривается, поскольку оно состоит из атомов или же поскольку образует часть субстанции или материи общей всем физическим телам; как определенное тело, оно рассматривается, поскольку оно имеет особую структуру, которой оно отличается от других тел. Это особенное мы называемым—качеством или свойством тела. Качество определяется Гассенди следующим образом: «способ существования субстанции или состояние и условие существования материальных начал, соединение которых образует такую-то субстанцию» (Соч., т. I, стр. 372).

Таким образом, качество—это состояние субстанции, оно является результатом способа соединения атомов. Чувственные качества тел субъективны, но они зависят не только от наших органов чувств, но и от способа комбинации атомов, составляющих внешнее тело.

«Тела,—говорит Гассенди,—не суть ни теплые, ни холодные, ни [illegible]ные, ни пахучие, ни звучные, ни светлые, ни цветные. Для того, чтобы [illegible]лись чувственные восприятия, необходимы два условия: необходимо, во-первых, чтобы из предмета выделились твердые частицы; необходимо затем, чтобы эти частицы были приурочены к специальной ткани наших органов, [illegible] они могли действовать на них. Когда мы говорим, что тело светлое или [illegible]ное—это значит, что выделяемые им тончайшие атомы таковы, что, [illegible] на наши органы чувств, вызывают ощущения света или звука».

* * *

Особый интерес представляет теория пространства и времени Гассенди. Эта теория господствовала в механике и физике до последнего времени и только теория Эйнштейна поколебала ее в известной степени. Пространство и время, согласно этой теории, это самостоятельные существа, имеющие независимое существование. Это своего рода неизменные кадры, внутри которых каждое явление природы имеет свое определенное положение.

Пространство может быть определено, как пустота, не заполненная атомами. Но если атомы созданы богом, то пустота не может быть божьим творением. Пространство, следовательно, существует извечно. Оно имеет особого рода бытие. Это не субстанция, не акциденция, не фикция нашего ума. Все сотворенные субстанции преходящи и изменчивы (вечен один бог); пространство же непреходяще и вечно, оно никем не создано. Оно необходимо, бесконечно, бестелесно (в том смысле, что всякое тело находится в пространстве, а само оно не есть тело). Место есть часть пространства, занятая телом. Особый характер существования пространства заключается в том, что оно не активно и не пассивно, что оно лишено всяких положительных атрибутов и поэтому (полагает Гассенди) вечность и независимое существование его не может быть ущербом для бога и не противоречит религиозному учению о боге.

У Декарта пространство = протяженность = материя. У Гассенди же самое характерное для материи не протяжение (ибо пустота отчасти и есть протяжение), а плотность, непроницаемость. У Гоббса основное свойство материи—величина, но не плотность.

Время, по Гассенди, так же как и пространство, необходимо, бесконечно и бестелесно. Но в то время как пространство неподвижно, время вечно течет, и в этом его характерная особенность. Говорят, что время—ничто, ибо настоящее неуловимо, прошлого уже нет, а будущего еще нет. Но это не верно,—говорит Гассенди.—Время можно сравнить с потоком или с пламенем, где искры исчезают, а пламя состоит именно из этих исчезающих искр. Время, так же как и пространство—не субстанция, не акциденция, не фикция нашего ума. Оно имеет особого рода существование. Все тела могут исчезнуть, время же будет вечно существовать. «Нужно, однако, признать,—добавляет Гассенди,—что только в связи с телесными вещами можно представить себе время; а мерить его можем лишь при помощи длящихся, следующих друг за другом вещей. Среди вещей мы выбираем самые регулярные, которые позволяют нам разделить время на части и определить его продолжительность. Вот почему мы берем движение планет, смены времен года. Небо является для нас огромными часами, которые служат нам для измерения времени. Длительность времени зависит от внимания. Во сне мы времени не чувствуем и не сознаем, но, проснувшись, мы уверены, что время текло».

Гассенди различает вечность (присущую, по его мнению, лишь богу) и бесконечную длительность, характеризующую время. Вечность не имеет ни прошлого, ни будущего, для вечности нет ни раньше, ни позже; она—одно лишь настоящее; бесконечная длительность—время—течет постоянно и в ней можно различить прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, теория Гассенди о пространстве и времени метафизична. Пространство и время имеют об'ективное существование, но они независимы от материи. Эта метафизическая концепция пространства и времени господствовала очень долгое время как в науке, так и в философии. В частности, по свидетельству Вольтера, ее придерживается Ньютон и ссылается при этом на авторитет «глубокомысленного Гассенди».

Отрывая время и пространство от материи, Гассенди, как и Ньютон, должны были их рассматривать, как какие-то метафизические сущности, имеющие особого рода бытие. В действительности, пространство и время

являются формами существования материи; их нужно рассматривать в диа-
тическом единстве с материей и движением, как это делают Энгельс и Ле

Следует отметить, что допущение существования пустоты нашим фи-
софом вытекает из его концепции пространства, как ящика, в котором на-
дятся атомы, материя. Эта «пустота» не являлась результатом физичес
опытов, проделанных в то время Паскалем. Пустота Торичелли не есть,
нечно, «пустота» в философском смысле, ибо это не абсолютная пуст
Гассенди абсолютная пустота необходима еще, главным образом, как е
ственный способ об'яснения возможности движения атомов.

* * *

Переходя к об'яснению явлений сознания, духа, Гассенди выказ
себя не только механическим материалистом, что характерно вообще
материалистов XVII и XVIII вв., но и «вульгарным» материалисто
В понимании сознания он не пошел дальше античного материализма Де
крита и Эпикура.

«Душа,—говорит Гассенди,—является очень тонкой субстанцией,
своего рода цвет материи, части которой имеют особую симметрию, особ
расположение внутри более грубой материи тела». Мы имеем основание п
лагать,—говорит Гассенди,—что душа похожа на огонь — «элемент» оч
тонкий и весьма активный, который в человеке и животном сеет теплоту
жизнь. Она существует с самого начала, создана богом, рассеяна им повсю
и находится некоторым образом в потенции, ожидая возможности перей
в действие. «Нельзя утверждать, что вещи, обладающие чувствительность
происходят от элементов, не обладающих чувствительностью; они прои
дят скорее из элементов, которые хотя и не чувствуют, но включают в се
принцип чувствования, точно так же как принципы огня включены и сохр
в венах камня».

То, что Декарт называл духом, сознанием, мышлением, у Гассен-
тончайшие атомы. Другими словами, дух, сознание—по Гассенди—не сво
ства материи, а сама материя. Вся материя проникнута своего рода со
нием, т.-е. тончайшими атомами. Магнит притягивает железо в силу осо
«симпатии». Падение тел на землю Гассенди об'ясняет тем, что земля ис
скает из себя особые частицы, которые тянут тела вниз. (Гассенди, впроч
хотел еще таким образом об'яснить, как возможно действие притяжени
расстоянии).

Гассенди, вопреки религии, защищает точку зрения строгого детер
низма. Свою мысль он формулирует довольно четко: «Из ничего ничто
происходит и ничто не обращается в ничто». «Ничего не может быть
причины. Всякая причина имеет свое действие. Всякое действие может
только через движение». Однако он оставил лазейку для свободы, чтобы
возбудить против себя гнева господствующей церкви и католической рел

У человека Гассенди признавал существование двух душ: чувственно
разумной. Первая есть материальная душа; не только чувственная и аффек
ная деятельность человека, но и почти вся его познавательная де
тельность зависит от этой чувственной души. Вопреки Декарту, Га
сенди утверждал, что животные—не автоматы, но обладают чувственн
шой, следовательно, и зачаточными элементами мышления. Инстинкт жи
ных, согласно Гассенди, является результатом способности их судить и р
суждать.

Основная способность чувственной души—воображение, [illegible]
тывает представления, суждения и умозаключения. «Необходимо, [illegible]
ворит Гассенди,—что за исключением разума, присущего [illegible]
имеется одна лишь познавательная способность у человека [illegible]

ображение, которое носит еще другие названия—способность думать, ценить, вспоминать и др. Но все эти названия означают лишь различные функции этой способности, но не различные способности, точно так же как слова: прыгать, ходить, стучать ногами и другие подобные действия не обозначают различные двигательные способности, а лишь различают функции одной и той же способности. Чтобы познать вещь, надо правильно воспринять, правильно судить и правильно умозаключать. В основе знания лежат чувственные восприятия.

«Все наши знания,—говорит Гассенди в своих возражениях Декарту,—как мне думается, происходят из чувств. И хотя вы несогласны в этом с философами, кто утверждает, что «ничего нет в уме, чего не было бы раньше в чувствах», тем не менее верно, что все, что имеется в уме, раньше представилось чувством... Хотя оно потом заканчивается и совершенствуется при помощи аналогии, сложения, деления, увеличения, уменьшения и множества других подобных способов... Неудивительно поэтому, что вещи, которые нам представляются и поражают наши чувства, производят более сильное впечатление, чем то, которое мы имеем, представляя себе вещи, которые мы раньше воспринимали... Но если спросите, как же возможно, чтобы я мог познать другое мне лучше, чем себя самого? Я отвечу, что это возможно так же, как глаз видит все вещи, кроме себя самого».

Истина или ложь возможна только в суждениях, а не в самих чувственных восприятиях, которые всегда истинны, т. е. таковы, каковы они в самом деле. Истина,—говорит Гассенди,—это совпадение суждения с действительностью.

Гассенди—последовательный материалист в теории познания. Чувственные восприятия получаются в результате действия внешнего предмета на наши органы чувств. При этом от предмета, как мы уже видели, исходят особые частицы (species), попадающие в соответствующие, приуроченные к ним органы чувств.

«Причина качества тела находится одновременно в телах и в органах чувств. Когда говорят, что тело светит, звучит, пахнет, этим хотят лишь сказать, что тончайшие атомы, которые испускает тело, действуют на наши органы чувств, вызывают чувства света, звука, вкуса, запаха, и т. д. Следовательно, эти качества существуют формально в вещах».

Помимо чувственной души, которой человек не отличается от животного, имеется у него еще «разумная душа,» отличительная черта которой состоит в том, что она может думать о самой себе, обладает самосознанием (рефлексией). Этой души нет у животных. Благодаря этой «разумной душе» человек может иметь такие абстрактные понятия, которые не имеют никакого чувственного содержания. Такими абстракциями для Гассенди является бог и его свойства.

Таким образом, «разумной душе» у Гассенди уделяется очень мало места. Вся область действительного знания есть область души чувственной, материальной. Врожденных идей Гассенди поэтому не признает.

* * *

Логика Гассенди представляет довольно большой интерес, она оказала значительное влияние на господствующую долгое время логику Пор-Рояля и др.

Первая глава его краткой и ценной логики посвящена изложению древних и современных ему учений о логике. Гассенди дает нам ясный и сжатый [illegible] этих учений и показывает их недочеты. В дальнейших главах [illegible] изложение самой логики, притом Гассенди стремится свести [illegible] количество силлогизмов, изучение которых составляло особен[illegible] схоластики. Для Гассенди логика должна сама указать нам

путь, как найти истину, как ее обосновать и как ее сделать общедоступной для всех. В связи с этой своей установкой наш философ определяет метод следующим образом: «Метод—это порядок и направление, которые должны быть даны нашим мыслям для того, чтобы мы доискивались истины, открыли ее, проверяли и имели правильное суждение об открытых уже истинах и излагали имеющиеся уже истины и расположили их в такой последовательности, чтобы им можно обучать других. Таким образом целью и задачей логики является изобретение истины, исследование и суждение об ней и обучение ей». Согласно этим задачам Гассенди и строит свою логику.

По мнению Гассенди, существуют истины существования и истины суждения. Истина и ложь возможны лишь в суждении, истины же существования всегда истинны. Наши идеи о предметах верны, когда они соответствуют им, ложны, когда они им не соответствуют. Но идеи бывают единичные и общие. Единичные идеи тогда лишь совершенны, когда они представляют наибольшее количество частей и свойств предметов, идеями которых они являются. Общие идеи тогда совершенны, когда они полнее и в более чистом виде представляют то, в чем единичные идеи сходны между собой. Чем идеи совершеннее, тем они имеют больше права претендовать на истину.

Гассенди ставит вопрос о критерии истины и заблуждения и устанавливает, что имеются истины очевидные и скрытые. Очевидные истины имеют свой критерий в них самих. Так, например, аксиомы очевидны и ни в каких доказательствах не нуждаются. Скрытые же истины или никогда не могут быть раскрыты (так, например, нельзя раскрыть четное или нечетное количество звезд в небе) или же могут быть раскрыты определенным образом. Так, например, мы открываем существование пор в нашей коже, благодаря появлению пота.

Первичный критерий истины, к которому могут быть сведены все остальные,—это критерий наших чувств. Чувства обоснованы в самих себе и обладают самоочевидностью. «Ибо,—говорит Гассенди,—если мы скажем, что все чувства обманчивы, то у нас не будет никакого критерия для суждения о том, насколько обманчиво то или другое отдельное чувство. Если мы скажем, что обманчивы только некоторые чувства, то мы окончательно запутаемся, когда захотим ответить на вопрос: какое, каким образом и когда нас обманывает и какое нет. И так как разрешить этот вопрос невозможно, то мы неизбежно утратим всякий критерий. Отсюда следует, что если хоть что-нибудь, усмотренное чувствами, окажется ложным, то нельзя принять вообще никакое восприятие или... если неверно, что все образы, всякое чистое восприятие вещей истинны, тогда надо распроститься со всякой достоверностью, однозначностью и правильностью суждения».

Гассенди устанавливает 4 канона чувственных критериев истины: 1) чувства никогда не обманываются, и поэтому всякое чувственное ощущение, всякое восприятие образа или явления истинно; 2) мнение возникает из чувства и приходит к чувственному ощущению; к нему относится различие истинного и ложного; 3) истинно то мнение, которое не опровергается чувственной очевидностью; 4) ложно то мнение, которое опровергается или не подтверждается чувственной очевидностью. Эти 4 канона нам показывают, до какой степени сенсуализм Гассенди был противопоставлен рационализму Декарта.

Гессенди считает необходимым применение и анализа и синтеза для открытия и исследования истины. Найденные истины необходимо проверять. Не только идеи, которые имеют своим источником авторитет, но и те, которые имеют источником опыт, должны подвергаться проверке. Для этого Гассенди указывает целый ряд мер, где видно влияние Бэкона, которого Гассенди знал.

Помимо первичного критерия—чувства—необходимо иногда прибегать еще к другому критерию—к уму,—и в тех случаях, когда чувства обманывают, ум исправляет истины, ошибочно полученные в результате обмана чувств. Гассенди различает 4 операции логики: 1) хорошо воображать, т.-е. правильно воспринимать предметы и явления; 2) хорошо полагать, т.-е. правильно строить суждения, предложения; 3) хорошо умозаключать, т.-е. правильно строить силлогизмы и 4) хорошо располагать суждения, т.-е. выработать правильный метод. Поэтому и логика распадается на 4 части. Соответственно [целям], которые ставит себе метод, мы имеем 3 отдела: логику изобретения, логику исследования и логику обучения.

Место не позволяет нам остановиться более подробно на логике Гассенди; изложенные здесь моменты его учения позволяют нам получить ясное представление об остальных установках его учения. Мы можем констатировать, что в его логике мы находим очень мало элементов диалектики, но что [она] построена на солидной материалистической основе.

В этой работе, как, впрочем, во всех своих сочинениях, Гассенди обнаруживает очень большую эрудицию, большую научную добросовестность и [попутно] дает весьма обстоятельные очерки по истории философии и науки; [его] справедливо называют поэтому одним из первых историков науки и философии.

Во второй части своей философии, в этике, Гассенди придерживается [в] основном учения Эпикура. «Этика,—говорит Гассенди,—это наука, или [лучше] искусство, хорошо поступать и действовать в согласии с добродетелью». Стремление к удовольствию и избегание страданий—основа морали. Страдание является в результате нарушения нормального состояния тела [или] части его, и тогда возникает желание восстановить нормальное состояние. Восстановление его есть удовольствие. Из этого вытекает, что нет удовольствия без страдания.

Добро и полезное совпадают. Телесное здоровье и безмятежное спокойствие души (атараксия)—высшее благо для человека, к которому следует стремиться; это спокойствие не есть спокойствие смерти. «Жизнь мудреца [не] похожа ни на бурный поток с быстрым течением, ни на стоячее болото, [а] похожа на тихо текущую воду реки».

В этой части своей философии Гассенди восстановил истинные воззрения Эпикура, которые обычно излагались в самом извращенном виде. Последователем Гассенди в области морали был знаменитый писатель Мольер. На [француз]ское общество XVIII века этика Гассенди тоже имела значительное [влия]ние.

В вопросе о свободе и необходимости взгляды Гассенди носят эклектический характер: с одной стороны, он признает абстрактную необходимость, [исключа]ющую свободу, с другой стороны, он говорит, что возможность вы[бора] предполагает известную свободу. Тут видно, до какой степени он под[чинял] свою философию догмам католической церкви. В основном, однако, [Гасс]енди отрицает свободу воли и подвергает резкой критике декартовскую [теорию] заблуждения, видевшую в человеческой воле источник ошибок и заблуждений.

* * *

Прежде чем закончить изложение философской системы Гассенди, не[обх]одимо указать, как относится к ней Л. Фейербах.

Философия Гассенди подверглась серьезной критике со стороны Фейербаха. Правда, Фейербах был еще идеалистом, когда писал свой очерк о Гас-

сенди. Последняя глава этого очерка является чисто идеалистической [illegible] подвергает критике атомизм и сенсуализм Гассенди, исходя из точки [illegible] ния идеализма Лейбница, а также отчасти Гегеля. Однако в самом [illegible] нии философии Гассенди Фейербах всюду очень метко указывает на [illegible] довательность Гассенди. Нельзя в одно и то же время,—говорит Фейербах,— быть материалистом, принимать атомистическую теорию и допускать [illegible] рение атомов богом, существование бессмертной души и т. д. Фейербах [illegible] зывает с большой убедительностью, что сама идея существования [illegible] включает в себя понятие об их вечном существовании, об их [illegible] мости. Сотворенный богом атом—это противоречивое понятие. Если я [illegible] нахожу в самом атоме необходимости его существования, если я допускаю его сотворимость, тогда он сам становится излишним.

Фейербах доказывает также, что нет никаких оснований для утверждения существования у человека двух душ. Раз первая, чувственная [illegible] является основой не только нашей аффективной, но и познавательной деятельности, для разумной души нет места. Фейербах таким образом бьет по [illegible] мым слабым местам Гассенди, и его критика сохраняет в этой части [illegible] свою силу.

Мы видели уже, как Маркс в своей юношеской диссертации указывает, что попытка Гассенди примирить свои античные знания со своей католической совестью ни к чему не могла привести. Но современные историки философии—идеалисты—хотят из этого порока Гассенди сделать [illegible] именно слабые и уязвимые места в его философии они выдвигают как доказательство его проницательности и глубокомыслия. Гассенди, дескать,—[illegible] они,—не мог удовлетвориться плоским материализмом, вот почему он [illegible] няет Эпикура католической религией. Но это настоящая фальсификация [illegible] ствительной философии Гассенди. Его сила в материализме, а не в его [illegible] нее осужденной на провал попытке примирить материализм с религией.

Но, несмотря на крупные недостатки философии Гассенди, отмеченные нами, в истории материализма он занимает довольно видное место, [illegible] в основном его философия остается материалистической. Примирение [illegible] с католицизмом слишком искусственно, и поэтому оно большой [illegible] играет и в счет не идет. Необходимо только вскрыть социальные корни [illegible] примирения и доказать его теоретическую несостоятельность; то [illegible] жительное отношение, стало быть, которое имеется к нему, как мы [illegible] уже, не только у буржуазных историков философии, но и среди нас, [illegible] жет быть оправдано. Интересно, что Ленин, в своем фрагменте «К [illegible] о диалектике», говоря о «кругах в философии», упоминает о Гассенди: [illegible] рождение Декарт versus Гассенди».

Конечно, Гассенди не был основателем крупной философской [illegible] Свои положения он сопровождает почти всегда словом videtur (кажется). [illegible] кого рода неуверенность в своих принципах не к лицу основателю [illegible] ской системы. Кроме того, мы уже отметили, что его философская [illegible] эклектична. Однако в истории материализма Гассенди оставил [illegible] след.

Во-первых, он был во Франции в течение больше столетия [illegible] ным представителем эмпиризма и материализма. Он развивал довольно [illegible] следовательно сенсуалистическую теорию познания и может, по праву, [illegible] с Гоббсом быть рассматриваем, как предшественник Локка. В самой [illegible] ции продолжателем Гассенди в отношении сенсуализма был Кондильяк, [illegible] рый, впрочем, не удержался на позициях материализма, а скатывался [illegible] нами к суб'ективному идеализму.

Действительными продолжателями дела Гассенди во Франции [illegible] французские материалисты XVIII столетия, идеологи революционной [illegible] буржуазии.

Если у Гассенди причудливо сочетается, как мы видели, материализм Эпикура с католической религией, то французские материалисты являются последовательными атеистами. Этот факт, вероятно, служил причиной того, что они уделили мало внимания своему предшественнику в области материализма и сенсуализма Гассенди [1].

Буржуазные историки философии и авторы монографии о Гассенди проявляют тенденцию превратить Гассенди в идеалиста. Тот факт, что Гассенди стремился примирить свою философию с религией, позволяет им утвердить, что Гассенди по сути дела не был материалистом. Они рассматривают его стремление примирить свою материалистическую философию со своей католической совестью, как выход из того тупика, в который, дескать, упирается всякий материализм. Но я думаю, что эта установка абсолютно неверна и не соответствует исторической действительности. Современники Гассенди из лагеря философии, а также представители католической церкви совершенно правильно смотрели на философию Гассенди, как на материалистическую философию, разрушающую религию и не могущую примириться с ней несмотря на суб'ективное желание и на добрую волю самого философа. Реабилитация Эпикура—это реабилитация материализма и атеизма.

Следует еще отметить, что Гассенди был крупным ученым для своего времени. Недаром его назвали «выдающимся ученым среди философов и выдающимся философом среди ученых». Его атомистическая теория сыграла очень крупную роль в истории развития науки. Историки атомизма Ласвиц и Мабильо уделяют в своих трудах много места и внимания Гассенди. Действительно для развития физики и химии атомистическая теория имела большее влияние, чем, например, корпускулярная теория Декарта. Мы отметили уже, что господствующая до последнего времени в физике система Ньютона примыкает к теории Гассенди о пространстве и времени. Но Гассенди особенно занимался астрономией. Его наблюдения над Меркурием, прохождение которого в декабре 1631 г. было предсказано им летом, увенчалось успехом. В 1622 г., например, он наблюдал пятна на солнце, в 1652 г.—комету. В 1643 г. он опубликовал работу о 9 спутниках Юпитера, которые наблюдались в Кельне в 1642—43 гг. В своих работах он нанес сокрушительный удар астрологии. В последние годы своей жизни он получил кафедру математики во Французском колледже в Париже. В первой лекции при открытии курса Гассенди дал очерк истории развития математики. Таким образом неутомимой своей работой Гассенди оставил след во всех частях знания. Он не открывал новых путей, не был большим новатором и не отличался оригинальностью, но обнаружил повсюду выдающуюся эрудицию, серьезные основательные знания при большой скромности и добросовестности в работе.

В нашей литературе появилась в 1930 г. статья тов. Луппола, посвященная Гассенди [2]). Приходится констатировать, что эта статья является **ярким образцом** работ по истории философии так называемой деборинской школы. Совершенно отсутствует социально-классовый анализ философии Гассенди. Автор статьи не останавливается хотя бы вкратце на общественно-исторической обстановке, в которой жил и творил Гассенди. Мы не знаем—представителем и идеологом какого класса был изучаемый философ или правильнее—идеологию какого класса или общественной группы представляет материалистическая и эклектическая вместе с тем философия Гассенди. Непонятен эклектический и компромиссный характер философии эпикурейца

---

[1]) «Гассенди, таким образом, говорит историк французской философии XVII века,—является отцом той сенсуалистской школы, которая народилась во Франции в середине XVII столетия, утвердилась и блистала в течение всего XVIII столетия, продолжала держаться и в XIX столетии и, несмотря на свои ошибки и свои крайности, проделала довольно славную карьеру».

[2]) См. сборник «На боевом посту».

католика. Самое основное в этой философии: теория атомов, теория [illegible] и пространства, теория движения—скачков—не выделено, четко не отме[illegible]

Возрождение античного материализма считается тов. Лупполом сла[illegible] стороной философии Гассенди. Это совершенно неверная и неправильная [illegible] новка. Мы видели уже, какую большую роль сыграла атомистическая тео[illegible] в развитии науки 18 и 19 вв. Историки атомизма как раз отмечают [illegible] заслугу Гассенди в этом деле. Действительно, атомистическая теория [illegible] питательной средой для материалистического естествознания в течение [illegible] только 18-го, но и 19-го века.

Другой, связанной с первой и из нее вытекающей ошибкой Гасс[illegible] т. Луппол считает то, что наш философ выработал систему, в то [illegible] как задача заключалась в том, чтобы выработать новый метод. Ту[illegible] обходимо отметить, что как раз XVII столетие было богато системами. [illegible] говорит о метафизических системах Декарта, Мальбран[illegible] Спинозы и Лейбница. Заслуга этих философов заключается в их философ[illegible] системах, так же как и в методе, который они выработали. Метод и сис[illegible] тесно связаны между собой. По тов. Лупполу выходит, что у Гассенди не [illegible] нового метода. Но ведь Гассенди выступил один из первых против схолас[illegible] и противопоставил ему экспериментальный метод. Да и умозрительному [illegible] ционалистическому методу Декарта он противопоставил эмпирический, [illegible] риментальный метод.

Тов. Луппол в его увлечении «методом» не заметил [illegible] Гассенди, как основной причины его слабости. Эклектические системы [illegible] гут иметь длительного успеха. Слабость эклектических систем [illegible] классовой сущности. Эклектические системы являются результатом [illegible] промисса, который не может быть долговечным.

Мы полагаем, что не следует обходить молчанием Гассенди в [illegible] программах по истории философии, как мы это делали до сих пор. [illegible] нений Гассенди ни одно до сих пор еще не переведено на русский [illegible] исключением небольшого отрывка, помещенного в «Книге для чтения [illegible] истории философии» Деборина). Помимо вышеупомянутой статьи т. [illegible] в нашей литературе ничего не имеется о Гассенди. По отношению к Гасс[illegible] необходимо добиться такого же перелома, как и по отношению к Гоббсу, [illegible] торому у нас тоже долгое время уделялось слишком мало внимания, но [illegible] рого теперь стали изучать. Вскрывая его половинчатость, его дуализм, [illegible] няя их социальные корни, мы должны выделить материалистические эле[illegible] его философской системы, которые вошли в философию диалектического [illegible] териализма.

Современный идеолог фашизма (Джиованни Джентиле).

Б. Чернышев.

«Два мира стоят один против другого»,—говорит т. Молотов в докладе на VI с'езде советов. «Между этими мирами идет и развертывается борьба». Так ставится вопрос самой историей. Мы обязаны четко представлять себе положение вещей там, за рубежом, в частности в области идеологии. Спрашивается, какие же идеи являются теперь руководящими по ту сторону Союза?..

За последнее время капиталистические страны сбрасывают с себя маску демократии; диктатура в скрытом виде сменяется диктатурой открытой. Антитеза между двумя мирами—пролетарским и буржуазным—все более и более обостряется. Родина фашистского режима—Италия—ставит дилемму фашизм—коммунизм «с классической ясностью». Факт этой поляризации политических форм проникает все глубже в сознание масс.

Итак, каково же теоретическое обоснование фашизма? Для понимания какого-либо явления надо взять его в генезисе, в развитии.

I.

Джулио Романо пишет, что «фашизм не имеет никаких корней в прошлом. Только по аналогии, по сходству некоторых черт, можно его сравнить с тем или иным историческим явлением и движением, оставившим по себе память»[1]). В такой категорической форме заявление автора едва ли правильно. Конечно, фашизм есть нечто новое в истории, как нова вообще эпоха империализма. Но признание этого «скачка» не устраняет непрерывности. Как позднейшие фаши есть продолжение интервенистских «революционных» фашей 1915 г.[2]), так и туманная идеология фашизма имеет известные корни в прошлом.

В ряде своих новых книг итальянский идеалист Джентиле пытается определить происхождение фашизма и очертить его доктрину.

Вплоть до Великой французской революции и Наполеона Италия, по словам Джентиле, представляла из себя скорее «археологический документ или же литературную утопию, чем реальность духовную, активную и деятель-

---

[1]) Фашистская Италия, «Моск. рабочий», Москва, 1929 г., стр. 78.

[2]) Любопытна характеристика этих Faschi d'azione rivoluzionaria, данная Дино Гранди. «Они поставили, — пишет он, — перед народом проблему войны не как военную необходимость, а именно как самый высокий революционный акт, как мистический палингенезис национальный и человеческий». «L'origini e la missione del Faschismo», Bibl. di Studi sociali, p. 52.

ную» [1]). Затем наступает эпоха Ризорджименто, отмеченная именами [illegible] цони, Розмини, Джоберти...

Наиболее впечатляющ для фашизма мелкобуржуазный революци[illegible] Мадзини. В нем—весь фашизм в зародыше: и проповедь к национальной «гармонии»—к сотрудничеству классов под гегемонией буржуазии (ибо пр[illegible] цип частной собственности, согласно торжественным и многократным за[illegible] лениям Мадзини, не должен быть поколеблен «несправедливым насилием» и пылкая защита заслуг буржуазии «обогатившей себя и Италию трудом» и призыв к созданию новой религии—построение бога, «имманентного» [illegible] ловеку, — отсюда лозунг: Dio e popolo (бог и народ); и призывы к посте[illegible] ному улучшению положения классов, «обделенных судьбой» (проект [illegible] зации класса зажиточных крестьян с целью внушить им любовь к «Родине» и ненависть к «грубому материализму», и любовь к «Идеалу» (мечта о [illegible] духовной империи под знаменем универсальной религии в Риме)—в Мадзини все «качества» вплоть до набора «священных» для фашизма слов: «тради[illegible] ассоциации и прогресса»...

Но вслед за периодом Ризорджименто и ближайших за ним лет [illegible] пает тусклая полоса «материалистического понимания жизни». Джент[illegible] связывает начало этой новой эры с потерей власти парламентской Пра[illegible] С ее падением начинается «эра демосоциалистическая».

Что же происходит в это время в Италии?

Грань XX века—период либерального правительства Джиолитти [illegible] номического под'ема страны. Итальянский империализм, бурно развиваю[illegible] ся, проявляет активность необычайную. Обиженный в мировом разделе [illegible] ний, он стремится наверстать упущенное. На арену политической жизни [illegible] ходят энергичные дельцы. Растет милитаризм; до половины доходов [illegible] тратится на вооружение. Италия жадно ищет себе «места под солнцем».

Эта тенденция к внешней экспансии коренится в изменениях эко[illegible] ческой структуры. Хотя Италия и принадлежит по своему хозяйству к [illegible] стран аграрных (в особенности на юге),—на севере, в Ломбардии, развива[illegible] индустрия. Вместо старой буржуазии, деревенской, некультурной и [illegible] градной, возникает новая, вскормленная банковской спекуляцией и огра[illegible] ная промышленным протекционизмом.

Наряду с капитализмом новейшей формации поднимает голову [illegible] стоянный его «антагонист» — пролетариат. В 1898 г. «добрый и рыцарс[illegible] король Гумберто раздает награды генералам за избиение населения, де[illegible] стрирующего по улицам Милана. В 1904 г. вспыхивает на политичес[illegible] почве всеобщая стачка. Рабочее движение с его приливами и отливами [illegible] пор не прекращается, и, параллельно с волей к борьбе пролетариата, рельефнее проступает предательская роль социал-демократов. По сл[illegible] Кроче, ее вожди быстро изжили «наивную эпоху заговоров и возмущений» Социалисты скоро растеряли все элементы революционного [illegible] вплоть... до утраты понятия борьбы классов. В конце 1911 г. точка зр[illegible] реформистов ярко была сформулирована одним из их лидеров, Бо[illegible] «Прошло время веры, — писал он, — в гегельянскую концепцию [illegible] общества через борьбу противоположностей»... «Реальность фактов [illegible] давняя эволюция представительного строя доказали всю непригодность [illegible] понимания»... «Социалистическая партия не должна питать надежды [illegible] кинуть после долгой оппозиционной деятельности партию, стоящую у [illegible] вительственной власти, с целью осуществить свою программу, но [illegible] лизовать ее частично и постепенно, опираясь на правительство [illegible] входя в них»... Уже в конце XIX века Джиолитти констатирует, что [illegible] листы «положили Карла Маркса на чердак».

---

[1]) Il pensiero del secolo XIX, p. 19

[2]) Storia d'Italia dal 1871 al 1915 p. 78

Хотя Джентиле, в качестве «диалектика», и не отрицает некоторых положительных черт этого времени,—все же закат XIX века рисуется им в самых мрачных красках. Еще бы!—В центр внимания,—жалуется итальянский философ,—теперь выдвигается индивидуум с его частными интересами и претензиями. Государство перестает быть «этической субстанцией» и рассматривается как вещь «абстрактная и метафизическая». Школа становится светской, растет масонство. Люди стали стыдиться таких слов, как «родина, жертва, мученичество», и тем более «душа, дух, бог» [1]. В Италии, как везде в Европе, трезвый практицизм мог мириться лишь с философским направлением позитивизма. Возникает самосознание рабочего класса, он дисциплинируется в духе ассоциации, но дисциплина его, по словам Джентиле, была слишком «тесной», с ограниченным моральным кругозором» [2]. Само собой разумеется, что Джентиле не в состоянии удержаться от «ядовитых» стрел по адресу учения Маркса.—«Его социализм,—восклицает Джентиле,—вместо того, чтобы подстрекнуть и развить моральные тенденции солидарности, которые, казалось бы, обязано было возбудить всякое социалистическое учение, настаивая на праве рабочего, без соответствующего долга и на понятии эгоистической борьбы классов, усилил индивидуализм» [3]. Не будем останавливаться на всей смехотворности этого тезиса. Как бы то ни было, в ту пору «гаснут лучи Ризорджименто».

В последние годы XIX века и в первые годы XX начинается «поворот к лучшему». Наступает глубокий духовный кризис. Расцветают идеализм, национализм и синдикализм.

Марксизм подвергается решительной критике со стороны Сореля, Бернштейна и других ревизионистов. Перед главой французского синдикализма Джентиле рассыпается в любезностях. Особенно нравится Джентиле антипарламентская борьба Сореля, бичующая «социалистов-политиканов». Но фашисты выхолащивают у Сореля все то, что было в нем боевого и революционного (учение об «общей катастрофе»). С радостью ухватывается Джентиле за сорелевскую теорию мифа. Конечно, бергсоновские идеалистические мотивы в учении синдикализма по душе Джентиле; в мифе он видит веру в моральную, чисто-идеальную действительность».

Национализм заново выдвинул идею государства, как «предпосылку ценности и права граждан». Это провозглашение примата государства над отдельными гражданами и классами, под оболочкой пышных фраз, скрывало весьма определенный практический смысл. «Внутренний мир» провозглашался для внешней активности. Националисты требовали активизации иностранной политики Италии, роста вооружения, запретительных пошлин и т. д.; они были рупором итальянского империализма.

Наконец, в разных странах и по-разному торжествует реакция идеализма против материализма и позитивизма (последний был смертельно надломлен в Италии деятельной пропагандой учения Маркса Антонио Лабриолой). Как грибы из-под земли вырастают интуитивизм, прагматизм, мистицизм, необуддизм, католический модернизм, теософия...

В этой вакханалии доктрина Джентиле занимает почетное место. Она сложилась в определенную систему еще до войны. В развитой форме и на гегельянский манер в ней мощно звучат те же мотивы, что и в «Жизненном порыве» Бергсона, в «Мистике действия» Мориса Блонделя, в «Воле к власти» Ницше.

«За формулами мистическими и неопределенно-теологизирующими, — пишет про Джентиле один из итальянских исследователей,— эта философия заключает в себе непрестанный дух изменения, опьяненную волю к завоева-

[1] Il pensiero del secolo XIX, p 53.
[2] Le origini e dottrina del faschismo, p. 16—17.
[3] Il pensiero del secolo XIX, p 56

нию, моральный империализм, столь характерный для нашей эпохи, которая уже не созерцает более вечных идей и в которой обнаженная страсть национальной жизни опрокинула все другие алтари».

II.

Проанализируем сначала актуальный идеализм в Италии в дофашистский период.

Италия полна именами Кроче и Джентиле. Их слава перерастает пределы родной страны. Они продолжают традицию гегельянства в Неаполе, начатую Спавентой. Оба мыслителя спиритуализируют систему Гегеля, спиритуализируют настолько успешно, что перед ними молкнут слабые голоса других направлений (неокантиантства, неосхоластики...). Для обоих не существует другой философии кроме философии духа. В связи с этим решительному пересмотру подвергается диалектика Гегеля. Кроче отбирает в ней живое и мертвого. Джентиле провозглашает ее «реформу» [1]).

Выдвигается требование нового понимания диалектики.

Джентиле желает перенести нас в бесконечный мир вещей, какие только есть и какие можно вообразить. Все они излучаются из огненного фокуса мысли. Мы должны присутствовать не при пассивном созерцании мира, как бы окаменевшего, а при его творчестве.

«Мы должны постигнуть,—пишет Джентиле,—реальность действующую, текучую, так сказать, и теплую в живом процессе ее самообразования» [2]).

Вся массивная реальность должна быть растворена в эфире мысли — в реальности духовной. Но и дух нельзя понимать, в свою очередь, как вещь: он — «конструктивный процесс». В чистом акте не должно оставаться и минимума субстанциальности [3]).

Жизнь научная есть жизнь подлинно творческая. Под этим углом зрения актуальный идеализм подвергает жестокой критике своих предшественников. С недопускающей никаких сомнений ясностью Джентиле выразил (и довел до абсурда) метод абсолютной имманентности. Логика не должна теперь пониматься как инструмент и канон к отысканию истины. Резко намечается здесь рубеж между актуальным идеализмом Джентиле и прежней философией, в которой всегда (даже вопреки намерениям автора) господствовал метод трансцендентности.

В связи с указанным пониманием диалектического метода находится и фундаментальное для философии Джентиле различение двух родов мысли: «мысли мыслящей» (pensiero pensante) и «мысли мыслимой» (pensiero pensato).

Полем преимущественного внимания философии служила мысль мыслимая. Она дала начало для традиционной концепции логики, науки абстрактной и аналитической. Ее сфера управляется законом тождества; наиболее ярким выражением этого типа мышления является силлогизм.

Наоборот, логика конкретная, логика акта мысли, имеет принципом развития противоречие.

Джентиле прослеживает старую концепцию диалектики вплоть до Гегеля. И у немецкого идеалиста находит он весьма заметные остатки непереплавленной в диалектическом вихре трансцендентности. Независимо от философской мысли сцепляются категории логики Гегеля, и он [illegible]

---

[1]) La riforma della dialettica hegeliana, Messina, [illegible]

[2]) Sistema di Logica come teoria del conoscere, Bari, Laterza, 1923, p. 188.

[3]) Teoria generale dello Spirito come atto puro, Bari, Laterza, 1924, p. 19.

[illegible]ным их созерцателем. Поэтому диалектика немецкого идеализма ничем в сущности не отличается от неподвижного царства идей Платона и ordo geometricus Спинозы.

Но этого мало! Когда начинает действовать дух, предмет логики — логос, истина, уже лежит за нашими плечами, как и природа, «натуралистически удержанная» Гегелем. Мысль,—с пафосом восклицает Джентиле,—у Гегеля только стремится к адэкватности с логосом! «В нем она имеет закон, ее трансцендирующий, и ему обязана она повиноваться». Логика, будучи нормой мысли, обретается по ту сторону мысли актуальной, является по отношению к ней чем-то непосредственным. Философ не создает категорий, он старается только их постигнуть, подобно биологу, изучающему жизнь—предпосылку его науки. «У Гегеля логика смотрит в прошлое, а не в настоящее. И потому, строго говоря, ей нечего сказать актуальной мысли, избегающей гробниц».

Джентиле вслед за Спавентой требует слияния Логики с Феноменологией духа. Не нравится актуальному идеализму и окончательное оформление системы Гегеля в триаду логики, философии природы и философии духа.

Критика Гегеля со стороны итальянского философа справедлива лишь в одном пункте. Действительно, не существует никакого саморазвивающегося понятия—категорий, как бы дремлющих в лоне Абсолюта, чтобы затем обнаружить себя в жизни природы и духа.

Но между позицией марксизма и философией Джентиле расстояние огромное. Там, где для нас лежит достоинство Гегеля, идеализм видит недостаток.

По Марксу, развитие материи имеет свою имманентную, независимую от сознания, логику. Вещи текут в об'ективном диалектическом процессе. Диалектика же нашей мысли, ее ритм отражает универсальную связь и поток вещей. Материя есть causa sui. Человек, как ее часть, входит в тот же процесс, и потому логика его мысли подчиняется тем же законам, что и само бытие. Мерой постижения действительности и ее овладения—диалектического соединения обоих процессов суб'ективного и об'ективного—служит практика...

В пункте утверждения примата мысли мыслящей над мыслью мыслимой, акта над фактом—лежит несомненная оригинальность философии Джентиле. Итальянский идеализм как бы потенцирует становление. Он включает мир природы, по его мнению, неподвижный (просто А) в сферу мысли. Бытие, рефлектируясь в ней, обретает движение (А = А)... Но мысль мыслимая сама имеет характер об'ективный и подлежит ведению абстрактной логики. В качестве предмета познания понятие наделяется (уже у Платона) определениями сущего. Вот почему Джентиле опускает бытие вторично в поток подлинного становления; понятие (conceptus) должно быть понято как понимание (concipire), как движение чистой формы самосознания.

Актуальный идеализм «снимает» идеальное бытие. Космос умопостигаемый, в своем круговороте замкнутый (идеи Платона, категории Гегеля), растворяется в мысли человека. В связи с погружением в протагоровскую реку становления, идеи теряют характер очерченных и монументальных форм. В [illegible] беге духа систематическая связь их утрачивается...

Философия Джентиле уничтожает все барьеры для свободного развертывания[illegible]. Есть много общего между итальянским идеалистом и Бергсоном. [illegible] «философ должен итти дальше ученого...» Не останавливаясь на [illegible] естествознания (sumbole imaginatif), философ должен увидеть, «как мир материальный растворяется в простой поток, в непрерывность течения, в становление» [1]).

---

[1]) Evolution créatrice, p. 398

Но есть и разница между французским мыслителем и гегельянствующим Джентиле. Актуальный идеализм отрицает всякую «непосредственность» и следовательно интуитивизм. В итальянской философии продолжает звучать лейтмотив «Разума». По крайней мере терминологически мысль играет у Джентиле наиболее властную роль: в ней совершается чистый акт.— «Становление,— пишет Джентиле,— есть категория универсальной реальности, но только в том случае, если эта реальность понимается как мысль» [1]).

Несмотря на это существенное различие, критика Плехановым Бергсона mutatis mutandis применима и к Джентиле. Трудно найти более яркий пример метаморфозы диалектики в эластичную, правда, но все же софистику. Так же как и Бергсон, Джентиле «великий мастер в обращении с мыслями». Категория становления используется им, однако, крайне односторонне: актуальный идеализм вовсе устраняет в потоке «тубытие», бытие наличное, ставшее, как результат становления [1]).

Джентиле отвергает, как мы уже сказали, субстанцию: она не совместима с принципом актуальности духа. Он даже не советует судить человека, раз совершившего какой-нибудь проступок. Осуждая его (говорит итальянский идеалист), вы тем самым упускаете из виду радикальную изменчивость, рассматриваете человека как природу, уже завершенную, а не как дух, движущийся и преодолевающий в акте все пройденные этапы... Все атрибуты, при помощи которых мы отличаем дух, приводят к невольной его субстанциализации — овеществлению, умерщвлению в нем подлинного стимула беспокойства жизни.

Но отрицание субстанциальности — об этом забывает Джентиле — превращает «дух» в аморфную массу.

III

Идеализм Джентиле потому и носит название актуального, что с большой силой подчеркивает активность человеческого духа.

По своему «содержанию» мотив активности итальянского идеализма вызван империалистическими тенденциями страны; по «теоретической форме» обусловлен традициями классического немецкого идеализма, в особенности Гегеля (ибо «действенная сторона» в противоположность старому материализму, хотя и абстрактно, развивалась идеализмом. Маркс, I тезис о Фейербаху).

Особенный интерес для нас, однако, представляет тот факт, что Джентиле, как и его сподвижник Кроче, не только отрицательно, но и положительно относились к марксизму. Про раннюю работу Джентиле La filosofia di Marx Ленин пишет, что она «достойна внимания»: «автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающего от внимания кантианцев, позитивистов и т. д.» [2]).

Кардинальную заслугу основоположника научного социализма актуальный идеалист видит в введении практики в понимание материи (экономической).

При помощи практики, пишет Джентиле, Маркс преодолевает старый созерцательный материализм. Материализм становится боевым, активным. Практика — чувственная деятельность человека — устанавливает конкретную связь между суб'ектом и об'ектом. Старые материалисты понимали их абстрактно, изолированно. Постоянный корень развития суб'екта-об'екта лежит теперь в деянии суб'екта, который, формируя предмет, тем самым формирует самого себя. С ростом, прогрессированием, модификацией об'екта ...

---

[1]) S. di Logica, I, p 60.
[2]) Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 2, стр. 40

телью изменяется и суб'ект. Действие (следствие) реагирует на причину, они меняются местами: отношение «переворачивается» (Sich umwälzende Praxis) Практика, имевшая принципом суб'ект и конечной целью (термином) об'ект, возвращается от об'екта (началю) к суб'екту (термину).

Вот в общей форме интерпретация Джентиле тезисов Маркса о Фейербахе. Общество, как органическое целое, является причиной и следствием творимых им условий. Суб'ект, практическая энергия Маркса,—говорит Джентиле,—есть тезис; обстоятельства, воспитание—суть антитезис; суб'ект, модифицированный обстоятельствами, воспитанием — синтез. Или (в иной формулировке): об'ект, производимый практикой, есть «спонтанная проекция», «самоотчуждение» суб'екта. Критика этого раздвоения, его восприятие, есть рост суб'екта. Практика действует, фиксируется в об'екте, входит в противоречие с ним; это противоречие, разрешаясь, дает синтез, порождающий новую, более богатую антитезу. Практика опосредствует индивидуума и общество; они первичны, как и она.— «Индивидуум, суб'ект практики образует общество, которое воздействует на индивидуум, делая его социальным» [1]).

Повторяем, истолкование Маркса у Джентиле заслуживает внимания. он превосходно полемизирует против Кроче, отрицающего за марксизмом всякое философское значение, и Сореля, видящего в историческом материализме лишь миф, систему взглядов, быть может, и неверных, но обладающих колоссальной взрывчатой силой...

Но Джентиле гегелианизирует Маркса. По словам итальянского философа, основоположник научного социализма сделал только простую перестановку терминов: абсолютный дух Гегеля заменяется у него материей. Правда, за этой материей сохраняются все признаки активности и энергии, все определения духа — диалектика.

И тем не менее, как странно звучит следующее истолкование Маркса у Джентиле: «Мысль реальна, полагая и поскольку полагает об'ект. Мысль есть и мыслит; или не мыслит и тогда она не мысль. Если мыслит, то созидает. Т.-е, реальность, об'ективность мысли есть одно из следствий ее собственной природы» [2]). В таком утверждении, конечно, нет и тени марксизма. Впрочем сам Джентиле здесь вынужден оговориться. Маркс-де понимает под мыслью «производную и акцидентальную форму чувственной деятельности»; мысль является «обычной сознательной формой первичной бессознательной энергии». Хотя формулировка эта и менее идеалистична, чем первая, ей далеко еще до подлинного материализма. Маркс никогда не стал бы утверждать: «действительность есть суб'ективная продукция человека»... его чувственной деятельности [3]). Джентиле совершенно искажает Маркса, когда навязывает ему признание «абсолютного равенства между мыслью и реальностью». Для Маркса, как и для Фейербаха, непреложной истиной является тезис, что существуют «чувственные, от предметов мысли действительно отличные, об'екты». Практика у Маркса, какое бы исключительное значение он ей ни придавал, не играет у него роли Демиурга, творческим актом созидающего вселенную. Человек, производя потребительную стоимость, лишь приспособляет вещество природы к человеческим потребностям, посредством изменения формы. Пусть в окружающих человека вещах, продуктах техники и находятся сгустки человеческой энергии, пусть возникает в сознании товаропроизводителей мираж фетишизма, когда отношения между людьми гипостазируются и принимают вид отношений предметных, пусть Маркс раскрыл этот фетишизм, подчеркнув роль предметного «самоотчуждения» социального

[1]) La filosofia di Marx, Studi critici, Pisa, 1899, p. 80.
[2]) Там же, p. 72.
[3]) Там же, p. 67—68

человека,— Маркс всегда был материалистом, и об'ективная диалектика имела у него примат над суб'ективной.

Основная ошибка Джентиле заключается в том, что он смешивает социальную материо-экономику (психологизируя ее в стиле Макса Адлера) с материей вообще, забывая или, лучше сказать, не понимая ее, как об'ективную реальность, существующую независимо от сознания, данную в ощущениях. Джентиле и не подозревает об универсальном значении материалистической диалектики, простирающейся и на общество, и на природу. Если Маркс и считал диалектику «за внутренний закон вещей, имманентный всей действительности», то вовсе не потому что реальный ее смысл обоснован в диалектике мысли или диалектике чувственной деятельности.

Произведя эту чудовищную подмену, Джентиле затем ловко вменяет Марксу ошибки своей собственной интерпретации.

Итальянский философ полагает, что материя отождествлялась Марксом с чувственной деятельностью человека. Поэтому Джентиле упрекает основателя научного социализма в непримиримом противоречии между формой (= praxis) и содержанием (= materia). Практика по своему существу диалектична—в ней заложен принцип саморазвития—материя же (для Джентиле, как для всякого идеалиста) косна и равна самой себе[1]).

Тенденция критики Маркса у Джентиле вполне понятна. Он видит в Марксе лишь испорченного Фейербахом гегельянца; будто бы великий революционер только на словах, а не на деле, допуская диалектику, был материалистом.

«Обработав» Маркса под гегельянца, Джентиле не был в состоянии дать правильное освещение материалистической диалектики: отсекая от нее материализм, он превращает диалектику Маркса в диалектику в духе Гегеля. После этого ему нетрудно указать на кричащие антиномии в учении Маркса. Исходным пунктом его исследования, пишет Джентиле, служит, апостериори, «экономический факт», но Маркс вкладывал в него априорный смысл. Этот априоризм был занесен в экономику через понятие практики, через ее диалектику. Но так как диалектика является необходимым ритмом «интимной сущности вещей», Марксу было возможно воспользоваться ею «как базой для априорного определения развития истории»...

Основная ошибка Маркса, по мнению Джентиле, смешение априорного и апостериорного. Маркс, беря практику в качестве «чувственной деятельности», был вправе допустить в историческом процессе лишь наличность фактов: последние же нельзя предвидеть, их можно установить лишь на основе опыта. Факты сами по себе, по своей логической природе, еще не дают возможности морфологического предсказания, предвидения.

Это рассуждение Джентиле кажется тем более странным, что он сам проводит весьма удачное разграничение между единичными конкретными фактами и фактами, рассматриваемыми с общей точки зрения, в том, что в них имеется «необходимого и существенного». «Вот это существенное,— говорит Джентиле,—будучи определено для прошлого, дает основу для определения будущих фактов и является как бы формой, в которую они при своем осуществлении должны одеться». Но кому же с большим правом, чем Марксу, следует приписать честь открытия общей закономерности в развитии социальных формаций? Кроме того, Джентиле напрасно говорит здесь о простой «научной констатации» закономерности, дающей основание для суб'ективной уверенности в реализации новой общественной формы (в последнем сомневался Кроче). Для осуществления возможностей социализма, скрытых в капитализме, нужна не констатация, по крайней мере не она одна,—требуется акт, героические революционные усилия.

Самое нелепое в истолковании Джентиле,— его склонность приписать

[1]) Там же, р. 155.

вать диалектическому методу (будто в понимании Маркса) чудодейственную роль в порождении исторических событий. Как бы ни велико было значение диалектической логики и в осознании общественных задач, и в их проведении в жизнь, диалектическое мышление не является вовсе primum mowens (перводвигателем) истории. Если несколько грубо, но верно выразить джентилевское истолкование Маркса, то выйдет: коммунизм необходим, потому что так «хочет» диалектика с ее вечным ритмом положения, отрицания и отрицания отрицания.

Вот два примера явного злоупотребления «диалектикой» у Джентиле. Итальянский философ говорит за Маркса, что Фейербах, выводя мир религиозный из мира светского и устанавливая их дуализм, забыл об единстве обоих миров, служащем пружиной диалектического развития. Противоречие между двумя мирами,—пишет Джентиле про критику Фейербаха Марксом,—«не простое и голое отрицание... а синтез обоих миров, т.-е. рефлексия религиозности в мир реальный и становление последнего мира, т.-е. делание его религиозным» [1]). Тут получается не ниспровержение основ религии через революционную практику, а ловкая «диалектическая» апология религии.

Еще более любопытны рассуждения Джентиле о классовой борьбе. Утверждая с большой силой, что противоположные части общества, классы, «порождены из самых недр общества, которое затем примирит их на той же основе, что их породило» — Джентиле в скрытой форме проводит идею бесконечности классовой борьбы...

Классовая борьба есть «аспект фундаментального факта — практики». Практика требует суб'екта и об'екта: отсюда противоречие и примирение, возвращающееся снова к противоречиям, возрастающим в силу роста суб'екта. Гармония — основание усиления раздора противостоящих сил. «Неутомимая практика,— восклицает Джентиле,— есть подлинная пружина этого опускания и под'ема истории по параболе ее развития...» У итальянского философа не указано нигде выхода к обществу бесклассовому, где антагонизмы уже прекращены (пусть в нем и останутся противоречия)... Все дело в том, что Джентиле постоянно о т р ы в а е т д и а л е к т и к у о т ж и в о й, к о н к р е т н о й д е й с т в и т е л ь н о с т и: под его руками она становится формальной и схоластической.

IV.

Джентиле действительно «отметил некоторые важные стороны материалистической диалектики». Гегель помог ему истолковать Маркса более глубоко, чем это было возможно для кантианцев, позитивистов. Но будучи идеалистом, Джентиле органически не был в состоянии понять сути марксизма. Вся активность замыкается у Джентиле в заколдованный круг самосознания. Не с «грубыми», реальными вещами имеет дело «практика» идеалиста, а скользит в призрачном акте духа.

Джентиле заставил Маркса (подделав его под идеалиста) провозгласить, что «чувственная деятельность» является единственным источником миротворчества. Но как быть все-таки с неоспоримым фактом, что вещи существуют независимо от человеческого сознания? Как разрешает актуальный идеализм старую и все же вечно волнующую философскую проблему отношения бытия к мышлению?

Где ниспровергающие об'ективную реальность аргументы Джентиле?

Джентиле одушевлен одним желанием: утвердить адиалектичность природы — «вырыть еще большую пропасть, которая бы отделила от духа эту реальность, не поддающуюся никакому диалектическому мышлению». Даже сама постановка проблемы диалектики природы, по его словам, нелепа. Но

[1]) Там же, р. 77.

почему же Джентиле мечтает уничтожить во что бы то ни стало независимую ему природу? Чтобы спасти «бесконечное единство духа в его актуальности».

Общей предпосылкой критики «абсурдности понятия природы» является тезис о невозможности мыслить реальность, отрешенную от духа. Признание об'ективного, независимого от мысли, бытия неминуемо повело бы к ограничению свободного творчества духа. «Мир материи,— милостиво соглашается Джентиле,— правда существует, но поскольку он дематериализуется мыслью и целиком разрешается в жизни духа».

Актуальный идеализм за своего водителя в лабиринте философских исканий берет... Беркли. Английский епископ, говорит Джентиле, впервые отчетливо выставил тезис: «реальность мыслима лишь в связи с мыслящей активностью, в силу которой она мыслится» [1]). Ошибка Беркли, по мнению Джентиле, заключается в том, что епископ не провел до конца своего «столь прекрасного» положения. Мысль человеческая, «творец реальности и сама реальность», у Беркли обусловлена мыслью бога.

Критика Беркли со стороны актуального идеализма сводится к двум пунктам: 1) Беркли недостаточно оценил мощь мыслящей мысли, чистого акта сознания и 2) был вынужден ввести понятие бога. Что же хвалит в английском епископе итальянский философ? Суб'ективный идеализм?

Но последуем за самим Джентиле. Он советует: «посмотреть на природу и на любой определенный предмет», как на «идеальный момент» внутренней диалектики духа [2]) .

Джентиле хочет показать, что положенное «*для суб'екта есть вместе с тем положенное суб'ектом*». Но где же доказательства?—Попробуйте,—пишет Джентиле,—очищать и отвлекать предмет от деятельности суб'екта, вы в конце концов натолкнетесь «на предел», за которым об'ект перестает быть «термином сознания».—«Отрешить об'ект от абсолютного отношения, в котором он связан с суб'ектом, означает—разрушить его в качестве об'екта как таковогo».

Здесь все кажется правильным. За исключением... очевидного petitio principii. Во-первых, ни один разумный человек не думает отрицать «всякую зависимость» предмета познания от познающего суб'екта. Во-вторых, кто сказал Джентиле, что вне соотношения суб'екта-об'екта в познании,— предмет исчезает. Актуальному идеалисту надо было показать, что термины возникают в процессе познания и что это отношение является единственно возможным.

Для непосредственного сознания (если даже брать за исходную точку рассуждения идеалистическую установку Джентиле)—очевидно, что оно в состоянии изменять уже данные ему извне об'екты, но никоим образом не создавать их из какого-то мысленного материала. Определенное сознание возникает лишь благодаря тому, что человек активно детерминирует уже данные ему, определенные в себе и находящиеся между собой в универсальной связи предметы... Пусть в процессе познания происходит постепенное отождествление суб'екта-об'екта (конкретное, включающее в себя и сохраняющее в себе различие). Предпосылкой этого процессуального тождества служит (вопреки Джентиле) не изначальное тождество об'екта-суб'екта внутри суб'екта,— а тот факт, что сам суб'ект лишь частица космоса.

«Реалистическое сознание» утверждает, что предметы еще потому не создаются им, что находятся вне его. Однако Джентиле (по его мнению) легко справляется с этим затруднением. «Сознание,— говорит он,— полагает себя как бесконечная сфера, радиус которой бесконечен: ибо, вопреки всем усилиям мыслить или воображать другие вещи и сознания по ту сторону [illegible],

---

[1]) T. g. d. Spirito come atto puro, p. 1.

[2]) Там же, p. 78

сознания, эти вещи внутри его, именно в силу того, что они положены нами, пусть будучи даже внешними по отношению к нам». «Это вне всегда внутри»[1].

Аргументация банальная! Коротко ее можно сформулировать так.— Пусть предмет утверждается вне мысли (и даже независимо от нее). Но кто же устанавливает это вне и эту независимость? — Внебытие об'екта по отношению к мысли ведь есть некоторое отношение мысли. Все, что выносится за пределы сознания (исключается из его сферы), именно поэтому и связывается с мыслью, ибо акт исключения, «положение вне сознания»—есть акт сознания. Ибо даже о незнании вещей мы судим лишь, поскольку о них нечто знаем, по крайней мере то, что мы их не знаем. Так празднует свой триумф идеализм!

Но почему, спрашиваем мы, сознание вынуждено помещать об'ект вне суб'екта? Отчего воздушные замки так и остаются предметами не менее воздушных грез, а не существуют реально? В независимом для себя бытии предметов мое сознание убеждено, по крайней мере, столь же твердо, как и в том, что отношение познания кроме об'екта требует и другого члена корреляции— суб'екта. Чудовищным кажется нам представление, что мир—«красочный отблеск мысли». Она уверена, что вещи никогда нельзя до конца растворить в суб'екте.

Основная ошибка Джентиле в том, что он отправляется от суб'екта, а не от об'екта. Как учил Ленин, идеалистическая теория суб'екта-об'екта разбивается о простой факт, устанавливаемый наукой: мир существовал еще до сознания. Но для Джентиле этот довод не является решающим: наука для него не авторитет. А основания?—«Логически необходимая тенденция науки всех времен к механизму и материализму»[2]. Этим сказано все!..

V.

Предположим, однако, что Джентиле удалось убедить нас в тезисе абсолютной имманентности. Тогда философ походил бы на «сумасшедшее фортепиано, вообразившее, что вне его звуков ничего более не существует». Само собой разумеется, Джентиле всячески отнекивается от солипсизма.

Актуальный идеализм требует «реформы» понятия суб'екта.

Нужно всеми средствами как-то так раздуть понятие суб'екта, чтобы оно без труда поглотило бытие. Следует допустить, что под актом мысли понимается не акт «эмпирического» индивида, а Я трансцендентального... На выручку Беркли приходит Кант. «Нет никакого сомнения,— пишет в своей «Логике» Джентиле,—что человек как частный индивид и как совокупность индивидов — не может содержать истину. Человек (эмпирический) как суб'ект не есть даже ничтожная часть высокого и подлинного суб'екта. А новый суб'ект есть весь опыт, как самоконституирование суб'екта»[3]. Но, в отличие от Канта, трансцендентальная активность опыта, по Джентиле (вслед за Фихте), должна порождать не только его форму, но и материал.

Какое же основание для этой неожиданной перемены декорации?

Джентиле утверждает, что акт духовного отношения двух людей предполагает и ведет за собой их абсолютную интимную слиянность. Все то, что не вобрано нами от другого существа в наше сознание и является ему чуж-

---

[1] Там же, p. 27.
[2] Там же, p. 197.
[3] S. di Logica. I, p. 125

дым,—это не дух, а природа, материя. Недаром Джентиле написал «Фило-логию любви»! Индивидуальные сознания должны расплавиться в одном со-знании — универсальном. Но универсальное сознание существует лишь ин-видузируясь в отдельных человеческих сознаниях.

Диалектика общего и частного у Джентиле переходит в софистику. Пе-ред нами яркий пример подтверждения слов Ленина. «Всесторонняя, уни-сальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противопо-ностей,—вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно, = экле-ке, софистике»! [1]). У Джентиле есть все: он и эклектик и софист. Актуал-идеализм — парадоксальное сочетание Протагора с канти-фихтеанизиро-ным Беркли... И вся эта каша выражена в гегелевской терминологии.—За-метив, что иное не может быть оторвано от другого иного, Джентиле за-весной игрой забывает, что диалектика «должна применяться об'екти-он забывает, что отождествление (пусть архидуховное) производимое в с-знании не стирает граней суб'екта и об'екта. Наличность индивидуал-центров барьеров сознания — факт, неустранимый никакими гносеоло-любви.

Но как ближе понять трансцендентальное Я? Его акт есть процесс те-гонический и космогонический [2]). «Новая точка зрения, на которую на-стать,— актуальность Я, точка зрения, в силу которой нельзя постиг-никогда Я, как об'екта самого себя».

Всякая попытка об'ективировать Я, по словам Джентиле, обречена на неудачу, ибо всегда остается во вне то, что мы хотели бы удержать. Я эм-пирическое, констатируемое в непосредственном переживании, оказыва-об'ектом и не может претендовать на роль Я трансцендентального.

Если Джентиле утверждал ранее тождество обоих Я, то здесь они ра-отличаются. Но в связи с этим трудности колоссально возрастают. Перед на-апория, намеченная уже в паралогизмах Канта [3]). Я, как логический суб'е-именно в силу этого обстоятельства, не может быть осознано, хотя вс-познание его предполагает... Но тогда, каким чудом мы будем в состоя-установить бытие трансцендентального Я? Основной принцип всей фил-фии Джентиле превращается в абсолютную непознаваемость. Впрочем, н-утверждать и его непознаваемость... Ибо, указывая на его постоянное ус-зание, мы тем самым как-то его постигаем (в качестве ускользающего), об'ектируем. Загадка неразрешимая!

Но здесь на помощь Джентиле-агностику приходит Джентиле-мистик. Как обрести центральную точку всего? Для этого,—пишет ита-янский идеалист,— «достаточно лишь одного момента наивного возвр-сознания к ясной проницательности истины»... «Необходимо вступить в м-активный, из которого мы никогда не выходим, в то время, как солнце за-тывается, воды вливаются в море, и ветер налетает на рощу и шелестит-вями... Мы чувствуем внутри нас широкое дыхание этого бесконечного м-в котором все связывается и единится с нами»...

По Джентиле, всякое множество относится к единству. Но почему ряду с множеством вещей возникает и множество индивидуальных со-сознания? Актуальный идеализм выставляет тезис, что понятие о ли-вытекает не из чисто-теоретического опыта, а из требования этики. И

---

[1]) Ленинский сборник, IX. стр. 70.
[2]) La riforma della dialettica hegeliana, p. 7.
[3]) Kritik der reinen Vernunft, ed. Kehrbach, S. 34—5.

...населяется духами!.. Дух,—говорит Джентиле,—нельзя постигнуть в его ...боде, в его ценности, без рассмотрения его как бы в зеркальном отражении других [1]).

Однако это мистическое превращение единства во множество непо...ло. Уничтожаясь в Я трансцендентальном, эмпирические сознания не ...ут из него проистекать. Вне их живого и самосознательного фокуса — ...сцендентального Я — они теряют всякое значение. А трансценденталь... дух,—как сказал уже Джентиле,—неделим и бесконечен. Не помогает ...ь и мнимая диалектика конкретного Я, полагающего свои различия.

«Я,—говорит Джентиле,—как суб'ект чистого абстрактного познания ...ается в не-Я: но в качестве свободы, нуждается в другом Я». — Пре...о! Но следует помнить то, что Гейне говорит о пороке: добродетельным ...т быть каждый для себя, для порока необходимо всегда два суб'екта. ...кой свободе говорит Джентиле? О свободе Я эмпирического? Но оно ...дно и не нуждается в «дедукции» из лона абсолюта. Помимо этого, эмпи...ские Я — об'екты в мире природы, а в природе царствует необходимость. ...ободе Я трансцендентального? Но эта свобода не имеет ничего общего ...рок земным. Оно довлеет к самому себе. Зачем ему другие духи?

VI.

Но Джентиле этого мало! Он хочет совершить еще один сверх-героиче... подвиг. Актуальный идеализм выступает в роли древнего Сатурна, по...ющего своих детей. Неумолимая логика (а Джентиле нельзя отказать ...образной, идущей на пролом — вплоть до абсурда, последовательности) ...ляет его снять также и в р е м я.

«Все бесконечные элементы,— говорит Джентиле,— в которых размно...тся передо мной мир, все бесконечные моменты времени — во мне, в силу ...го деяния». «Мы не находимся в пространстве и во времени, скорей наобо..., все, что развертывается в сосуществовании и следует одно за другим, ...ь в нас» [2]). Разумеется здесь под «мы» следует мыслить Я трансценден...ное.

Что же далее? По обычному методу, трансцендентальное Я снова пере...ется в эмпирическое сознание. Т в о р ц о м и с т о р и и о к а з ы...ется н е к т о и н о й... к а к и с т о р и к!—«Исторический процесс,— ...рит Джентиле,— нельзя представлять в виде пространственно-временного ..., как линию»... «Прогресс состоит скорее в интуиции линии: интуиции, ...струирующей самое линию»... «Процесс относится к суб'екту: ибо об'ект ... во себе только статичен: и об'екту процесс приписывается правильно, ... поскольку он действенно разрешается в жизни суб'екта» [3]).

С другой стороны, и суб'ект не развертывается, сначала осуществляя ... ступень самого себя, а затем, двигаясь к реализации следующей сту.... Грань, пройденная в прошлом, не является уже более актом fieri (дела... и поэтому выпадает из сферы духа. Всю динамику духа образно можно ...бы представить в виде кричащего парадокса.—Дух восходит по несуще...ей лестнице. Это восхождение означает вместе с тем и нисхождение, ..., вернее, здесь вообще никакого восхождения нет. Дух подбирает за собой, ...ает, на более высокой ступени все предшествующие ступени, хотя они ...му не предшествовали и после них ничего нет.

Абсолютная инакость (alterità) прошлого, его косная неподвижность ...деляется в акте жизни настоящего. «Сопоставление,— говорит Джен...е,—которое мы производим между актом настоящим и прошлым фактом

[1]) T. g. d. Spirito come atto puro, p. 37.

[2]) T. g. d. Spirito come atto puro, p. 107.

[3]) Там же, p. 179.

нашей духовной жизни... это сопоставление... относится собственно к дв... реальностям нашей жизни, к одному эмпирическому представлению и к д... гому, вместе в равной мере присутствующим в качестве актуальностей Я, с... сопоставляющего и о них судящего» [1]).

Опять софистика! Исторический факт,— говорит Джентиле,— есть д... ствительно прошедшее событие, но суждение о нем обретает смысл, когда... берут не в качестве оценки события, уже завершенного, но как созн... как личность историка, которому присуще представление историческ... факта!.. Джентиле, конечно, прав, утверждая, что осознание любого фак... развертывается в акте мысли: этот акт имеет место лишь в настоящ... время. Спрашивается однако, следует ли различать представление о прош... от самого прошлого? Перестает ли прошлое, будучи установленным, се... быть от этого прошлым? Неужели оно делается прошлым лишь в силу «со... ставления в акте мысли» двух эмпирических представлений? Можно со... ситься с актуальным идеализмом, что прошлое не умирает бесследно: наст... щее, чреватое будущим, таит в себе в снятом виде огненный след, начерч... ный минувшим. Но при всем том было бы нелепостью утверждать (как ... критикует актуальный идеализм Кроче), что исторический факт «вполне с... падает с рядом образов, которые от него даны в различное время, незав... историками или нет, людьми разумными или идиотами». Характеризуя с... стему Джентиле: «мысль есть акт, все есть акт и ничего нет кроме акт...» Кроче называет его доктрину «кораблекрушением всякой философии». И д... ствительно, не предполагает ли производимое историком размещение собы... в рамках времени, что события эти уже протекли так или иначе, в об'ект... ном, независимом от сознания исследователя, хронологическом порядке?

Итальянские гегельянцы правы, требуя живой заинтересованности ист... рика в восстанавливаемом им в историографии историческом факте. «Ист... рия—говорит один из крупных наших марксистов,—есть политика, опр... кинутая в прошлое». Проблемы, волновавшие наших предков, заново ... выплывают на арену, становятся злободневными. Было бы недостатком чут... сти ученого не обратить на них свой взор... Но черточка истины, подхвач... ная идеализмом, будучи понята односторонне, гипертрофически, стано... ложью...

Джентиле ненавидит прошлое и то, что проходит. Но всякое наст... щее обречено беспрестанно утекать в прошлое: так возникает «вечное ... вещей».

Дух, для Джентиле, есть само себя пожирающее пламя: чистый ак... превращающийся в факт. Прошлое — окаменевшее настоящее. Лишь дух н... устанно движется, а природа, мир, не-Я, прошлое, сами по себе мертвы, н... способны к развитию, к самодвижению.

Но Джентиле, так неприязненно относясь к минувшему,— ведь са... боги не в силах его вернуть,—преклоняется перед будущим. Недаром ... чигвера называет его «теологом футуризма». В царстве еще не бывших с... бытий Джентиле легко развернуть крылья своего лихорадочного дви... жения.

Будущего нет! «Дело обстоит не так,— пишет Джентиле,— что ... рассматриваемый в его суб'ективности, находится в будущем скорее, ч... в прошлом. В будущем, не сущем, он не может быть. Но как раз это и со... ляет его бытие. Его небытие есть то, что будет: актуальность этого небыт... Он — потребность и желание бытия. Порыв к бытию. По отношению к н... как оно видится и имеется, все существующее—ничто» [2]).

Будущее—вот, на первый взгляд, подлинная стихия актуального и... лизма. Небытие будущего есть подлинное бытие человека.

---

[1]) T. g. d. Spirito come atto puro, p. 111.

[2]) S. d. Logica, II, p. 53.

Но будущего все же еще нет. Оно лишь таится в настоящем, предвосхищается нетерпеливой мечтой. В будущем,—говорит Джентиле,—человек находится не более, чем в прошлом. В подвижной грани «теперь»—между двумя небытиями раньше и после—концентрируется все.

«Если идеализм,—пишет Антонио Алиотта,—хочет быть последовательной философией, он ничего не должен допускать вне актуального момента сознания: любой другой момент, существование которого мыслилось бы вне этого бега настоящего, был бы реальностью вне сознания: так вернулись бы мы к старому реализму» [1]).

Однако вселенная, втиснутая в мелькающее мгновение, при более внимательном рассмотрении есть в сущности—ничто. Возникновение «теперь» равно его исчезанию. Вспышка—угасанию! «Теперь», в качестве границы между прошедшим и будущим, при своем осуществлении переходит через самого себя.

Нет сомнения, что трудности, связанные с проблемой времени, огромны. Но также верно, что их разрешение н е л е ж и т по пути идеализма... «Обе формы существования материи (пространство и время),—говорит Энгельс,—без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракции, существующие только в нашей голове» [2]).

Все чудовищные фокусы Джентиле связаны с его идеалистической позицией. Так как актуальный идеализм склонен рассматривать прошедшее и будущее вне реального потока становящейся материи, он превращает их в фикции...

Н а с т о я щ е е Джентиле е с т ь в е ч н о с т ь. В ней все соприсутствует. Настоящее,—пишет Джентиле,—есть—«отрицание всякого временного множества и всякой последовательности» [3]).

Иначе и быть не может при предпосылках актуального идеализма. «Ибо диалектизм, присущий акту, в котором состоит Я, не имеет ни раньше, ни после и властвует в вечности, над потоком вещей, находящихся во времени» [4]).

По Джентиле окружающий нас мир, природа, окаменевает именно в силу исключения ее из акта мысли. Теперь сцена меняется! Вселенная становится неподвижной, будучи перенесена из низин эмпирического сознания в леденящие высоты философской мысли. Вверху и внизу—в обоих планах сознания—мы наталкиваемся на а б с о л ю т н о е о т р и ц а н и е д и н а м и к и.

Но не хочет ли Джентиле из этих двух неподвижностей построить движение? Диалектика не присуща множеству вещей, взятых в отрыве от единства трансцендентального Я. Однако, и трансцендентальный дух реализуется лишь во множестве. Его вечность переливается во времени. Время есть вечность, а вечность—время. Единое существует во многом, а многое оживает в диалектической игре единого.

Но лишь на мгновение актуальный идеализм сближает время и вечность. И тотчас же вырывает между ними глубочайшую пропасть. «Временное,—говорит Джентиле,—предполагает как свой принцип вечное: было бы нелепостью принижать вечное к условию временного. Нет! Истина вечна, ибо она атрибут Я—акта, от которого зависят все факты»... [5]).

---

[1]) Gli eterni problemi e la crisi dell'idealismo italiano, 1914, pp. 16—17.
[2]) Архив Маркса и Энгельса, II, стр. 157.
[3]) T. g. d. Spirito come atto puro, pp. 178—9.
[4]) S. di Logica, II, p. 72.
[5]) S. di Logica, II, p. 72.

До сих пор думалось, что у Джентиле движется лишь дух, не дух инди[illegible] видуальный, а универсальный в вечном ритме порождения и снятия множест[illegible] вещей. Сами по себе элементы множества, абстрактно—различенные, не ра[illegible] виваются; развертывается лишь единство, в них реализующееся. Но оказ[illegible] вается, что движение вещей, мир—лишь гигантская иллюзия. Спрашивается, кто же создал этот грандиозный обман, и если динамика вещей лишь [illegible] зорна, что является подлинной правдой? Быть может, покой? Но в таком [illegible] осуществление единства во множестве должно быть понято не как акт, а [illegible] чистая статика, или, лучше сказать, как сплошная бессмыслица.

Джентиле уверяет, что становление относится лишь к единству, [illegible] рое принципиально лежит вне множества. Но как может д[illegible] гаться сам по себе чистый акт, остается загадкой. Ведь развитие требует [illegible] ряду с категорией акта и категории потенции: Джентиле упрекает Ари[illegible] теля за его actus purus (чистый акт)—в нем в завершенном виде [illegible] Однако и в чистом акте итальянского идеализма все возможности уже [illegible] вращены в действительность. Первый акт есть вместе с тем и акт последний.

- Актуальный идеализм не в состоянии не только понять движение объек[illegible] тивного мира реальных вещей (то, что дает диалектический материализм), но и любую диалектику. Ибо Джентиле, как мы уже видели, отрезывает [illegible] путь от диалектики в стиле «общения» идей Платона и категорий Гегеля. «Всякая идея,—пишет он,—истинна лишь в меру своей реализации в [illegible] кретном Я» [1]). Но недаром один из итальянских исследователей назвал [illegible] самосознание никого и ничего «дыханием в безвоздушном пространстве».

Трансцендентальное Я—акт, застывший в вечно[illegible] мгновении—вот парадоксальный результат диалектики Джентиле. [illegible] движение, но совершенно немыслимое при предпосылках актуального [illegible] лизма, развитие, лишенное всякой направленности, энергия, развертыв[illegible] щаяся в пустоте.

Но Джентиле можно показать, что «динамика» Протагора ([illegible] софист—учитель актуального идеализма), движение без носителя [illegible] по существу равняется нигилизму Горгия.

Этот нигилизм отличается, однако, от нигилизма мелкобуржуазного [illegible] стиле Бруно Бауэра. Джентиле, как идеолог империализма, ставит [illegible] построить философию положительную. В его доктрине упорно и ярко [illegible] мотив активности, чувствуется воля к власти, признающая реальным [illegible] то, что служит для ее самоутверждения. Все достигнутое—лишь [illegible] к новым завоеваниям. Вот почему актуальный идеализм не преклоняется [illegible] ред прошлым и зовет к преодолению беспринципного историзма. Про[illegible] должно быть опознано и через это опознание изменяется. Оно [illegible] настоящее в качестве обогащающего его момента культурной традиции: [illegible] ориентация в будущее. Хотя Джентиле и учит о головокружительном [illegible] становления, он старается придать ему некоторую опору в вечности, [illegible] со временем. Не к пассивному и равнодушному созерцанию призывает [illegible] альный идеализм. Природа—вечное отчуждение духа и вечный материал [illegible] триумфа.

Всем этим хочет быть философия Джиованни Джентиле. И субъек[illegible] в сознании ее автора, она есть наиболее позитивная доктрина.

Но, продуманная до конца, она превращается в свою противоположность. Актуальный идеализм кишит раз'едающими противоречиями. Тенденции [illegible] об'ективно разрушительны и нигилистичны. Его «да» фактически [illegible] голому «нет»! Активность! Но активность, сама себе воздвигающая [illegible] ствия, лишается серьезности. Как и в принципе иронии Фридриха Ш[illegible] Я творит миры, чтобы с насмешкой над их иллюзорностью над [illegible]

[1]) S. di Logica, II, p. 153.

ситься. Я борется со своей тенью не-Я. Суб'ект, сначала полагая об'ект, вытаскивает самого себя из себя, как барон Мюльгаузен, вытягивающий свое тело за косичку из болота. Прошлого нет, оно момент в акте настоящего. Но так как Джентиле отвергает об'ективное время, прошлое врывается из гробницы, и замогильный его голос принимается за бодрый клич к неизведанному будущему. Все движется, но движение во времени, беспокойный прибой его волн,—лишь иллюзорная рябь над спящей бездной вечности. Единое трансцендентальное Я, отрываясь от элементов множества, вопреки всем усилиям Джентиле, перестает быть имманентным сознанию. Творчество чистого акта имеет чудовищный темп... бега на месте. Задача об'яснить «сверхразумное как разумное» не разрешается. Наоборот разум начинает говорить заумным языком. Универсальное Я—мистерия. Природа! Но зачем ее изучать. Ведь наука склонна к материализму. Лучше уйти в самого себя и остаться наедине со своей тайной.

Джентиле похож на человека, об'ятого манией величия. Он протягивает руку, чтобы зажать в кулаке вселенную. Вселенная остается, однако, на месте, рука бессильно виснет в воздухе, а в кулаке пустота. Лишь в грезах завоевываются сокровища мира. Ну, что же, утешает себя Джентиле. Все дело в fieri, а не в factum. Так должно продолжаться вечно!..

VII.

Есть некая логика в переходе либерала Джентиле в лагерь фашизма. Его философия, при всем ее декадансе, весьма пришлась ко двору Муссолини. Новые произведения Джентиле «Фашизм и Культура», «Мысль XIX века», «Истоки и доктрина фашизма»—проливают неожиданный свет на судьбы неогегельянства в Италии. Теперь ярко вырисовывается социально-политический смысл последнего слова философского иррационализма. С другой стороны, поскольку Джентиле являлся министром народного просвещения, вопреки всей его блестящей риторике и эластичной софистике, или, скорее благодаря им, рельефно проступает все культурное ничтожество фашизма.

Мы сказали, что мелкобуржуазный нигилизм Джентиле сочетается у него с нотками империализма. Задача итальянского философа в настоящее время заключается в приспособлении своего учения к требованиям партии. Ему не надо было создавать нового credo, можно сказать наоборот, что в фашизме Джентиле нашел самого себя. Новая Италия является как бы осуществлением запросов философа к исторической действительности. В сфере умозрения Джентиле преломляются и потенцируются в прихотливой форме зигзаги развития определенной общественной группы, отражаются ее интересы. Какого же именно класса?—Нам хотелось бы ответить—**мелкой буржуазии**, вернее мелкобуржуазной интеллигенции, втянутой в орбиту фашизма.

Фашизм любил себя рекламировать как антитезу и радикальное отрицание максималистского социализма. Фашизм по существу является контрреволюцией крупной буржуазии против революции красной (или по крайней мере, против нависшей над Италией угрозой ее); мелкая буржуазия фактически лишь была исполнительницей воли капитала.

Мелкая буржуазия перед войной начала испытывать вкус к политике. Не лишенный проницательности либерал Миссироли констатирует значительное ее оживление. Старые, командующие слои на политической почве, — говорит он, — готовы были смениться слоями новыми, новой широкой мелкой буржуазией, следовавшей за вождями социалистической партии, составлявшими основное ядро социалистических сил, но не взявшими от социализма ни его души, ни его понимания [1]).

[1]) Il faschismo e la crisi italiana. 1921 в «Il faschismo e i partiti policici italiani». B. d. Studi sociali, diritta dal Mondolfo.

Какова была идеология этих слоев? Средние слои в Италии имели традицию идеализма, они чувствовали себя наследниками национального Рисорджименто. В период войны их одушевлял патриотический дурман: к ним ... была привита романтика демократии.

Как две души, символизируемые именами Мадзини и Джиолитти,—говорит Джентиле,—были в груди Италии перед войной. Интервенисты и нейтралисты, сторонники войны и ее противники, с четкостью представляли эту антитезу.

Обычная пышная риторика Джентиле под блеском и фанфарой слов скрывает вещи весьма прозаические. В войну, — говорит он, — вступить было необходимо, чтобы «цементировать в крови нацию»... «чтобы создать из нее нацию подлинную, реальную, способную двигаться, желать и приобрести себе цену и вес в мире»... «Италия должна была перестать жить в тени великих народов, творцов истории» [1]).

В качестве идеалиста Джентиле полагает, что войну вызвали не столько политические, военные, экономические причины—они у него только «второстепенные обстоятельства и условия» [2]), а психологическая мотивизация (для нас являющаяся отражением первых). В них наоборот он видит самое существенное.

Вообще у Джентиле весь исторический процесс сводится к причудливой смене настроений, охватывающей при этом не всю массу народа, а «руководящее его меньшинство», т.-е. различные слои буржуазии. Он стоит на давно преодоленной марксизмом точке зрения, признавая «идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил». Колебания в идеологии правящих классов Италии у него ничем не обоснованы и потому история превращается для него в ряд несвязанных между собой эпизодов.

Послевоенный кризис изображается итальянским философом как торжество духа Джиолитти над духом Мадзини. Победа превращается в поражение. Буржуазная Италия находится на краю бездны.

Надвигался грозный и страшный для буржуазии призрак—большевизм. В 1920 г. революционная волна перехлестывала, фабрики в Милане были захвачены рабочими. Правда, благодаря предательству лидеров реформизма, усердно занимавшихся разрушением веры в русский «миф» и сговорившихся с правительством Джиолитти—революционный порыв не увенчался успехом. Когда массы пролетариата были уже в значительной степени «демобилизованы» от революции, и их охватило безмерное разочарование, усталость, тогда на сцену появляется «спаситель родины от революции»,—Муссолини.

Джентиле пытается наметить доктрину фашизма. Насколько это возможно относительно партии, по существу лишенной программы?

Сам дуче в Popolo d'Italia, 23 марта 1921 года, подводит такие «обоснования» под невозможность сформулировать программу фашизма.

«Фашизм есть великая мобилизация материальных и моральных сил».

«Мы не верим в догматические программы на подобие твердых рамок, в которые надо было втиснуть и принести в жертву изменчивую, ... вую и сложную реальность».

«Мы можем позволить себе роскошь допустить, примирить и превзойти в нас антитезы, отупляющие других, закостеневших в односложности утверждения или отрицания. Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и рево...

[1]) Le origini e dottrina del faschismo, p. 7.
[2]) Там же, р. 6.

ционерами, признающими законы и их отрицающими,—в зависимости от обстоятельства, времени, места и среды: одним словом истории, в которой принуждены жить и действовать».

«Фашизм не есть партия и движение. Он не имеет дела с программой, подлежащей осуществлению в 2.000 году, по тому простому основанию, что фашизм изо дня в день строит здание своей воли и своей страсти».

В указанных словах Муссолини, этого «непревзойденного рекордсмена» по смене вех и крупности политических переворотов, возвещается принципиальный отказ от программы. Слова, пронизанные релятивизмом в стиле софистики Бергсона, переходящие в эклектику! Джулио Романо пишет, что партия, не имеющая программы, тем не менее не бредет без руля и без ветрил. На известный отрезок времени Великий совет фашистской партии или сам дуче об'являет программу ближайших действий. «Такое положение,— говорит Романо,—представляет то незаменимое удобство, что партийная программа, в соответствии с обстоятельствами может радикально поворачиваться то в правую, то в левую сторону, не наталкиваясь ни на какое идейное сопротивление, не вызывая внутрипартийных кризисов» [1]). О гибкости фашизма говорит и Джентиле: «Он (фашизм) часто провозглашал реформы, возвещение которых было политически выгодным, но исполнять которые он в силу этого не считал себя обязанным» [2]).

Вся новейшая «философия» Джентиле направлена на оправдание этой вопиющей беспринципности. Бросается в глаза общее для всех фашистских писак обожествление Муссолини. Джентиле всюду говорит о «Человеке» (с прописной буквы) героического закала. Вместо указаний на определенную программу, актуальный идеализм ссылается на «таинственный процесс», который будто бы совершается в голове дуче: вождь чувствует провиденциальный характер своих действий: им управляют воля и разум, более высокие, чем интерес суб'ективный и частный. «Он идет вперед,—с пафосом восклицает Джентиле,—уверенно, окруженный ореолом мифа, как человек, отмеченный богом, неутомимый, непогрешимый, орудие провидения для создания новой цивилизации» [3]).

Вполне естественно поэтому, что Джентиле характеризует фашизм прежде всего негативными признаками. С какими врагами Муссолини вел и ведет войну? Фашистскому философу очень не нравится социализм (в особенности радикальный, «гуманитарный», интернациональный): он базируется, по выражению Джентиле, на «абстрактной борьбе» классов, а не на «конкретном сотрудничестве граждан». Возмущают Джентиле и «демагоги»—демократы и социалисты, «подстрекающие нездоровые страсти народа». Порицая «народную партию», пополяри—это «чудовищное смешение псевдокатолического модернизма и социализма», Джентиле непрочь использовать ее реакционную сторону, именно католицизм, «требующий самопожертвования частных лиц».

Есть странное родство между фашизмом и философией Джентиле. Его мистика, как и бронированный кулак фашизма не могут уложиться в ясные и четкие формулы. Фашизм,—повторяет вслед за вождем итальянский философ,—не катехизис, а ориентация, стиль, доктрина в движении: она образуется и развивается, не замыкаясь в формулы системы... «Фашистская мысль,—говорит Джентиле,—зреет в голове вождей и вождя—мысль всегда [illegible] и всегда последовательная, неожиданная и логичная, чудесная и вместе

---

[1]) Op. cit., стр. 14—15.

[2]) Le origini e dottrina del faschismo, p. 37.

[3]) Le origini e dottrina del faschismo, p. 54.

с тем простая и естественная. Фашизм—не идеология, не программа. С[illegible] фашизм означает делю» [1]).

Фашизм теоретически бесплоден. Все его усилия направлены к [illegible]нию мощной боевой организации капитала. Целей прогрессивных он [illegible] ставит. Развертывается лихорадочная энергия, но преобладают стре[illegible] разрушительные.

Чем же вызывается теоретическая импотентность фашизма? [illegible] проводником интересов крупной индустрии, он должен—для обеспечения [illegible] широкой базы для своей диктатуры—прикрывать свою сущность [illegible]ческими лозунгами. Бедность же теоретической установки фашизм [illegible] скрыть громкими фразами, что его «философия»—«философия практ[illegible] Для этого кунстштюка действительно трудно найти большего мастера, [illegible] Джентиле. Хотя фашистское учение, пишет он,—и есть учение полити[illegible] фашизм придает своим утверждениям «философский смысл и универса[illegible] значение» [2]).

Что же является ядром доктрины фашизма?

Этим принципом, «содержанием» фашистского учения является гос[illegible]дарство, как воплощение нации.

Джентиле полагает, что сущность фашистского государства [illegible] полемике против социалистов и либералов. Если взять его со стороны [illegible]тивной характеристики, то государство предстанет как «этичес[illegible] организм». Государство, пишет итальянский философ, есть «реаль[illegible] духовная и потому универсальная» [3]), отсюда вытекает «авторитаризм» [illegible]шистского государства. Джентиле не скупится на краски, чтобы подчерк[illegible] всю силу этого принципа. Авторитет государства не делит сферы [illegible] влияния с другими принципами, моральным и религиозным. Его власть [illegible]три сознания», «безусловна, бесконечна».

Для чего фашизму понадобилось вытаскивать из пыли старый ром[illegible]ческий хлам, государство Гегеля и Трейчке? В своей речи Муссолини [illegible]ждал также, что центральной идеей фашистского движения является госу[illegible]ство.—«Наша формула: все в государстве, ничто вне государства, ничто [illegible]тив государства». Для империалистических тенденций фашизма необ[illegible] «сотрудничество классов». Разумеется эта «гармония» внутри страны [illegible] осуществляться под эгидой капитализма, ибо, по словам Муссолини, [illegible]тализм не только не находится в упадке, но даже еще не имел своей [illegible] Дуче любит рассыпаться в похвалах современным капиталистам, «[illegible] индустрии, очень крупным организаторам».

Идея нации по существу заимствована фашизмом у партии [illegible]стов, с которыми впоследствии он слился. Но, разумеется, фашизм стре[illegible] быть оригинальным. То новое, с чем носятся фашисты, в понимании госу[illegible]ства, это—построение государства кооперативного. «Нация,—пишет Дж[illegible]тиле,—есть результат гармонического комплекса синдикатов» (профсоюз[illegible] Итальянский философ не может при этом упустить благоприятного [illegible] чтобы не сесть на своего излюбленного конька—«имманентность».—Го[illegible]дарство кооперативное, говорит он, стремится приблизиться к [illegible]

---

[1]) Faschismo e cultura, p. 178.

При характеристике идеологии фашизма никогда не следует упуск[illegible] виду, что те или иные черты (напр., идея корпоративного государства [illegible] Италия») разбойничьего режима, выдвигаемые самими фашистами еще [illegible]вляют сущность фашизма. «Это скорее идеологическое облачение,—говорит [illegible]нуильский на XI пленуме ИККИ,—свидетельствующее о неспособности [illegible] классов в эпоху общего кризиса капитализма дать новую руководящую [illegible] апеллирующее поэтому к прошлому, подобно тому, как и русский царизм [illegible] своего издыхания апеллировал к временам Минина и Пожарского [illegible] [illegible]ты».

[2]) Le origini e dottrina del faschismo, p. 57.

[3]) Там же, p. 58.

государство в индивидууме. Государство внутри нас самих. «Развивается индивидуум, развивается и государство. Консолидируется характер единичного и внутри его консолидируется структура, сила и действенность государства» [1].

Что представляет из себя фашистский синдикат?

Идейка синдикализма заимствована фашизмом у анархо-синдикалиста Сореля, но в то время как Сорель считал основной задачей профсоюза классовую борьбу, у фашистов профсоюз преследует прежде всего «солидарность» классов. Получается нечто вроде модернизированного Сен-Симона, смешивавшего в своем «Катехизисе индустриала» промышленника с рабочим. Суть дела расхождения с Сорелем недурно выясняет Муссолини.—«Глупо утверждать,—пишет он,—сходство синдикализма фашистского с красным. В действительности они разделены бездной... Классовая борьба для социалистов—правило, для нас—исключение. Фашистский синдикализм не катастрофичен»...

Но никакими заклинаниями фашизму не удастся устранить классовую борьбу. Она — реальность, против которой не помогут благие намерения. Нация, в которой противоречия между капиталом и трудом порождаются самим ходом капиталистического производства, и тем не менее конституирующееся как государство гармоничное—есть фикция. Его следует искать не на земле, а на небе фантазии. Это должен признать и сам Джентиле. Однако для него выгодно строить bonne mine au mauvais jeu. Фашизм по своей сущности,—говорит он,—идеалистичен. Им прославляются ценности идеальные (семейство, родина, цивилизация, человеческий дух), «превосходящие всякие случайные ценности».

Прекрасной иллюстрацией к этим словам служит речь Джентиле к рабочим по поводу открытия Scuola di cultura sociale. Фашистский министр вынужден признать, что труд есть производитель ценности, но производимые им блага являются лишь относительными. Выше их ряд ценностей, «соответствующих имманентным целям нашей духовной жизни». Материализация культуры,—пишет Джентиле,—есть фальсификация культуры. Единственно, что человек должен ненарушимо укрепить в душе—это «веру в благо». И вот эту веру, «вечный хлеб»—как нечто «конкретное» (?)—и предлагает итальянский философ рабочим («абсолютная имманентность» доктрины Джентиле на практике!) [2].

Вместо действительной итальянской нации Джентиле придумывает нацию идеальную.—«Национальная воля фашизма,—восклицает он,—извлекает всю политическую ценность не из факта, а из идеи. Идеальная нация в сознании своего бытия, воплощающегося и раскрывающегося в немногих индивидуумах или в одном, реальнее фактической нации, какая может существовать в данное время в совокупности своих масс невежественных и бессознательных» [3].

Идеализм проделывает настоящие чудеса: выдумка об'является им большей действительностью, чем сама действительность и только потому, что ему не нравятся «бессознательные и невежественные массы». И неудивительно! Над этим «идеалом» легко безнаказанно проделать разные манипуляции. Но не так обстоит дело с упрямой реальностью. «Мораль жертвы», приносимой на «алтарь отечества», претит сознанию пролетариата. Как можно поверить, что власть государства (да еще буржуазного!) «безусловна, бесконечна»?

---

[1] Le origini e dottrina del faschismo, p. 50.

[2] Faschismo e cultura, p. 30—31.

[3] Le origini e dottrina del faschismo, p. 58.

VIII.

Фашизм обращает свои взоры вокруг и «логика» толкает его, по выражению Джентиле, к «пробуждению религиозного сознания итальянцев». Свою абсолютность воля родины, признается фашистский философ, заимствует от религии, хотя «трансцендентная концепция» церкви и противоречит будто бы «имманентнистическому характеру» политической концепции фашизма.

Трудно обосновать один абсурд посредством ссылки на другой, еще больший абсурд. Однако Джентиле, не стесняясь, пишет черным по белому: «Религиозным (фашистское понимание политики.—*Б. Ч.*) и не может не быть, ибо абсолютность, которую оно сообщает своей ценности и своей власти, нельзя уразуметь без отношения к божественному абсолюту».

Остановимся несколько подробнее на трактовке проблемы религии у Джентиле.

Некоторые исследователи зачисляют итальянского философа к крайнему левому флангу гегельянцев. В противоположность англичанам (вроде Шеллинга), отыскивающим у Гегеля доказательства бога, свободы и бессмертия души,—Джентиле иногда жестикулирует атеистически.

В более ранний период философского пути Джентиле довольно энергично воевал против католицизма (в особенности против его разновидности—модернизма), пытающегося сочетать науку с верой.

— «Этот поцелуй,—пишет он,—наука никогда не даст вере, своему смертельному врагу!». «Нельзя мыслить научно,—восклицает Джентиле,—не перестав верить, и обратно». Задача науки, по его мнению,—«гуманизировать божественное, об'яснить трансцендентальное и делать разумным сверхразумное» [1]).

В более поздних работах Джентиле делается более благочестивым.

И в самом деле, атеистические нотки актуального идеализма вовсе не так опасны для церкви. Джентиле похваляется тем, что его философия является подлинной продолжательницей традиций первоначальной христианской мысли. «Моя критика, говорит он, убивает не только мистицизм (по Джентиле определяемый поглощением суб'екта об'ектом, человека — богом), но и атеизм» [2]).

Человек, уверяет он в книге «Фашизм и культура», «по своей природе религиозен». Все его мышление есть непрерывная постройка божественной реальности. Перед сознанием возникает бесконечная ткань действительности, перед ней человек преклоняет колени. «Сама возможность ее познания,—пишет Джентиле,—предполагает, что она целиком определена в себе как истина, подлежащая раскрытию: так золотая жила погребена в глубоких слоях земли, еще не обнаруженная, не опознанная и не подозреваемая человеком».

Но Джентиле не был бы актуальным идеалистом, если бы тотчас же не снял «диалектически» свое утверждение. «Если бог,—говорит он,—есть все, это имеет смысл лишь при одном условии: все это нами может родиться». Полюсы переворачиваются и всем оказывается радикальная свобода, присущая человеку. Религия, осознанная в качестве мысли, начинает двигаться исторически, отрешаясь от реальности чисто об'ективной—бога, пребывающего как неведомая сущность от века... «И человек замечает себя в сознании своего суб'ективного всемогущества, как энергию, развертывающуюся бесконечно, низвергающую все препятствия и построяющую мир человеческий, светлый, прозрачный, подлинно духовный» [3]).

[1]) Il modernismo e i rapporti tra religione e filosofia. Bari, 1922, pp. 9—18.
[2]) S. d. Logica, II, p. 332
[3]) Faschismo e cultura, Milano, Treves, 1928, p. 178.

Как же разрешается проблема: «Я ли мыслю бога или это бог мыслит во мне?» По Джентиле, надо утверждать и то и другое. Мы не в состоянии мыслить, не мысля бога, но ведь нельзя мыслить бога, не мысля. Так получается единство не статическое, а единство борьбы. Мысль всегда живет этой мукой обращения к богу—достигнуть его и успокоиться в нем, но касается его только с тем, чтобы вернуться к себе в своем самоутверждении.

Ясно, что Джентиле требует здесь невозможного. Если религия является относительным моментом об'ективации суб'екта, эта об'ективация осознается как иллюзия в своей абстракции от конкретного становления духа. Мысль, обретя самое себя, должна когда-нибудь окончательно отрешиться от своей абстракции. Но гегельянец Джентиле здесь гораздо более реакционен, чем сам Гегель. Ибо у последнего религия снимается в философии религии. У итальянского же философа религия продолжает существовать, как таковая, в качестве «трансцендентального момента», вечной формы духа, хотя бы человек и убедился, что религиозная точка зрения на мир одностороння и ошибочна... Правда, Джентиле может напомнить о трансцендентальном Я. Оно спасает его от всех затруднений. Но разрешение загадки, каким образом неверующий человек может быть одновременно одушевлен религиозным экстазом,—путем ссылки на другую загадку,—лишь свидетельствовало бы о софистической ловкости рук Джентиле.

Известно, что из союза с католицизмом представитель актуального идеализма делает все возможные выводы. Вот пример: взойдя на высоты трансцендентальной мысли, итальянский философ оправдывает костры инквизиции. Гордое сознание идеи Возрождения,—говорит Джентиле,—было лишено «серьезности религиозной жизни». В особенности ошибался Джиордано Бруно, предполагая жить свободно в созданном им самим об'ективном мире, хотя он «находился в прямом контрасте к миру реальному, тесному и управляемому мощными силами, готовыми раздавить и растоптать всякое желание индивидуума к возмущению». Прочная структура действительности, пусть «в форме лицемерия», противоборствовала «произвольному отрицанию» этого мученика мысли. Люди Возрождения, восклицает Джентиле, были героями, но их мученичество было необходимым и потому справедливым [1]).

Какой же успех имеет эта религиозная агитация? Сам Джентиле вынужден протестовать, когда слишком ретивые фашисты, быстро повернувшие от антиклерикализма к католицизму, низвергли статую Джиордано Бруно в Риме и поставили вместо него Франциска Ассизского... [2]).

Философия актуального идеализма, как и философия фашизма вообще в лучшем случае представляет собой эклектизм. Мы можем вполне подписаться под характеристикой, данной Кроче Джентиле, своему бывшему другу и теперешнему врагу.—«Актуальный идеализм,—пишет Кроче,—есть комплекс двусмысленных общих мест и является путанным практическим советником» [3]).

---

[1]) Faschismo e cultura, p. 53.

[2]) Что союз Рима с Ватиканом есть циничный брак по расчету, об этом ярко свидетельствуют последние события.—С одной стороны, Ватикан хотел бы захватить в свои загребистые руки все дело морального воспитания молодежи. Ряд пунктов конкордата фашистами нарушается С другой,—Рим недоволен вмешательством папы во внутреннюю политическую жизнь Италии. Вот почему во многих городах составились враждебные папе демонстрации и на стенах многих церквей появились надписи: «Смерть папе», «Смерть Ационе католика!».
(См. «Правду» от 3 июня 1931 г.).

[3]) B. Croce, Storia d'Italia dal 1871 al 1915, p. 275.

Закономерности переходной экономики*)

ПЛАН КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

И. Вайнштейн.

Процесс социалистического обобществления является базой неуклонно возрастающего социалистического планирования, которое также представляет собой одну из господствующих и всеохватывающих тенденций переходной экономики, одну из сознательно осуществляемых трудящимися закономерностей.

Процесс планирования имеет уже место при капитализме. Энгельс говорил про рационализацию производства на отдельной капиталистической фабрике, которая противостоит анархии всего общественного производства. Монополистическая фаза капитализма значительно раздвигает рамки такой рационализации.

«Концентрация дошла до того,—говорит Ленин,—что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как видим, в ряде стран, и всем мире. Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»[1]. Указав на процессы концентрации и обобществления в монополистическую фазу капитализма, подрывающие свободную конкуренцию, Ленин одновременно подчеркивает противоречивость этих процессов, благодаря которой капиталистическая рационализация оказывается источником иррациональности, анархии и бесплановости. Может ли планирующая деятельность получить универсальный характер в условиях капитализма? Может ли она стать универсальной формой капиталистического хозяйства? Может ли рационализирующий аппарат капитализма достигнуть такой всеобщей организованности, чтобы исчезли всякие проявления анархии и дезорганизованности? Гильфердинг в свое время выдвинул известную гипотезу генерального картеля, где все капиталистическое производство сознательно регулируется из одной инстанции, которая определяет размеры производства во всех его сферах. Гильфердинг тогда уже допускал возможность такой всеобщей организованности при капитализме, покоящейся на антагонистической основе. Эволюция, проделанная Гильфердингом, довела эту точку зрения до полной теоретической и логической законченности.

Воззрения Гильфердинга в этой законченной форме гласят, что организованный капитализм означает в действительности принципиальную з-

*) Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

[1]) Ленин, Том XIII, стр. 254.

цену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»[1]). Указанная точка зрения есть точка зрения «организованного капитализма», отбрасывающая его специфические противоречия и возвещающая эру демократической идиллии, универсальной организованности, которая совпадает с социализмом. Теория организованного капитализма, предполагающая возможность абсолютного внедрения планового начала в процессы капиталистического производства, Лениным квалифицировалась как буржуазная апологетика, оправдывающая капитализм во что бы то ни стало.

Всеобщее господство универсального плана, охватывающего все ветви капиталистического производства и распределения, предполагало бы полное устранение хаотичности и кризисов, причиной которых является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Однако, любая степень регулирования, достижимая при монополистическом капитализме, отнюдь не ослабляет, а обостряет процессы дезорганизации общественного хозяйства, усиливает кризисы, так как оставляет неприкосновенным указанное основное противоречие. Ленин поэтому издевался над буржуазными экономистами, допускающими возможность устранения кризисов монополистическими организациями, подчеркивал, что монополия , создающаяся в некоторых отраслях промышленности, обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом. Монополистический капитализм не только не способен разрешить проблему рационализации общественного производства, но, обострив до максимума его противоречия, углубляет бесплановость. Прихотливая игра случая, господствующая над капиталистическим хозяйством, исключает возможность универсального плана как всеохватывающей тенденции, как всеобщей формы данной системы хозяйства. Маркс показал призрачность всяких попыток понять капитализм как систему гармонического равновесия, рассматривать его в виде некоторой «предустановленной гармонии», так как бесспорно имеющее место стремление различных сфер производства к равновесию проявляется и может проявляться не иначе, как выражение господствующей стихийности, сводящей это стремление к реакции против постоянных его нарушений. «Между тем как в мануфактуре известные рабочие массы распределяются между известными функциями на основании закона относительных чисел или пропорциональности, распределение производителей товаров и средств производства между различными отраслями общественного труда представляет пеструю и прихотливую игру произвола и случая. Правда, что различные сферы производства постоянно стремятся перейти в положение равновесия, с одной стороны, тем, что каждый производитель товаров должен производить всегда какую-нибудь потребительную стоимость, а следовательно, должен удовлетворить какой-нибудь особой общественной потребности, об'ем же этих потребностей количественно различен, и особенная внутренняя связь соединяет различные массы потребностей в одну естественную систему, с другой стороны, тем, что закон, управляющий стоимостью товаров, определяет, сколько может данное общество издержать на производство особенного рода товаров из всего того количества времени, которым оно может располагать. Но это постоянное стремление различных сфер производства к устойчивому равновесию проявляется только как реакция против постоянных нарушений этого равновесия»[2]).

Проблема пропорционального распределения труда разрешается при капитализме законом стоимости, который таким распределением управляет независимо от воли его суб'ектов. Размышление в товарном обществе может

---

[1]) Гильфердинг. Protokolle d. social-demckratichen Parteitag, 1827 kvel, стр. 168.

[2]) К. Маркс. Капитал. Том I, стр 310—11.

только плестись в хвосте стихии, улавливать ее капризы, которые не поддаются точному и сознательному контролю. Маркс поэтому говорит, что товаровладельцы размышляют подобно Фаусту, т.-е. исходят из готовых результатов стихии, которыми они побуждаются к размышлению. Можно ли сказать, что агенты капитализма удручаются такой стихийностью, необходимостью подчиняться ее закономерностям, которые препятствуют возможности сознательного и планового управления общественным хозяйством? Конечно, нельзя. Скорее всякая плановость и общественный контроль страшат буржуазию, которая предпочитает иметь дело со стихией, несмотря на ее иррациональный характер. «Поэтому то же самое буржуазное понимание вещей, которое торжественно превозносит мануфактурное разделение труда, прикрепление работника на всю жизнь к одной и той же детальной операции и безусловное подчинение детального работника капиталу как организации труда, увеличивающей его производительную силу, громко жалуется в то же время на всякий сознательный общественный контроль и регуляцию общественного процесса труда, как на вторжение в священные права собственности, свободу и самоопределяющую «гениальность» индивидуального капиталиста. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что самые горячие поборники фабричной системы, нападая на всякую общественную организацию социального труда, не умеют сказать про нее ничего более язвительного, как то, что такая организация превратила бы все общество в одну большую фабрику»[1]). Буржуазное мышление видит в планирующей деятельности растущую угрозу собственному существованию, почему приемлет организацию труда только как организацию эксплоатации, неразрывной от всех противоречий капитализма, включающих также противоречие между организацией производства на фабрике и анархией во всем обществе. Буржуа мыслит рационализацию только в виде индивидуального и случайного акта, но отрицает ее в виде массового общественного контроля, всепроникающей закономерности. «Всякая рациональная деятельность,—говорит буржуазный экономист Мизес,—ближайшим образом индивидуальна. Только индивидуум мыслит, только особь разумна. И только индивид действует»[2]). Последнее чрезвычайно типично для представителей буржуазии, который выдает ограниченность своего классового кругозора за всеобщий масштаб, допускающий только присущее капитализму разделение труда, которое «противопоставляет один другому независимых товаропроизводителей, не признающих никакого другого авторитета, кроме авторитета конкуренции, и никакой другой принудительности, кроме принудительности, обусловленной давлением взаимных интересов; точь в точь, как в царстве животных, где bellum omnium contra omnes сохраняет более или менее условия существования всех видов»[3]). Законы конкуренции исключают закон планирования, так как наличие господства конкуренции исключает закономерное движение планового начала, допуская его только в качестве орудия этой самой стихийности.

Эпоха монополистического капитализма, значительно ограничивающая пределы свободной конкуренции, вызывает поэтому у теоретиков буржуазии довольно заметное смущение. План, как господствующее начало общественного хозяйства, как закономерность не в интересах эксплоататорского класса, существование которого неотделимо от анархии производства и частной собственности. Наблюдая рост монополистических объединений и тенденций, ограничивающих свободную конкуренцию, буржуазия

---

[1]) К. Маркс. Капитал, том I, стр. 311.
[2]) Ludwig Mises Die Gemeinwirtschaft.
[3]) К. Маркс. Капитал, том I, стр 311.

теоретик поэтому зловеще предостерегает деятелей монополистического капитализма, что они вопреки собственной воле осуществляют идеи Маркса. «Можно даже установить,—говорит буржуазный экономист Шмаленбах,—что почти все наши хозяйственные руководители являются, по крайней мере теоретически, ярко выраженными противниками экономических идей, лежащих в основе новых хозяйственных форм. Что же собственно мы сейчас переживаем, как не осуществление предсказаний великого социалиста Маркса? Его представления о будущем хозяйстве есть то, что мы сейчас видим осуществленным. Если мы скажем нашим современным хозяйственным руководителям, что они сознательно или бессознательно являются, так сказать, выразителями завещанных Марксом идей, то я полагаю, что они всеми силами запротестовали бы» [1]). Что эпоха монополистического капитализма подтверждает правильность Марксовых прогнозов—бесспорно. Но бесспорно, что начало рационализации в эпоху монополистического капитализма усиливает иррациональную стихию, что победа над этой стихией неразрывно связана с социалистической революцией пролетариата, которая одна кладет начало сознательному преобразованию общественного хозяйства, реализации всеобщего плана. Марксовы прогнозы о будущем хозяйстве связаны именно с таким насильственным переворотом в производственных отношениях, как неизбежным условием подлинной реорганизации народного хозяйства на плановых началах.

Шмаленбах подчеркивает болезни «связанного хозяйства», расточительность и анархию как характерные для этого хозяйства черты. «Во многих синдикатах раз установленные контингенты сохраняются на все время. Если же они меняются, то это делается вопреки всяким хозяйственным принципам. Обычно член синдиката, могущий показать большую производственную способность, получает рано или поздно более высокую долю. С получением этой повышенной доли вся его продукция допускается к реализации, даже если условия рынка не допускают такого увеличения сбыта, и в результате совершенно отсутствует соответствие увеличения капитальных вложений, т.-е. увеличения производственной способности предприятий с емкостью рынка» [2]). Шмаленбах жалуется, что внутрисиндикатские порядки устроены таким образом, что производственные способности данного синдиката всегда превышают емкость рынка, что подобные превышения толкают к сбыту товаров на спорных рынках по бросовым ценам, усугубляя недостатки системы свободного хозяйства, которые связанное хозяйство призвано устранить. Но Шмаленбах думает, что недостатки «связанного хозяйства» могут быть устранены «научной организацией труда», что недуги этой системы могут быть ликвидированы буржуазной рационализацией. «Научная организация труда» мерещится Шмаленбаху как якорь спасения от всевозможных болезней капитализма.

Шмаленбах, правда, не зовет к системе свободной конкуренции, а считает необходимым «изыскать другие пути для смягчения безусловно крупных недочетов связанного хозяйства и для восстановления внутри него законов экономии». Называя такую экономию средством преодоления расточительности, Шмаленбах полагает, что при капитализме мыслима такая экономия. Предположения Шмаленбаха весьма смехотворны и наглядно опровергаются всей капиталистической системой, которая страдает такими болезнями, как, например, мировые экономические кризисы, потрясающие капиталистическое хозяйство в корне. Может ли какая-либо «научная организация труда» устранить капиталистические кризисы, ведущие к колоссальной дезорганизации хозяйства? Думать так может лишь апологет капитализма, отвлекающийся от специфических противоречий последнего,

---

[1]) «Буржуазные ученые о закате Европы», сб., стр 94.

[2]) Там же, стр. 101.

боящийся подлинно всеобщего плана, который с капитализмом не совместим.

«Основа экономических кризисов перепроизводства,—говорит Сталин,—их причина лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей капитализма, рассчитанных на получение капиталистической прибыли, и относительным сокращением платежеспособности со стороны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего минимума. Чтобы выиграть в конкуренции и выжать побольше прибыли, капиталисты вынуждены развивать технику, проводить рационализацию, усилить эксплоатацию рабочих и поднять производственные возможности своих предприятий до крайних пределов. Чтобы не отстать друг от друга, все капиталисты вынуждены так или иначе стать на этот путь бешеного развития производственных возможностей, но рынок внутренний и рынок внешний, покупательная способность миллионов масс рабочих и крестьян, являющихся в последнем счете основными покупателями, остаются на низком уровне. Отсюда кризисы перепроизводства» [1]). Корни капиталистических кризисов указаны в этих словах с очевидной ясностью и убедительностью. Буржуазный экономист полагает, что можно лечить болезни капитализма, не задевая его корней, фетишизирует «научную организацию труда», как панацею против болезней монополистического капитализма. Однако экономический оптимизм Шмаленбаха вынужден рассеять другой буржуазный экономист, констатирующий ограниченность капиталистической рационализации. «То обстоятельство,—говорит Зомбарт,—что тенденцию к рационализации (в том числе даже вообще в области организации предприятий) мы рассматриваем как существенную черту развитого капитализма, не должно вводить нас в заблуждение относительно пределов действия этой тенденции. Мы должны сознавать, что тенденция эта не является всеобщей и всепроникающей, т. е. другими словами, что она в экстенсивном и интенсивном отношении ограничена» [2]).

Всепроникающая и всеобщая тенденция является закономерной тенденцией. Констатируя наличие тенденции к рационализации производственного процесса, Зомбарт констатирует ее ограниченность, не сознавая, в качестве буржуазного экономиста, что ограниченность пределов данной капиталистической рационализации есть ограниченность самого капитализма, которую способна преодолеть только социалистическая революция пролетариата, впервые закладывающая основу социалистического планирования как закономерного начала общественного хозяйства.

Зомбарт имеет «смелость» сказать, что капиталистическая рациональность не всегда совпадает с экономической рациональностью. Не больше. Предел метафизического мышления не позволяет буржуазному экономисту итти дальше подобных утверждений. Зомбарт не понимает, что капиталистическая рациональность есть именно источник иррациональности, что решить это противоречие может только социалистическая революция.

Ленин, раскрывший диалектику монополистического капитализма, показал историческую неизбежность такого разрешения этого противоречия. «Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основ-

---

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма. стр. 608

[2]) Вернер Зомбарт. Современный капитализм, т. III, стр. 214.

ные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ним капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений и конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю [1]).

Основной экономической чертой новой фазы капитализма является смена свободной конкуренции капиталистическими монополиями, вырастающими из свободной конкуренции. Вырастая из конкуренции, монополия продолжает существовать рядом с последней, порождая таким сосуществованием острейшие конфликты и катастрофы. Может ли вырастающая на такой основе рационализация стать всепроникающей, всеобщей? Нет, не может. Обостряющиеся в эпоху монополистического капитализма противоречия превращают рационализацию в источник экономической нерациональности и дезорганизации,—словом, льют воду на мельницу стихийности, законы которой на... капиталистической рационализации демонстрируют собственную си... Монополистическое регулирование есть отрицание капитализма в его собственных пределах, почему капиталистическое государство весьма ограничивает пределы рационализации. «Реакционное капиталистическое государство,—говорит Ленин,—которое боится подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, боится развить самодеятельность рабочих и вообще трудящихся, боится «раздразнить» их требовательность; такому государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду реакционной цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь не посягая на действительное регулирование потребления в смысле контроля за богатыми» [2]). Границы регулирования экономической жизни, возможные при капитализме, являются границами самого капитализма. Регулирование имеет право на существование, поскольку не посягает на классовые привилегии капитала, укрепляет эти привилегии. Граница регулирования при капитализме нераздельна от капиталистической эксплоатации, которой регулирование подчиняется.

Повышение производительности является, несомненно, одной из исторических задач капиталистического способа производства. Можно, однако, сказать, что решение этой задачи не имеет безусловного значения, что оно подчиняется основной целью капиталистического способа производства—производством прибавочной стоимости. Маркс поэтому говорит, что тенденция к развитию производительности труда подчиняется ее капиталистическому характеру, изменяя своему призванию, когда этот капи-

[1]) Ленин, том XIII, стр. 305.
[2]) Ленин, том XIV, ч. II, стр. 198.

талистический характер оказывается под угрозой и повышение производительности труда вступает в разрез с увеличением прибавочной стоимости. «Следовательно,—говорит Маркс,—для капитала закон повышения производительной силы имеет не безусловное значение. Для капитала производительная сила повысится не в том случае, когда сберегается живой труд вообще, но только тогда, когда оплачиваемая часть живого труда уменьшится на большую величину, чем прибавится прошлого труда. В этом капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Историческое призвание его заключается в безотносительном, [illegible] ходящем в геометрической прогрессии, развитии производительности человеческого труда. Но он изменяет своему призванию, как только, как в данном случае, развитие производительности оказывает задерживающее [illegible]ние. Это опять-таки лишний раз подтверждает, что способ этот [illegible] и все более и более переживает самого себя» [1]). Рост производительности труда допускается капиталом не в абсолютном смысле, а только в [illegible] орудия уменьшения оплачиваемой части живого труда. Процессы рационализации и регулирования при капитализме подчиняются указанному [illegible] закону повышенной производительной силы труда в допускаемой [illegible]лизмом форме. Можно ли тогда говорить о закономерном росте [illegible] планирования, как процессов сбережения живого труда, увеличения производительности, порабощения стихии, покорения ее целесообразной [illegible]ностью человека? Некоторые буржуазные экономисты пытаются примирить конкуренцию и монополию.

«Картели и аналогичные об'единения, — говорит буржуазный экономист Адольф Вебер, — следовательно не исключают конкуренции, [illegible] подобно потребительским обществам и профессиональным союзам представляют сообразно своей сущности только другую, гораздо более сообразную форму конкурентной борьбы... Монополия и конкуренция в [illegible] смысле, т. е. возможность конкурентной борьбы должны некоторым образом существовать на основе взаимного уравновешивания» [2]). Буржуазный экономист хочет примирить монополию и конкуренцию, превратить монополию в целесообразную форму конкуренции. Последнее указывает на ненависть буржуазного экономиста к плановому и сознательному регулированию производства, поскольку оно подрывает основы капитализма. Буржуазный экономист хочет плановую деятельность уложить в рамки [illegible] капиталистической организации производства, базирующейся на [illegible] производства. Примирение конкуренции и монополии является [illegible] надежным. Монополистическое регулирование означает уже новый [illegible] хозяйства, идущий на смену старому. Условия капитализма исключают максимальное развертывание этой формы, которая несовместима с капитализмом. Попытки примирить анархию производства и плановое регулирование напоминают попытку Прудона, который искал примирения капиталистических противоречий и совершенно не задавался вопросом относительно образования самой основы этого противоречия. «Желая примирить противоречия, — говорит Маркс, — Прудон просто не задает себе вопроса, а не надо ли преобразовать самые основы этих противоречий, он становится похожим на политического доктринера, который желает сохранить и короля и палату депутатов и верхнюю палату в [illegible] составных частей общественной жизни, как вечной категории. Только он ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз состоит в современном движении, где одна из [illegible] является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке [illegible]ство посредственных голов старались найти истинную форму, чтобы [illegible]

[1]) К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 205

[2]) Адольф Вебер. Ende des Kapitalismus, S. 43—44

уравновесить общественные сословия, короля, парламент, и т. д.), а на другой день же оказалось ни короля, ни парламента, ни дворянства. Истинным равновесием этого противоречия было ниспровержение всех общественных отношений, служащих основой этим феодальным существованиям и основой противоречия между этими феодальными существованиями» [1]). А. Вебер, подобно Прудону, заменяет противоречия равновесием, взаимным уравновешиванием неразрешимых противоречий. Рациональный момент регулирования оказывается для буржуазного экономиста модификацией иррациональной стихии, которая остается основой капитализма. Но «истинным равновесием» конкуренции и монополии может быть только низвержение капитализма, которое становится предпосылкой подлинно социалистического плана, оказывающегося уже не побочным проявлением стихии, а закономерным ее преодолением и преобразованием хозяйства в соответствии с целевой установкой пролетариата.

Оппортунисты всегда издевались над конечной целью, выдвигали примат движения, совершающегося без всякой целевой директивы. Социалистическая революция пролетариата впервые делает возможной подлинную рационализацию хозяйства, введение его в рамки целевых определений, получающих свое выражение в едином хозяйственном плане, который при капитализме неосуществим. Говоря о плане Гоэлро, как едином плане всего народного хозяйства по электрификации страны, Ленин одновременно отмечает неосуществимость такого плана в условиях капитализма. «Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного Гоэлро, бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки. Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в десять месяцев (конечно, не в два, как предполагали сначала) единый хозяйственный план, построенный научно» [2]). Выполнение плана Гоэлро в Советском союзе, осуществление намеченной этим планом мощности в минимальный срок показывает колоссальную разницу между социалистической и капиталистической системами в деле реализации намечаемых планов. Различие это выражается также в различии сознательно направляемой закономерности социалистического планирования от закономерностей капитализма, продолжающих оставаться закономерностями анархии, как существенной формы этого хозяйства.

Некоторые буржуазные экономисты пытаются «теоретизировать» специально по вопросу о природе советского планирования, представляя таким теоретизированием смехотворное зрелище. Любопытны прежде всего представления о «русском социализме», как социализме духа, последователи которого стремятся не столько к материальному самоосвобождению, сколько к освобождению души от хозяйственных тревог и треволнений. «Русский стремится к коммунизму,—говорит Бауэрмейстер,—меньше всего в надежде материального благополучия, а гораздо больше потому, что он приемлет его в социальных оценках. Социализм для него означает освобождение человеческой души от хозяйственной связанности и тревог материального бытия. И такое освобождение социализмом в той или иной степени достигнуто» [3]). Буржуазный экономист, очевидно, полагает, что успехи советского государства исчерпываются таким освобождением души. Каждодневное появление новых социалистических гигантов индустрии, превращение аграрной

[1]) К. Маркс. Письма, стр. 17.

[2]) Ленин, том XXV, стр. 172.

[3]) M. Bauermeister, Die russische Kommunistische Theorie und ihre Auswirkung in den Planwirtschaftsversuchen der Sowjetunion. S. 148.

страны в первоклассную индустриальную твердыню, механизация и коллективизация сельского хозяйства, ежедневный рост машинно-тракторных станций вскрывают, мягко выражаясь, смехотворную наивность этого буржуазного теоретика, рассматривающего советское хозяйство под углом зрения «освобождения души» от суеты материального мира. Конечно, теоретикам буржуазии хотелось бы видеть социализм, как явление духовного порядка, как освобождение духа, оставляющее в целости материальную эксплоатацию и материальную нищету трудящихся. Однако громадный рост социалистического государства опрокидывает подобного рода желания, показывая в развитии советской экономики высшую форму производительности труда, высшие темпы социалистической индустрии, представляющей материальную базу социализма, отсутствие которой обращает в ничто всякого рода духовные и культурные «эмансипации». «Социализм немыслим без крупной капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации производства, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы производства и распределения продуктов» [1]. Советский союз завершает построение фундамента социалистической экономики, а буржуазные экономисты пытаются свести «русский социализм» к освобождению духа от плоти. Некоторые рассуждения буржуазного экономиста представляют все же известный интерес как косвенное свидетельство против буржуазного хозяйства. Последнее способно в области планирования допускать в лучшем случае отдельные плановые задания, [illegible] оставаться чуждыми всему общественному хозяйству, как [illegible] ческому хозяйству. Признавая, что план имеет ценность в качестве [illegible] щего плана народного хозяйства, Бауэрмейстер таким признанием [illegible] приговор буржуазному хозяйству, т. к. последнее способно в лучшем случае подниматься только до индивидуальных и частных планов. «План, как [illegible] ковой,—говорит этот экономист,—лишен всякого значения, поскольку он [illegible] в состоянии охватить полностью всего конкретного содержания хозяйства, не в силах исчерпать его в большей степени, нежели это осуществимо суммой отдельных индивидуальных хозяйственных планов, поскольку он [illegible] имеет своей целью высший результат производства и не дает лучшего материального благополучия» [2]. Совершенно верно, что хозяйственный [illegible] должен охватить не отдельные стороны хозяйства, а хозяйство в целом, дать высший производственный эффект, вести к постоянному росту материального благополучия трудящихся масс. Однако какой буржуазный [illegible] охватывает все хозяйство, как организованное целое? Какая капиталистическая рационализация заботится об улучшении материального [illegible] миллионных масс? Поскольку существует капиталистическая рационализация, она направлена на обеспечение высоких прибылей капиталистов и на «снижение материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворять свои потребности [illegible] пределах крайнего минимума» [3].

Планирование, как закономерное преобразование всего народного хозяйства в единую социалистическую систему, может быть только социалистическим, может реализоваться на основе социалистически-общественного труда, как базы планирования. Планирующая деятельность, как деятельность целевая, исходя из совокупности [illegible] териальных ресурсов, является одновременно социалистически [illegible] определяющей, формирующей об'екты в определенном [illegible] ном направлении. Целевые установки, лежащие в основе планирующей [illegible]

---

[1]) Ленин, том XV, изд. 1-е, стр. 267.

[2]) M. Bauermeister, Die russische Kommunistiche Theorie, S. 1[illegible].

[3]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 667.

тельности социалистического государства, не представляют бесплодной телеологии, но опираются на всю полноту производственных возможностей, которые целевая деятельность пролетариата претворяет в действительность.

Целью капиталиста является извлечение все большего количества прибавочного труда, чему должны служить все имеющиеся средства. Монополистический капитализм делает средством достижения этой цели рационализирующую деятельность капиталистических об'единений, которая, обостряя анархию производства, ведет к разрушению всякой плановой деятельности. «Как мы видели,— говорит Ленин,— самая глубокая экономическая основа капитализма есть монополия, — это монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма товарного производства, конкуренции, в постоянном и безвыходном противоречии с этой общей установкой» [1]). Противоречие организации и анархии, стихийности и рациональности разрешается в условиях капитализма в сторону победы стихийного начала, катастрофическим выражением которого являются кризисы перепроизводства. Порабощение стихии рациональной деятельностью вовсе не в интересах капитала, поскольку они ограничены исключительно количеством прибавочной стоимости, присвоением неоплаченного труда. Напротив, целевая деятельность в условиях диктатуры пролетариата направлена на подчинение производительных сил сознательной деятельности ассоциированных производителей.

Планирующая деятельность пролетарского государства действительно раскрывает истину об'ективного хозяйственного развития, назначением которого она является, означает целевую деятельность осуществления социализма. Планирующая деятельность, проникнутая определенной целевой установкой, является изменением бытия в форме самоопределяющей деятельности, которая одновременно является определяющей для подвергающегося ее воздействию общественного хозяйства.

Целевой характер социалистического планирования не выражает просто об'ективного процесса в качестве его постоянного и безразличного рефлекса, а представляет творческий и инициативный перевод и внедрение в хозяйство определенного социалистического содержания, внедрение которого сопровождается ликвидацией другого, именно — связанной с частной собственностью стихийности. «Самоопределение есть также определение некоторого неопределенного через понятие внешнего об'екта; и наоборот, оно есть самоопределение, т.-е. снятая, положенная как внутренняя, внешность, или уверенность в несущественности внешнего об'екта» [2]).

Пролетарский план не есть простое приспособление к внешнему об'екту, который остается только правильно учесть и сосчитать, чтобы на основании такого учета соответствующим образом приспособляться. Подобное приспособленчество характеризует всякого рода оппортунистический подход к советской экономике, который, капитулируя перед громадными реконструктивными задачами социалистического строительства, предпочитает господство самотека, стихийности, автоматизма, являющихся атрибутами анархического хозяйства.

План в условиях переходной экономики есть закон социалистического преобразования народного хозяйства, преодоления стихии во всех ее проявлениях, переделки существующего революционным классом, согласно социалистически предначертанной цели. Социалистический план выступает не в виде приспособления или предвидения, а характеризуется целеопределяющей директивой, указующей направление развития хозяйства.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 314.

[2]) Гегель, Наука логики, стр. 142.

страны в первоклассную индустриальную твердыню, механизация и коллективизация сельского хозяйства, ежедневный рост машинно-тракторных станций вскрывают, мягко выражаясь, смехотворную наивность этого буржуазного теоретика, рассматривающего советское хозяйство под углом зрения «освобождения души» от суеты материального мира. Конечно, теоретикам буржуазии хотелось бы видеть социализм, как явление духовного порядка, как освобождение духа, оставляющее в целости материальную эксплоатацию и материальную нищету трудящихся. Однако громадный рост социалистического государства опрокидывает подобного рода желания, доказывая в развитии советской экономики *высшую* форму производительности труда, высшие темпы социалистической индустрии, представляющей *материальную* базу социализма, отсутствие которой обращает в ничто всякого рода духовные и культурные «эмансипации». «Социализм немыслим без крупной капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации производства, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы производства и распределения продуктов» [1]. Советский союз *завершает* построение фундамента социалистической экономики, а буржуазные экономисты пытаются свести «русский социализм» к освобождению духа от плоти. Некоторые рассуждения буржуазного экономиста представляют все же известный интерес как косвенное свидетельство *против* буржуазного хозяйства. Последнее способно в области планирования допускать в лучшем случае *отдельные* плановые задания, продолжающие оставаться чуждыми всему общественному хозяйству, как анархическому хозяйству. Признавая, что план имеет ценность в качестве всеобщего плана народного хозяйства, Бауэрмейстер таким признанием выносит приговор буржуазному хозяйству, т. к. последнее способно в лучшем случае подниматься только до индивидуальных и частных планов. «План, как таковой,—говорит этот экономист,—лишен всякого значения, поскольку он не в состоянии охватить полностью всего конкретного содержания хозяйства, не в силах исчерпать его в большей степени, нежели это осуществлено суммой отдельных индивидуальных хозяйственных планов, поскольку он не имеет своей целью высший результат производства и не дает лучшего материального благополучия» [2]. Совершенно верно, что хозяйственный план должен охватить не отдельные стороны хозяйства, а хозяйство в целом, дать высший производственный эффект, вести к постоянному росту материального благополучия трудящихся масс. Однако какой буржуазный план охватывает *все* хозяйство, как организованное целое? Какая капиталистическая рационализация заботится об улучшении материального положения миллионных масс? Поскольку существует капиталистическая рационализация, она направлена на обеспечение высоких прибылей капиталистов и на *снижение* материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворять свои потребности даже в пределах крайнего минимума» [3].

Планирование, как закономерное преобразование всего народного хозяйства в единую социалистическую систему, может быть только социалистическим, может реализоваться на основе *социалистически-обобществленного труда*, как базы планирования. Планирующая деятельность, как деятельность целевая, исходя из совокупности наличных *материальных* ресурсов, является одновременно социалистически-*определяющей*, формирующей об'екты в определенном предначертанном направлении. Целевые установки, лежащие в основе планирующей де-

[1] Ленин, том XV, изд. 1-е, стр. 267.
[2] M. Bauermeister, Die russische Kommunistische Theorie, S. 1[illegible].

тельности социалистического государства, не представляют бесплодной телеологии, но опираются на всю полноту производственных возможностей, которые целевая деятельность пролетариата претворяет в действительность.

Целью капиталиста является извлечение все большего количества прибавочного труда, чему должны служить все имеющиеся средства. Монополистический капитализм делает средством достижения этой цели рационализирующую деятельность капиталистических об'единений, которая, обостряя анархию производства, ведет к разрушению всякой плановой деятельности. «Как мы видели,— говорит Ленин,— самая глубокая экономическая основа капитализма есть монополия, — это монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма товарного производства, конкуренции, в постоянном и безвыходном противоречии с этой общей установкой» [1]). Противоречие организации и анархии, стихийности и рациональности разрешается в условиях капитализма в сторону победы стихийного начала, катастрофическим выражением которого являются кризисы перепроизводства. Порабощение стихии рациональной деятельностью здесь не в интересах капитала, поскольку они ограничены исключительно количеством прибавочной стоимости, присвоением неоплаченного труда. Напротив, целевая деятельность в условиях диктатуры пролетариата направлена на подчинение производительных сил сознательной деятельности ассоциированных производителей.

Планирующая деятельность пролетарского государства действительно выражает истину об'ективного хозяйственного развития, назначением которого она является, означает целевую деятельность осуществления социализма. Планирующая деятельность, проникнутая определенной целевой установкой, является изменением бытия в форме самоопределяющей деятельности, которая одновременно является определяющей для подвергающегося ее воздействию общественного хозяйства.

Целевой характер социалистического планирования не выражает простой об'ективного процесса в качестве его постоянного и безразличного рефлекса, а представляет творческий и инициативный перевод и внедрение в хозяйство определенного социалистического содержания, внедрение которого сопровождается ликвидацией другого, именно — связанной с частной собственностью стихийности. «Самоопределение есть также определение некоторого неопределенного через понятие внешнего об'екта; и наоборот, оно есть самоопределение, т.-е. снятая, положенная как внутренняя, внешность, или уверенность в несущественности внешнего об'екта» [2]).

Пролетарский план не есть простое приспособление к внешнему об'екту, который остается только правильно учесть и сосчитать, чтобы на основании такого учета соответствующим образом приспособляться. Подобное приспособленчество характеризует всякого рода оппортунистический подход к советской экономике, который, капитулируя перед громадными реконструктивными задачами социалистического строительства, предпочитает господство самотека, стихийности, автоматизма, являющихся атрибутами анархического хозяйства.

План в условиях переходной экономики есть закон социалистического преобразования народного хозяйства, преодоления стихии во всех ее проявлениях, переделки существующего революционным классом, согласно социалистически предначертанной цели. Социалистический план выступает не в виде приспособления или предвидения, а характеризуется целеопределяющей директивой, указующей направление развития хозяйства.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 314

[2]) Гегель, Наука логики, стр. 142.

Враждебные пролетариату социал-демократические теоретики, рассуждая о природе социалистического планирования, извращают ее совершенно. Троцкий, например, рассматривает план в условиях переходной экономики как увязку социалистических и капиталистических элементов. «Другими словами,— говорит Троцкий,— в нашей экономике социалистические тенденции разной высоты развития сочетаются и переплетаются с капиталистическими тенденциями опять-таки разной степени зрелости и незрелости. Контрольные цифры дают увязку одних процессов с другими, и тем самым дают равнодействующую развития. В этом основное социалистическое значение перспективного плана» [1]). Основное социалистическое значение перспективного плана мыслится Троцким как увязка и соразмерность капиталистических и социалистических элементов советского хозяйства. Социалистический план оказывается совершенно лишенным всякой классовой инициативы. Он является безразличным констатированием равнодействующей развития, протекающего вне классового воздействия. Подобное толкование плана вытекает из полного непонимания и игнорирования действительной природы социалистического плана, как могучего орудия борьбы против капиталистических элементов и творческого внедрения социалистического содержания в охватываемые его влиянием участки народного хозяйства. Понимание Троцкого вполне совпадает с установками реакционера Громана, который также видит основной критерий оценки хозяйственных процессов «в принципе соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства». [2]) Подобные положения вытекают из капитулянтской переоценки Троцким капиталистических элементов, как ведущих элементов советской экономики. Неудивительно, что Троцкий ищет... в мировом капитализме и мировом разделении труда... путь к социализму. «Ясно одно: перевес капиталистической техники и экономики пока еще огромен, под'ем предстоит крутой; задача и трудности поистине грандиозны. Находить дорогу и проверять ее можно только с измерительными приборами мирового хозяйства в руках» [3]). Завершение фундамента социалистической экономики, осуществляемое в ожесточенной борьбе с капиталистическими элементами, выполнение пятилетнего плана в четыре года, величайшие успехи социалистической индустрии в коллективизации сельского хозяйства, каких не знала история, являются лучшим свидетельством качества измерительных приборов Троцкого, которыми он устанавливает «пути» советского хозяйства, как пути приспособления к капиталистической экономике. Приспособление к капиталистической стихии Троцкий выдает за принцип социалистического плана, совершенно исключая из последнего подлинную классовую и социалистическую инициативу, направленную на уничтожение и выкорчевывание капитализма. Самоопределяющая классовая актуальность, проникающая социалистический план, выражается изменением его объекта, поскольку он противоречит данной установке, выражается условностью в несущественности его содержания, поскольку оно лишено социалистического характера. Отсюда также метафизический характер трактовки плана, которая дается концепцией «трудовых затрат», исключающей творческую классовую инициативу.

План в свете этой теории является по существу отказом от рационального преобразования стихии в направлении ее преодоления социалистическим содержанием, означает утверждение ее незыблемости, сводится к познанию в целях ее предвидения и сознательного утверждения. Плановая деятельность в такой постановке оказывается только равнодействующей

[1]) Троцкий. К капитализму или к социализму, стр. 13.
[2]) Громан. Плановое хозяйство 1925 г., стр. 92, № 1.
[3]) Троцкий. К капитализму или к социализму, стр. 311.

стихийных закономерностей, почему она не может претендовать на роль закона, которая падает на стихию. Однако планирующая деятельность пролетарского государства, внедряя рациональное начало в хозяйство, делает его подвластным и подконтрольным сознательной деятельности, вырывает его из цепей самотёка, отражающего бессилие такой сознательной деятельности.

Планирование в качестве господствующей тенденции, побеждающей противодействующую стихию, является предпосылкой царства свободы, относительно которого говорил Маркс. Планирующая деятельность есть закономерная деятельность, выражение царства необходимости, которое однако, как небо от земли, отличается от законов, присущих капитализму, где «свободное» регулирование, движимое стремлением к сверхприбыли, выражает непобедимость иррациональной стихии. Об'единенные производители, как хозяйствующий суб'ект переходной экономики, одни способны осуществлять такой план, творить эту закономерность в качестве ее сознательных и активных участников.

Социалистический план представляет не формалистическую конструкцию, но закономерное выражение социалистической практики. Полнейшей нелепостью является утверждение, что плановое регулирование периода переходной экономики лишено причинной обусловленности. Подобное понимание представляет выражение дурной телеологии, которая вызывала справедливые насмешки еще со стороны идеалиста Гегеля, считавшего механицизм гораздо более достойным методом познания, нежели такую телеологию. «Телеология потому навлекла на себя столь многие упреки в нелепости, что цели, которые она указывала, были то значительнее, то ничтожнее и отношение целей об'ектов должно было часто представляться игрою, ибо это отношение являлось столь внешним и потому случайным... Формальный недостаток, ближайшим образом свойственный этой телеологии, состоит в том, что она приходит лишь к внешней целесообразности. Так как понятие тем самым полагается, как нечто формальное, то ее содержание есть также нечто внешним образом данное в многообразии об'ективного мира, данное в тех же определениях, которые составляют и механизм, но как нечто внешнее, случайное».[1] Свобода заключается в познании необходимости, заключается во внутреннем осмысливании об'ективных процессов, которое дает возможность направить эти процессы сознательно и целесообразно.

Эпоха переходной экономики, дающая начало социалистическому планированию как закономерному процессу, открывает новую историческую эпоху сознательного творчества трудящимися массами собственной истории, сознательного и целесообразного направления исторических событий. Подобное недостижимо в пределах капитализма, независимо от успехов, которых он может достигнуть в деле экономического регулирования, ибо подобное одновременно усугубляет размах иррациональной стихии, законы которой покоятся на бессознательности участвующих. «Что должно думать о законе,—говорит Энгельс,—который может проявляться только периодическими переворотами? Это именно закон природы, который покоится на бессознательности участвующих»[2]. Маркс говорил, что экономические законы капитализма проявляются «подобно закону тяжести, когда кому-нибудь на голову обрушивается дом».[3] Монополистический капитализм усилением рационального начала в хозяйственной жизни капитализма только демонстрирует силу стихийных закономерностей капитализма, которые целиком сохраняют эту природу, выражающую власть стихии над человеком. Смертельный удар наносит этой власти социалистическая революция, прино-

---

[1] Гегель. Наука логики, ч. II, стр. 128.

[2] Энгельс. Очерки политической экономики

[3] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. [illegible]

сящая новые закономерности, покоящиеся на сознательности участвующих. Социалистическое планирование представляет закономерность, проходящую через сознание и волю миллионов, творящих историю согласно определенным целевым установкам. Применение такого масштаба раскрывает все огромное качественное отличие переходной экономики от прошлых классовых формаций, характеризующихся колоссальной дисгармонией между поставленными себе целями и достигнутыми результатами. Закономерность социалистического планирования, как закономерность переходной экономики, является выражением непреложного преодоления такой дисгармонии. «Но если подойдем с этим масштабом к человеческой истории,— говорит Энгельс,— даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует колоссальная диспропорция, как между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что попрежнему доминирует непредвиденное влияние, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем приводимые планомерно в движение силы. Это не может быть иначе до тех пор, пока самое важное — историческая деятельность человека, та деятельность, благодаря которой человечество вышло из животного состояния, которая образует центральные основы всех прочих видов деятельности человека, пока производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей человечества, т.-е. в наше время общественное производство, предоставлено слепой игре непредвиденных [illegible] действий неконтролируемых сил и пока, следовательно, поставленная [illegible] заранее цель осуществляется лишь в виде исключения; гораздо же чаще осуществляются противоположные ей результаты. В самых передовых промышленных странах мы смиряли силы природы, поставив их на службу человечеству; мы благодаря этому безмерно увеличили производство, так что [illegible] ребенок производит больше, чем раньше сотни взрослых людей. Но каковы же результаты роста производства? Растущий прибавочный труд, растущая нищета масс и каждые десять лет—огромный крах. Дарвин не понимал, [illegible] он написал горькую сатиру на людей и в особенности на своих [illegible] когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами, как величайшее историческое завоевание, является нормальным состоянием животного мира. Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле. Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее. От нее будет датироваться новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что все совершенное до этого покажется только слабой тенью». [1]) Энгельс [illegible] о возможности такой организации производства, которая покоится на [illegible] тельности участников, творящих производственный процесс по заранее намеченному плану. Энгельс считает, что только такая организация [illegible] поднять людей над прочими животными. Советская экономика [illegible] эту возможность в действительность, превратила план в [illegible] чайший рычаг народного хозяйства.

Вступление в период социализма, выражающееся абсолютным [illegible] сом социалистического сектора во всем народном хозяйстве, означает [illegible] же качественный сдвиг в развитии социалистического плана во [illegible] народного хозяйства. Этот сдвиг выражается в приобретении [illegible] общности и охвате не только обобществленного промышленного сектора, [illegible] одновременно сельского хозяйства, перешедшего на рельсы [illegible]

[1]) Энгельс. Диалектика природы, стр. 172—173.

ки. Вступление в период социализма демонстрирует с непоколебимой очевидностью социалистическое планирование, как господствующую тенденцию народного хозяйства, охватывающую его основные участки. Неслучайно, что задания по народному хозяйству фигурируют теперь в качестве народнохозяйственного плана, что означает всеобщий охват планированием всей системы народного хозяйства. Возможность стала действительностью, сущность перешла в явление. Но закон есть именно существенное явление. План, как сущность процесса советской экономики, начинает ее проникать в качестве универсальной формы.

Плановое руководство переходной экономикой, подчиняя материальный процесс производства плановой предусмотрительности трудящихся масс, открывает необычайный размах человеческого творчества, развитие человеческих способностей, что Маркс называет царством свободы.

Преодоление социалистическим планом стихии, которая в условиях капитализма господствует над производителем, означает начало сознательного господства над производительными силами, начало такой необходимости, которая является предпосылкой царства свободы, ибо капиталистическая необходимость, подавляющая трудящиеся массы, является необходимостью рабства.

Процесс материального производства при капитализме представляет царство возрастающей капитуляции человека перед стихией. Мировой экономический кризис, потрясающий сейчас с необычайной силой капиталистическое хозяйство, обрекающий десятки миллионов рабочих на безработицу и голодное существование, показывает это с достаточной убедительностью. Протекая в условиях монополистического капитализма, мировой кризис показывает незыблемость ленинского положения о том, что монополистическое регулирование, направленное на эксплоатацию рабочего класса, обостряя имманентные капитализму противоречия, обостряет силу стихийности, усиливает ее разрушительное действие. Высшая фаза капитализма составляет поэтому высшую ступень бессилия производителя перед лицом экономической стихии. Экономической мысли буржуазии остается искать утешения в философии отчаяния. Напротив, растущая мощь советского государства выражается в растущей силе планового начала, которое, все больше и больше подчиняя материальный процесс производства разумному контролю в соответствии с социалистической целесообразностью, действительно становится преддверием всестороннего развития человеческой силы, преддверием царства свободы, находящегося вне сферы материального процесса производства. «Царство свободы наступает в действительности только тогда, когда прекращается труд, диктуемый нуждою и внешней целесообразностью; следовательно, по существу, она находится вне сферы материального производства. Как дикарю для удовлетворения своих потребностей, для поддержания своего существования и воспроизводства приходится бороться с природой, то же самое приходится делать цивилизованному, и делать это приходится при всяких общественных формациях и при всевозможных способах производства. С развитием его расширяется также область естественных необходимостей, так как увеличиваются его потребности, но вместе с тем увеличиваются также производительные силы, которые удовлетворяют их. Свобода в этой области может заключаться только в том, чтобы человек, ставший существом общественным, чтобы об'единенные производители регулировали такой свой обмен веществ с природой разумно, подчиняли бы его своему общему контролю вместо того, чтобы давать ему властвовать над собой, как слепой силе; чтобы совершалось это с наименьшей тратой сил и при условиях наиболее достойных [illegible] ующих. Но

это все же остается царством необходимости. За ним начинается развитие человеческих сил, которое само служит себе целью — действительное царство свободы, которое, однако, может процветать только на основе этого царства необходимости». [1]) Советская экономика наглядно иллюстрирует, как об'единенные производители, т. е. рабочий класс, разумно подчиняя процесс производства своему контролю, подчиняя стихию рациональному плану, подготовляет царство свободы, высшее развитие человеческой силы, являющееся конечной целью революционного класса. Средством же для достижения такого царства свободы служит царство осознанной необходимости сознательного управления материальным процессом производства, всеобщего и универсального учета, охватывающего все общество, превращенное в одну контору и одну фабрику». «Когда большинство народа начнет производить самостоятельно повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих), за господами-интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, что от него никак нельзя будет уклониться, «некуда будет деться». Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты. Но эта фабричная дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплоататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни нашим идеалом, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплоатации и для дальнейшего движения вперед». [2]) Интересно, что Троцкий считает конечной целью такое механизированное общество, представляющее в его глазах высший предел человеческих стремлений. «Задача превращения всего хозяйства в цельный автоматически действующий механизм есть самая грандиозная задача, которую можно себе представить» [3]). Механистическое мышление Троцкого и приведенные положения достигает полной законченности.

Рост планового начала в Советском союзе выражается превращением всего хозяйства в планомерно организованное хозяйство, преодолением противоречий между обобществленной промышленностью и сельским хозяйством. Враги рабочего класса, стремящиеся к реставрации капитализма, настаивают на самотеке в развитии сельского хозяйства и изоляции его от организующего действия обобществленной промышленности. Враги рабочего класса, Базаров, например, рассуждая о перспективах планирования, считает всякие целевые директивы в отношении овладения сельским хозяйством химерой. «План восстановления и реконструкции той части народного производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически: не путем экстраполирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований современной промышленности, при существовании которой ее фактическая динамика впервые может стать выражением тенденции здорового и прочного развития. Иначе обстоит дело с сельско-хозяйственной продукцией. Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или иные естественно слагающиеся тенденции мерами экономической политики. Уже по одному этому целевая конструкция была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически» [1]). Плановая установка пролетарского государства может, согласно Базарову, иметь место только в секторе [illegible]

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. III, стр. 178.
[2]) Ленин. т. XIV, ч. 2-я, стр. 380.
[3]) Троцкий. К капитализму или к социализму, стр. 58.
[1]) [illegible]

государственной промышленности, где план может строиться телеологически. Относительно же сельского хозяйства не должно существовать никакой целевой установки, а только «проектирование в будущее фактической динамики настоящего». Подобное «проектирование в будущее» означает не только развязывание капиталистической стихии в деревне, которая должна быть свободной от всякого социалистического воздействия, но означает изоляцию и обособление городской промышленности, которая будет лишена всякой возможности влиять на сельское хозяйство в целях его социалистической реконструкции. Социализированная промышленность, являющаяся ведущим началом в системе народного хозяйства, имеет своей задачей преодолеть свою обособленность, внедряться в сельское хозяйство, которое в качестве обособленного производства представляет один из подводных камней на пути социалистического обобществления. Маркс характеризует мелкую земельную собственность как один из видов примитивного производства, исключающего возможность расширения воспроизводства и накопления. «Мелкая земельная собственность по своей сущности исключает развитие общественной производительной силы труда, общественную форму труда, общественное сосредоточение капитала, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное приложение науки» [1]). Исходя из установки Базарова, плановая деятельность пролетариата должна предоставлять сельскому хозяйству [illegible] в указанной примитивной форме, не внося никаких преобразований и коррективов. Нужно ли говорить, что такая установка является архи[illegible], коренным образом извращающей понятие плана и специфическую его природу в условиях диктатуры пролетариата. Плановое регулирование, согласно Базарову, обособлено от стихии, которая остается неподвластной и потусторонней плановому началу.

Базаров не допускает, что социалистический план является формой классовой борьбы за построение социализма, судьбы которого неразрывно связаны с судьбами сельского хозяйства и переделкой его на новой технической основе. Социалистическое планирование в качестве закономерности переходной экономики протекает и осуществляется в борьбе классов, которое сопровождается постоянным снятием стихии, как результатом победы социализма, осуществляемого его носителем—рабочим классом. Базаровская трактовка плана совершенно стирает социалистическую суть плана, направленную на ликвидацию капиталистических элементов города и деревни. Сельское хозяйство и крупная городская промышленность противостоят в «плане» Базарова в качестве двух антагонистически направленных сил, [illegible] которых устанавливается в процессе приспособления крупной промышленности к сельскому хозяйству. «Построенная таким образом [illegible] воспроизводства сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его товарности, [illegible] с тем и емкость крестьянского рынка в отношении продуктов городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции, является тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности» [2]). Тайна реакционной метафизики раскрыта.

Социалистическая телеология оказывается допустимой только в рамках приспособления к стихии мелкого производства, которое, говоря словами Ленина, порождает ежедневно и ежечасно капитализм. Тайна Базаровского [illegible] означает приспособление социалистического плана к закономерностям капитализма, означает его разоружение. Конечно, плановая теле-

[1]) К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 667.

[2]) Базаров. К методологии [illegible]

ология, согласно Базарову, оказывает воздействие на сельское хозяйство, однако не в смысле его социалистической переделки и привнесения социалистического обобществленного содержания, а воздействие чисто потребительского характера, поскольку государственная промышленность пред'являет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье. Подобного рода «плановая телеология», поскольку она касается специфических форм планирования, ярко обнажает реакционность базаровской методологии. Планирующая деятельность оказывается придатком, который плетется в хвосте генетически улавливаемой стихии. Приспособление к стихии составляет ось базаровских рассуждений. Базаров это достаточно ясно показывает, когда говорит, что помимо чисто потребительского сопрягования государственной промышленности по линии спроса, допустимой в порядке плановой телеологии, «перспективы сельского хозяйства должны базироваться на об'ективном значении исторически наметившихся закономерностей внутреннего роста тенденций мирового рынка». [1] Господствующей закономерностью остается закономерность рыночной стихии, которая не может и не должна быть преодолена давлением плановой целесообразности, закономерность капиталистической реставрации. Социалистическое преобразование сельского хозяйства оказывается в свете такого понимания иллюзией. Подобный иллюзионизм обосновывается теорией равновесия, которая является законченной теорией реставрации капитализма, об'единяющей всевозможные разновидности оппортунизма, все возможные типы идейного и практического предательства. Равновесие в качестве равновесия среды и системы является идеальным пределом хозяйственной эффективности. Согласно Базарову народное хозяйство всегда должно находиться в состоянии устойчивого равновесия. «Народное хозяйство не только по завершении разработанной генеральным планом реконструкции, но в любой точке перехода должно представлять стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия» [2]). Равновесие системы и среды, как антагонистически направленных сил, является теорией затушевывания классовых противоречий, как они разыгрываются на данном историческом этапе. Творчество новых закономерностей не укладывается в такую схему приспособления к среде, абсолютно чуждую внутренним закономерностям данной производственной формации. Скачки, превращения в противоположность, творчество нового совершенно исключается подобной теорией развития, которое только оказывается повторением, ибо сводится в конце концов к восстановлению нарушенного равновесия между системой и средой, сводится к воспроизведению старых форм. Ясно, что плановость, целевая закономерность, обусловленная качественным своеобразием диктатуры пролетариата, направленная на социалистическое преобразование мира, совершенно отбрасывается; теория особенно отстаивает закономерности капиталистического хозяйства, выражающие бессилие производителя перед стихией, которая [illegible] подчиняет себе агентов производственного процесса. Закономерности переходной экономики, выражая растущую мощь об'единенных производителей, которая уничтожает господство вещи, являются предметом особой [illegible] со стороны этих теоретиков реставрации. «Товарное хозяйство, как и всякая другая форма производства, имеет свои присущие ему и неотделимые от него законы, которые проявляются несмотря на анархию, в анархии, посредством анархии. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене и подчиняют себе производителей как принудительные законы конкуренции. Они неизвестны [illegible]

[1]) «Плановое хозяйство», 1926 г., кн. VII.
[2]) «Плановое хозяйство, 1926 г. кн. VII.

[...]водителем и открываются лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они действуют без участия производителей и против них столь же непреодолимо, как законы природы. Продукт господствует над производителем». [1]) Планомерность, в условиях диктатуры пролетариата, представляет закономерность, сознательно осуществляемую миллионами трудящихся масс. Социалистическое планирование выражает поэтому **новый тип сознательных закономерностей**, которые не противостоят производителям, как бессознательным участникам производственного процесса, а осуществляются в процессе сознательного творчества этих производителей. Стихийные закономерности, выражающие власть продукта над производителем, выражают его **безучастность и бессознательность** в отношении этих закономерностей, которые проявляются в анархии и посредством анархии. Эпоха переходной экономики наносит смертельный удар закономерностям, покоющимся на бессознательности участников.

Социалистическое планирование меньше всего можно мыслить в виде неподвижного, стабильного и раз навсегда установленного акта, который [...] осуществляется, не претерпевая на своем пути никаких изменений. Нет, конечно. Социалистическое планирование представляет постоянно меняющийся процесс. Его исходные установки претерпевают в этом процессе [...] изменения, которые подчас делают их весьма мало похожими на последующие. Многообразие форм, осуществляемое и развиваемое в планирующей деятельности, характеризует изменчивость процесса, которая буржуазным доктринерам кажется непостижимой. Буржуазные экономисты совершенно не подозревают, что социалистическое планирование подстегивается [...] соревнованием, как высшей формой творческой инициативы. «Экономическая наука установила и экспериментально доказала,—говорит Вернер Зомбарт,—и это принадлежит к числу ее неоспоримых выводов, что [...] хозяйство, т.-е. крупное хозяйство, без капиталиста возможно [...] там (но зато наверное возможно), где потребности стабилизировались и производственная техника вышла из своей первоначальной революционной стадии, где сбыт и производство движутся по привычным путям и [...] следовательно, не требуется никакой особой «предпринимательской» деятельности. По нашему мнению, для рационализации, коммунализации или кооперативизации созрели те отрасли хозяйственной жизни, которые некогда [...] Смит считал сферой деятельности акционерного общества, отрасли, [...] операции которых можно свести к тому, что называется рутиной, и [...] проводить однообразным методом, не допускающим никаких изменений [...] весьма мало изменений». Фигурально выражаясь, «планомерно» организовать хозяйство—значит разлить его по бутылкам. Но для этого требуется, чтобы оно предварительно перебродило. В настоящее время не подлежит [...] сомнению, что развитие все большего и большего сектора хозяйственной жизни приближается к такому перебродившему состоянию, что, [...]тельно, сфера деятельности крупного планового хозяйства будет все [...] и больше расширяться.

Спирт ушел ко всем чертям,
Осталась только флегма. [2]).

Буржуазный экономист видит в социалистическом планировании образ [...] косности, рутины, флегмы, исчезновения всяких стимулов. Он не может [...], чтобы при отсутствии такого стимула, каким является капиталистическая прибыль, рационализирующая деятельность могла представлять [...] развивающееся. Можно сказать, что буржуазный экономист судит в [...] случае по своему образу и подобию, ибо капиталист рационализирует [...] ради прибыли. Но опыт советского государства является доказа-

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 257.
[2]) В. Зомбарт. Современный капитализм, т. III, стр. 515—516

тельством, наглядно иллюстрирующим поразительную экономическую [illegible]кость и подвижность пролетарских планов, которые быстро перестраиваются в соответствии с развитием социалистического обобществления и все большего его внедрения в народное хозяйство. Буржуазный экономист мог бы сказать, что подобная гибкость есть отрицание планирования, но подобным утверждением он разоблачил бы собственную метафизическую сущность. Парируя подобные возражения всевозможных метафизических критиков, Сталин указывает, что они лишены малейших оснований. Совершенно [illegible], что пятилетний план народного хозяйства претерпевал и претерпевает многие изменения, которые диктуются громадными сдвигами советского хозяйства. Но диалектичность социалистического планирования отражает диалектику социалистического строительства. «Для нас пятилетний план,—говорит Сталин,—как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа *заканчивается* составлением плана. Составление плана есть *начало планирования*. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления, уточнения плана». [1]) Слова Сталина являются четкой формулировкой опыта социалистического строительства, подлинной его диалектикой. Разглагольствования буржуазного экономиста падают, как карточный домик при свете грандиозно развертывающегося социалистического строительства, где план оказывается отправной точкой неустанно растущих вариаций, изменений и модификаций, неизбежно диктуемых опытом социалистического строительства. Планирующая деятельность есть целевая директива, которая направлена на осуществление в действительности и опирается на имеющиеся объективные достижения и достигнутый уровень производительных сил. План в этом смысле представляет некоторое единство общего, особенного, единичного. Ошибается, поэтому Бухарин, полагающий, что когда-либо возможен [illegible]ный план в смысле его абсолютной законченности. Отсюда он исходит в [illegible]ке плана переходной экономики, как не законченного и относительного. «Относительная *бесплановость* или *относительная* [illegible]вость хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т.-е. значительных элементов [illegible]хийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более и не менее «законченный» план развитого социалистического общества. В этом плане есть много элементов предвидения *стихийной равнодействующей* (например, исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского производства вообще, а следовательно, [illegible] и т. д. и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или иной директивы» [2]). Совершенно неверно толкование плана переходной экономики как предвидения стихийной равнодействующей. План уже в экономике переходной экономики является силой преодоления этой стихийной равнодействующей. Рассмотрение плана в качестве такого предвидения стихии означает отрицание за плановой деятельностью доминирующего значения, определяющего его закономерный характер, означает превращение плана в функцию стихии. Подобная роль принадлежит плану при капитализме, где он используется именно в качестве орудия анархического производства для [illegible]

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 786.
[2]) Бухарин. Заметки экономиста, стр. 16.

его извлечения прибыли. Плановое начало, в условиях переходной экономики, есть орудие социалистической переделки мира, уничтожения стихии, которая в Бухаринском понимании оказывается довлеющей над планом, остающимся только формой приспособления к господствующей стихии. Но полное уничтожение рыночных форм и мелкого производства не приводит к абсолютно законченным планам, ибо план всегда может быть только тенденцией движения. Лозунг «Пятилетка в четыре года» является только предвосхищением изменчивости будущих планов, которые при коммунизме будут несомненно более действенны и интенсивны. Зомбартовские измышления мало вяжутся с наблюдаемыми в советской действительности фактами и скорее выражают слепоту классового врага и враждебность его по отношению к социалистическому плану, как целевой закономерности, преобразующей старый мир.

Механические теории планирования всегда выдвигались в борьбе против социалистического строительства. Механистическая концепция признает основной категорией научного мышления категорию количества. Количество, как снятая определенность, примененная в качестве такой основной категории, приводит к полному выхолащиванию всего богатства и многообразия отношений, уничтожает всякую специфичность противоречий, характерных для данной сферы явлений. Арифметика берется в качестве критерия истины. «Арифметика не знает ни оптимизма, ни пессимизма; экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции, цифры суть цифры» [1]). Приведенные слова Троцкого выражают суть механистического мышления. Совершенно естественно, что установка Троцкого полностью совпадает с теоретической установкой Громана, который толкует свой «эмпирический закон» под углом чистой статистики. «Методом познания состояния общества и об'ективных тенденций его развития является установление эмпирических законов статики и динамики народного хозяйства, законов, устанавливаемых статистикой при помощи теорем политической экономии» [2]). Громановское познание имеет своей задачей установить эмпирические закономерности, которые открываются статистическим методом. Применение этого метода в области планирования означает лишение его целевых социалистических установок, означает его приспособление к статистическим закономерностям, находящим свое выражение в статистически-улавливаемой стихии. План в громановском и троцкистском понимании освобожден от социалистического качества, превращен в «надклассовую» функцию, которая под маской самодовлеющих цифр является орудием классового врага. Исключительное оперирование количеством Гегель называл дурной метафизикой. «Следует признать отыскивание, как это часто случается, всех различий и всех определенностей только в количественном одним из предрассудков, наиболее мешающих как раз развитию точного и основательного познания» [3]). Чисто количественный подход в условиях диктатуры пролетариата становится орудием врагов рабочего класса, орудием затушевывания специфических форм классовой борьбы и затемнения задач, стоящих перед пролетариатом, как экономическим гегемоном... «Эмпирические закономерности», открываемые статистикой, рассматривают планирование как игру в цифры, как безразличное осознание об'ективного опыта, свободное от всякой социалистической целевой направленности. Последняя квалифицируется, как незаконное вмешательство в абстрактные количественные связи, как нарушения постулата равновесия. План, как закономерность переходной экономики опрокидывает всякие такие «эмпирические» софизмы,

[1]) Троцкий. Стенографический отчет XV конференции ВКП(б), стр. 505.
[2]) П. Х., 1925 г., т. I, стр. 89.
[3]) Гегель. Энциклопедия, стр. 173.

осуществляя построение социализма пролетариатом в ожесточенной [illegible] против его капиталистических врагов. Социалистическое планирование в переходный период является закономерным процессом преобразования [illegible] ства в социалистическую систему. Социалистический план, выражая [illegible] совую диктатуру пролетариата, представляет форму классовой борьбы с капиталистическими элементами, как носителями стихийности и [illegible]. Теоретики буржуазной реставрации возводят эти стихийные тенденции [illegible] эмпирических закономерностей советского хозяйства, согласно [illegible] устанавливаются регулятивные нормы хозяйственного строительства. [illegible] дологически «такие закономерности» вытекают из концепции [illegible] как подлинной концепции реставрации. Громан—теоретик [illegible] обосновывая эти эмпирические закономерности, пытается доказать, что [illegible] в условиях диктатуры пролетариата должен плестись в хвосте [illegible] улавливаемой стихии, служить выражением ее связей, приближаться к [illegible] ванию равновесия последних. «Основным критерием оценки [illegible] ственного процесса должен быть принцип приближения к равновесию, [illegible] соразмерности развития взаимно обуславливающих друг друга [illegible] народного хозяйства. Всякое нарушение этого принципа со стороны [illegible] ных условий, или же вследствие несоответствия плановых [illegible] принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных [illegible] народного хозяйства немедленно отражается самым отрицательным [illegible] на общем фоне хозяйственного развития» [1].

«Эмпирический закон» Громана, как «правильность, [illegible] в сосуществовании и последовательности явлений», сводится к [illegible] равновесия, неизменно повторяющегося, нарушение которого [illegible] угрозу всей хозяйственной системе. Эмпирическими закономерностями [illegible] ляются закономерности равновесия, как высшего постулата хозяйства. [illegible] меняя эту теорию планирования, Громан приходит к заключению, что [illegible] дах планирования «примат принадлежит генетической точке зрения», [illegible] точке зрения пассивного приспособления к капитализму, которая [illegible] вает развитие советской индустрии довоенными отношениями. «Мы [illegible] даемся из хозяйственной катастрофы, и довоенные соотношения, [illegible] выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной [illegible] являются регулятивными нормами в обыкновенном смысле этого слова [illegible] нашего теперешнего хозяйственного процесса». Довоенные [illegible] как высший предел индустрии, допустимой в условиях диктатуры [illegible] риата, означают, что принцип хозяйственного равновесия устанавливает [illegible] дел планированию, которое не может простираться дальше довоенного [illegible] не может стать законом социалистической реконструкции [illegible] хозяйства. «План» Громана есть орудие классового врага против [illegible] лизма и социалистических закономерностей. Принцип приближения к [illegible] сию есть принцип охранения капитализма от победоносного [illegible] социализма, принцип, стоящий на страже капиталистической эксплоатации. Однако социалистическое планирование как [illegible] номерность эпохи диктатуры пролетариата, как закономерность [illegible] стихийного хозяйства в сознательно-организованное, социалистическое, [illegible] залось недоступным для всяких попыток классового врага свернуть [illegible] социалистического пути.

План есть не выражение приспособления, а специфическая [illegible] ность переходной экономики, осуществляемая пролетариатом, [illegible] планирования, деятельность которого ведет к дефетишизации [illegible] щественных отношений, которая, в свою очередь, является [illegible] из закономерностей переходной экономики.

[1] Плановое хозяйство, 1925 г., № 1, стр. 92.

Кредитный романтизм в золотых тисках.

З. Атлас.

1. Кредитная и монетарная система.

Настоящая статья посвящена критике главнейших представителей современной буржуазно-апологетической школы **кредитных романтиков экспансивистов**. Кредитными романтиками они являются потому, что подобно Ло и Перейрам видят в кредите ничем неограниченную двигательную силу производства и могучее средство разрешения основных противоречий капитализма. **Экспансивисты** кредита они потому, что в непрерывной экспансии кредита, в неограниченном кредитном творчестве «открывают» путь реализации своих кредитно-романтических идей. Совсем как по старому **Джону Ло**, «ошарашившему мир» в XVIII в. своими «экстравагантными» идеями и «опытами» в области кредитного творчества.

Но XX век не XVIII век, и поэтому Ган не просто Ло, Шумпетер — не Маклеод и Сильвио-Гезель — не Прудон или Сен-Симон. Между старыми и современными буржуазными и мелкобуржуазными кредитными романтиками существенная разница.

Кредитная романтика появилась на заре промышленного капитализма, расцвела в начальный период его развития, но в течение всей второй половины XIX века представляла не более, чем эпизодическое явление. Вновь возродилась она во всех странах в период всеобщего кризиса капитализма, в эпоху загнивания капитализма и пролетарских революций. Буржуазия и ее идеологи пытаются воскресить все и всяческие идеи, которые могли бы доказать, что есть еще скрытые силы, могущие оплодотворить творческой энергией, величайшими жизненными импульсами капиталистическую систему, раздираемую внутренними противоречиями, демонстрирующую свое бессилие выбраться из них, и стоящую под грозными ударами «последних, решительных классовых боев».

Маркс дал исчерпывающую характеристику старым кредитным романтикам. Он указал, что двойственный характер, присущий кредитной системе, а именно, «с одной стороны, развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплоатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих эксплоатирующих общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства — эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло, до Исаака Перейры свойственный им смешанный характер мошенника и пророка»[1].

Эта характеристика не приложима к современным кредитным романтикам. «Пророками» их назвать нельзя, ибо как «двигательная сила капи-

---

[1]) **К. Маркс**, Капитал, т. III, ч. 1, 1922, стр. 427

талистического производства» кредит уже полностью исчерпал себя, а ис-ходная форма к новому способу производства в СССР стала фактом, ... ным миллионам всего земного шара. Современные кредитные романти-не «провозвестники кредита», не пророки, но зато они действительно «мо-шенники», хотя и в несколько ином смысле, чем это было ... Марксом о Ло и Перейре. Они «мошенники» в теории, ибо сами не ве-рят в то, что говорят, ибо, развивая романтику в тео-рии, поворачиваются к ней спиной на практике. ... Перейры, Сен-Симон были последовательны от начала и до конца. Они ... создавали одних только теорий: их теории были конкретными ... нами, экономической и социальной программой, ко-торые они же на практике стремились осуществить.

Иное дело — кредитная романтика XX века. В теории — «золотой ... капитализма», на практике оговорки и оговорочки, лишающие эти тео-... всякого практического смысла. Их теории, какими бы филигранными, ... чески-изощренными они ни были (Шумпетер), каким бы псевдо-науч-... аппаратом новых понятий они ни обогащались (Ган, Зомбарт), ... беспомощными в научном отношении произведениями, представляющими со-бой лишь идеологическое оружие в руках буржуазии. Современн... кредитный романтизм — это один из методов апоherм... гии капитализма. Именно в апологии капитализма, в доказательс... жизненности капиталистической системы главный практический смысл ... произведений современных кредитных романтиков от Гана и Шум-тера до Гезеля, Федера и Деймера.

Правда, у американских кредитников есть элементы и действительн... практицизма, который заключается в том, чтобы под флагом общ... осуществить на деле, через Федеральную Резервную Систему, контро... давление крупно-концентрированного финансового капитала над ... предприятиями и, с другой стороны, полностью приспособить кредитную ... литику банкнотно-эмиссионной системы на потребу финансового капи... Аналогичные мотивы отчасти скрыты и за гановской теорией. Но не ... главное, не здесь корень и социальная подоплека теории. То, что харак-ризует современных кредитных романтиков, то, что их резко отличает ... старых романтиков, это их половинчатость, нерешитель-ность. Они как бы боятся того, чтобы их теории приняли всерьез те, ... обладают правом открыть простор кредитному творчеству, кредитной ... пансии, неограниченной кредитной инфляции. Поэтому, не жалея ... красок для картины капиталистического расцвета на базе кредитной ... ции, они на практике приходят к тому, что утверждают золотую ... этой экспансии. Каждый из них по-своему занимается кредитной ... кой, и по-своему развенчивает ее по существу в конкретных выводах, ... практическую бессмыслицу. Отсюда глубочайший кон-фликт теории и практики. Конкретные кредитно-политические ... кредитно-организационные проблемы решаются буржуазией не на ос... но вопреки господствующей кредитной теории, а таковой является ... экспансивистическая теория. Это и есть полнейшее вырождение буржу-... экономии, как науки, предельная степень ее вульгаризации; господству-... теория и господствующая практика буржуазии оказываются на разных ... люсах. Практика лишена научного характера, из теории выхолощена ... ствительность, она абстрагирована от действительности. «Наука» ... щена в чистейший спорт, в соревнование на большую изощренность ... доказательства «в рамках теории» путей и методов неограниченной кре-... ной и производственной экспансии.

Современных кредитных романтиков приходится не столько ...

...ать, сколько разоблачать их двойственность, половинчатость, по существу — теоретическое мошенничество.

Вернер Зомбарт в III т. «Современного капитализма» утверждает, что «самую интересную часть кредитной проблемы представляет вопрос о границах кредита, т.-е. вопрос, в какой мере может быть расширен кредит без того, чтоб возникло расстройство в общей структуре хозяйства». Однако это не только «самый интересный», но и центральный, основной и общий вопрос кредитной проблемы. В эпоху финансового капитализма этот вопрос выходит за рамки узко-кредитной проблемы. В буржуазной литературе наших дней с этим вопросом сплошь и рядом связывается общая проблема судеб капитализма. Именно кредиту придается значение мощного, подчас основного фактора стабилизации и организации капитализма [1]).

Проблема границ или пределов кредита непосредственно связана с учением об «организованном капитализме». Эта связь вытекает из того или иного понимания сущности и роли кредита при капитализме. Можно понимать кредит либо как надисторическую категорию, либо как «иммапентную» форму капиталистического способа производства (Маркс). С этой последней точки зрения кредит в своем развитии обусловлен и ограничен закономерностями капитализма и не может выйти за рамки присущих последнему противоречий.

Но этой марксистской точке зрения противопоставляется буржуазная концепция кредита. С точки зрения этой последней кредит, как форма экономической связи, отнюдь не необходимо ограничен противоречиями капитализма. Напротив того, кредит «снимает», устраняет противоречия капитализма именно потому, что нет органической связи кредита с этими последними. Буржуазные экономисты обычно «открывают» границы кредита в производстве «вообще», в производительных силах, независимо от их общественной формы. А так как производительные силы «вообще» могут неограниченно развиваться, то и кредитная экспансия не имеет никаких специфически-общественных границ.

Отсюда — кредитный романтизм: — неограниченная кредит-

---

[1]) Идеи кредитного регулирования кон'юнктуры в новейшее время разрабатываются и пропагандируются в Англии так называемой «Кэмбриджской школой экономистов». T. Gregori в журнале «Economica» (1924 г.) формулировал основные принципы этой школы из коих отметим следующие три принципа: 1) стабилизация должна быть достигнута скорее наблюдением за созданием новых кредитов, чем наблюдением за созданием новых денег; 2) регулирование кредита дает возможность достигнуть стабилизации как в отношении коротких, так и в отношении продолжительных промежутков времени. Это значит, что можно регулировать колебания хозяйственной кон'юнктуры, даже если не признавать, что основной причиной этих колебаний являются мероприятия в области кредита; 3) орудием регулирования в каждой стране является ее центральный банк, а методом регулирования — изменение учетной ставки, подкрепленное сверх этого операциями на рынке. При применении этого метода следует ориентироваться не только на состояние банковых резервов и вексельных курсов, но и по тем показателям (товарные цены, безработица, состояние производства, движение внешней торговли и пр.). На этой платформе сходится, как отмечает Грегори, значительная группа экономистов. В какой мере реальны идеи Кэмбриджской школы, показывает пример Америки. При наличии федеральной резервной системы в САСШ с конца 1929 г. разразился грандиозный кризис. И это, несмотря на то, что Federal Reserve Board имело прекрасно налаженный аппарат кон'юнктурных наблюдений. Но все кон'юнктурные барометры подвели американских стабилизаторов. Это не могло быть иначе: так называемые «социальные показатели» Кэмбриджской школы фиксируют уже совершавшиеся явления и дают сигнал центральному банку об изменении кредитной политики для того, чтобы сохранить его золотой резерв и предотвратить банкротство, но не для того, чтобы «стабилизировать кон'юнктуру».

ная экспансия, освобожденная от «условностей» и «предрассудков» [illegible] ной системы, открывает неограниченные возможности для развития производительных сил. Если между последними и кредитной экспансией действительно существует такая прямая, вульгарно-механически понимаемая связь, то легко притти к весьма оптимистическим выводам. Так, напр., такая «пустяшная» мера, как устранение законодательных ограничений эмиссии банковых билетов центральными банками капиталистических стран, открывает, с этой точки зрения, возможности неограниченной кредитной экспансии, а, следовательно, и неограниченного развития производительных сил, или, как выражаются экспансивисты, дает возможность «поддержания вечно высокой кон'юнктуры». При помощи же централизованного регулирования кредитной экспансии можно регулировать и цены и об'ем производства отдельных отраслей и, таким образом, добиться не только общего и непрерывного под'ема производства, но и пропорциональности в развитии отдельных его отраслей. Отсюда, конечно, кредит является также и радикальным средством против безработицы, как считает американец Беллерби.

Таким образом, кредитные иллюзии прямо вытекают из определенной, явно буржуазной, вульгарной и апологетической концепции сущности кредита и границ кредитной экспансии. Коль скоро кредит рассматривается вне связи с необходимой связи с специфически капиталистическими условиями производства, возникают иллюзии неограниченной кредитной экспансии, «кредитного творчества» и стабилизации капитализма на базе высочайшего и бесперебойного развития производительных сил.

Чтобы разбить эти иллюзии, надо ударить по теоретическим корням этой концепции. Необходимо доказать, что указанное понимание сущности и границ кредита неправильно, что эта концепция страдает внутренней противоречивостью, вскрыть каковую на примере наиболее сильных представителей данного течения и составляет задачу настоящего очерка.

* * *

«Кредитное хозяйство» — согласно известной схеме ступеней хозяйственного развития Гильдебранда — противопоставляется системе «денежного хозяйства». По Гильдебранду, «кредитное хозяйство» относится к «денежному хозяйству» так же, как «денежное хозяйство» к «натуральному хозяйству». Это—три основные исторические системы хозяйства. Таким образом, с точки зрения этой теории, «кредитное хозяйство» качественно отлично от «денежного хозяйства», представляя собой совершенно новый тип экономических связей. О «кредитном хозяйстве» Гильдебранд говорил, как о хозяйстве будущего и связывал с этой системой хозяйства свои социальные иллюзии. Однако теперь, в эпоху финансового капитализма, кредитные отношения, действительно, приобрели все общность, и, несмотря на это, гильдебрандовские утопии так и остались утопиями. Даже более того: противоречия, присущие капиталистическому хозяйству, в эпоху высочайшего развития кредита и проникновения кредитных отношений во все поры экономической системы еще более обострились. Кредит развивается на основе денег и капитала и вопреки иллюзиям Гильдебранда, при сохранении частной собственности на средства производства не может от этой основы эмансипироваться.

Как бы ни был относительно мал золотой фундамент кредитной системы, он все же является именно тем фундаментом, без которого не может быть воздвигнуто многоэтажное здание кредитной системы. Вот почему методологически абсолютно ложен тот прием исследования, которым пользуется Ган в своей «Народнохозяйственной теории кредита»

Он абстрагируется от денег, и строит, так сказать, «рабочую гипотезу» «безденежного хозяйства». Именно эта гипотеза помогает Ганчритти к выводам о неограниченной, творческой роли кредитной экспансии. И Оутри также пользуется гипотезой «кредитного безденежного хозяйства», строя абстрактную систему «credit without money».

Методология Гана и Оутри ложна так же, как и противопоставление Гильдебрандом системы «денежного хозяйства» системе «кредитного хозяйства». Оутри и Ган абстрагируются от самых основ, от самого существенного элемента той системы хозяйства, которую они анализируют. Вот почему эта абстракция является пустой и методологически ложной, и уже по одному этому вся их логическая конструкция рушится, как не имеющая твердого основания.

Кредитная система чрезвычайно широко раздвигает рамки денежной, монетарной системы, но самих этих рамок она не уничтожает. «Монетарная система,—говорит Маркс,—в основе своей католический, — кредитная система — протестантский институт. «the scotch hate gold» (шотландец ненавидит золото). В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Это та вера, которая необходима и достаточна для спасения души,—вера в денежную стоимость, как имманентный дух товаров, вера в данный способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства, как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но насколько мало протестантизм эмансипировался от основ католицизма, настолько же мало кредитная система независима от базиса монетарной системы»[1]). Это блестящее сравнение монетарной системы с католицизмом, а кредитной—с протестантизмом имеет глубочайшие научные основания, которые даны всем Марксовым анализом капитализма. Меновое хозяйство, на какой бы ступени развития мы его ни рассматривали, заключает в себе противоречия частного и общественного, конкретного и абстрактного труда. Это противоречие, скрытое уже в самом товаре, в его двух полюсах—потребительной стоимости и стоимости, — реально выражается в противоречии товара и денег. Кредитная система не устраняет этого противоречия[2]).

Вот почему «деньги, в форме благородных металлов, образуют основу, от которой кредитное дело никогда не может освободиться»[3]). «Никогда» — подчеркнуто самим Марксом: этим Маркс хотел оттенить всю иллюзорность сен-симонистских и прудоновских иллюзий устранения противоречий обмена через кредит и превращение денег в знаки, эмансипированных от металла. Однако сен-симонистские и прудоновские иллюзии живы и в наши дни — достаточно указать на немецкого «социал-пророка», «творца идей освобожденных денег» — Сильвио Гезеля, а также идеолога «организованного капитализма», «дефетизировавшего» общественные отношения капитализма через посредство «рациональной денежной системы», социал-фашиста и интервента — Рудольфа Гильфердинга.

Между идеями Прудона-Гезеля—Гильфердинга, с одной стороны, и Маклеода-Гана, — с другой, то общее, что все эти теоретики, будучи апологетами капитализма — буржуазными или мелкобуржуазными идеолога-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, гл. 35, стр. 130

[2]) «Банковая система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги действительно представляют не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, при чем, однако, характер этот, как стоящий в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами». (Маркс, Капитал, т. III, ч. II, гл. 36, стр. 144—145).

[3]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2 ...

ми,—игнорируют самые кардинальные противоречия капитализма и не понимают сущности кредита, как «имманентной формы капиталистического способа производства». Общественный характер труда при капитализме иначе не может быть выражен, как в определенной вещи, воплощающей общественный труд, а именно — золоте. Поэтому взрыв противоречия между частным конкретным и абстрактным общественным трудом в форме кризиса — внешне выражается в невозможности превратить товар в деньги. Кредит не устраняет этого противоречия, и поэтому «кредитные деньги лишь постольку являются деньгами, поскольку они представляют действительные деньги в количестве, соответствующем абсолютной величине их номинальной стоимости. Отсюда принудительные меры, повышение размера процента и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото... Но основа этих денег дана в основе самого способа производства. Обесценение кредитных денег расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость, она обеспечена лишь до тех пор, пока обеспечены деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустранимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются» («Капитал», т. III, ч. II, стр. 55—56).

Мы сочли необходимым полностью привести это место из «Капитала», ибо здесь с классической ясностью и исчерпывающей полнотой выявлена связь кредитных денег, создаваемых банками, с кризисами, которые не только не устраняются, но, наоборот, приобретают остроту и всеобщность именно с развитием кредита и кредитных денег.

С этой точки зрения кредит и так называемое «кредитное творчество» («Kredit schöpfung») банков целиком и полностью связано и ограничено той системой производственных отношений (капиталистических), которые это самое творчество порождают.

«Кредитное творчество» никогда не может эмансипироваться от «золотых оков» именно потому, что кредитные деньги неразрывно связаны с действительными деньгами. Если бы кредитные деньги — в форме ли банкнот, акцептов или жиро-платежных обязательств — эмансипировались от золота, как того хотят экспансивисты, а также кредитные утописты, типа Прудона, Гезеля,— то при кризисе неизбежно наступило бы обесценение кредитных денег, а это «расшатало бы все существующие отношения». Вот почему законодательство всех капиталистических стран, вопреки требованиям последовательных номиналистов, так свято охраняет золотые запасы центральных банков и устанавливает твердые нормы покрытия банкнот (а в новейшей практике и текущих счетов) золотом, и этим обуздывает кредитную экспансию. Но тем самым при кризисах «стоимость товаров приносится в жертву (экспансивисты отрицают необходимость этой жертвы. *З. А.*), чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег» (Маркс).

Таким образом, связь кредитных денег, а, следовательно, и «кредитного творчества» банков с деньгами выражается в том, что создаваемые ими банками «кредитные деньги лишь постольку являются деньгами, поскольку они представляют (в обращении.—*З. А.*) действительные деньги в количестве, соответствующем их номинальной стоимости». А так как всегда возможна эмиссия сверх этого предела, то эмитирующие органы должны иметь в запасе известные золотые резервы, чтобы оплатить наличным золотом эту избыточную массу кредитных денег. Поэтому с о с т о я н и е з о л о т ы х р е з е р в о в с и г н а л и з и р у е т н а п р а в л е н и е э м и с с и о н н о й п о л и т и к и б а н к о в: ведь «вместе с отливом золота возможность превратить их (в кредитные деньги.—*З. А.*) в деньги становится проблематичной» (Маркс), а это угрожает обесценением кредитных денег, а следовательно, и расшатыванием всех существующих отношений», чего не могут допустить ни правительства, ни центральные банки капиталистических стран.

Вот почему обуздывание кредитного творчества банков «золотыми оковами» не дань законодательства металлистическим предрассудкам, но является о б' е к т и в н о й н е о б х о д и м о с т ь ю. От эти «золотых оков» н и к о г д а не может освободиться капитализм. А признание необходимости этих оков разрушает все кредитные иллюзии, ибо в их основе лежит предпосылка независимости кредитных денег от действительных денег.

* * *

Когда господствовала классическая (натуралистическая) теория кредита, то ответ на вопрос о границах кредита не представлял больших затруднений и поэтому проблема не была заострена. Ответ гласил: банковские активы целиком определяются и ограничиваются их наличными пассивами, а под последними подразумевались только аккумулированные депозиты плюс акционерный и резервный капиталы банков. Банк не может дать больше того, что он имеет. Кроме того банк не может вложить в кредитование на долгий срок средства, которые он сам получил на короткий срок (до востребования).

Эта теория, как мы показали в нашей статье «Роль кредита и границы кредитной экспансии при капитализме» [1]), оказалась опровергнутой не столько логической критикой, сколько самими фактами. Эти последние определенно говорят о том, что, во-первых, «наличные пассивы» вовсе не являются границей кредитования, ибо это последнее само создает пассивы, и во-вторых, что краткосрочными или контокоррентными пассивами банки фактически в известных пределах пользуются для капитального, д о л г о с р о ч н о г о кредитования.

Первое положение является краеугольным камнем экспансивистической теории. Но, опровергнув своей критикой натуралистов и провозгласив «свободу банковского творчества», экспансивисты встали в упор перед проблемой границ банковского кредитования. Старая граница отвергнута, должна быть найдена новая граница. Нужно заметить, что в поисках этой новой границы экспансивисты отнюдь не проявляют полного единодушия: мы имеем несколько решений этой проблемы, с которыми мы сейчас познакомимся.

2. Альберт Ган.

Наиболее «радикальным» должно быть признано учение вождя современных экспансивистов, того самого Г а н а, который, по выражению К а р л а [illegible], «в XX веке ошарашил мир экстравагантной теорией кредита».

Ган провозглашает perpetuum mobile кредитной экспансии и капиталистической динамики; что же касается таких противоречий капитализма,

---

[1]) «Под знаменем марксизма» №№ 2 и 3 за 1928 г.

как кризисы и безработица, то устранить их—сущий пустяк для «правильной кредитной политики». В стране с единым кредитным банком,—говорит Ган,— или со многими кредитными банками при единой кредитной политике не может быть кредитного кризиса... если только сам банк не захочет вызвать таковой» [1]). Признав правильность его теории, «банки— говорит Ган,— были бы в состоянии устранить соответствующими мероприятиями вредное действие депрессии (Baisse)» (там же, стр. 158). Ган видит две возможности для кредитного регулирования кон'юнктуры в целях устранения кризисов. Во-первых, банки могли бы в самом начале заглушить кон'юнктурное развитие (и следовательно кризисную реакцию под'ема) путем чрезмерного повышения процента. Но эту возможность Ган решительным образом отвергает, ибо, конечно, нет никакого резона задерживать развитие производительных сил. Ему больше импонирует вторая возможность регулирования, а именно поддержание вечно высокой кон'юнктуры «путем постоянно усиливающейся кредитной экспансии» (там же, стр. 159).

Мы не имеем возможности разбирать здесь такие утопические предложения Гана для устранения кризисов, как снижение процента, благодаря возможности кредитной экспансии до нуля (и даже превращение процента в «отрицательную величину!») (там же, стр. 150), или закупка фиском избыточных товаров на склад, что, между прочим, «имеет особенное значение по политическим и милитаристическим основаниям» (там же, S. 151). То, что Ган предлагает свое сомнительное орудие для империалистов,—это любопытно и показательно, но для нас важно сейчас установить лишь то, что Ган признает возможной и даже необходимой «постоянно усиливающуюся кредитную экспансию».

Но ведь Гану должно быть прекрасно известно, что так называемая «покупательская сила», выпущенная сверх об'ема наличного товарообращения, следовательно, дополнительная и избыточная «покупательная сила», должна влиять инфляционно. Этого Ган не отрицает. Но он успокаивается на том, что если в момент кредитной экспансии цены и спрос превышают предложение, то в «дальнейшем» происходит выравнивание (там же, S. 133), и «в общем» (!) благодаря конкуренции цены имеют тенденцию снижаться до уровня «цен издержек» (там же, s. 133). Эта тенденция не действует в отношении сельскохозяйственных товаров, но кредитная экспансия здесь не при чем: Причина заключается в законе убывающего плодородия. Наоборот, в отношении промышленных товаров, в том случае, когда расширение производства, вызванное кредитной экспансией, связано с переходом к более совершенным способам производства, «в дальнейшем» необходимо будет иметь место снижение цен даже ниже уровня, предшествовавшего кредитной экспансии» (там же, s. 138).

Но эти «в общем» и «в дальнейшем»—весьма туманные места в концепции Гана. Пока будут выброшены на рынок новые товары, созданные финансированными кредитной экспансией предприятиями, пройдут многие годы (и сам Ган говорит, что здесь речь идет не о неделях, но о месяцах, годах и даже десятилетии), в течение которых страна—жертва гановской иллюзии—будет обладать расстроенной денежной системой со всеми прелестями инфляции. Какие это прелести и может ли капиталистическое общество примириться с ними в течение того десятилетия, покуда на рынок хлынет новый товарный поток,—это мы предоставим судить самим экспансивистам, тем из них, которые еще не потеряли чувства меры и реальности, а также понимания элементарных законов обращения.

[1]) Albert Hahn — Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits, ...

Итак, кредитная экспансия сулит капитализму «золотой век» вечного и бескризисного под'ема. Единственная граница, на которую, по мнению Гана, может натолкнуться кредитная экспансия,—это *наличная рабочая сила*. Кредитная экспансия исчерпывает свои возможности лишь в тот момент, когда «*последние рабочие резервы страны окажутся уже использованными*» (там же, s. 145). Эта граница есть не что иное, как *наивысшая ступень развития производительных сил, как предел всякой вообще рационализации общественного хозяйства*. И величайшее «чудо» в том, что для этого оказывается не нужно *никаких социальных революций*, — достаточно воспользоваться «социальным рецептом» скромного банковского директора—Альберта Гана!

Нам нет надобности спускать Гана с этих романических высот на грешную капиталистическую землю. Это с успехом проделал сам Ган в своей статье «Kredit», помещенной в IV издании «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». [1]).

Внеисторическую границу кредита — производительные силы «вообще»—Ган выдвигает и в указанной статье, однако, вносит при этом поправку, которая подрывает самые основы его концепции. «Границы (кредитной экспансии.—*З. А.*),—говорит Ган,—достигаются тогда, когда даже *самое сильное изменение* распределения,—в ущерб чистым потребителям не может вовлечь новые рабочие силы в производство благ,—*состояние, до которого современное капиталистическое хозяйство редко доходит, потому что кон'юнктурные колебания, обусловленные кризисными явлениями, периодически приносят с собой сильные задержки сбыта и ограничения производства и мешают полному использованию всех производительных сил*» (там же, ss. 55—56).

Уж из этой фразы вполне ясна беспочвенность того кредитного романтизма Гана, о котором речь была выше. Оказывается,что кредит «вообще», «рассуждая чисто теоретически», хотя и может привести капитализм к наивысшему развитию производительных сил (и следовательно между производственными отношениями капитализма и производительными силами нет никаких противоречий), но до этого делу «редко доходит», потому что кризисы... мешают развитию производительных сил! К чему же все его кредитно-романтические рассуждения? Очевидно, они нужны только для *апологии капитализма*, хотя аргументация Гана, направленная в эту сторону, опровергается наблюдением того же Гана над некоторыми конкретными явлениями капитализма.

Но этого мало, нам нетрудно доказать, что приведенный выше теоретический «постулат» Гана о независимости кредитной экспансии от закономерностей обращения, на котором собственно и зиждется весь его романтизм, опровергается в этой статье самим же Ганом с решительностью, достойной похвалы.

Ган различает *неинфляторный и инфляторный* кредит. Границы возможности экспансии первого заключаются в нем самом, а именно определяются об'емом сбережений (и это совершенно верно). А «что касается способности банков сверх рамок неинфляторного кредита предоставить инфляторный кредит, то вообще нужно сказать, что эта способность

---

[1]) Эта статья вошла в сборник журнальных статей Hahn'a, под названием: «Geld und Kredit», Tübingen, 1924 г. Мы цитируем эту статью по названному сборнику. Эта статья появилась в русском переводе в сборнике НКФ «Кредит и банки», М. [illegible] г.

имеет силу не только в виде исключения, как обычно считается, но, как правило, и *в большом об'еме*. Последние десятилетия, в особенности в Германии, представляют собою не что иное, как *один сплошной период почти беспрерывного предоставления инфляторных кредитов*» (там же, s. 47). Таким образом Ган хочет представить экономический под'ем Германии за последние десятилетия (перед мировой войной), как *следствие кредитной инфляции*.

Однако все это не более, чем дань кредитной романтике—одному из приемов апологии капитализма, — ибо констатирование некоторых фактов самим Ганом опровергает это положение. Мы отметили, что кредитный романтизм Гана покоится на посылке о независимости кредитной экспансии от закономерностей обращения. Дадим слово самому Гану для опровержения этой центральной посылки его концепции. В разделе VI указанной статьи под заголовком «Кредит и кризисы» Ган утверждает, что «кон'юнктура, созданная кредитной экспансией, может окончиться или разразиться более или менее кризисными явлениями в силу двух причин...». Первая причина заключается в следующем.

«В государстве с чистобумажной валютой, где не обращается никакого внимания на отношение ценности внутренних денег к иностранным, возможно постоянно продолжающееся увеличение массы денег. *Наоборот, это невозможно, если в соответствующем государстве поддерживается золотая валюта и ли если государство желает поддерживать определенный паритет внутренних денег к иностранным*, ибо обращение денег, идущее параллельно с увеличением массы денег, ведет за собою короткие или длительные отливы золота или потрясения паритета внутренних денег к иностранным, что делает необходимым из интервалютных оснований прекращение роста денежной массы. Это происходит, таким образом, что ограничивается масса предоставляемых кредитов. Это в свою очередь достигается тем, что посредством повышения дисконта поднимаются уровень процента и этим удорожается кредит» (там же, стр. 57).

Все это приводит к «*падению промышленной прибыли, заработной платы и более или менее обширной безработице*» (там же, стр. 58).

Таким образом кредитная инфляция обуздывается *золотыми тисками*, которые либо оковывают такого рода кредитную экспансию в самом начале, либо душат хозяйственный под'ем на его кульминационной точке. Ган не приводит доказательств, что капитализм может обойтись без золотой валюты. Но этого он и не мог бы доказать. А раз необходима золотая валюта, значит беспочвенны и все теоретические рассуждения Гана, связанные с неограниченностью и творческой ролью кредитной экспансии. *Но признание связанности кредитной экспансии золотой валютой есть не что иное, как опровержение выдвинутого Ганом постулата о независимости кредитной экспансии от закономерностей обращения. Напротив того, именно эти последние целиком и полностью ограничивают кредитную экспансию или так называемый инфляторный кредит*. И эту связанность кредитной экспансии золотыми оковами признал, как мы показали, сам Ган-практик, хотя бы и в явном противоречии с Ганом-теоретиком (с аналогичным противоречием теории и практики мы встретимся ниже при анализе учения Шумпетера).

Теперь обратимся ко второй причине кризиса, как завершения кредитной экспансии.

«Но если даже,—говорит Ган,—не последует крушение кредитной экспансии из валютно-политических оснований, то всё же кредитная экспансия сама по себе может привести к кризису. Кредитная экспансия означает, как отмечалось, также под'ем производства. Но производственный под'ем длительно невозможен, если соответственно не расширится потребление». Если этого не произойдет, то неизбежен кризис. Путь кредитной экспансии — это путь непрерывного и все усиливающегося ограничения потребления. Между тем, вопреки концепции Туган-Барановского, производства ради производства не может быть. Отсюда ясно, что если бы даже была возможна неограниченная кредитная экспансия (т.-е. если отвлечься от закономерностей денежного обращения), то хозяйственный под'ем, вызванный ею, заключал бы противоречие в себе, поскольку эта экспансия обостряет противоречие производства и потребления и следовательно ускоряет неизбежный и независимо от кредитной экспансии кризис. А раз так, значит и развитие кредитной экспансии, осуществляемой гановскими методами, являются вместе с тем ее самоотрицанием, ибо порождаемые ею явления парализуют эту экспансию. Таковы необходимые выводы из признанной Ганом второй причины кризисов, порождаемых кредитной экспансией.

Признание этих «двух причин» означает, как мы показали, полнейшее банкротство кредитного романтизма Гана и абсолютно несовместимо со следующим тезисом Гана:

«Вечное продолжение кредитной кон'юнктуры рассуждая чисто теоретически (!), может быть достигнуто таким образом, что при задерживающемся сбыте постоянно опять будет возникать спрос, благодаря кредиту делающийся платежеспособным» (там же, стр. 58). Несовместимость этого «чисто теоретического» тезиса с фактами, повидимому, сознает и сам Ган, ибо в своем заключительном «практическом» резюме о задачах кредитной политики он говорит следующее:

«Кредитная экспансия есть одно из сильнейших средств — пожалуй вообще самое сильное средство—для того, чтобы через полнейшее использование производительных сил ускорить хозяйственное развитие страны и привести его к высочайшему процветанию. Однако путь кредитной экспансии идет через относительное экспроприирование денежных собственников, через ухудшение (обесценение) имеющихся в народном хозяйстве денег и через опасность кризисов сбыта, которыми современное капиталистическое хозяйство и без того достаточно страдает. Можно поэтому рассматривать задачу целесознанной кредитной политики в том, чтобы провести народное хозяйство через Сциллу хозяйственного упадка и Харибду обесценения денег и кризисов» (там же, стр. 59).

Это, конечно, уже не кредитная романтика, но вполне «разумное рассуждение». Но это рассуждение означает полнейшее банкротство абстрактной теории Гана перед лицом конкретных фактов ¹). Так называемый «об'ект познания» теории Гана целиком и полностью оторван от «об'екта

---

¹) R. Stucken также отмечает, что Ган и Шумпетер в своих новейших выступлениях значительно уже определяют границы кредитного творчества,—по крайней мере, поскольку речь идет о странах с золотой валютой,—чем в прежних своих работах. Этим, с точки зрения Штукена, устраняются некоторые уязвимые для критики места (Angriffspunkte) их учения (см. Weltwirtschaftliche Archiv, Bd. 30, Heft I, [illegible], S. 209). Это сказано чересчур мягко: ведь эти Angriffspunkte их учения являлись [illegible] необходимыми и важнейшими элементами их общей теоретической концепции. А раз так, значит мы вправе говорить не об исправлении некоторых уязвимых мест их теории, но о банк[illegible]

опыта». Кредитная романтика Гана разбивается в пух и прах о золотой барьер; кредитный романтизм оковывается золотыми тисками, и от этих тисков он может освободиться разве только чисто метафизической теорией[1]).

3. Вернер Зомбарт.

Обратимся теперь к теории кредита и в частности к учению о границах кредита Вернера Зомбарта, который тоже отдал дань кредитно-романтическим иллюзиям. Эклектик Зомбарт и в теории кредита вполне выдерживает общий свой стиль. С одной стороны, он идет значительно дальше Гана, считая, что и рабочая сила не является границей кредитной экспансии, а с другой стороны, возвращается к пассивной и натуралистической теории, заявляя, что «депозиты большей части краткосрочны и... не подходят для кредитования в основной капитал» (для Anlagekredit)[2]).

Это будто обязывает к принятию основного тезиса натуралистов — обусловленности активов наличными пассивами или prius'а пассивов, в отличие от prins'а активов у Гана. Но ничего подобного: Зомбарт — горячий экспансивист, еще более горячий, чем сам Ган!

Далеко не бесполезно познакомиться с этим экспансивистическим «уклоном» теории Зомбарта, ибо здесь Зомбарт несомненно оригинален, он не просто копирует Гана.

Из приводимых Зомбартом классификаций кредита (классифицировать явления — в этом талант Зомбарта!) с интересующей нас точки зрения наиболее интересным и принципиально значимым является разграничение видов кредита по третьему классификационному признаку,—«по происхождению кредитных средств» (там же, стр. 176). Здесь Зомбарт устанавливает, что «средства, которыми оказывается кредит, т.-е. средства, при помощи которых лица, не располагающие деньгами, приобретают покупательскую силу, образуются либо из общественных доходов, либо из обращающихся капиталов, либо из ничего (aus dem Nichts). Оба первых вида средств можно об'единить и противопоставить третьему виду. Этот последний Зомбарт называет трудно переводимым термином Anweisungskredit, а первые два Ubertragungskredit (грубо — «переносный кредит», там же, стр. 177). Под Anweisungskredit («притязательный», «ордерный», «приказной» кредит), который мы будем называть «творческим кредитом» (что соответствует вкладываемому Зомбартом содержанию в этот термин), Зомбарт понимает то, что обычно называется «создание кредита» (Kreditschöpfung). Но Зомбарт считает это понятие многозначным, а потому неясным.

О «создании кредита» можно говорить в трех различных случаях, а именно, когда предоставленный кредит выдан: 1) сверх актива заемщика; 2) сверх актива кредитующего и 3) сверх актива общества. При

---

[1]) С аналогичными Гану социально-кредитчыми иллюзиями выступил в немецкой литературе Федер (Feder). «Во всяком случае,— говорит Федер,— мы уверены, что эта форма финансирования (по рецепту Гана.—*З. А.*) открывает перед нами непредвиденные и грандиозные возможности в отношении использования естественных богатств страны, улучшения средств сообщения и т. п... Каждый народ настолько богат, насколько он может организовать свой труд (разрядка наша —*З. А.*). По Федеру, капиталистическое общество, регулируемое правильной кредитной политикой и щедрой кредитной эмиссией, способно лучше всего организовать общественный труд и, следовательно, привести к наибольшему общественному богатству! (Feder, Der Kommende Steuerstreik, S. [illegible]

[2]) W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, Bd. III, Halbband I, München, [illegible] S 185. Этот том «Современного капитализма» недавно появился в русском переводе в издании ГИЗ'а.

этом, подчеркивает Зомбарт, «*только в последнем случае имеется Anweisungskredit, чисто творческий кредит*» (там же, стр. 177—178).

Итак, кредит может расширяться не только сверх фондов, которыми располагают заемщики и заимодавцы, но даже и сверх «актива общества». Под этим последним Зомбарт понимает *не только средства производства*, но и *рабочую силу* в том об'еме, в котором она до кредитования имелась в обществе. Он подчеркивает, что при «творческом кредите» предоставляемая производителям покупательная сила превышает находящийся в действительности запас рабочей силы. Этот кредит, следовательно, «всегда представляет собой покупательскую силу, *которая может быть удовлетворена только дополнительным трудом*» (разрядка Зомбарта.—*З. А.*), и «отсюда вытекает, что Anweisungskredit имеет очень важное значение для возникновения новых капиталов» (там же, стр. 178).

Итак, мы видим, что *Зомбарт* по своей радикальности оставил далеко позади самого Гана, поскольку он считает, что *при посредстве кредита капитализм не только в состоянии ликвидировать безработицу, но даже делает необходимым усиленное «производство рабочей силы»*. Тем самым Зомбарт как будто бы устраняет и установленную *Ганом* границу и видит в кредите прямо чудесную силу, создающую и новый труд и новый *капитал*. Здесь уже как будто вообще всякие границы для кредитной экспансии совершенно устранены: нельзя себе представить более мощного рычага прогресса, чем кредит!

Но такие выводы из теории Зомбарта, хотя они и соответствуют в точности приведенным положениям, были бы слишком поспешными. Здесь *Зомбарт*, точно так же как *Ган* и *Шумпетер*, отдает лишь дань экономическому (кредитному) *романтизму*, а *реализм*, вытекающий из подлинного эмпиризма,—еще впереди...

Переходя к решению проблемы «границ кредита», имеющей кардинальное значение для практических вопросов экономической политики буржуазии, *Зомбарт* покидает заоблачные выси романтики и становится на твердую почву реальности.

«Границы кредита» он устанавливает применительно к: 1) кредиту вообще, 2) «переносному кредиту», 3) «творческому кредиту». Разберем все эти три случая.

1) Здесь мы узнаем, что «для всех видов кредита общей границей является *величина запаса наличных денег* (Bargeldvorrat) страны, следовательно, в нормальное время величина *золотого запаса*, поскольку эмиссия банкнотов базируется на строго определенной количественной пропорции к золотому запасу». При это *Зомбарт* ссылается на *Маркса*, который указал на невозможность для кредитной системы при капитализме эмансипироваться от металлических границ. Однако заметим, что Маркс показал, *почему* это невозможно, и эту невозможность, которая становится реальной при *кризисах*, Маркс выводил из общих противоречий капитализма. Между тем Зомбарт просто сваливает в одну кучу сверх-гановские иллюзии с Марксовой теорией, которая, как небо от земли, далека от этих последних...

«Наличные деньги» в современных условиях нужны в следующих случаях: a) для сальдирования платежного баланса между странами, b) междубанковского сальдирования, c) платежей в мелком обороте, как, напр., в трамваях, ресторанах, театрах и т. п., d) для выплаты заработной платы рабочим, e) для платежей сельским хозяевам, особенно там, где таковыми явля-

ются мелкие хозяева (крестьяне) (там же, стр. 181). Все это, конечно, [illegible]шенно правильно, но в то же время очень мало увязывается, как мы [illegible] покажем, с романтикой Г а н а и самого З о м б а р т а.

2) В отношении «переносного кредита» границей служит н а л и ч н [illegible] о б ' е м с б е р е ж е н и й, и эта граница никогда не может быть нару[illegible] (здесь Зомбарт лишь повторяет Гана).

3) Что касается «творческого кредита», то таковой, во-первых, [illegible] общую для всех видов кредита границу,— об'ем резервов денежной [illegible]ности; кроме того, «творческий кредит» имеет и специальную границу, [illegible]ключающуюся в «способности капиталистического хозяйства к расши[illegible]нию» (Ausdehnungsfähigkeit der kapitalistischen Wirtschaft). В свою о[illegible]редь эта «способность» определяется: a) с с у б ' е к т и в н о й с т о р о н[illegible] как «у с л у г о с п о с о б н о с т ь» (Leistungsfähigkeit) капиталистическ[illegible] предпринимателя в интеллектуальном и моральном смысле; b) с о б ' е к т[illegible] н о й с т о р о н ы эта «способность» обусловливается возможностью [illegible]личения: 1) вещных капиталов, 2) рабочей силы, 3) сбыта; наконец, c) «с[illegible]собность к расширению капиталистического хозяйства зависит от ро[illegible] бесперебойной работы капиталистической машины, т.-е. от правил[illegible] течения хозяйственного процесса, особенно от предпосылки постоя[illegible] пропорциональности производства, дабы не могли иметь места ник[illegible] потрясения» (Там же, 182).

Верный своему, как мы сказали, «классифицирующему методу иссл[illegible]вания», Зомбарт здесь с чисто немецкой педантичностью перечисляет в[illegible]можные ограничения кредитной экспансии. Но при всей своей полноте, [illegible] классификация тормозов экспансии все же не может быть признана уд[illegible]летворительной, ибо между всеми этими «тормозами» не установлено [illegible]кой в н у т р е н н е й и з а к о н о м е р н о й с в я з и и не выделены об[illegible]славливающие и обуславливаемые факторы.

В самом деле, разве можно сказать, что граница расширения капи[illegible]листического хозяйства (и, следовательно, кредитной экспансии) дана в[illegible]можностью расширения «вещных капиталов» и рабочей силы? Такая г[illegible]ница действительно эффективна лишь в о р г а н и з о в а н н о м о б щ [illegible] с т в е н н о м х о з я й с т в е, непосредственной целью которого слу[illegible] наиболее рациональная организация «вещей и людей» для наибольш[illegible] удовлетворения потребностей, входящих в данный социальный коллек[illegible] индивидуумов. Наоборот, в к а п и т а л и с т и ч е с к о м х о з я й с т[illegible] непосредственной целью или движущим стимулом развития служит по[illegible] ч е н и е п р и б ы л и капиталистами или возможность создания стоимос[illegible] и п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и. Если этой возможности нет, е[illegible] капиталист не получает от «комбинации» вещей и людей никакой прибы[illegible] то парализуется и стимул развития, х о т я б ы о б щ е с т в е н н ы е [illegible] т р е б н о с т и у д о в л е т в о р я л и с ь л и ш ь в с а м о й н е з н а ч [illegible] т е л ь н о й м е р е и х о т я б ы и м е л а с ь в н а л и ч и и м а с с а с[illegible] б о д н ы х «в е щ н ы х к а п и т а л о в» и р а б о ч е й с и л ы.

Далее у Зомбарта, наряду с рабочей силой и «вещными капитала[illegible] в качестве лимита, указана возможность расширения «сбыта». Нако[illegible] в качестве особого, н е з а в и с и м о г о от этого последнего фактора, у[illegible]зана необходимость «постоянной пропорциональности производства» и «ровная, бесперебойная работа капиталистической машины». Но с[illegible]шенно ясно, что это не два самостоятельных фактора, но два момента — причина и следствие. Очевидно, что сама возможность сбыта, если отбро[illegible] народническо-люксембургианскую теорию «третьих лиц», обусловлива[illegible] этой самой «постоянной пропорциональностью производства», котор[illegible] действительности при капитализме нет и н е м о ж е т б ы т ь. Из [illegible]

порционального развития капитализма (включая сюда как диспропорцию между отраслями производства, так и диспропорцию между производством и потреблением) вытекают ограниченные возможности сбыта (кризис сбыта, как выражение промышленного кризиса), а из этих последних невозможность реализовать прибыль. При наличии же этой последней «границы» общей хозяйственной экспансии отпадают другие границы: а) наличная рабочая сила; b) «вещные капиталы» и с) «услугоспособность капиталистического предпринимателя в моральном и интеллектуальном смысле». Коль скоро налицо диспропорция, кризис и отсутствие прибыли— «вещные капиталы», рабочая сила и «услугоспособность капиталистических предпринимателей» не могут ограничивать капиталистическую экспансию, ибо как раз в эти моменты и то, и другое, и третье находится в огромном избытке.

Как мы видим, Зомбарт просто смешал границы хозяйственной экспансии вообще и границы специфически-капиталистического развития, особенность которого заключается как раз в том, что оно, в силу внутренних своих противоречий, не в состоянии использовать всех имеющихся в обществе возможностей развития, и на определенной ступени эволюции превращается в тормоз хозяйственной экспансии вообще.

Но можно ли сказать, что установленные нами общие границы капиталистической экспансии являются в то же время и границами кредитной экспансии? Здесь мы сталкиваемся со второй ошибкой Зомбарта—смешением общих границ капиталистической экспансии (которые к тому же неправильно им установлены) с границами кредитной экспансии. Эта ошибка вполне аналогична предыдущей. Данное Зомбартом решение проблемы границ кредитной экспансии (Anweisungskredit'a)—не более чем трюизм. «Вообще», конечно, бесспорно, что кредитная экспансия не может дать больше того, что способно дать самое капиталистическое хозяйство. Но как капиталистическое хозяйство имеет свои специфические границы в отличие от общих границ хозяйственного развития, так и кредитная эмиссия, т.-е. «кредитное творчество», имеет свои специфические границы.

В свою очередь эта ошибка как Гана, так и Зомбарта базируется на ложной трактовке существа и функций так называемого «творческого кредита». Единственно, что может «создать» Anweisungskredit — это средства обращения, не капитал и даже не деньги, а только знаки денег, при чём «кредитные деньги лишь постольку являются деньгами, поскольку они представляют действительные деньги в количестве, соответствующем абсолютной величине их номинальной стоимости. Отсюда принудительные меры, повышение размера процента и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото» (Маркс).

То, что в конце концов и сами экспансивисты в полном противоречии со своей теорией, но в согласии с действительностью, вынуждены, хотя и в скрытой форме, признать эту границу,—не трудно доказать как на анализе зомбартовской теории, так и теории других экспансивистов — Шумпетера, Приона, Оутри и др.

У Зомбарта это признание скрыто за установленной им общей для всех видов кредита, и в том числе «творческого кредита», границей, заключающейся в величине запаса наличных денег, а поскольку денежные системы базируются на золоте, то в величине золотого запаса.

Но признание этой границы лишает всякого значения все прочие мнимые границы, установленные Зомбартом для кредитной экспансии. Конкретно это значит, что если банки при неизменности всех прочих условий «сотворили» слишком много средств обращения, если их «покупательская сила» стала значительно превышать наличную массу реализуемых товарных ценностей (выраженную в золоте, след. сумму товарных цен), то неизбежна переоценка этих знаков ценностей. А так как золото остается при прежней «оценке» (так как его ценность не затрагивается «творческим кредитом»), то все начнут требовать от эмитента превращения «знаков ценностей» в действительную ценность—золото. В результате золотой запас уменьшается, а кредитная экспансия заменяется кредитной рестрикцией. Таким образом, эта золотая граница не является самодовлеющей и конечной, вопреки мнению Зомбарта, но служит лишь внешним выражением нарушенной пропорциональности капиталистической системы производства. Вот почему Маркс говорит об этой металлической границе, как о «фантастической границе богатства», что как раз и упускается из виду Зомбартом, который здесь пытается оперировать на Маркса. Если бы указанная пропорциональность постоянно поддерживалась (чего, как мы показали в другом месте, нет и не может быть при капитализме, ибо диспропорция имманентна капитализму), то не было бы и этой «фантастической границы», ибо «с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить... металлическую границу» (Маркс).

Но, признав эту «фантастическую границу богатства» в качестве границы кредитной экспансии, Зомбарт вместе с тем поставил крест и над всеми прочими ложно установленными им границами, а вместе с тем и крест над самой экспансивистической теорией. Ибо оказывается, что кредитная экспансия связана отнюдь не общими границами хозяйственного развития вообще и непосредственно, отнюдь не общими границами капиталистической экспансии, но единственно только возможностями такого расширения кредитно-денежного обращения, при котором бы сохранялась определенная пропорция между золотым резервом и эмитированными средствами обращения.

Поскольку диспропорциональность, присущая капитализму, проявляется также и во всех без исключения формах банковского кредита, постольку постоянно имеет место это сокращение и расширение золотого запаса, который ложно трактуется теоретиками, как самодовлеющий лимит и регулятор кредитной экспансии. Это не лимит и не регулятор кредитной экспансии, но лишь внешняя форма проявления внутренних закономерностей и противоречий кредитной экспансии.

Но признание этой «фантастической» границы вышибает, как мы показали, из зомбартовской теории почву для романтики. Кредитная романтика Зомбарта оказывается столь же прочно связанной золотыми тисками, как и романтика Гана!

4. Шумпетер и Прион.

Такая же неудача постигает и кредитную романтику другого экспансиониста — Шумпетера. Этот экономист, с одной стороны, признает, что «творческий кредит» или, как он говорит, «финансирование производства за счет ad hoc созданной покупательской силы» (что также именуется и

... вынужденные сбережения» — gezwungenes Sparen. — *З. А.*) «принципиально характеризует метод, который осуществляет хозяйственное развитие в незамкнутом народном хозяйстве» [1]). В другой своей работе он выражается еще более определенно, подчеркивая, что «эти методы финансирования (вторичеокий кредит».— *З. А.*) следует рассматривать, как собственно нормальные и еще более, как единственно возможные» [2]).

Но, с другой стороны, наряду с этим «теоретическим анализом существа вещей» и т. п., Шумпетер наталкивается на ту же самую границу, о которую разбились теории Гана и Зомбарта, — золото. Шумпетер признает, что его теоретические «положения слишком сильно отклоняются от действительности для того, чтобы можно было рекомендовать изложенный ход мыслей в качестве практической кредитно-политической установки [3]) и, «разумно рассуждая», рекомендует самым основательнейшим образом связать кредитную экспансию «золотым тормозом» («goldene Bremse»); т. е. покончить с тем, что в теории было признано, как «собственно нормальное, и еще более, как единственно возможное»!!! [4]). Блестящий удел теории, которая, по признанию самого автора, совершенно опрокидывается на практике!

Но это противоречие теории и практики есть не что иное, как выражение внутренней дефективности самой теории. Разница же между Зомбартом и Шумпетером лишь в том, что у первого дефективность теории выражается в неустранимом противоречии между элементами самой теории, а у второго эта дефективность выражена в противоречии между теорией (которая лишь словесно освобождена от противоречий) и практикой (политикой). По существу же несостоятельными остаются в равной мере как теория Зомбарта, так и теория Шумпетера.

То же нужно сказать и о Прионе. Этот автор в целом ряде своих работ, в частности в ряде статей, помещенных в Handwörterbuch des Staatswissenschaften [5]), развивает чисто натуралистические, созвучные классической теории взгляды на банковский кредит. Однако целый ряд положений, выдвинутых Прионом в его работе о кредитной политике (сборник статей), дает нам основание считать, что Прион примкнул к эмиссионистической теории.

Отвергая основной тезис натуралистической концепции, Прион исходит из совершенно правильного положения, что «банки могут также предоставлять кредит без того, чтобы располагать для этого соответствующими чужими капиталами, или без того, чтобы использовать собственные капиталы» [6]). Мы знаем, что в этом случае кредит следует рассматривать как форму обращения или реализации, что никакого капитала этим актом кредитования не может быть создано, ибо банк эмитирует не деньги и не капитал, но средства обращения, которые лишь легитимируют кредитную эмиссию, созданную в процессе коммерческого кредита [7]).

---

[1]) I. Schumpeter, Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung, S. 214.

[2]) I. Schumpeter, Die goldene Bremse an der Kreditmaschine «Kreditwirtschaft», S. 87.

[3]) Там же, S. 98.

[4]) Подробно мы анализировали теорию кредита Шумпетера в нашей статье «Роль кредита и т. д.» в «Под знаменем марксизма», № 3, за 1928 г.

[5]) См. в сборнике «Кредит и банки», изд НКФ, 1929, статьи Приона «Основные проблемы банковской политики» и «Организация и основные операции коммерческого банка»

[6]) D-r W. Prion, Kreditpolitik. Berlin, 1926.

[7]) См. нашу статью «К теории банковск. кредита» в «Под знаменем марксизма» №№ 6 и 7—8 за 1929 г.

Но Прион придерживается иной точки зрения. «Они (банки. — З. А.) сами создают,—говорит Прион,—новые платежные средства, которые они предоставляют своим клиентам под обязательство обратного притока со стороны последних. Предоставление кредита связано с созданием денег или, как иначе можно выразиться, путем кредита выпускаются новые деньги. Когда банк эмитирует новые деньги, то кредитующийся во всяком случае получает деньги; для него нет различия между новыми деньгами и наличным ссудным капиталом: кредит есть для него ссудный капитал, который служит дополнением к ранее имевшемуся у него в наличии капиталу. Но кроме того, этот кредит означает прирост в денежном капитале вообще: ссудный капитал, которым располагает народное хозяйство, увеличивается на сумму этого кредита» [1]) (разрядка наша.—З. А.).

Смешав средства обращения с деньгами, деньги с капиталом, кредитную функцию капиталообразования и капиталораспределения с функцией капиталообращения (товарной реализации), Прион вполне естественно приходит к важнейшему выводу экспансивистической теории, что кредитная эмиссия есть создание капитала. Он утверждает, что путем кредитования за счет эмиссионных фондов увеличивается об'ем капитала заемщиков и, наконец, что такое увеличение массы капиталов вполне закономерно.

Но с принятием этого тезиса становится совершенно непонятным, для чего же банки аккумулируют сбережения и платят за них проценты, коль скоро они могут создавать капитал «aus dem Nichts». Если признать это положение, то нужно отвергнуть какое бы то ни было экономическое значение сбережений и банковской аккумуляции, на что смело пошел Ган, который поэтому оказался более последовательным, чем Шумпетер, ибо последний не отрицает того, что «энергия, при посредстве которой сберегаются средства, есть конечно существенный элемент судьбы народа и его будущности» [2]).

Та же непоследовательность и у Зомбарта, который наряду с «творческим кредитом» говорит и о «übertragungskredit'e» («переносном кредите»), хотя по логике вещей «творческий кредит» совершенно исключает всякую необходимость и целесообразность для банков и для народного хозяйства пользования «переносным кредитом».

Прион останавливается на полдороге и не решается итти до конца за Ганом в романтические выси. Аналогично Шумпетеру и Зомбарту, Прион сначала воздает должное кредитной экспансии, как методу капитального финансирования: «Таким образом,—говорит Прион,—создание кредита (Kreditschöpfung), которое связано с временным увеличением массы денег, не только выгодно (erträglich) для народного хозяйства, но даже может сопровождаться благоприятными последствиями, так как оно возбуждает предпринимательский дух, увеличивает производство товаров и содействует более правильному распределению доходов» [3]).

Однако далее мы опять наталкиваемся и у Приона на противоречие, общее для всей школы экспансивистов, которую можно также назвать школой кредитных романтиков. Ведь из всех приведенных рассуждений Приона как будто следует, что нужно всячески поощрять этого рода кредитную экспансию, которая не имеет никаких специфических

---

[1]) Там же, S. 29—30.
[2]) «Kreditwirtschaft», I Theil, S. 85.
[3]) Prion, Die Kreditpolitik, S. 32

капиталистических границ и для которой не писаны законы денежного обращения. Приону следовало бы признать, что граница этого кредита не обусловлена специфически-капиталистическими противоречиями, т.-е. что границей кредитной экспансии является об'ем наличной рабочей силы (Ган) или даже еще больше того — потенциальная возможность расширения этой производительной энергии — рабочей силы (Зомбарт).

Но ничего подобного не утверждает Прион, который в противоположность Шумпетеру хочет быть «разумно рассуждающим» также и в теории. От приведенных романтических иллюзий Прион круто поворачивает к реальным возможностям использования кредитной экспансии. Утверждая необходимость финансировать производство за счет Kreditschöpfung, Прион тут же предупреждает от «увлечений», говоря о «правильной мере» этого кредитования. Если же «die Kreditschöpfung der richtige Mass überschreitet» («создание кредита превысит правильную меру»), то благоприятные последствия этого чудесного «творчества» превратятся в свою противоположность и в результате наступит глубокое потрясение всего народного хозяйства[1]).

Это уже совершенно не похоже на Гана и Шумпетера (в теории). Прион не может обосновать ту самую «меру», которую он все же признает. Граница кредитной экспансии, по Приону, таким образом существует, но она непознаваема, как некая кантовская «вещь в себе»...

Оставляя непознаваемой об'ективную границу кредитной экспансии, Прион апеллирует к банковскому «опыту», который в отличие от прионовской теории эту границу суб'ективно постоянно воспринимает и ориентируется на нее. «Платежеспособность банка,— говорит он,— определяет банково-техническую (?) границу создания кредита. Она исчисляется банковской политикой, покоящейся на опыте» (там же, S. 34).

Излишне доказывать, что это не решение проблемы, но отступление теории перед трудностями задачи и далеко не «в полном боевом порядке». Экономическая теория должна вскрыть об'ективную обусловленность суб'ективных действий и вскрыть те об'ективные закономерности, которые детерминируют банковский опыт. Нужно было показать, на какой именно точке банк, благодаря созданию кредита, лишается платежеспособности и, следовательно, вынужден свертывать свою эмиссию. Нужно было, далее, показать, когда и почему становится необходимой кредитная экспансия и когда необходима кредитная рестрикция. Поэтому апеллирование к суб'ективному банковскому опыту мы рассматриваем, как полное банкротство прионовского варианта экспансивистической теории. Этот вариант, безусловно вполне «практический», также разбивается о тот самый камень (наличность — золото!), о который разбились варианты Шумпетера и Зомбарта[2]).

5. Оутри.

Что же касается Оутри, которого сам Ган безоговорочно причислил к своей школе, то у него вообще очень мало романтики и с самого начала фигурирует вполне реалистически-практический анализ кредитной экспансии.

---

[1]) Prion, Die Kreditpolitik, S. 32.

[2]) В последнее время в немецкой литературе появился новый труд Honegger'a («Der schöpferische Kredit», Iena, 1929, Aufl. G. Eischen), автор которого защи

Правда, Оутри признает, что банк может «создавать кредит» (что не отрицается также и нами) и что это создание стимулирует расширение производства. Однако Оутри относится вполне трезво к этой возможности расширения производства путем «создания кредита» (Creation of Credit), ставя кредитной экспансии довольно узкие рамки. Что Оутри в отличие от Гана не сторонник perpetuum mobile кредитной экспансии, видно из следующих его рассуждений по этому вопросу.

«Легко видеть,—говорит Оутри,—как линия наименьшего сопротивления постоянно ведет ко все большей и большей инфляции. Если инфляция кредита однажды началась, то последствия ее будут чувствоваться в отливе золота» [1]. Но, может быт, это последнее уже не так страшно, может быть, несмотря на это, нужно продолжать линию «наименьшего сопротивления»?

Ничего подобного. Оутри придерживается вполне трезвых взглядов, столь же трезвых, как и взгляды Шумпетера — практика или политика. «Если пытаются устранить сокращение обращения (мнимое.— З. А.) дальнейшими эмиссиями и в то же самое время не настаивают на высокой норме процента, кредитная инфляция будет усиливаться, новое снабжение средствами обращения (currency) будет упорно отливать в обращение (circulation) и извлечение золота для экспорта будет продолжаться. Скоро последует новый крик об увеличении обогащения, и если при том же самом положении будут действовать тем же методом, то неизбежно будет взорвана та система, при которой эмиссия банкнот регулируется запасом золота. В тот момент, когда размен банкнот на золото будет прекращен, банкноты упадут в цене учета (т.-е. появится лаж на металл.—З. А.) и иностранные курсы, поднявшиеся до экспортной точки, станут еще более неблагоприятными. Банкротство системы свободного размена на золото означает отрыв системы денежного обращения страны от мировой системы, базирующейся на золоте; это означает, далее, что дела, которые до сих пор стимулировались инфляционным развитием кредита и, следовательно, покупательской силы, будут дезорганизовываться в результате недоверия к ценности монетной единицы. Ее ценность ощутительно падает, но никто не знает, как быстро будет она падать; не может быть допущено, чтобы она падала беспредельно — иначе всякое мерило ценности будет потеряно. но никто не знает, когда будет достигнута эта граница или начнется восстановление» [2].

Итак в необходимости восстановления размена на золото и вследствие этого в необходимости кредитной рестрикции для парализования чрезмерной

щает концепцию экспансивистической школы и дает антикритику Weber'a, Lansburgh'a, Manstädt'a. В своей положительной части Honegger более чем слаб и не убедителен. Данное им решение центральной проблемы границ кредита в общем сводится к тому, что кредит, базируясь на народнохозяйственном доверии, не может эту границу доверия переступить. Если же в народном хозяйстве созданы кредитные орудия сверх этой границы, возникает «кредитное недоверие» (Kreditmisstrauen), которое связывает возможности дальнейшего «кредитного творчества» (der schöpferische Kredit», S. 92). Такое «решение» этой проблемы весьма расплывчато и туманно. Штукен в своей рецензии на труд Honegger'a (в Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 30, H. II) указал, что исчезновение доверия к кредитным платежным средствам есть следствие ограничения кредитной экспансии в результате инфляции. Однако, и падение доверия к «кредитным орудиям» и ограничение кредитной экспансии суть следствие более глубоких причин, которых не замечают ни Stucken, ни Honegger. Но Штукен, конечно, вполне прав в том, что границы кредитной экспансии никак нельзя искать в доверии, как чисто психологическом факторе, ибо этот фактор сам об'ективно-экономически обусловлен. Кроме того, у Honegger'a получается явный «порочный круг». Доверие падает в результате чрезмерной кредитной экспансии, а экспансия является чрезмерной потому, что граница доверия нарушена. В общем экспансия чрезмерна потому, что она чрезмерна!

[1]) R. G. Hawtrey. Curcy and Credit, Ed. 2, London 1923, p. 132.

[2]) Там же, р. 134.

… Оутри не сомневается. Он, как мы видим, рисует в мрачных … последствия кредитной инфляции, как результат чрезмерного «со… кредита». Отсюда необходимость так называемого «контроля над обращением». Средством этого контроля служит «сокращение кредита» (contraction of credit), чему посвящается специальная глава его книги «Средства обращения и кредит»[1]). Следовательно, сокращение кредита есть средство, при помощи которого золото, покинувшее ввиду чрезмерной кредитной экспансии пределы страны, может быть вновь водворено на место. Сокращение кредита может быть достигнуто как непосредственным ограничением кредитования, так и посредством повышения нормы процента.

Однако привлечение золота из-за границы возможно только в том случае, если кредитная экспансия еще не дезорганизовала окончательно систему денежного обращения: «Два условия,— говорит Оутри,— должны быть выполнены, чтобы высокая норма процента могла привлечь ссуды из-за границы: кредитоспособность заемщиков и прочность денежного обращения должны вселить доверие иностранным заимодавцам».

Оутри прочно держится за так называемый «золотой стандарт». Именно благодаря тому, что обращение всех «культурных» стран базируется на золоте, кредитная экспансия не может безгранично и чрезмерно расширяться[2]).

---

[1]) Действие сокращения кредита (так называемой кредитной рестрикции), вызванного предшествующей чрезмерной экспансией кредита, Оутри изображает следующим образом: «Сокращение расходов потребителей пропорционально сокращению производства, а сокращение производства управляется сокращением … купцов. Если одни внутренние торговцы подвержены сокращению кредита, то сокращение производства будет только частичным, если этому сокращению подвергаются и внутренние торговцы и экспортеры, то сокращение является … Постепенное сокращение расходов потребителей … соответственно контролю над обращением. Если расходы потребителей стали чрезмерными, то причиной этого является слишком щедрое создание кредита (a too profuse creation of credit). Кредитная экспансия в первую очередь стимулирует производство: это бывает тогда, когда производство перестает легко реагировать на повышение цен. Инфляция заключается в распространении заразы высоких цен через производство на потребительские доходы и, следовательно, на расходы потребителей. Когда вся производственная машина действует на высоком уровне … цен, и рынки становятся чрезмерно привлекательными для иностранных …, импорт повышается, экспорт сокращается и сальдо задолженности должно … увеличено. Если дела будут продолжаться таким же образом, то сальдо упла… в золоте до тех пор, пока золото не исчерпано. Сокращение кредита, побуждая купцов увеличивать свои продажи и сокращать свои покупки, … исправлению неблагоприятного баланса задолженности и предохраняет … запас от дальнейшего истощения. Но радикальное излечение не может … достигнуто до тех пор, пока причина дезорганизации не устранена, т.-е. до … пор, пока не будет снижен высокий уровень монетных цен» (там же, p. 121).

При этом Оутри правильно отмечает, что при анализе влияния кредитной … на обращение и производство необходимо учитывать связь страны с … кредитной системой: «Таким образом, связь части коммерческого мира … банковской системой ослабляет действие сокращения кредита на …». (P. 115). «Страна, чья иностранная торговля целиком или почти … финансируется за границей, менее способна посредством сокращения кредита … экспорт и ограничивать импорт». (P. 117).

[2]) Оутри дает тщательный анализ интернациональной флуктуации золота … кредита в этом процессе. Здесь им установлены «ссудные точки» (lendings points), т.-е. пределы расхождения процентных ставок различных стран в один и тот же период времени. «Как результат всеобщего господства золотого стандарта … процента в различных центрах взаимосвязаны. Они свободны тем не менее … очень широких границ, как бы «ссудных точек» (lendings points), схо-

Необходимость размена обуздывает кредитную экспансию — вот [illegible] Оутри, при чем, в отличие от Шумпетера, Оутри не видит [illegible]ности в разграничении «законов теории» и законов жизни» [1]).

Но, включив золотой стандарт в теорию кредитной экспансии, Оутри в конце концов оказывается таким же беспомощным в кардинальном [illegible] о границах кредитной экспансии, как и проанализированный выше [illegible]

Оутри ищет убежища в кассовой наличности: «...Когда случается, — говорит Оутри, — общее сокращение кассовой наличности, это есть признак того, что произошло нездоровое расширение кредита, а это есть обстоятельство, ответственность за которое не лежит на [illegible] ном банкире, но на центральном банке, как представителе государства. [illegible] рядовой банкир заботится о том, чтобы его активы были хороши, и не раздувает своих ссуд и дисконтов сверх должного соотношения с его вкладами, — он исполняет свой долг перед обществом» [2]).

Подчеркнутые нами места в этой резюмирующей рассуждения Оутри цитате имеют весьма важное значение. Дело в том, что Оутри [illegible] рассматривает кассовую наличность, как границу расширения кредита, но только как симптом уже совершившегося «нездорового» расширения кредита, при чем непосредственно вслед за этим подчеркивается, что «[illegible] банкир заботится о том, чтобы его активы были хороши и не раздувает [illegible] ссуд и дисконтов сверх должного соотношения с его вкладами». [illegible]

жих с монетными (золотыми — З. А.) точками в иностранных вексельных [illegible] Если превышение 1% на трехмесячные векселя как раз достаточно, чтобы [illegible] французских заемщиков на английский рынок, то английская банковская [illegible] процента не может превышать французскую более чем на 1%. Если разница [illegible]высит эту границу, то римессы из Парижа на Лондон быстро сделают необходимым повышение французской нормы процента». Но эта тенденция действует только в [illegible] случае, если не нарушен золотой стандарт; при наличии этого последнего [illegible] также иметь место противодействующие факторы (currency and Credit, p. 12[illegible]

[1]) Оутри считает размен банкнотов и депозитов на золото универсальным средством против чрезмерной кредитной экспансии. Поэтому он возражает [illegible] искусственных ограничений кредитной экспансии депозитных банков. Он сторонник банковского либерализма и горячо защищает принцип lesser faire. «[illegible] банк, — говорит Оутри, — не может быть более щедрым в предоставлении [illegible] и учете векселей, чем другие, без того, чтобы не натолкнуться на неблагоприятный баланс в Клирин-Хаузе. Это действует как автоматический тормоз кредитной инфляции. Один банк может, конечно, принять более низкую [illegible]му кассовых резервов, чем другой, и этим может повысить свою прибыль в [illegible] своей способности поддерживать кассовые платежи. Но чем уже нормы его [illegible] тем меньше для него возможностей раздувать свои ссуды. Если его резервы [illegible] сведены к минимуму, необходимому для его ежедневных нужд, то самое [illegible]чительное расширение ссуд поставит его перед затруднениями и принудит [illegible] занимать» (p. 208). Таким образом Оутри считает, что каждый банкир сам [illegible]ресован в том, чтобы поддерживать необходимый уровень своих резервов [illegible]ности и соответственно сдерживать свою кредитную экспансию, а если [illegible] сократил свой резерв, то он сковал бы свою собственную свободу». [illegible] Оутри вполне последовательно приходит к отрицанию целесообразности [illegible]нодательного регулирования резервов депозитными банками, принятому в Со[illegible] Амер. Соед. Штатах в связи с учреждением федеральной резервной системы. [illegible] считает, что при этой системе «как раз в то время, когда банки должны [illegible]ваться своими резервами, они не могут платить из этих резервов без сокращения их ниже законной пропорции»; кроме того, «серьезный дефект этой системы [illegible] что она не дает ничего для предотвращения кредитной инфляции, которая [illegible] к исчерпыванию резервов» (там же, p. 209). Конечно, фед. рез. система не [illegible] предотвратить ни общих, ни кредитных кризисов, каковые могут иметь [illegible] соблюдении (до момента напряжения) резервов. Однако и сам Оутри [illegible] может предложить для предотвращения не только общих, но и специально-кредитных кризисов, ибо его либеральный принцип в области банковской [illegible] открывает широчайший простор для развертывания капиталистических [illegible]порциональностей.

[2]) Там же, p. 207

тельно, это нужно понимать так, что общее сокращение кассовой наличности происходит при сохранении «должного соотношения» активов и пассивов у каждого отдельного банка. Это самый интересный пункт концепции Оутри. Почему же расширение кредита оказалось «чрезмерным», если каждый отдельный банкир сохранял «должное соотношение» активов и пассивов? Ссылка на кассовую наличность отпадает, ибо спрашивается, почему же кассовая наличность оказалась вдруг недостаточной, коль скоро «должное соотношение» активов и пассивов сохранялось? Очевидно, прежняя норма кассовой наличности стала недостаточной в виду общего чрезмерного расширения кредита. В то же время эта чрезмерность вытекает из сокращения кассовой наличности. Итак, сокращение кассовой наличности выводится из чрезмерного расширения кредита, а чрезмерность расширения кредита — из сокращения кассовой наличности.

В таком именно порочном кругу беспомощно вертится наш русский экспансивист—Шапошников [1]). Очевидно, что между кассовой наличностью и расширением кредита связь функционального, а не причинного порядка. Если банк увеличивает кассовую наличность, то он этим при прочих равных условиях сокращает относительный об'ем своего кредитования; если он расширяет относительный об'ем кредитования, то он этим сокращает кассовую наличность. Что же касается Оутри, то он находит выход из этого порочного круга в том же, в чем нашел его Прион,— ссылке на «практику» или «опыт». С другой стороны Оутри сваливает ответственность за «чрезмерное расширение кредита» не на банкиров, которые на самом деле осуществили это расширение, но на «центральный банк, как представителя государства», который, де, недостаточно «опытно» и умело «контролирует» обращение при посредстве своего кредитного рычага. Напряжение кассовой наличности превращается лишь в симптом чрезмерной экспансии, но отнюдь не в границу таковой.

Таким путем указанное противоречие устранено, но зато кредитная экспансия лишена всякой реальной точки опоры, и поэтому конкретно границы этой экспансии не могут быть указаны. Получается таким образом довольно странное положение: какие-то определенные границы кредитной экспансии несомненно имеются, о чем постоянно сигнализирует флуктуация кассовой наличности, но в чем эта граница заключается— остается полнейшей тайной! Что же касается «контроля над обращением», то, при невозможности определения конкретной границы кредитной экспансии, он действует через кредитную рестрикцию лишь post factum; этим путем можно лишь корректировать совершившееся «чрезмерное» расширение кредита.

Итак и Оутри не решает проблемы границ кредитной экспансии. Но такое решение не может быть дано на базе экспансивистической теории. Мы убедились, что в этот «золотой барьер» упираются и Шумпетер, и Зомбарт, и Прион, и Оутри, и перескочить через этот барьер без отказа от исходных пунктов своей концепции они не в состоянии.

Поскольку Оутри, хотя и не разделяя романтических иллюзий экспансивистов, все же принимает их тезис о закономерности расширения производства исключительно на основе «чистой» кредитной экспансии, постольку и он не в состоянии опре

[1]) Считая границей кредитной экспансии кассовое обеспечение депозитов и текущих счетов («Кредит и кон'юнктура» в «Вопросах кон'юнктуры», т. III, в. 1 стр. 27), Шапошников при этом пользуется единственным доказательством — ссылкой на Оутри! Но Оутри говорит о сокращении кассовой наличности лишь как о симптоме чрезмерного расширения кредита, что не одно и то же!

делить границы кредитной экспансии, ибо совершенно невозможно установить, в каком же именно об'еме может быть расширено производство [illegible] методом финансирования. И тот «золотой барьер» («симптом»), в который упирается Оутри наряду с прочими экспансивистами, как мы убедились, не дает решения проблемы. Наоборот, признание этого барьера не может рассматриваться нами иначе, как фактическое отрицание исходного пункта — закономерности расширения производства на основе одной лишь кредитной экспансии.

6. Реставрация „золотого стандарта“ и „кредитное творчество“.

После всеобщего увлечения номинализмом во время войны, когда номинализм явился подходящей теорией для оправдания бумажно-денежной инфляции, в буржуазных кругах наступило отрезвление. Принцип «золотого стандарта» получил всеобщее, можно сказать, мировое признание. С другой стороны, также всеми был признан факт косвенного финансирования войны в форме инфляции банковского кредита.

Густав Кассель, автор известного «Меморандума о мировой денежной проблеме», указал, что «государственные финансы—не единственный, заслуживающий внимания фактор в процессе инфляции. Каждое расширение банковского кредита за пределы того, что покрывается действительными сбережениями, предоставленными в распоряжение банков, может рассматриваться, как причина инфляции» [1]. Инфляция банковского кредита — «это есть то, что на деле произошло во множестве стран с тех пор, как началась война»,— сказал Г. Кассель.

Инфляция военного времени во всех ее формах уже настолько успела высосать соки мирового хозяйства, что точка зрения Касселя не встретила возражений в деловых и государственных кругах. В частности инфляторное влияние банковского кредитования во время войны было единодушно признано на Генуэзской конференции и зафиксировано в ее постановлении [2].

Но Генуэзская конференция не только провозгласила необходимость возврата к «золотому стандарту». Факт активного влияния банковского кредитования на товарные цены во время войны дал основания и для таких выводов, в которых нашел свое отражение кредитный романтизм — идея всеобщей регулирующей и стабилизирующей роли банковского кредита. В этом отношении характерно не встретившее никаких возражений заявление председателя финансовой комиссии на Генуэзской конференции, [illegible] Уортингтона Эванса.

«В этом смысле регулирование цен,— сказал Эванс на пленуме конференции 3 мая 1922 года,— сводится к регулированию кредита. Опыт, проделанный со времени войны, как Английским банком, так и Федеральным резервным департаментом в Соединенных Штатах, лишний раз показал нам, как чутко реагируют цены на изменение кредитных условий...».

Финансовая комиссия Генуэзской конференции рекомендовала «координирование мировой кредитной политики, благодаря чему крупные банки получат возможность сообщить более устойчивый характер общему уровню цен». «Вершители судеб капитализма в Генуе выдвинули концепцию, которую «социалист» Гильфердинг в 1912 г., на страницах социал-демократического «Die Neue Zeit», считал абсолютной истиной. И тот же Уортингтон Эванс

---

[1] Г. Кассель, Мировая денежная проблема, М., 1922, стр. 10.

[2] См. «Материалы Генуэзской конференции», изд. Наркоминдела, [illegible] стр. 107

усматривал в мировой кредитной политике средство для борьбы с европейской безработицей [1]).

Известно, что из «координирования мировой кредитной политики» ровным счетом ничего не вышло, да и не могло выйти, поскольку существуют глубочайшие экономические, а следовательно, и политические противоречия между империалистическими государствами.

После новых инфляционных взрывов в Германии и Франции в конце концов удалось провести стабилизацию валют на базе «золотого стандарта». Но стабилизировать валюту — это не значит стабилизировать кон'юнктуру, и надежды Эванса на устранение европейской безработицы и стабилизацию кон'юнктуры ни в коей мере не оправдались. Теперь, после американского биржевого краха конца 1929 г., при наличии мирового кризиса и для Эванса должно было бы стать ясным, что его ссылка на всемогущество Федеральной резервной системы, мягко выражаясь, совершенно неосновательна...

К «золотому стандарту» вернулись все страны. Для нас здесь важно лишь подчеркнуть, что необходимость восстановления «золотого стандарта», между прочим, мотивировалась также и тем, что он необходим для обуздания кредитной экспансии. Это именно тот практический вывод, к которому, как мы доказали, пришли, хотя бы и в явном противоречии со всей своей концепцией, вожди экспансивистической школы. В докладе английского комитета для исследования проблем денежного обращения и вексельных курсов, так называемого «Комитета Кеннлифа», было отмечено, что, «судя по долголетнему опыту», автоматический механизм золотого денежного обращения «является единственным действительным средством против неблагоприятного торгового баланса и несоразмерного роста кредитов». Этот комитет настаивал на том, чтобы источником покрытия затрат по капитальным вложениям для хозяйственного восстановления страны после войны были не новые кредиты, а только подлинные сбережения. Эти затраты «не могут быть удовлетворены созданием новой покупательской силы в форме открытия банковых кредитов правительству или промышленности под правительственной или иной гарантией».

Итак, комитет Кеннлифа не витал в облаках кредитной романтики и, вполне осознавая жизненные интересы капитализма, требовал того самого «золотого тормоза» для кредитной экспансии банков, необходимость которого, как мы показали, признал и Шумпетер. Этот «тормоз», конечно, абсолютно необходим для капитализма, ибо без действительных денег—золота—невозможен ни кредит, ни капитализм вообще. Но этот самый «золотой стандарт» и «контроль над обращением», который на основе первого должны проводить центральные эмиссионные банки, ставит крест над иллюзиями кредитной романтики, и в свою очередь порождает новые противоречия, которые мы не можем здесь рассматривать.

7. Гудлайф, Лампе и „этика" натуралистов.

Как мы показали, экспансивисты, начиная с широких и заманчивых кредитно-романтических иллюзий, наталкиваются на те противоречия, которые приносит с собой кредитная экспансия. Для устранения же этих противоречий они, как практики, рекомендуют такие ограничительные меры, которые, сковывая кредитную экспансию, тем самым подрывают кредитную романтику.

---

[1]) «Материалы Генуэзской конференции». М. 1922. стр. 335.

В отличие от экспансивистов натуралисты большей частью не страдают кредитно-романтической болезнью. Они строгие «реалисты» и не придают кредиту значения центрального регулятора хозяйственной динамики. Кредит—это «просто» особый способ передачи вещей из рук в руки — и ничего более. О каком же создании кредита может итти речь? «Вы не можете,— говорит Walter Goodlife,— создать кредит: «из ничего ничто и получается», и помимо базиса товара и услуги, кредит,— и деньги, которые делают кредит осязаемым,— не имеет никакой ценности. Должно существовать нечто обменоспособное, из чего возникает кредит, и всякое средство, представляющее кредит, только в том случае может оцениваться, если это нечто существует, как «полезное» [1]).

Чтобы сразу же отмежеваться от кредитных иллюзий Маклеода, Гудляйф в качестве motto к главе I своего труда избрал фразу из Шоу: «Вы не можете создать кредит». Но это «изречение» носит чисто декларативный характер и имеет «академическое» значение в худшем смысле этого слова. Такой же декларативный характер носит обвинение Гудляйфом «инструментов банковского кредита» (кредитных денег.— *З. А.*) в том, что они, мол, «плохие», суррогатные деньги. Это мотивируется тем, что указанным «инструментам» не достает признаков «здоровых денег»: «они не выпускаются конституционной властью, не базируются на национальном кредите, и парламент не осуществляет никакого контроля за их эмиссией» [2]).

Но факт остается фактом: пусть Шоу говорит банкирам «вы не можете создать кредит», эти банкиры создают «кредитные инструменты» и широко пользуются ими для своих активных банковых операций. Отрицать этот факт невозможно,—он известен любому капиталисту. Но с точки зрения Гудляйфа такого рода операциями банкиры не могут снабдить предпринимателей капиталами—они оказывают им лишь «временную поддержку» под вполне здоровое обеспечение.

В виду необходимости держать свои активы в ликвидной форме, ни один банк не может без опасений ссудить свой кредит клиентам, покуда предложенное последними обеспечение не будет не только здоровым, но и годным для реализации на открытом рынке; и ни один заемщик не может без риска употребить банковский кредит, кроме как для временных целей, дабы не подвергнуться тяжелому наказанию в том случае, если кредит будет из'ят» [3]).

Но так ли дело обстоит в действительности, верно ли, что банки ссужают свой «кредит» только для временных нужд? Теория Гудляйфа, как и всех натуралистов, оказывается в противоречии с действительностью, так как практически нет никакой возможности разграничить «финансирование» и «кредитование». **А раз так, значит нет никакой возможности ограничить пользование создаваемыми банками «инструментами кредита» только для «временных целей», а не для длительного финансирования промышленности.**

Такова действительность, и комичнее всего то, что, признавая эту последнюю, Гудляйф выражает «сожаление», что дело обстоит именно так. «Однако, к сожалению (sic!), установление границ между торговлей и финансами (commerce and finance) при существующей системе столь сложно, что трудно

[1]) Walter Goodlife, Credit and Currency national and international. Westminster. 1927, p. 2.
[2]) Там же, p. 30.
[3]) Там же, p. 32

дифференцировать пользование банковским кредитом для финансирования, которое имеет дело только с получением капитала, и для торговли (commerce) — действительного обмена продуктами, с каковой только и имеют дело средства обращения» [1]).

Этику мы оставим в стороне: предоставим Гудляйфу сожалеть по этому поводу — науке до этого нет никакого дела. Последнюю же не может не интересовать следующее. Если отмеченное Гудляйфом дифференцирование банковского кредитования в действительности совершенно не осуществимо, если банки, эмитирующие средства обращения, финансируют из этих фондов промышленность, то как можно отрицать кредитную экспансию в смысле Гана — Шумпетера — Оутри? Чего стоит после этого та декларация, с которой Гудляйф начал? И далее, если натуралист признает факт финансирования промышленности за счет эмиссии средств обращения банками (на котором и зиждется вся концепция экспансивистов), то где же границы «кредитного творчества» или кредитной экспансии? До каких пределов банки могут расширять этот стыдливо признаваемый некоторыми новейшими натуралистами «творческий кредит»?

На этот вопрос в новейшей немецкой литературе пытается дать исчерпывающий ответ натуралист, мы бы сказали, «новейшей формации» (т.-е. признающий отмеченный факт) — Лампэ. Этот автор выступил с развернутой критикой (правда, довольно путанной) «народнохозяйственной теории кредита» Альберта Гана. Конечно, эта критика должна была заключать в себе положительный ответ на вопрос о пределах кредитной экспансии, который можно было бы противопоставить решению этой проблемы экспансионистами.

Лампэ выгодно отличается от других натуралистов тем, что он прямо говорит о «создании кредита» банками, как о факте. Это избавляет его от тех выкрутасов, к которым обычно прибегают натуралисты. Лампэ указывает на об'ем резервов социального продукта и на «экономическую возможность доставить для восстановления социального продукта эквивалент взятого (продукта.—*З. А.*)» [2]). В этих границах кредитная экспансия не приводит к инфляции, а последнюю Лампэ считает, в противоположность экспансионистам, вредной, поскольку она нарушает равновесие народного хозяйства.

Далее Лампэ отмечает, что, в случае финансирования промышленности за счет ad hoc создаваемой покупательской силы, либо должен уменьшиться потребительский спрос (или, как он выражается, «должен быть отвлечен спрос от социального продукта») на сумму, взятую получателями кредита; либо эти продукты должны быть замещены другими. Обе эти возможности Лампэ отрицает. «С одной стороны, спрос на жизненно-необходимые продукты крайне неэластичен; с другой стороны, возможности воспроизводства этих продуктов в пределах данного производственного периода незначительны. Следовательно, этими двумя фактами ставятся очень узкие границы созданию кредита» [3]).

Кредитная экспансия (в смысле Гана—Шумпетера) может базироваться, главным образом, на резервах социального продукта: «когда же запасы, вследствие дополнительного спроса получателей кредита, будут угрожать

---

[1]) Ibidem.

[2]) Lampe, Zur Theorie des Sparprozesses und der Kreditschöpfung. Iena. 1926. S. 128.

[3]) Там же, S. 129.

исчерпанием, и производители пред'явят повышенный спрос на средства производства, то со стороны предложения будет действовать тенденция повышения цен» [1]), при чем эта тенденция будет носить чисто инфляционный характер и поэтому будет иметь с точки зрения Лампэ отрицательное значение.

Лампэ приходит к выводам, в которых немало вполне «здравого смысла» и которые являются вполне естественной реакцией против теоретических вольностей экспансивистов. В своем резюме Лампэ говорит:

«Даже при значимости принятых в абстрактном исследовании предпосылок — «закона медлительности оборота» [2]), и «планосообразного хозяйственного руководства» — не может быть достигнут при помощи неограниченного создания кредита «золотой век хозяйства». Всякие иллюзии, связанные с созданием кредита, рушатся совершенно, если учесть, что создание кредита как раз нарушает «гармоническое сочетание социального продукта», давая побуждение нарушающему равновесие движению рабочих сил, а «закон медлительности оборота», противодействующий в каждом данном случае инфляционным тенденциям создания кредита, является совершенно неопределенным» [3]).

Здесь, действительно, найдены нужные слова. Лампэ, наряду с Карлом Дилем [4]), вполне основательно признает иллюзорность «золотого века» капитализма, созданного по маклеодовским рецептам. И верно также то, что это «гармоническое сочетание социального продукта» (т.-е. пропорциональность общественного производства) при некоторых условиях может нарушаться инфляционными тенденциями, вызываемыми «кредитным творчеством».

Но устранимы ли эти тенденции? Можно ли удержать кредитную экспансию в рамках границ, определяемых по Лампэ «резервом социального продукта» и т. п.? Натуралисты и Лампэ вместе с ними отвечают положительно на этот вопрос. И нужно констатировать, что взгляды Лампэ в этом вопросе не поднимаются выше вульгарных представлений хотя бы того же Гудлиффа. Все дело будто бы в скверном образе действий банкиров и в опасных теориях, которые этот образ действия оправдывают. Вместо об'ективного анализа социальных факторов, вытекающих из самой природы капиталистического способа производства и обуславливающих данный «ненормальный» (!) образ действий банкиров, Лампэ ставит вопрос нормативно: «этого» при капитализме может не быть и не должно быть!

Вот его последнее слово: «кредиты за счет сбережений (Spar-Kredite), если вообще и могут быть восполнены дополнительно, производительно применяемой покупательской силой, то во всяком случае только в незначительном об'еме и всегда с угрозой для течения хозяйственной жизни» [5]).

Такой нормативно-этический подход к проблеме кредитной экспансии и ее границ воспринят современными немецкими натуралистами от их предшественников

---

[1]) Там же, S. 128.

[2]) «Закон медлительности оборота» — так мы переводим формулировку Zwiedineck — Südenhorst'ом «Trägheitgezetz des Verkehrs». Этот «закон» заключается в том, что хозяйственному обороту имманентно определенное сопротивление колебанию цен («Preisbewegung»), вызываемому теми или иными факторами (см. Zwiedineck — Südenhorst «Kritisches Positives zur Preislehre, Zeitschrift d. Ges. Staatwissenschaften. 1908, S 84

[3]) Цит. сочинение, S. 129.

[4]) Karl Diehle, Theoretische Nationalökonomie, III Bd, Iene, 1927, SS. [illegible]-595.

[5]) Цит. сочинение. S. 130.

[по]естников. Еще Книс, давший критику Маклеода, пришел к тем же выводам. Исходя из понятия кредита, как передачи вещей и т. п., Книс установил для кредита «вещную границу»,—пределом расширения кредита, с его точки зрения, является реальный капитал в его натуральной форме средств производства [1]); поэтому сверх суммы национальных накоплений—сбережений банки и не могут и не должны предоставлять кредиты своим клиентам.

В более поздней литературе, напр., у Шпитгофа или Беккерата, повторяется тот же мотив: создавать кредит и этим расширять производство нельзя, а потому банки не должны за счет своей эмиссии финансировать промышленность, если не хотят нести ответственности за тяжелые последствия «безумной» политики кредитного инфляционизма.

Шпитгоф пришел к выводу, что кредитный рынок может питаться «формальной покупательской силой (акцепты, ноты, бумажные деньги) лишь временно и всегда с несомненными опасностями для народного хозяйства» [2]).

Также и Беккерат в своем исследовании «денежного и капитального рынков», отмечая недопустимость использования средств денежного рынка для нужд капитального рынка, указывает на те опасности, которые заключается в такого рода политике [3]), как будто от этой последней действительно зависят закономерности капиталистической динамики. Но как мало Лампэ прибавляет к Беккерату, а этот второй—к Шпитгофу, и, наконец, последний—к старому Кнису! Как неизменны традиции вульгарной экономии, усматривающей на поверхности денежно-кредитной сферы противоречия капитализма и, в силу своего ограниченного буржуазного горизонта, не видящей их действительных корней.

* * *

Нормативный подход к проблеме кредитной экспансии свойственен также и американским теоретикам и практикам натуралистического направления. Возьмем, например, довольно характерное выступление W. A. Scott'a в «Американской ассоциации инвестирующих банкиров». Скотт категорически утверждал, что «когда коммерческие банки создают свои собственные обязательства по требованию (theirown demmand obligaticns), либо в форме чековых счетов, либо в форме банкнотов, под обеспечение инвестициями (ценными бумагами), то они создают обязательства, которые они не в состоянии удовлетворить». Это он об'ясняет тем, что фонды, которыми банкиры пользуются в этих случаях, не соответствуют их назначению, а именно: «какими бы производительными ни были предприятия, представляемые этими инвестиционными обеспечениями, они только через ряд лет доставят сумму продукции достаточную, чтобы возместить первоначальные инвестиции».

Итак, пользоваться «кредитным творчеством», т.-е. создавать бессрочные долговые обязательства, в инвестиционных целях нельзя: исключительное назначение этих фондов, как отмечает далее Скотт,—это удовлетворять текущие коммерческие нужды, например, учитывать коммерческие векселя, которые в кратчайший срок оплачиваются дебиторами.

Однако Скотт, как и другие американцы, вынужден признать, что действительность не такова, как это им хотелось бы. Банкиры как раз широко занимаются инвестициями за счет создания собственных обязательств.

---

[1]) Knies, Der Kredit, II Theil. S. 213.

[2]) Spiethoff, H., Über die äussere Ordnung des Kapitals-und Geldmarktes «Schmollers Jahrbuch», 1909. H. II, S 30—31.

[3]) Beckerath, Geldmarkt und Kapitalmarkt, Jena, 1916, S. 110.

«Результатом таких ссуд, — говорит Скотт, — является сверхэкспансия, или инфляция кредита, т.-е. банки, создавшие обязательства против самих себя, не в состоянии их покрыть при нормальном течении дел. До тех пор, пока дела в расцвете (business in prosperity) все идет хорошо, но как только где-либо в промышленной системе появляется прорыв и должники по инвестициям не в состоянии платить, возникает ряд волнений (паника)... Принудительные ликвидации являются необходимым результатом сверхэкспансии кредита, вызванной обменом инвестиционных ценных бумаг на чековые счета, и если такие вынужденные ликвидации распространяются по всей стране и совершаются в больших размерах, то... коммерческий кризис неминуем»[1].

Аналогичный взгляд высказал и H. M. Geiger в книге «Financial Readjustement» (1915). Он также усматривает в практике ссуд за счет создания «обязательств по требованию» причины «многих бессонных ночей банкиров»[2]. Но можно ли эту «бессонницу» банкиров устранить, можно ли предотвратить кризисы? Carman[3] все зло усматривает в том, что распространенные в американской практике кредитные обязательства, так называемые «promissory notes» представляют собой «комбинацию коммерческого и инвестиционного кредита». А так как обязательствами по требованию банкиры, если только они хотят спать покойно, — не должны пользоваться, то Carman видит спасение в отказе от promissory notes и «книжного кредита» (открытия текущих счетов.— З. А.) и переходе к европейскому методу кредитования под векселя[4].

Но у Carman'а безусловно устарелое представление о «европейских методах кредитования». И в Германии и в Англии падает удельный вес вексельного кредитования и все более преобладающей формой кредитования становится контокоррент. С другой стороны, превращение капиталистических банков из «коммерческих» в «инвестиционные», происшедшее в новейшее время в Америке и названное Louis Brandles'ом «революционным шагом в банковском деле»[5], в равной мере присуще и европейскому капитализму. После опубликования исследования Weber'а («Depositen—und Speculationsbanken») и Wieser'а (Die finanzielle Aufbau der englischen Jndustrie»), нельзя уже говорить не только о «европейских» вообще, но даже и об «английских» методах кредитования в отличие от американских, т.-е. смешанных «инвестиционно-коммерческих методов».

Вот почему «ключ спасения» Carman'а, предложенный в свое время американским банкирам, является весьма и весьма заржавленным, а потому и непригодным. Этому факту, так называемому «Соединению труда», т.-е. универсализму кредитных методов капиталистических банков, мы посвя-

---

1) Цит. по сб. H. G. Moulton, Principles of Banking. Part V, Chicago 1917, p. 459.

2) Moulton, p. 451.

3) The Change of Credit Methods made Necessary by the federal Reserve Act. Moulton, p. 451.

4) Moulton p. 451—452.

5) Louis D. Brandles, Other People's Money and How the Bankers use it, 1914, pp. 26—27.

ись дать теоретическое обоснование [1]). С нашей точки зрения, предлагаемое упомянутыми выше американскими авторами ограничение кредитной экспансии в целях лечения «бессонницы» банкиров, т.-е. предотвращения кризисов (как будто бы причина кризисов в кредитной экспансии!) рамками чисто коммерческого кредита» и отказ от финансирования («инвестиционного кредита»), абсолютно невыполнимо. Такое ограничение противоречит специфическим закономерностям денежного рынка и банкирского кредита и в общем свидетельствует о вульгарном, чисто поверхностном восприятии и об'яснении противоречий, которые volens-nolens констатируются буржуазными практиками и теоретиками.

Натуралисты констатируют противоречия капитализма, проявляющиеся в банковском кредите и считают их результатом неправильного образа действий (неправильных методов кредитования) банкиров. Отсюда их простые и наивные рецепты лечения болезней капитализма, их нормативный подход к проблеме границ кредитной экспансии. Они не понимают простой вещи, а именно того, что эти противоречия присущи капитализму, и что поэтому, независимо от «образа действий» банкиров, кредит, как одна из имманентных форм капиталистического способа производства, не может не заключать в себе этих противоречий. Именно этими об'ективными противоречиями капитализма обусловлены суб'ективные действия банкиров, которые столь же решительно, сколько и наивно «осуждают» натуралисты, не понимая того, что иной «образ действия» банкиров вообще невозможен!

В чем же по существу различие между экспансивистами и натуралистами в данном вопросе? И те и другие не могут, конечно, не замечать реальных противоречий банковского кредита. Но и те и другие отрицают необходимость этих противоречий.

Однако они по-разному отрицают эти противоречия. Маркс установил, что «банки и кредит становятся... самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных очагов кризисов и спекуляций» [2]). Ненормальность кредита с точки зрения обоих направлений заключается в том, что время от времени имеют место «кризисы и спекуляции», отрицать наличие каковых невозможно. Натуралисты считают, что кризисы возникают вследствие неправильной кредитной политики банкиров, которая не должна «выводить капиталистическое производство за его собственные пределы». Экспансивисты, наоборот, видят ненормальность положения в том, что искусственно ставятся границы расширению кредита; они ищут спасения (только в теории) в том, чтобы неограниченная кредитная экспансия «вывела капиталистическое производство за его собственные пределы» и этим покончила бы с противоречиями этого способа производства. Они хотят устранить противоречия кредита той или иной кредитной политикой.

Но ни рестрикционная, ни экспансивистическая политика не в состоянии устранить противоречия кредита и кредитной системы. Эти противоречия существуют и будут существовать до тех пор, пока сохраняется породивший эти противоречия капиталистический способ производства.

---

[1]) См. нашу статью «Денежный рынок» и противоречия банковского кредита» в журнале «Вестник Коммунистической академии», кн. XXXIV и XXXV за 1929 и 1930 гг.

[2]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 148.

Правильное решение вопроса о границах кредита может быть, лишь только на основе Марксова учения о циклическом движении капитала и диалектической связи в этом процессе базиса производительного капитала и надстройки ссудного капитала. Так как положительная трактовка этой проблемы не входит в задачу нашего очерка, мы ограничимся лишь самой общей характеристикой той позиции, исходя из которой мы критиковали буржуазных теоретиков.

Общие границы кредитной эмиссии совершенно точно указаны Марксом (см. цитату из «Капитала», стр. 207—*З. А.)*. Но границы кредитной эмиссии нельзя смешивать с границами кредита вообще [1]), границами кредитной экспансии, каковую мы понимаем отнюдь не в гановском смысле (т. е. как кредитную инфляцию); эта экспансия означает расширение кредита вообще, независимо от его источников и его фондов, например, аккумулированного или эмитированного. Каковы же границы так понимаемой кредитной экспансии?

Эти границы даны конкретными возможностями расширения производительного капитала на данном отрезке цикла. Очевидно, что эти границы достигают максимума при под'еме, минимума — при кризисе и депрессии. В эпоху промышленного капитализма при под'еме границы кредита расширяются до полного [illegible] ния промышленного капитала производством, т.-е. высшего напряжения его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления» (Маркс, Капитал т. III, ч. 2-я, стр. 21, изд. 1923 г. Эти слова Маркса сказаны в связи с анализом коммерческого кредита, но они имеют силу в определении границ кредита вообще на данном отрезке цикла).

Если вследствие основного противоречия между общественным характером капиталистического производства и частным присвоением, на [illegible] ной точке под'ема с необходимостью наступает кризис, то это означает, что исчерпаны в данном цикле все возможности расширения производительного капитала и, следовательно, также возможности расширения кредита. Отсюда — резкое сжатие кредита. При застое в делах, т.-е. депрессии, границы кредита остаются суженными до минимума, и в этот момент оказывается невозможным использование для кредитования не только эмитированных, но и аккумулированных фондов. Здесь мы имеем обилие ссудного капитала, не находящего приложения, ибо и производство и обращение сжаты и, следовательно, крайне сжаты и границы кредита.

Если налицо депрессия или кризис, то так называемый Kreditschöpfung делу помочь не может, ибо закономерности движения ссудного капитала в конечном счете обусловлены закономерностями движения промышленного капитала, а не наоборот.

Поскольку же налицо под'ем, который никогда и ни в каком случае сами банки своим «творчеством aus dem Nichts» создать не могут, постольку расширяются границы кредита, и банки используют все свои возможности как аккумуляцию, так и эмиссию, в пределах, допускаемых закономерностями денежного обращения (т. е. [illegible] сохранении свободного размена кредитных денег на золото, для чего необходимо сохранять определенную пропорцию золотых резервов к [illegible]

---

[1]) Считаем необходимым отметить, что в наших прежних статьях по [illegible] кредита в журнале «Под знаменем марксизма» и в «Вестнике Коммакадемии» [illegible] блема границ кредита рассматривалась преимущественно односторонне, как [illegible] блема границ кредитной эмиссии, и вследствие этого неправильно.

в целях обеспечения этого размена), для расширения производительного капитала, для «наиболее полного поглощения промышленного капитала производством, независимо от границ потребления» (Маркс).

Однако здесь мы имеем не механическое расширение кредита, как непосредственное отражение расширившегося промышленного капитала (натуралистическая теория), и не обратное—расширение промышленного капитала вследствие расширения кредита (экспансивистическая теория), но и то и другое, т.-е. диалектический процесс взаимодействия базиса и надстройки. Эта диалектика процесса отчетливо формулирована Марксом: «Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций»[1]).

Надстройка (ссудный капитал, кредитная система) обусловлена базисом, но лишь в конечном счете, а это значит, что вопреки механистической натуралистической теории классиков кредит влияет на производство, хотя вообще, вопреки экспансивистической теории, кредит обусловлен закономерностями капиталистического воспроизводства и не может выйти за рамки присущих последнему противоречий.

Кредит ускоряет и усиливает под'ем, но в то же время обостряет и усугубляет кризисы. И вопреки двум основным буржуазным теориям кредита и кон'юнктуры кредит не может не играть этой двойственной роли в циклическом движении капитализма. Вопреки натуралистам, кредит и «кредитное творчество» не могут не форсировать под'ем (натуралисты «осуждают» именно такое поведение банков), но, вопреки экспансивистам (которые восхваляют это «творчество») расширение кредита, кредитного «творчества», содействуя расширению производства, не может вызвать perpetuum mobile этого под'ема, ибо оно лишь развивает имманентные противоречия капитализма и с необходимостью приводит к кризису, следовательно, к резкому сужению тех границ кредитной экспансии, которые при под'еме были широко раздвинуты. Отсюда ясно, что банки не управляют кредитом и его границами. Эти границы даны закономерностям циклического движения капитализма и той противоречивостью движения реального и ссудного капитала, которая исчерпывающе охарактеризована Марксом: банки лишь могут лучше или хуже приспособляться к этим закономерностям, но вопреки всей буржуазной кредитной романтике, они не могут преодолеть этих закономерностей. Банковская политика и банковское законодательство, конечно влияют на циклическое движение производства, но они не влияют так, чтобы могли отменить имманентные закономерности этого движения. Вот почему, например, «невежественное и нелепое банковское законодательство, вроде законов 1844—1845 гг. может усилить этот денежный кризис, но никакое банковское законодательство не может устранить кризиса»[2]). Таким образом границы кредита, вопреки натуралистам, не обусловлены только аккумуляцией, вопреки же экспансивистам—кредитная экспансия не безгранична, но строго ограничена основными закономерностями циклического движения капитализма, включая сюда закономерности и производства, и обращения, и распределения, и потребления, как моментов единства—процесса воспроизводства.

Таким образом, нет метафизической границы кредитной экспансии, абстрагированной от основных про-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1923 г.
[2]) Там же, стр. 114.

тиворечий капиталистической системы и общих закономерностей ее движения. Эта граница кредита всегда конкретна, а именно: она обусловлена конкретными возможностями движения промышленного капитала на данном отрезке цикла. Как расширение производства при капитализме с необходимостью сменяется его сжатием, так и расширение кредита сменяется его резким сокращением, при чем, конечно, в последнем счете движение надстройки обусловлено базисом; между тем «поверхность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами» [1].

Отсюда ясно, что так или иначе воздействовать на симптомы болезни — это не значит лечить болезнь: «Никакое банковское законодательство не может устранить кризиса» (Маркс), а следовательно, и безработицы и обнищания рабочего класса и т. п. Болезни капитализма не дано излечить ни экспансивистам, ни натуралистам, для этого необходимо вмешательство хирурга, который бы с корнем вырвал действительные причины социальной болезни, которые привели к всеобщему кризису существующей за пределами СССР системы производства, к загниванию капитализма, его материального базиса и всех его надстроек. Загнивание капитализма означает вместе с тем загнивание и вырождение буржуазной экономии. В этом мы могли убедиться и на примере «научных», так сказать, «творений» современных кредитных романтиков-экспансивистов.

Борьба за наследство.

И. Альтер.

I

Социал-демократы замучили руками белогвардейцев Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Убив Розу и Карла физически, они ныне помышляют ограбить их духовно... Уже ряд лет они подбираются к наследству Розы Люксембург, надеясь обкарнать величественную фигуру этой революционерки, парализовать ее влияние и превратить ее в благовоспитанную демократку и антибольшевичку. Но социал-демократам не удалось и не удастся убить память о Розе и Карле, как революционерах — памяти, скрывающей в себе огромные взрывчатые силы и способной мобилизовать миллионы рабочих на борьбу и зажечь новым пламенем их ненависть к капитализму и социал-фашизму.

Ни для кого не секрет, пишет «левый» социал-демократ Бейзе, что «Роза Люксембург, руководящий теоретик левого радикализма до войны, основательница немецкой коммунистической партии, была в основных вопросах пролетарской революции антилелинисткой» [1]). Чтобы доказать этот тезис, Бейзе готов сослаться на всю критику Розы Люксембург, которая когда-либо велась большевиками. Из всего ее огромного наследства он видит только то, что заключает в себе меньшевистские ошибки Розы. Из всех ее работ он больше всего восторгается и больше всего цитирует тюремную брошюру о русской революции, где Роза наиболее резко критиковала большевиков. Таким образом он приходит к выводу, что Роза Люксембург всегда была в основном социал-демократкой. И на этом основании он готов признать полезным сохранение в рядах рабочих памяти «о духе этой великой революционерки» и милостиво простить ей «временные» большевистские заблуждения. Вслед за Бейзе с целой брошюрой воспоминаний выступила достопочтенная супруга Каутского — Луиза. «В России, — утверждает эта дама,— не было бы для нее (Р. Л.—А.) места» [2]), там не сумели бы Розы Люксембург оценить, ибо имя Розы чуждо большевизму, но зато близко социал-демократии. «Старая социал-демократия почитает в Розе не только мученицу, но, несмотря на разногласия, также и передового борца за общую великую цель социализма» [3]).

«Арфами и тимпанами,— пишет другой с.-д.,— призывает КПГ к празднованию дней Ленина — Либкнехта — Люксембург. Но сочетание этих трех имен означает злую историческую насмешку. Антиподы — Ленин и Люксембург соприкасаются здесь вместе» [4]).

Наиболее же нагло выступил в «защиту» Розы ренегат Леви. «Мы должны очистить,—писал этот бывший коммунист,—имена Розы Люксембург и

[1]) E. Böse, Rosa Luxemburg und der Leninismus, Klassenkampf, 1928, № 16 S. 497.

[2]) Louise Kautsky Rosa Luxemburg. Ein Gedenkbuch E. Laubsche-Verlag. Berlin, 1929, S. 81.

[3]) Там же, S. 86.

[4]) Heinz Langehans 'Rosa Luxemburg, Gesellschaft, 1931, № 1

Карла Либкнехта от грязи, который их покрыла их партия. Эти друзья хотят опозорить их имена. Это им не удастся» [1]). Имя Розы Люксембург присваивает не только Луиза Каутская, как ее долголетний друг, и Леви, как «левый» социал-демократ, боровшийся когда-то вместе с Розой, но и Тальгеймер и Брандлер на правах бывших соратников по Спартаку. Имя Розы нужно брандлерианцам для прикрытия собственной теоретической наготы и для поднятия престижа их тающей с каждым днем ренегатской группки. Но если «левые» социал-демократы аргументируют от Р. Люксембург, как бывшего социал-демократа, временно «увлекшегося» большевизмом, то Тальгеймер и Фрелих, наоборот, хотят показать, что Р. Люксембург — величина, равная Ленину, и что нельзя говорить о каких-либо серьезных ее ошибках. Ленин и Р. Люксембург — пишет Тальгеймер,—защищали одни и те же принципы, но лишь на разных этапах. Поэтому,— заключает он,— надо ставить вопрос не «Р. Люксембург или Ленин», а «Р. Люксембург и Ленин» [2]). Брандлерианцы воспевают старые, в значительной степени изжитые самой Розой, полуменьшевистские ее положения и делают из них свою платформу. Таким-то образом Роза Люксембург превращается в орудие борьбы и с ленинизмом и с ленинским интернационалом.

Так с разных сторон и различными аргументами делается одно и то же дело: грабеж и фальсификация наследства Р. Люксембург в целях облагораживания самих себя или скрытия старых преступлений. Напрасные мечты и старания!.. Если даже оставить в стороне ложь и фальсификацию, то один маленький, ничтожный фактик навсегда лишает Второй интернационал и всех, кто к нему идет, права прикасаться к памяти великой революционерки. Факт этот — расправа с Розой, морально подготовленная социал-демократической прессой, физически совершонная социал-демократическими правительственными жандармами вкупе с наемной офицерщиной. Факт этот вынуждены были тогда же засвидетельствовать социал-демократы-независимцы, его подтвердили позднейшие расследования.

Кто подлинный виновник убийства?— спрашивал, под свежим впечатлением совершившегося, небезызвестный Рудольф Брейтшейд. «Ответственными,— писал он,— являются руководители социалистического правительства. Солдаты, которые обагрили свои руки кровью, были лишь их орудием» [3]). Подобное признание не мешало тому же Брейтшейду в той же статье приветствовать новое, совместное с убийцей—Шейдеманом, правительство. Что же требовать от нежного женского сердца Луизы Каутской, оказавшегося достаточно вместительным, чтобы сочетать любовь к убийцам с любовью к их жертве. «Позор этого убийства — это позор немецкого капитализма и его «социал-демократических наемных палачей», он до гроба будет следовать за Эбертом—Шейдеманом—Носке» [4]). Кто писал эти обличительные слова? Тот же Пауль Леви, который 10 лет спустя весь пыл своего негодования обратил от шейдемановцев на коммунистов, ни словом более не заикаясь об истинных виновниках преступления. Оно и понятно. Став членом шейдемановской партии, Леви вынужден был взять на себя ответственность за убийство Розы.

Буржуазная чернь попыталась устами своей прессы скрыть истинных убийц: «Карл Либкнехт и Р. Люксембург, убитые народной массой». Под таким заголовком буржуазные и социал-демократические газеты пытались подсунуть рабочим страшную новость. Дело не вышло. Трюк был разоблачен. «Месть за Карла и Розу, смерть убийцам, смерть буржуазии!». Этот [illegible]

[1]) P. Levi - Rosa Luxemburg u. K. Libknecht um Gedächtniss, Klassenkampf, 1929, № 2.

[2]) Thalheimer—Rosa Luxemburg oder Lenin. «Gegen dem Strom», 1930, № [illegible]

[3]) R. Breitscheid.—Rund um die Wahl «Der Socialist», 24 januar, 1919, № [illegible]

[4]) Rote Fahne, 13 февраля 1919 г.

революционные пролетарии всего мира бросили в лицо своим врагам. И он будет повторяться из года в год до тех пор, пока коммунистические знамена не украсят правительственных зданий Берлина.

II.

Луиза Каутская мобилизует все исторические факты, свидетельствующие о меньшевистском прошлом Розы Люксембург. Здесь и знаменитая статья 1904 года по организационным вопросам, где она поддерживает меньшевиков, и письмо к Потресову от 7 августа 1904 г., и примиренческие шаги, предпринятые в последние предвоенные годы, и, конечно, знаменитая брошюра «О русской революции». Как же дело обстояло в действительности? Начнем с довоенной Германии.

Историческая роль Розы Люксембург в Германии состояла именно в том, что она создала там и возглавила антименьшевистское движение. Связанная с 1898 года тесной дружбой с Карлом Каутским, она никогда не играла роли его ученицы, как это хочется Луизе Каутской. Скорее наоборот. Взволнованные боевые призывы Розы действовали революционизирующим образом на профессорски спокойное, книжное сознание Каутского. Это она, по признанию самого Каутского, помогла ему понять великий смысл и перспективы революционных событий на Востоке и особенно революцию 1905 г. Это она воодушевляла его с начала века на изучение проблем революции. Это она толкала его на борьбу с реформизмом.

Историческая роль, сыгранная Каутским и Р. Люксембург, в конечном счете определяется теми социально-политическими силами, которые сделали их своими выразителями. Но история умеет подбирать нужных ей людей. Сравните характеры и темпераменты этих двух деятелей и вы в них, как в зеркале, разглядите два различных мировоззрения, две различных платформы. Центризм мог возглавить только человек, «принадлежащий от природы к племени филистеров» (Маркс), так же, как левый радикализм—только революционер.

Что представлял собой Каутский? Книжника, для которого мозговая работа была в конечном счете важнее живой революционной деятельности. Массовое движение чем дальше, тем больше представлялось ему излишней суетой, безрассудством. Теоретический опыт заменял и подменял практику, библиотека—улицу. Каутский был убежден, что книги его дают исчерпывающее руководство для захвата власти. Культурная революция казалась этому интеллигенту до мозга костей высшей формой борьбы. О преемственности собственной мысли он заботился больше, чем о революционных традициях. Ученые вожди, мысленно проделывающие революцию вместо масс,—таков был его сокровенный идеал даже в лучшие годы. Каждую новую статью он начинает не столько с изучения новых фактов, сколько со сравнения со своими старыми статьями на ту же тему. А так как каждое его произведение было шедевром осторожности, двойственности, так как оно непременно снабжено было достаточным количеством оговорок на все случаи жизни, то в результате получалось столь импонирующая «читателю» видимость преемственности и дальнозоркости. Добавьте к этому мягкость, трусость, слабоволие характера, чемоданы цитат из Маркса и Энгельса и ореол лучшего их ученика, универсализм научных интересов, его «всезнайство», воплощающееся в бесконечной веренице статей, брошюр, книг на все темы истории, экономики, политики, социологии и философии — и вы поймете, почему Каутский был для центризма такой находкой и каким образом он с такой легкостью из автора «Пути к власти» мог превратиться в теоретика Правления, в адвоката оппортунизма и, наконец, певца контрреволюции. В феноменальной толстокожести по отношению к переживаниям масс, в полной нечувствительности к живому языку революции, в глубокой преданности своим собственным работам, в жгучей

интересе к истории далекого докапиталистического прошлого и замечательной способности не видеть настоящего, в непревзойденном искусстве пользоваться языком Маркса для антимарксистских целей — сила Каутского-[illegible].

Возьмите каждую из этих особенностей Каутского с обратным знаком, и перед вами предстанет образ Розы Люксембург. Человек непреклонной воли и смелости, бросающий перчатку первым авторитетам партии, если они забывают революционные принципы. Человек, на годы забрасывающий научную работу, если этого требуют интересы революции. Пламенный оратор и пламенный журналист. Блеск ее стиля и сила темперамента, железо слов и глубина мысли, задорность боевой полемики и острота сарказма,— все это столь же неот'емлемые качества вождя, поднимающего массы на революцию, как спокойная, неторопливая, неполемическая, ученая речь Каутского — особенность теоретика постепенно растущей, легальной, легализованной противником, самодвижущейся к будущему партии [1]).

Но разве дело лишь в различии темпераментов? Можно ли говорить о полном единстве их взглядов даже в десятилетие самой тесной дружбы? Такого единства никогда не было. Даже когда оба они утверждали одно и то же, говорили они это по-разному и смысл был различен. Предвоенное отступление Каутского от марксизма подготовлялось десятилетиями. Уже в двух важнейших кампаниях — против Бернштейна и в связи с массовой стачкой — различие выступало весьма отчетливо. Это ныне признают и Реннер в своей брошюре о Каутском и сам Каутский. Об этом писала в свое время и Роза Люксембург. Так, в письме к Роланд-Гольст по поводу дебатов о всеобщей стачке в Иене (1905 г.) она заявляла: «я вполне с тобой согласна, что бебелевская резолюция вопросы всеобщей стачки рассматривает чрезвычайно односторонне и плоско. Когда мы с ней в Иене ознакомились, некоторые из нас решили выступить против нее в том направлении, чтобы массовые стачки рассматривать не как механический рецепт для политической обороны, а как элементарную форму революции. Но уже речь Бебеля и еще больше позиция оппортунистов (Гейне и др.) придали делу другое направление. Мы, «*крайние левые*», неоднократно вынуждены были, *несмотря на серьезные разногласия с Бебелем*, бороться не против него, а вместе с ним против оппортунистов. Выступать в Иене в середине дискуссии прямо против Бебеля было бы с нашей стороны тактической ошибкой» [2]).

Эти слова Розы относятся не только к Бебелю, но и к Каутскому и всему Правлению.

Уже в 1907 г. Р. Л. ясно представляла себе оппортунистический характер официального руководства и предвидела будущий блок центра с бернштейнианцами против левых. В опубликованном лишь в 1929 г. письме ее к К. Цеткин Р. Л. пишет: «Для меня стало ужасающе ясным, что этих вещей и этих людей переменить не удастся, пока не изменится все положение, и даже тогда—это я трезво продумала и про себя решила—мы просто должны считаться с неизбежным сопротивлением этих людей, если захотим повести за собой массы. Положение таково: Август (Бебель) и тем более все другие полностью исчерпали себя в парламентаризме. При любом изменении, которое выйдет за рамки парламентаризма, они окажутся полностью несостоятельными. Даже больше—они попытаются все впрячь в рамки парламентаризма и будут со злобой бороться против всех и каждого в отдельности, кто захочет перешагнуть эти границы, как против «врагов народа»... Наша задача теперь заключается в том, чтобы самым резким протестом противодействовать заржавелости этих авторитетов, при чем в зависимости от положения вещей и

[1]) Личную характеристику Р. Л. см. в моей статье «Памяти Р. Люксембург», Новый мир, № 2 за 1930 г.

[2]) R. Luxemburg, Ges. Werke, III

будем иметь против себя таких оппортунистов, как ЦК с Августом. Пока дело шло о защите от Бернштейна и компании, Август и компания охотно принимали нашу помощь, поскольку последние в первую очередь себе наделали в штаны. Если, однако, дело дойдет до наступления против оппортунизма, тогда мы имеем стариков с Эдди (Бернштейном), Фольмаром и Давидом против нас»[1]). Это письмо — яркий ответ на все притязания нынешних социал-фашистов рассматривать Р. Л. как «своего» человека. Р. Л. уже с конца XIX в становится вместе с К. Цеткин и др. представительницей особой группы «крайних левых», лишь союзничавшей до поры до времени с официальным руководством, но никогда полностью с ним не сливавшейся.

Возьмем важнейшие проблемы, волновавшие партию до войны. Везде Р. Л. занимала особую позицию.

1) Парламентаризм. Из года в год он поглощает все больше внимания и энергии партии, заслоняя и отодвигая массовое низовое движение. Насилие и насильственная революция в перспективах теоретиков партий, в том числе Каутского, играет все более проблематическую роль. И у Р. Люксембург мы встречаем порою неясные и даже неверные формулировки о насилии. И она, отдавая дань центристским традициям, отрывает иногда форму революции от содержания, относя насилие к форме. Но в общем и целом парламентаризм представлялся ей лишь средством борьбы, а не ее целью, при чем средством, все более теряющим свою эффективность. Смысл свой парламентаризм приобретает от внепарламентской борьбы пролетариата. Судьбы движения определяет насильственная борьба за власть. Насильственная революция неизбежна. «Всякие спекуляции на мирном парламентском низвержении государственного капиталистического насилия, всего классового господства, есть не что иное, как смешная ребяческая фантазия».

2) Массовая стачка. Массовое движение не нашло самостоятельного места в идеологии II интернационала. Массовая стачка играла двусмысленную, второстепенную, подчиненную парламентаризму роль. Это была скорее уступка давлению масс, чем новое, самостоятельно выбранное оружие борьбы. Каутский не мало этим лозунгом мистифицировал рабочих. Для Розы Люксембург массовая стачка уже с начала века становится главным оружием пролетариата, первой формой революционного под'ема. Роза Люксембург прекрасно поняла, что массовая стачка в революции 1905 г. была вступлением к вооруженному восстанию. Хуже, правда, истину эту она проводила в Германии, задерживая этим осознание немецкими рабочими неизбежности вооруженного столкновения с силами контрреволюции.

3) Революция 1905 г. Русская революция лишь на короткое время привлекла внимание официального руководства. Оно не посмело следовать на практике за ее опытом. Чтобы отгородиться от него, оно пустило в ход идею о своеобразии развития культурного парламентского Запада в отличие от дикого самодержавного Востока. Иначе — у Розы Люксембург. У нее «русская революция — не столько последний акт в серии буржуазных революций XIX века, сколько предтеча новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард — социал-демократия — предназначены историей к роли вождя»[2]). Эта революция «суммирует и результат и задачи всех современных революций Западной Европы»... Она начинает новую эпоху в истории царизма и в истории современных стран. Она — кровное дело немецких рабочих в такой же степени, как и русских. Роза не дошла все же до конца большевистского анализа революции 1905 г., в частности лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

---

[1]) Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution, Berlin, 1929, s. 62. См. также Левин, История II Интернационала.

[2]) Приветственная речь на Лондонском с'езде. Лондонский с'езд. Издание ЦК. Полный текст протоколов. Париж, 1909 г., стр. 83.

Но признание международного значения русской революции — признание твердое и последовательное, а не кратковременное и нерешительное, как у Каутского — было необходимой предпосылкой приятия надвигающейся пролетарской революции, приятия Октября в России и Ноября в Германии. И наоборот, отмежевание от большевистских лозунгов и методов было исторической ступенькой к позднейшему бойкоту русской революции, к контрреволюционному носкизму, эбертизму и каутскианству.

4) Реформа и революция. Под покровом общей борьбы с реформистской теорией врастания в социализм идеологи II интернационала, с Каутским во главе, протаскивали идею демократического захвата власти, минуя экономическое крушение капитализма. По их идиллической концепции политика будет постепенно отрываться от экономики. Старые производительные силы перейдут без особых потрясений на службу к новому хозяину. Экспроприация экспроприаторов превратится в конкурс на деликатность и вежливость. Капиталисты чуть не добровольно, по убеждению, сдадут ключи от заводских ворот и сейфов. Вернее, обобществление средств производства будет проводиться лишь медленно и постепенно под лозунгом непрерывности производственного процесса и соблюдения интересов собственников. На этой-то почве разрыва между экономикой и политикой и возникли оппортунистические идеи Каутского о пацифистском и организованном капитализме и сверхимпериализме, а также его представления о самом империализме. Роза Люксембург никогда не отступала от учения Маркса о крушении капитализма, хотя и об'ясняла его теоретически неверно. Она понимала, что крушение это заложено в самом капиталистическом строе, в растущей анархии производства, в растущих экономических и классовых противоречиях и что отказ от теории крушения лишает социализм всякой об'ективной научной базы. Поэтому она в дальнейшем сумела правильно оценить и характер империализма, как последнего этапа капитализма и характер войны и повести решительную, хотя и не всегда последовательную, борьбу как с социал-империализмом, так и с социал-пацифизмом.

5) Отношение к буржуазному государству. Отрицание буржуазного государства не доходило у идеологов II интернационала до требования разрушения старого аппарата. Таким образом, государственный аппарат приобретал надклассовый характер и передавался из рук одного класса в руки другого, как шкатулка с драгоценностями. Этот мирный переход власти соответствовал представлению о мирном экономическом перевороте. Левые радикалы возродили идею Маркса о том, что буржуазное государство надо разбить. «В буржуазном обществе,—писала Р. Люксембург еще в мае 1899 г.,—социал-демократия должна по самому своему существу играть роль оппозиционной партии—как правящая, она может выступать только на развалинах буржуазного государства»[1]. Эта идея нашла свое дальнейшее развитие не у Р. Л., а у Паннекука. Но левые не сумели ее увязать с учением о пролетарской диктатуре. Захват власти и разрушение буржуазного государственного аппарата они в дальнейшем склонны были рассматривать не как быстрый единовременный акт, а как длительный низовой длинный процесс. Отсюда—протесты спартаковцев против «декретирования» социализма сверху и их недооценка роли пролетарского государства в подавлении классового врага и построении социализма.

6) Война и защита отечества. Под покровом борьбы с военной в рядах II интернационала началась полускрытая идейная подготовка социал-патриотизма. Она выражалась в отказе от действительной борьбы с опасностью войны и от работы в армии, в растущем неверии в возможность революционных выступлений против войны, в допущении оборончества

[1]) R. Luxemburg, Eine taktische Frage, Volkszeitung, 6 Juli 1899, G. W. III, S. 270

...ики (Бернштейн и Бебель) и пр. и пр. Левые же, с Розой Люксембург во главе, были последовательными интернационалистами и антимилитаристами. Они шли в казармы. Они мобилизовали внимание масс на опасности войны. Они изучали все проявления империализма, указывали на колониальный грабеж и пр. и пр.

7) *Империализм*. Каутскианцы видели в империализме лишь испорченный капитализм, выражающий политику отдельных незначительных буржуазных группировок, а не политику буржуазии в целом. Поэтому они не способны были понять взаимоотношений между империализмом, войной и революцией. Левые радикалы империализм рассматривали как последний этап капитализма. Все основные экономические и политические проблемы (война, концентрация промышленности, политика пошлин, обнищание масс и пр.) они рассматривали в связи с империалистической эпохой.

Конечно, противоречия по всем этим и другим вопросам не сразу обнаружились. Они были долгое время запрятаны за ловкими двусмысленными формулировками и левыми словами Каутского или же покрывались общей борьбой, общим фронтом против ревизионистов. Продолжительное время они не всплывали на поверхность в виде открытых дискуссий. Но они существовали, росли и вызревали в два разных течения, в два разных мировоззрения. В основу *одного из них—центристского—легли фактический отказ от диктатуры пролетариата и примиренческое отношение к теории и практике реформизма*. В основу *другого—решительная борьба с реформизмом и примиренчеством к нему, за диктатуру пролетариата*. Правда, левые радикалы (а потом спартаковцы) были еще далеки от правильных представлений о диктатуре. Они не умели решать конкретно отдельные ее проблемы и своевременно выдвигать правильные боевые лозунги. Они преуменьшали роль вооруженного восстания, путали в вопросе о движущих силах революции, о роли партии в ней и пр. Но искренняя борьба за диктатуру привела их в конечном счете к большевизму.

Центризм не понимая и не хотел понимать, что бернштейнианцы были классовыми врагами партии, что они представляли огромную и все растущую силу и что сожительство с ними пагубно для нее. Роза Люксембург, хотя и не уяснила себе связи между империализмом и бернштейнианством, но требовала по отношению к Бернштейну и его соратникам организационных выводов, разоблачала их классовую природу, вела с ними не только теоретическую, но и практическую борьбу.

Свою борьбу с оппортунизмом она довела до борьбы с каутскианством и с официальным руководством, борьбы, которая, начиная с 1910 г., становится в центре деятельности левых радикалов. Эта борьба помогла также Р. Л. решительно порвать во время войны со старой с.-д., с шейдемановцами и со всем II Интернационалом, приклеив им несмываемую кличку «смердящего трупа». Эта именно борьба и положила начало превращению идейного течения левых радикалов в головной отряд революционеров, пробивавших дорогу будущей коммунистической партии.

Она привела к приятию Октябрьской революции в России и к признанию пролетарского характера Ноябрьской революции в Германии. «Лозунг Советов,—говорила Роза Люксембург на Учредительном с'езде Г. П. К.,—есть главный лозунг, который наложил решающий отпечаток пролетарской революции на Ноябрьское восстание».

Вся эта, имевшая гигантское историческое значение, борьба,—пусть и не сразу осознанная, пусть находившаяся во многих кардинальных вопросах в теоретическом плену у центристов,—проводит грань между центром и левыми. Этого до сих пор не могут понять многие товарищи. Так, например, т. [illegible] утверждает, что: «В [illegible] за левого

крыла и Каутского была одна и та же до 1914 г. Конечно, между ними существует большая разница, я не хочу ее отрицать, но в теоретическом отношении они вместе стояли на базе марксизма II интернационала, т.-е. марксизма мирного периода» [1]). В таком же духе высказывается тов. Герчиков. «В основном кардинальном вопросе,—пишет он,—не было принципиального расхождения между Р. Л. и центром,—в вопросе о теоретическом значении и практическом применении диктатуры пролетариата» [2]). Исходя из такого неверного положения, т. Герчиков вынужден совершенно смазать и значение дискуссии 1910 г. с Каутским. «Ведь дискуссия 1910 года между Каутским и Р. Л.,—пишет он,—шла не в плоскости признания той или иной принципиально различной тактики, а в применимости той или иной тактики в рабочем движении Германии в данный исторический момент» [3]).

Горловский, как и Герчиков, не ухватил основного в люксембургианстве, а именно, переходного характера этого течения, еще многими нитями связанного со старым, но уже противопоставляющегося ему. Рассматривая все события внутренней и международной политики (парламентаризм, милитаризм, положение рабочего класса и пр.) с точки зрения новой эпохи империализма, ставя ставку на массовое рабочее движение и на опыт революции 1905 г., левые радикалы давали начало особому, оппозиционному, нецентристскому и антицентристскому, идущему к большевизму, течению. Если этого не понять. то и дискуссия 1910—1914 гг. сведется, как и у Герчикова, лишь к спорам о сроках выступления. Так именно хотелось в свое время представить дело Каутскому. Каутский пытался ввести в заблуждение партийные массы и показать, что спор идет не о принципиальных вещах, насчет которых нет расхождений, а о том, созрел ли момент для выступления. Напротив, через все дискуссионные статьи Р. Л. сквозила одна ведущая идея, высказанная ею еще в письме 1907 г., а именно, что Правление неспособно понять новой ситуации и поднять массы на борьбу и что надо поэтому апеллировать непосредственно, через головы обюрократившихся правленцев, к массам. Вот этот основной, кардинальный смысл всей дискуссии Герчиков проглядел. Исходя из чисто формальных критериев, не видя за словами самой сердцевины вопроса, т. Герчиков в конце концов скатывается к современной с.-д. точке зрения на Р. Л., как на коренного меньшевика, которого лишь горячий темперамент порой увлекал в сторону большевизма, но, который в основном всегда оставался социал-демократом. Эта точка зрения, будь она последовательна, вынуждена признать левый радикализм лишь оттенком центризма, левым центризмом. Но левый центризм есть тот же оппортунизм, лишь в [illegible] более скрытой, опасной форме. Левый центризм не может перерасти в большевизм. Таким образом, подобная оценка люксембургианства закрывает путь к разрешению вопроса о зарождении германской коммунистической партии. Она ограничивает международное значение довоенного большевизма и зиждется на механическом упрощенчестве, на непонимании внутренней противоречивости этого течения. еще во многом носящего центристский, оппортунистический характер, но в главном уже идеологически (хотя и не организационно) порывающего с центризмом.

Неустанно критикуя центристские элементы люксембургианства, с особенной силой проявлявшиеся в организационных взглядах Розы Л. и в ее отношениях к организационной политике большевиков, показывая медленный и нерешительный путь разрыва немецких левых с центризмом, мы в то же время не вправе смазывать и важнейшее для нас,—а именно—революционный характер этого течения. Только в этом случае мы поймем, как шел [illegible]

[1]) Историк-марксист, № 18—19. Дискуссия о германской с.-д., стр. 122.

[2]) И. В. Герчиков, Роза Люксембург, ч. I, Генезис и оформление полит. воззрений 1870—1898 г., Саратов, 1931 г., стр. 148.

[3]) Там же.

радикализм мог во время войны перерасти в спартакизм, а спартакизм— в коммунизм. Только тогда нам станет ясна внутренняя закономерность этого перерастания.

Польская работа Розы Л. еще меньше чем немецкая могла заслужить ей звание меньшевика. С большевистской непримиримостью и последовательностью она боролась с польским оппортунизмом. Она верно в общем предсказала пути рабочего движения в Польше и, таким образом, предопределила победу, одержанную с.-д. Ц. П. и Л. над ППС в 1905 г. Правильно организационно построенная польская партия добилась в годы революции 1905 г. огромного влияния и огромных успехов. Как и партия большевиков она превратилась из небольшой подпольной организации революционеров-профессионалов в массовую, крепко сколоченную многотысячную партию (не менее 30.000), возглавившую в революции польский пролетариат, давшую ему ясные цели и лозунги борьбы, поддержавшую великолепными демонстрациями и всеобщими стачками революцию в России, создавшую огромную сеть профсоюзов, проникнувшую в армию и деревню, взрастившую целый отряд первоклассных революционеров-профессионалов, поднявшую первое в новое время, начиная с эпохи Парижской коммуны, рабочее восстание в Лодзи. Роза Л. не только идейно подготавливала революцию 1905 г. в Польше, но и непосредственно в ней участвовала. После революции она вела борьбу с отколовшейся от ППС левицей, представлявшей в значительной степени польское издание русских меньшевиков. Она дралась также и с русским ликвидаторством и с русским отзовизмом. Правда, в польской работе не обошлось без крупнейших теоретических, тактических и организационных ошибок: известны заблуждения Розы в национальном вопросе. Но и здесь, как и в Германии, именно с.-д. Царства польского и Литвы, вождем которой была Р. Л., положила основу польской коммунистической партии.

III.

Была ли борьба Р. Л. с оппортунизмом и затем с центризмом вполне последовательной, означала ли она уже полное сближение с большевиками? Отнюдь нет. Отвергая меньшевистскую сплетню на Розу Люксембург как меньшевика, мы далеко не можем все же защищать всей ее идеологии. Р. Люксембург боролась с центризмом II интернационала за революционный марксизм. Но в своей борьбе она не шла до конца. По многим вопросам она сохранила предрассудки и ошибки полуменьшевистского порядка. Мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы их скрыть или умалять. Наоборот, беспощадная и решительная критика этих ошибок, очистка идеологии Р. Л. от меньшевистских плевел — единственный путь сохранения ее революционного наследства. Престиж и обаяние, которые возбуждает эта революционерка, не должны и не могут служить заслоном от критики. Рядом с правильной исторической оценкой ее великих революционных заслуг мы будем вести неуклонную борьбу с отрицательным ее наследством, оживающим в тех или иных группах коммунистов или беглецов из лагеря коммунизма. Борьба с люксембургианством продолжает быть актуальнейшей задачей западно-европейского коммунистического движения.

Ошибки Р. Л. общеизвестны. Они группируются вокруг самого понимания пролетарской диктатуры, вокруг вопросов революции и ее движущих сил. Это — ошибки в вопросе о стихийности и организованности и роли партии в революции. Это, затем, неверная оценка роли крестьянства в революции, неправильное разрешение национального вопроса, ошибочное теоретическое об'яснение империализма. В другом месте мне пришлось более подробно останавливаться на всех этих ошибках и дать им политическую оценку [1]).

[1]) См. И. А. Альтер. «Роза Люксембург в борьбе с реформизмом». Изд. «Прибой». 1927 г.

Одно из наиболее существенных различий между люксембургианством и ленинизмом состоит в непонимании того, что революцию надо организовать, что надо для этого создавать очищенную от оппортунистов партию революции, что надо технически революцию готовить. Идея о самовооружении пролетариата и об изолированном его выступлении и победе, о тактике-процессе и об организации-процессе—одно из наибольших отступлений люксембургианства от ленинизма, сближающих его с меньшевизмом. Роза Люксембург не понимала, что «отделение технической стороны революции от политической есть величайший вздор» [1]), что отказ от технической подготовки есть в конечном счете отказ от руководства революцией. Она не видела, что подобный отказ сближает ее с позицией Аксельрода, который обзывал большевиков бунтарями и заговорщиками, противопоставлял военно-техническим средствам средства политические, протестовал против использования масс в качестве «физической боевой силы» [2]). Как далеко заводили эти Розу Л. эти ошибки, можно судить хотя бы из ее статьи в «Красном знамени» от 18 августа 1906 г. Борясь в этой статье с революционаризмом ППС, она приходила к оппортунистическому выводу, что «задачей революционного рабочего движения является не дезорганизация правительства, а только революционное пробуждение масс и об'единение их для борьбы» [3]). Все эти ошибки, как и непонимание связи между организационными и стратегическими задачами партии, как и знаменитая статья 1904 г. в защиту [illegible] меньшевиков, недешево обошлись германской левой. В них коренятся и [illegible] миренческие настроения Розы Л. по отношению к русским меньшевикам накануне войны, и вера в единство германской социал-демократии, и [illegible] лый раскол, и недооценка роли вооруженного восстания, и неверная критика большевиков в тюремной брошюре 1917 г., и слишком упрощенное, [illegible] стическое представление об эпохе гражданской войны.

Этого никогда не могли понять ни Фрейлих, ни Тальгеймер. Еще в 1928 г. до своего официального присоединения к правым Фрейлих в комментариях к IV тому собрания сочинений Р. Люксембург пытался скрыть и [illegible] зать ее предвоенные ошибки, ссылаясь на «особые» условия Германии. Под маской протестов против «мифологии стихийности», созданной [illegible] Розы Л., Фрейлих на деле подготавливал уже идеологию будущего «[illegible] Спартака». Ошибки Фрейлиха тогда же были мною раскритикованы в журнале «Под знаменем марксизма» [5]). Защита Р. Люксембург со стороны [illegible] лерианцев вылилась в конечном счете в защиту ее меньшевистских ошибок. Однако борьба с ошибками Р. Л. и стоящими на их страже брандлерианскими комиссарами отнюдь не означает превращения ее в меньшевика.

Кто не понимает исторической специфичности этих ошибок, тот ничего не поймет в люксембургианстве. Ибо Роза, как подлинный революционер, умела прислушиваться к голосу революции и исправлять свои ошибки. От многих из них она успела в ноябре 1918 г. избавиться. Но [illegible] этого. Даже там, где Роза сближалась с меньшевиками, она никогда с ними полностью не шла. Это легко проиллюстрировать на любом вопросе. Я говорил уже в другом месте, что [illegible] ее по организационному вопросу нельзя прямо без всяких оговорок квалифицировать как меньшевистские. Особенно ясно это по отношению к Германии, где теория стихийности играла до поры до времени не только [illegible] ционную, но и известную положительную роль, и по отношению [illegible]

[1]) Ленин, Две тактики, собр. соч., т. VI, стр. 76.

[2]) См. речь Аксельрода на об'ед. с'езде. Протоколы, стр. [illegible]

[3]) R. Luxemburg, Organizacja i desorganizacja. «Czerwony [illegible]

[4]) R. Luxemburg, Gesammelte Werke, Band IV, Gewerkschaftskampf [illegible] senstreik, предисловие Фрейлиха.

[5]) См. мою статью «Роза Люксембург о пролетарской революции» [illegible]

которой организационная структура партии соответствовала программе большевиков [1]).

Возьмем крестьянский вопрос в революции 1905 г. 25 декабря 1905 г. Роза писала: «Использовать шансы (революции. — *И. А.*) это значит перейти от первой атаки, какой является всеобщая забастовка, ко второй, которая будет соединением пролетарской революции с крестьянским движением и с революцией, прорвавшейся в ряды войск. В деревню! В казармы! Вот первый план кампании, которую должна создать себе революция сейчас же после взрыва всеобщей стачки. А это значит—после соединения с революционизированной частью армии перейти от обороны к наступлению на врага, от фазы всеобщей забастовки к фазе вооруженного восстания» [2]) 4 августа 1906 г. Роза писала, что «В теперешней фазе революции царской России ближайшие судьбы освободительной борьбы зависят прежде всего от двух факторов: от позиции армии и от аграрного движения» [3]). Еще яснее она высказалась в заключительном слове на лондонском съезде. «В еще недифференцированной массе русского крестьянства, приведенного, благодаря настоящей революции, в движение, имеются значительные силы не только наших преходящих союзников, но также наших естественных будущих товарищей. Поэтому наш отказ подчинить их уже сейчас нашему руководству и нашему влиянию был бы непростительным для прогресса революции сектантством» [4]). Это — язык, далекий от языка меньшевиков.

Признавая революционность крестьянства, Р. Л. и польские социал-демократы отрицали, однако, возможность его участия во временном революционном правительстве. «Охрану дел революции и плодов кровавых жертв пролетариата,—писала Роза,—призван держать один пролетариат, созывая немедленно после победы собственное временное рабочее правительство» [5]). Крестьянство, согласно этому представлению, не может итти рука об руку с рабочим классом. Отсюда неверный лозунг диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство, вместо большевистского лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Поляки не понимали, что формула большевиков отнюдь не лишает пролетариат его руководящей роли в буржуазной революции, а лишь усиливает его крестьянским революционным представительством и таким образом неимоверно расширяет базу всего движения в целом. Но было ли это разногласие достаточно существенным, чтобы сорвать блок большевиков с поляками? Ответ на этот вопрос мы находим в официальном отчете декабрьской конференции 1908 г. «Товарищам из польской социал-демократии сделана эта уступка, но в основном они разделяют нашу большевистскую точку зрения, ибо голосовали за всю нашу резолюцию, одним из основных положений которой является, конечно, идея диктатуры и революционного крестьянства, как большевики ее всегда понимали» [6]). В таком же духе пишет и Ленин. Возражая меньшевикам, пытавшимся поживиться за счет разногласий между большевиками и поляками, он писал: «Нельзя подобными средствами увернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство РСДРП, поляки и

---

[1]) § 1 устава С.-Д.Ц.П. и Л. гласил: «Членом партии является каждый, кто признает программу партии, постановления с'ездов и устав, активно поддерживает партию и принадлежит к одной из ее организаций». См. Materialy do dziejów Ruchu socjalistycznego w Polsce, т. II, Москва, 1927 г., стр. 167. Эта формулировка была почти дословно подтверждена на V с'езде С.-Д.Ц.П. и Л. в 1906 г., где устав был подвергнут подробному обсуждению.

[2]) Przed walnas bitwą, Czeribony Sztandar, 25 декабря 1905 г.

[3]) Konferencja agitatorów wiejskich, Czerwony Sztandar, 4 августа 1906 г., № 37.

[4]) Протоколы, стр. 321—322 (разрядка моя. И. А).

[5]) Rzecz o Konstytuancie i rzadrie tymczasowym, стр. 14 (разрядка моя. И. А.).

[6]) Всероссийская конференция РСДРП (декабрь 1908 г.). Изд. газ. «Пролетарий». Париж, 1909 г.

большевики в том числе, решительно стоят: 1) За признание руководящей роли пролетариата, роли вождя революции. 2) За признание целью борьбы завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов. 3) За то, что на первое, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство» [1]).

Однако, чтобы правильно оценить это заявление Ленина, необходимо учесть положение и задачи партии в тот период, необходимость сплочения всех сил для борьбы с ликвидаторством. Поэтому не следует умалять ошибки Розы в крестьянском вопросе. Роза Л. не доходила, правда, до троцкистского положения о том, что крестьянство на следующий день после победы пролетариата неизбежно повернет против революции. Она видела и дифференциацию в среде крестьянства. Но умаление роли крестьянства и еще более позднейшее примиренчество по отношению к меньшевикам вело в сторону троцкизма, хотя далеко не означало еще той политической близости к Троцкому, как это он сам хотел изобразить.

Не случайно также взгляды Розы возродились на следующем этапе с новой силой и вылились в ее тюремной брошюре в целую систему неверных положений. Роза выступила против социализации земли. Она увидела здесь возврат к эсеровской программе. Социализация земли представлялась ей мелкобуржуазной мерой, может быть и укрепляющей правительство, но не имеющей ничего общего с социализмом и усиливающей крестьянскую собственность. Роза не поняла, что в обстановке прямой угрозы социалистической власти решают непосредственные политические и тактические задачи, а не соображения о немедленном поднятии производительности труда и о прямом введении социализма. Она слишком упростила путь к социализму, не уяснив себе всей его сложности и зигзагообразности. Она смешала аграрную программу эсеров при господстве буржуазии и после захвата власти пролетариатом. Она не поняла, что именно наделение крестьян помещичьей землей было единственным путем к социализму [2]).

Более длительны, серьезны и ожесточенны были разногласия и споры Ленина с Розой по национальному вопросу. Они достаточно известны и нет надобности здесь их повторять. Ленин вскрыл до конца нигилизм Розы Л. и показал его политическое нутро. Но отрицал ли Ленин полностью заслуги Розы Л. и поляков в этой области? Отнюдь нет. «Громадная историческая заслуга товарищей польских социал-демократов та,— говорил Ленин на партийной конференции 1917 г.,— что они выдвинули лозунги интернационализма и сказали: «Нам всего важнее братский союз с пролетариатом [illegible] остальных стран, и мы никогда на войну за освобождение Польши не пойдем. В этом их заслуга и поэтому мы всегда только этих польских товарищей, социал-демократов считали социалистами. Другие — это патриоты, польские Плехановы» [3]).

Что же означали догматические утверждения Розы о невозможности национальных революций в эпоху империализма? Откуда шло категорическое табу, накладываемое ею на всякую борьбу за самостоятельность Польши? Почему она столь горячо боролась с лозунгом самоопределения вообще? Роза Л. обобщала условия одной или двух небольших стран, и то условия небольшого исторического отрезка, на всю историю этих стран и на все страны. Она видела только одного врага в лице социал-патриотов из ППС. Здесь, у интернационалистки Р. Л. проявлялась известная национальная ограниченность. Отражением подобной же ограниченности, но уже ограниченности [illegible] ного западно-европейского социал-демократа, обобщающего, и то [illegible]

[1]) Ленин. Цель борьбы пролетариата в нашей революции, т. VI, стр. [illegible]

[2]) Эти беглые замечания по вопросу об отношении Р. Л. к крестьянству носят лишь иллюстративный характер и далеко не исчерпывают вопроса.

[3]) Петроградская общегородская всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. ГИЗ, М.-Л., 1925, стр. 135.

но особые условия довоенной Европы, являются взгляды Розы на крестьянство, на роль партии в революции, на террор. Эта ограниченность одновременно выражала и недостаточно решительный разрыв с социал-демократией и ультралевую, нигилистическую трактовку ряда вопросов: первое вызывало второе. Эта же ограниченность мешала Розе понять до конца большевизм. Даже в период наибольшего сближения с большевиками до войны в 1907 г. Роза говорила: «Мы рассматриваем теперь односторонность и узость левого крыла русской социал-демократии, как естественный результат истории русской партии за последние годы... Поэтому мы вполне сознательно стараемся обеспечить победу этой политики *не в ее специфической большевистской форме, а в той форме, как ее перенимает и проводит польская с.-д., в той форме, которая ближе всего подходит к духу немецкой социал-демократии и к духу истинного социализма*»[1]. Сделав одной ногой решительный шаг вперед навстречу большевистским концепциям и большевистской тактике в революции 1905 г., Роза другой ногой оставалась еще на почве ограниченных представлений немецкой социал-демократии. Вот в этой ограниченности, в этом желании причесать большевизм под западно-европейскую гребенку и лежат корни того специфического направления, которое мы связываем с именем люксембургианства. *Люксембургианство* (мы здесь отвлекаемся от Р. Люксембург и проделанной ею эволюции) *есть сумма представлений о пролетарской революции, выражающих уже в основном разрыв со старой центристской идеологией. Но оно заключает еще в себе целую систему отличных от большевизма и ошибочных, небольшевистских взглядов на диктатуру и демократию, на пролетарскую революцию и ее движущие силы. Характерная особенность люксембургианства, это — меньшевистская теория стихийности и неуменье довести идеологический разрыв с центризмом до разрыва организационного. Люксембургианство есть плод переходной эпохи, есть отражение мучительного и противоречивого процесса большевизации западно-европейского пролетариата в особых условиях длительной спячки и легалистских традиций, создавшихся за период мирного развития. Люксембургианство есть этап к большевизму, этап, в основном завершенный Ноябрьской революцией и образованием немецкой коммунистической партии, означавшими победу большевизма. Люксембургианство в целом не есть антибольшевизм, как хотят его изобразить социал-фашисты, которые тащат Р. Л. назад к социал-демократии. Но люксембургианство не есть также еще большевизм, как это изображают брандлерианцы, которые пытаются подменить Ленина Розой Люксембург.*

Война и Ноябрьская революция обнаружили с наибольшей силой слабые и сильные стороны Розы Люксембург. Сила ее — это была сила спартаковцев, сумевших в черную ночь осадного положения и предательства II интернационала создать первые боевые батальоны надвигающейся революции, провозгласить лозунг III интернационала, провести решительную борьбу с шейдемановским правительством и каутскианцами за революционное окончание войны, зажечь огни гражданской войны, бросить лозунг советской власти против шейдемановцев и учредительного собрания. Слабость ее — это путаные лозунги «Кризиса социал-демократии», запоздалый раскол, организационная

[1] Протоколы Лондонского с'езда, стр. 291 (разрядка моя. И. А.).

беспомощность, неспособность в январском восстании 1919 г. занять руководящую роль, неуменье связаться с советами и с профсоюзами и пр. и пр. В наиболее концентрированном виде теоретические ошибки и предрассудки Р. Л. запечатлены в ее тюремной брошюре о русской революции. Этот, не предназначавшийся для печати, плод плохой информации и долголетней тюремной жизни — главная гордость сегодняшних социал-демократических претендентов на наследство Розы Люксембург. Но эта брошюра, пусть заключающая в себе сводку неверных оценок большевистской политики, написана союзником революции, а не ее врагом. Это в свое время вынужден был признать и Каутский: «Она критикует большевиков,— писал он,— не с точки зрения меньшевиков, а с точки зрения большевиков же» [1]),—слова, о которых супруга его Луиза ныне обстоятельно забыла. Не случайно также П. Леви не решался напечатать текст брошюры полностью и выбросил все самые яркие места, направленные против с.-д. в пользу большевизма. Вот кое-что из урезанных им выдержек:

«Как в свое время июньское восстание парижского пролетариата и июньская бойня впервые разделили буржуазное общество на два враждебных класса, между которыми возможен лишь один закон: борьба на жизнь и смерть,— так же и господство большевиков в России практически поставило буржуазное общество перед этим конечным боем—на жизнь и смерть, с глазу на глаз. Оно уничтожило и разметало фикцию о кротком рабочем классе, с которым можно мирно договориться и устроиться, о социализме, который теоретически хвастается безвредными фразами, практически же превозносит принцип: живи и жить давай другим — фикцию, которая возникла благодаря практике последних 30 лет немецкой с.-д. и следующего за ней всего Интернационала. Русская революция уничтожила, наконец, грубым кулаком созданные последним пятидесятилетием парламентаризма modus vivendi между социализмом и капитализмом и социализм из безобидной фразы предвыборной агитации, лазурной звезды будущего, превратила в кровавую серьезную проблему современности. Она грубо сорвала старую, с июньских дней 1848 г. унаследованную, страшную рану буржуазного общества... Большевизм стал лозунгом для практического революционного социализма, для всех устремлений рабочего класса к захвату власти. В этом обнажении социальной базы в лоне буржуазного государства, в этом международном углублении и заострении классовых противоречий лежит историческая заслуга большевизма, и в этом деле, как всегда в больших исторических событиях, исчезают все несущественные все частные ошибки и заблуждения большевизма» [2]).

Два месяца участия в ноябрьской революции зачеркнули брошюру «О русской революции». Но зарождение КПГ не означало еще смерти люксембургианских теорий и люксембургианской практики. Традиции люксембургианства изживались долгие годы. За эти традиции цепляются ныне те, кто бежит из лагеря коммунистов. Ныне путь к большевизму идет не через люксембургианство, а через борьбу с ним и наоборот. Если люксембургианство было в свое время этапом на пути к большевизму, то ныне возврат к люксембургианству есть этап на пути к социал-демократии. Из течения, порывавшего с центризмом, оно, так сказать, превращается в течение, его прикрывающее. Такова роль брандлерианцев, за какие бы высокие традиции они ни прятались. Брандлерианцы вспоминают сейчас колебания Р. Л. по вопросу об организации III интернационала. Так как отдельные коммунистические партии не были в то время (в начале 1919 г.) еще сформированы, то Розе Л. основание Коммунистического интернационала

---

[1]) K. Kautsky, Rosa Luxemburg und der Bolschevismus, Kampf, XV, 1922.

[2]) P. Weil. «R. L. über die russische Revolution», Archiv für die Geschichte des Socialismus u. der Arbeiter bewegung. XXX. jahrb., S. 295—296.

оказалось преждевременным. У нее были опасения, что в подобных условиях вся гегемония движения попадет в руки одной лишь русской секции. Что же, однако, опасения эти означали? Двойной социал-демократический предрассудок. Во-первых, страх перед организационным «форсированием событий» — старый рефлекс представлений об организации-процессе. Во-вторых, страх перед единой, централизованной, имеющей международные оперативные функции, партией, неизжитый еще страх перед русским большевизмом как ведущей силой. Возрождение подобных идей есть в настоящее время не что иное, как отступление к чисто социал-демократическим взглядам на Интернационал и на большевизм, отступление, которое ныне проделывают брандлерианцы. Еще хуже дело обстоит с их пониманием социал-демократии и тактики единого фронта, с их критикой понятия социал-фашизма и пр. и пр. Когда в 1929 г. брандлерианцы пытались сорвать возглавленные компартией массовые кампании, то они искали аргументов в старых статьях Р. Люксембург [1]. Умаляя инициативную роль партии, оправдывая хвостистские настроения отдельных групп рабочих, смыкаясь с социал-фашистскими тактиками, «оберегающими» рабочих от лишних жертв, они прикрываются люксембургианской теорией стихийности. Таким образом, люксембургианство становится весьма утонченным оружием борьбы с рабочим под'емом, проводником пассивности и обывательщины.

Желая освободиться от русской «ограниченности», брандлерианцы попадают в об'ятия западно-европейской, т.-е. социал-демократической ограниченности. Они повторяют старые ошибки Р. Л. Но они их повторяют на ином этапе, в иной обстановке, когда классовая борьба достигла высшего апогея, когда баррикады стали повседневным явлением, когда капитализм об'ят жесточайшим кризисом, какой только видела его история, когда социал-демократия выродилась в социал-фашизм. Поэтому их ошибки лишь внешне похожи на ошибки Розы.

Заблуждения Розы были в первую очередь заблуждениями роста, заблуждениями молодого, вступающего на путь большевизма, впервые рвущего с социал-демократией движения. Ошибки брандлерианцев — это ошибки людей, отступающих перед трудностями коммунистической революции, рвущих с большевизмом и ренегатствующих в стан классового врага.

IV.

Большевизм интернационален вдвойне. Опыт трех русских революций — образец для западно-европейского рабочего движения. И наоборот. Большевизм впитывает в себя и обобщает опыт всех других стран и других революций. Это — два встречных потока, две стороны одного и того же процесса. Они вырастают из единой базы империализма, несущего с собой эпоху империалистических войн и пролетарских революций. Большевизм не национально-русское, а международное движение и учение, закономерно вырастающее из одинаковых в основном условий жизни и борьбы пролетариата современных капиталистических стран. Но ведущую роль в этом движении по праву занимает СССР, показывающий другим странам, как надо совершать революцию и как надо строить социализм. И важнейшие истины в этом учении доказаны были Лениным. Ленин открыл новый этап в развитии революционного марксизма. Международное единство большевизма не означает, конечно, тождества его проявлений в отдельных странах. Мы не можем забывать и игнорировать своеобразия каждой страны. Но это единство растет вместе с ростом международной рабочей солидарности и международного рабочего движения вопреки реву социал-демократов, делающих, еще начиная с 1905 г., упорные усилия, чтобы предостеречь своих рабочих от русской «заразы».

[1] См., напр., Gegen dem Strom. November. 1929, № 45.

Роза Люксембург сразу оценила сущность и великие уроки революции 1905 г. Первая из западно-европейских марксистов, она об'яснила их значение западно-европейским рабочим массам. Она принесла им воодушевление и энтузиазм русских революционеров. Она повела на основе опыта революции 1905 г. решительную борьбу с международным оппортунизмом и центризмом, с «заржавевшими» авторитетами из Правления и оформила левое крыло немецкой социал-демократии. Она разбудила от спячки начинавшие затягиваться реформистской тиной социал-демократические партии. Опыт русского революционного движения стал с 1905 г. краеугольным камнем ее деятельности: тем самым Р. Л. приобщилась к большевизму.

Левый радикализм, а потом спартакизм, не был как врут социал-демократы, наносным элементом. Опыт России приемлем для немецких и др. рабочих, потому что почва для него подготовлена изнутри. Появление спартакизма — наглядный пример интернациональной сущности большевизма. И наоборот. Движение левых было ценным вкладом в русское движение. Ленин внимательно следил за всеми перипетиями этого движения, изучал работы его вождей, извлекал из них все важное, интересное, нужное для России. Многократно и резко критикуя Розу Люксембург, он не переставал все же видеть в ней «выдающегося представителя революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма» [1]). Когда представитель спартаковцев в декабре 1918 г. говорил Ленину в Москве, что у них нехватает руководителей, то Ленин отвечал: «Чего же вы хотите, дорогие товарищи, у вас три такие головы, каких во всем Интернационале нигде больше не сыщешь: Роза, Карл и старик (Меринг.—*И. А.*). С подобными тремя головами ваша революция должна обязательно достигнуть больших успехов. Таких парней у нас никогда не было» [2]).

В чем же великое международное значение Розы Л., ее работ, ее деятельности, в чем то **большевистское** наследство, которое она нам оставила? В классических, неподражаемых образцах борьбы с оппортунизмом и центризмом, в лучшей на Западе, самой блестящей защите и пропаганде русской революции 1905 г. и ее методов, в сплочении и возглавлении во время войны первой фаланги бойцов со «смердящим трупом» II интернационала за новый Интернационал, за коммунистическую революцию, в великом энтузиазме и непреклонной вере в дело пролетариата, которыми горит каждая строка и каждая фраза ее выступлений, в героическом примере, как должен большевистский вождь умирать за дело революции.

Это революционное наследство мы берем у Розы Люксембург, предоставляя в собственность ренегатов ту систему ошибочных взглядов, которые, [illegible] именем люксембургианства, чужды ленинизму.

Поэтому Роза Л.—неот'емлемая фигура III Интернационала. Поэтому «Несмотря на свои ошибки,—писал Ленин,—она была и остается орлом», поэтому «память о ней всегда будет ценна для коммунистов всего мира», поэтому «ее биография и полное собрание ее сочинений будут полезнейшими уроками для воспитания многих поколений коммунистов всего мира» [3]). Память о ней и любовь к ней — это не наигранная «любовь» социал-демократических [illegible]леров и убийц, не спекуляция ее ошибками во имя антипартийных, ренегатских целей, а память и любовь международной партии революционеров к своему собственному великому вождю.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 351.

[2]) F. Schwabe, Aus den Briefen R. Luxemburgs an F. Mehring, «Die Internationale», 1923 г., стр. 67.

[3]) Ленин. Собр. соч. т. XX, ч. 2-я, стр. 490.

Роза Люксембург в германской революции 1918 года

Б. Х. Нодельман.

Весьма недолгий срок пришлось Розе Люксембург участвовать в революции 1918 года в Германии. Из тюрьмы освободила ее Ноябрьская революция. Десятого ноября вечером прибыла Роза в Берлин. Сейчас же заняла она свое место рядом с Карлом Либкнехтом и как признанный вождь Спартака и как редактор «Роте Фане». На этом посту Р. Люксембург оставалась вплоть до 15 января 1919 г., когда она была зверски убита белогвардейскими офицерами социал-демократического главнокомандующего — Носке.

Позиция Розы в этот период революции — с ноября 1918 г. по январь 1919 г.—это по существу позиция всего Спартака и редакции «Роте Фане». Исключение составляет вопрос об участии в Национальном Собрании, где Роза Люксембург, Карл Либкнехт и так называемое «меньшинство» заняли особую от всего Спартака позицию.

Первым публичным выступлением Розы (программного характера) в этой революции следует считать статью — «Der Anfang» [1]). В ней Роза Люксембург предостерегает, что достигнуто еще очень мало, враг не побежден окончательно; перед революцией поставлена задача низложения господства капиталистов и осуществления социалистического строя, — «на меньшем нынешняя революция не помирится и в этом ее историческое значение»... «Вся власть — в руки масс, в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов». Роза Люксембург при этом выдвигает следующие требования:

1. Организационное оформление и выборы местных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.
2. Политическая власть должна перейти от малочисленного Исполкома к более широкому базису Советов.
3. Скорейший созыв общегерманского с'езда Рабочих и Солдатских Депутатов.
4. Немедленная организация сельских пролетариев и мелких крестьян, все еще стоящих в стороне от революции.
5. Организация Красной Гвардии, как постоянного оборонительного отряда революции.
6. Образование рабочей милиции в качестве сторожевого поста пролетариата.
7. Устранение остатков самодержавного военно-полицейского государства из ведомств управления, суда, юстиции и военного.
8. Немедленная конфискация движимого и недвижимого имущества династий.

---

[1]) «Роте Фане» от 18 ноября 1918 года.

9. Немедленный созыв Всемирного Контресса Рабочих Депутатов.

Таким образом, Роза Люксембург с самого начала признала социалистическую конечную цель революции. Отсюда ее правильная позиция — не участвовать в правительстве Эберта — Шейдемана. Задачу революции она видела в необходимости свержения этого правительства и установлении власти Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Каждый шаг «революционного» правительства Эберта — Гаазе Роза использовывает для того, чтобы на конкретных примерах и действиях разоблачить — вскрыть всю контрреволюционность социал-демократии и трусость, половинчатость независимых.

Одним из основных вопросов, которые Роза Люксембург использовала для борьбы с социал-демократией и независимыми, было Национальное Собрание. После обещания Совета Народных Уполномоченных созвать в ближайшее время Национальное Собрание Роза выступает по этому поводу с специальной статьей — «Die Nationalversammlung»[1]). Она заявляет:

«Вопрос о Национальном Собрании—это принципиальный вопрос, вопрос социалистического самосознания революции. Рабочий парламент, представительство городского и сельского пролетариата — вот символ нового социалистического строя, который несет в себе нынешняя пролетарская революция. По ее мнению, Национальное Собрание, это — пережиток буржуазных революций, предмет обихода времен мелкобуржуазных иллюзий о «народе, свободе, равенстве и братстве» в буржуазном государстве. Кто ныне цепляется за Национальное Собрание, тот отодвигает революцию назад к исторической стадии буржуазных революций.

К этому вопросу Роза Люксембург возвращается неоднократно, доказывая, что Национальное Собрание «может привести только к усилению контрреволюции и надувательству революции в ее социалистической цели»[2]). Как далеко ушла Р. Люксембург в этом вопросе от своих тюремных писаний еще в сентябре того же 1918 года[3]). Тогда Роза Люксембург писала:

«Они (большевики.—*Б. Н.*) не хотели и не имели права доверить судьбы революции Собранию, которое отражало в себе вчерашнюю Россию Керенского, период колебаний и коалиций с буржуазией. Таким образом, им ничего иного не оставалось, как созвать вместо него новое собрание, которое выросло на основе новой, ушедшей вперед России»[4]).

Она там договаривалась даже до того, что «необходимы как Советы в качестве остова, так и Учредительное Собрание и всеобщее избирательное право». А когда сейчас—в ходе революции—это положение отстаивали независимые, Р. Люксембург обрушилась на них со свойственным ей негодованием; «За или против социализма, против или за Национальное Собрание третьего не дано... Если серьезно относиться к социалистической диктатуре пролетариата, то нечего втискивать ее в качестве временной меры между углом и дверью истории революции, ставя едва начатое ею дело в зависимость от окончательного приговора, выносимого буржуазно-демократическим собранием»[5]).

Однако, признавая в принципе Национальное Собрание контрреволюционным оплотом, воздвигнутым против революционного пролетариата; уст-

---

[1]) «Роте Фане» от 20 ноября 1918 года.

[2]) Rede in der Generalversammlung der USP am 16 Dezember 1918. Reden der Revolution. Rosa Luxemburg. Neuer Deutscher Verlag, Berlin, 1928, S. 106.

[3]) Речь идет о критических заметках, написанных Розой Люксембург в сентябре 1918 года по поводу нашей Октябрьской революции.

[4]) Rosa Luxemburg, Die Russische Revolution, Verlag Gesellschaft und Erziehung, 1922, S. 100.

[5]) Цитирую по К. Цеткин. «Роза Люксембург и русская революция», стр. 145, изд. «Кр. Новь», 1923 г., стр. 78 и сл

новив, что «на ближайшее время наша тактическая линия это — свержение Эберта—Шейдемана и замена его пролетарским социалистическим правительством» [1]), Роза оговаривается:

«В момент, когда я это изображаю, этот процесс становится более продолжительным, чем вначале склонны были себе представить» [2]). Не рисуя себе иллюзий, более трезво, нежели левое большинство, оценивая развертывающиеся события, Р. Люксембург считает возможным принять участие в созываемом Национальном Собрании.

Почему Роза за участие в нем?

«Мы твердо стоим на той же почве, что и вчера. Мы не хотим сообразовать нашу тактику по отношению к Национальному Собранию с той возможностью, которая, конечно, может наступить, но не должна обязательно наступить, именно, что Национальное Собрание будет взорвано, а мы хотим сообразовать ее со всеми возможностями, в том числе и с революционным использованием Национального Собрания, если таковое состоится» [3]).

Революционное же использование Национального Собрания заключается в том, что «сами выборы и действия революционных представителей масс внутри его должны послужить делу революции. Беспощадно и громко изобличать все хитрости и уловки почтенного собрания, на каждом шагу срывать маску с его контрреволюционных деяний и призывать массы к решительному вмешательству,—вот в чем задача для участия в Национальном Собрании. Они, массы, должны решить судьбу и исход Национального Собрания... Центр тяжести находится в действиях извне, которые должны бешено ломиться в двери контрреволюционного парламента» [4]).

Ленин, как известно, полностью одобрил позицию Розы Люксембург в этом вопросе:

«Немецкие левые,—говорил Владимир Ильич,—как известно, еще в январе 1919 года считали парламентаризм «политически изжитым», вопреки мнению таких выдающихся политических руководителей, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Известно, что «левые» ошиблись» [5]).

Отвергнув Национальное Собрание, как «пережиток, унаследованный от буржуазных революций», Р. Люксембург делает упор на Советы. Уже в своей первой статье в «Роте Фане»—«Der Anfang»—она выставляет лозунг: «Всю власть в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов». С обострением борьбы между революционным авангардом и социал-демократическим правительством это требование принимает у Розы еще более резкую постановку. На собрании берлинских независимых 15 декабря она от имени Спартака уже требует немедленной передачи всей политической власти Рабочим и Солдатским Советам, роспуска эбертовского Совета Народных Уполномоченных, наделения Исполнительного Комитета Советов высшей государственной властью.

Характерным в этом вопросе для Р. Люксембург является то, что от постановки в сентябрьских своих заметках: «и Советы в качестве твердого остова пролетарской власти, и Учредительное Собрание на основе всеобщего избирательного права», она приходит к позиции: «либо Национальное Собрание, либо вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов; либо от-

---

[1]) Rosa Luxemburg, Rede zum Programm, Verlag Soz.-Dem. Partei der Stadt Zürich, S. 25.
[2]) Там же, стр. 25.
[3]) Там же, стр. 28.
[4]) «Выборы в Национ. Собрание», «Роте Фане» от 23 декабря 1918 г.
[5]) Ленин, т. XVII, изд. 1, стр. 142.

каз от социализма,—либо ожесточеннейшая классовая борьба во всеоружии пролетариата против буржуазии. Вот в чем вопрос» [1]).

Советы, как единственная форма диктатуры пролетариата,—эта основная мысль пронизывает все устные и письменные выступления Розы в этот последний период ее жизни.

Говоря о советах, Роза Люксембург имеет в виду и деревню. В отличие от эбертовских крестьянских советов, охватывающих всех, вообще живущих на селе («Крестьяне! Батраки! Ремесленники и промышленники на селе! Создавайте немедленно крестьянские советы» [2]), Роза Люксембург требует «немедленной организации не «крестьян», а сельского пролетариата и мелкого крестьянства» [3]). Эту же мысль Роза повторяет неоднократно и в печати, и в программной своей речи на с'езде Спартака в декабре 1918 года. Эта позиция Розы впоследствии получила полное одобрение Ленина:

«Я прочел в «Роте Фане»,—сказал на I конгрессе Коминтерна Владимир Ильич [4]),—статью против крестьянских советов, но «совершенно правильно» за советы батрацкие и деревенской бедноты. Буржуазия и ее лакеи, как Шейдеман и К°, уже выставили лозунг: крестьянские советы. Но нам нужны лишь советы батрацкие и деревенской бедноты».

Замечательно и то, что вопрос о крестьянстве Роза ставит с самого начала революции. Она к нему возвращается при первом удобном случае и вот почему:

«Если мы говорим всерьез о социалистическом преобразовании, то мы должны направить наше внимание не только на промышленные центры, но и на деревню, а здесь мы, к сожалению, и не начинали работать. К этому вопросу надо подойти серьезно не только потому, что без сельского хозяйства мы не можем провести социализацию, но и потому, что, перечисляя сейчас последние резервы контрреволюции, направленные против нас и наших устремлений, мы не учли еще один важный резерв—крестьянство. Как раз потому, что оно до сих пор осталось незатронутым революцией, оно представляет собой резерв для контрреволюционной буржуазии» [5]).

В последний раз к этому вопросу Р. Люксембург возвращается в предсмертной своей статье—Die Ordnung herrscht in Berlin» [6]), подводя итоги январским боям:

«Больным местом революции в данный момент является политическая незрелость солдатской массы, позволяющей офицерству использовать ее для враждебных народу контрреволюционных целей. Деревня, откуда происходит значительная часть солдатской массы, попрежнему еще очень мало затронута революцией».

Таким образом, Роза Люксембург правильно увязывает вопрос о пролетарской революции с вопросом о союзниках пролетариата в его революции. Отсюда неоднократное напоминание о деревне и солдатской массе.

Однако, став на вполне правильную позицию в вопросе о крестьянстве, как резерве пролетариата в социалистической революции, Роза Люксембург дает неверную установку в практическом разрешении аграрно-крестьянского вопроса. Больше того, нам думается, что в отношении практического разрешения пролетарской революцией аграрной проблемы Роза осталась на своей сентябрьской 1918 года позиции:

---

[1]) Цитирую по К. Цеткин, «Роза Люксембург и русская революция», стр. [illegible]

[2]) Воззвание Совета Народных Уполномоченных к сельскому населению в Германии, «Форвертс», № 313 от 13 ноября 1918 г.

[3]) Der Anfang. «Роте Фане» от 18 ноября 1918 г.

[4]) Ленин, т. XVI, 1 изд., стр. 51.

[5]) Rede zum Programm, S. 25.

[6]) «Роте Фане» от 15 января 1919 г.

«Захват поместий крестьянами на основе краткого и лапидарного лозунга Ленина и его друзей: «Идите и захватите землю», — писала тогда Р. Люксембург по поводу большевистской аграрной политики,—привёл к внезапному хаотическому переходу крупного землевладения в руки крестьян. То, что создано, является не общественным достоянием, а новой частной собственностью и раздроблением сравнительно крупного хозяйства на примитивные мелкие хозяйства, в техническом отношении работающие способом времен фараонов» [1]).

Р. Люксембург даже уверена, что «это перемещение сил произошло не в пользу пролетарских и социалистических интересов. Прежде социалистической реформе в деревне противодействовала небольшая каста дворян и капиталистов и ничтожное меньшинство богатой сельской буржуазии, экспроприация которых при помощи революционных народных масс являлась бы детской забавой. Теперь же, после «захвата земель», врагом всякого обобществления сельского хозяйства является невероятно разросшаяся и сильная масса собственников-крестьян, которые зубами и когтями готовы отстаивать вновь приобретенную собственность против всех социалистических покушений» [2]).

Не поняв таким образом аграрной политики большевиков, Р. Люксембург в ходе германской революции как бы поправляет Ленина. На партейтаге в декабре 1918 года Роза, говоря о возможности использования буржуазией крестьянства против пролетарской революции, предлагает:

«Против этой, грозящей нам контрреволюционной силы нет другого средства, как перенести классовую борьбу в деревню, мобилизовать против крестьянства (gegen das Bauerntum)—безземельный пролетариат и мелкое крестьянство» [3]).

В программе экономических требований Спартака, формулированных Розой Люксембург в «Was will der Spartakusbund» [4]), уже прямо говорится об отчуждении земли крупных и с р е д н и х крестьянских хозяйств. Программа Спартака ограничивалась только оставлением м е л к и х хозяйств в руках их владельцев, выдвигая отчуждение земель всех прочих хозяйств и организацию из них социалистических сельскохозяйственных коллективов.

Именно для Германии, где число средних хозяйств (от 5 до 10 гектаров) составляло в то время 652.798, где число арендных хозяйств довольно велико, вполне приложимы ленинские тезисы, принятые в основу решений II конгресса Коминтерна. Последние, как известно, предлагают «гарантию и мелкому и среднему крестьянству не только сохранения за ними и земельных участков, но и увеличение их на всю обычно арендуемую ими площадь... В подобных случаях (Yustleute в Германии, metayeurs во Франции и т. п.—*Б. Н.*), обязательна со стороны пролетарского государства передача арендуемых мелкими крестьянами земель в бесплатное пользование бывшим арендаторам, ибо нет другой экономической и технической основы и нельзя ее создать сразу» [5]).

В декабре 1918 г., после расстрелов 6 и 24 декабря, Роза Люксембург приходит к выводу, что наступила вторая фаза революции, когда в порядок дня стал вопрос о свержении власти Эберта—Гаазе—Шейдемана и перехода всей власти в руки Советов. Именно это обстоятельство было решающим в отношении того, что Роза пошла на полный разрыв с независимыми:

---

[1]) R o s a L u x e m b u r g, Die Russische Revolution, S. 85

[2]) Там же, стр. 86.

[3]) Rede zum Programm, S. 26.

[4]) Эта работа, впервые появившаяся в «Роте Фане» 14 декабря 1918 г., на первом партейтаге принята в качестве основной программы Спартака.

[5]) Ленин, т. XX, ч. II, изд. I, стр. 400 и сл.

«Оно,—пишет Р. Люксембург по поводу основания компартии [1]),—последовало, как естественный продукт исторического развития, как составная часть процесса германской революции, одновременно с пробуждением политической жизни пролетарских масс. Основание коммунистической партии увязывается с переломным пунктом, который завершает первую фазу германской революции и открывает вторую».

Что это за переломный пункт?

«Иллюзии 9 ноября разрушены, его недостатки выступают наружу. Разоблаченная контрреволюция на одном полюсе вызывает беспрепятственное и беспощадное развертывание революционного знамени на другом: резкий поворот направо официальных верхов государства вызывает энергичную ориентацию влево — в фундаменте, в рабочих и солдатских массах» [2]).

Таким образом, потребовалась Ноябрьская революция и бесстыдное поведение в ней независимых, потребовалось всеобщее разочарование и отлив революционного вала, чтобы Р. Люксембург и К. Либкнехт решились, наконец, нарушить «проклятую традицию «единства» с продажной и бесхарактерной бандой лакеев капитала» (Ленин). Лучше, конечно, поздно... Ведь, Лео Иогихес (Тышко), Мюльгейм (Майстер) и Вернер Гирш необходимость самостоятельной компартии и тогда еще не осознали и голосовали против организации таковой.

Какова же роль коммунистической партии в революции по мнению Розы Люксембург?

«Союз Спартака,—говорит она [3]),—не партия, стремящаяся к власти над рабочими массами или посредством их. Союз Спартака только наиболее сознательная часть пролетариата, которая на каждом шагу указывает всей широкой массе рабочего класса на его исторические задачи, которая на отдельных этапах революции социалистическую конечную цель и интересы мировой пролетарской революции представляет».

Роза Люксембург, таким образом, ограничивает компартию функциями исключительно почти агитационно-пропагандистского характера. Как далеко это от ленинской установки:

«Первой задачей всякой партии будущего является—убедить большинство народа в правильности ее программ и тактики... Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплоататоров... На очередь выдвигается третья задача—организовать управление Россией» [4]).

Безусловно здесь говорит в Розе еще старое ее преклонение перед стихийностью и недооценка значения партии в революции:

«Союз Спартака,—говорит Р. Люксембург,—примет государственную власть не иначе, как с ясного и недвусмысленного выражения воли огромного большинства пролетарских масс Германии, не иначе, как в силу определенного его (большинства.—*Б. Н.)* одобрения надежд, целей и методов борьбы Спартака.

Именно, исходя из теории стихийности, Роза Люксембург солидаризовалась на с'езде компартии с Гуго Эберлейном—докладчиком по организационному вопросу. Каково организационное строение компартии по Эберлейну?

«Отдельные места, — говорит он в своем докладе, — должны оставить за собой полную свободу (выбора) формы организации... Отдельные организа-

[1]) Der Erse Parteitag, «Роте Фане» от 30 декабря 1918 г.
[2]) Там же.
[3]) Was will der Spartakusbund, S. 22.
[4]) Ленин, т. XV, изд. I, стр. 195.

ции должны иметь полную автономность... Вопрос о прессе также не должен регулироваться центром» [1]).

Что Роза не покончила со стихийностью и в этот—последний—период ее жизни, явствует и из ее взглядов в эту пору на подготовку революции. Она вполне сознавала, что против пролетарской революции подымаются «все капиталисты, и живущие за счет эксплоатации и классового господства», и что это сопротивление буржуазии «должно быть сломлено железным кулаком и беспощадной энергией». Она даже договаривалась до идеи вооружения пролетариата:

«Борьба за социализм—величайшая гражданская война, которую видела мировая история, и пролетарская революция должна для этой гражданской войны приготовить необходимое оружие, она должна научиться владеть им, чтобы бороться и победить» [2]).

Но у Розы нет ни одного места, где бы упоминалось о вооруженном восстании, она благополучно обошла этот момент. Она говорит о чем угодно: о необходимости широкого разветвления советов, о значении стачек, об обострении экономической борьбы и т. д., и т. п., но до вооруженного восстания не договаривается. Наоборот, Роза Люксембург считает, что «стачки должны все более разрастаться и становиться центральным пунктом, главным делом революции» [3]). Отсюда ее ставка на экономическую революцию, благодаря которой германская революция, по ее мнению, превращается в революцию социалистическую:

«Именно поэтому теперь, во второй период революции, экономическая фаза развития выступает на первый план... В грядущую фазу революции стачки станут решающим ее пунктом, отстраняя на задний план чисто-политические вопросы» [4]).

Отсюда у Розы Люксембург своеобразный взгляд на завоевание власти: «Завоевание власти должно поэтому совершиться не сразу, а постепенно: мы будем вламываться (hineinpressen) в буржуазное государство, пока мы не закрепим за собой все позиции, которые и будем защищать зубами и когтями... Нам придется бороться шаг за шагом, схватываться грудь с грудью в каждом государстве (предполагается отдельные государства внутри самой Германии.—*Б. Н.*), в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине, чтобы передать Рабочим и Солдатским Советам все средства государственного принуждения, которые необходимо вырывать у буржуазии одно за другим» [5]).

Непонимание роли и задач партии в революции должно было привести к неясности в вопросе об организации Интернационала. В программе Спартака [6]) Роза Люксембург так формулирует «интернациональные задачи»:

«Немедленно завязать сношения с иностранными братскими партиями, чтобы социалистическую революцию поставить на интернациональную основу и через интернациональный братский союз и революционное возвышение мирового пролетариата мир (den Frieden) оформить и обеспечить».

Это безусловно большой минус программы. Общие, ни к чему не обязывающие слова. С какими «братскими партиями», какой «интернациональный братский союз» заключить—точно и конкретно не сказано. Это ведь не простая декларация, а программа. Сама Роза Люксембург на с'езде Спартака в своей программной речи заявила, что «Was will der Spartakusbund» и есть

---

[1]) Bericht über den Gründsparteitag der Kommunistischen Partei Deutscland, S. 41.

[2]) Заключенное в кавычки и неоговоренное взято из Was will der Spartakusbund, S. 17 и след.

[3]) Rede zum Programm, S. 19.

[4]) Там же, стр. 19 и 20.

[5]) Там же, стр. 26.

[6]) Was will der Spartakusbund, S. 2.

проект программы компартии, и как программа она и была утверждена с'ездом. В ту пору, когда наряду с откровенно социал-империалистскими партиями имелись партии центристские, социал-пацифистские и «лево»-реформистские, роль которых была особенно опасна для революционного самосознания пролетариата, замалчивать эти вопросы вождю революционной партии совсем не подобало. Правда, с'езд Спартака, по предложению Дункера, принял резолюцию, клеймящую созываемую в ту пору Бернскую конференцию II Интернационала. Вместе с этим с'езд высказался за построение такого Интернационала, «центром тяжести которого была бы классовая организация пролетариата, и который был бы не интернационалом конференций и резолюций, а революционного действия» [1]).

Но расхождение с большевиками в вопросах тактики приводило Розу к отрицательной позиции в вопросе об организации III Интернационала в марте 1919 года. Как известно, т. Эберлейн — делегат Спартака на I конгрессе Коминтерна—пытается это опровергнуть [2]). Он даже указывает на неправильную якобы передачу его речи в печатном отчете о I конгрессе. Сам тов. Эберлейн приводит следующую выдержку его речи по этому официальному отчету:

«Германский товарищ высказался в том смысле, что один лишь факт создания желтого Бернского Интернационала еще не является мотивом для основания Коммунистического Интернационала. Последний может оказаться жизнеспособным только в том случае, если он будет опираться на пролетариат всех стран».

Эберлейн эту передачу его речи оспаривает. Между тем, стоит только взглянуть в историю, чтобы убедиться, что Эберлейн не прав. Как известно, предложение о конституировании III Интернационала было внесено представителями компартий Венгрии и Австрии, левой социал-демократической партии Швеции и Балканской социал-демократической революционной рабочей федерации. Немедленную организацию нового революционного III Интернационала они считали необходимой «особенно потому, что в Берне делается попытка воссоздать старый оппортунистический интернационал» [3]). Ясно, что Эберлейн, главным образом, и выступил против этого пункта, как основного мотива для организации Интернационала.

Мы потому и привели этот спор с Эберлейном, что последний в действительности представлял точку зрения всего ЦК Спартака и был, согласно его заявлению, «связан мандатом в духе взглядов Розы и Лео». Тов. Эберлейн сам передает, что Роза в ту пору была против немедленной организации Интернационала. Безусловно она была против II Интернационала и за новый Интернационал, но формы и основы этого Интернационала были ей еще не ясны, что вытекает из постановки ею этого вопроса в программе Спартака. У Р. Люксембург, в противоположность В. И. Ленину, наряду с резким отмежеванием от социал-империалистов нет даже упоминания о центристах. И это не случайно, так как и борьба Розы с левыми социал-демократами (независимыми) не носила столь резкого и категорического характера.

Стремясь к организации советов, как единственной формы диктатуры пролетариата, Роза Люксембург давала довольно правильное определение этой диктатуре. Приводим дословно это определение:

«Облечение в целях революции широких трудящихся масс всей политической властью—это и есть диктатура пролетариата, одновременно и истинная демократия».

---

[1]) Bericht über den Gründusparteitag, S. 45.

[2]) См. его статью—Основание Коминтерна и Спартаковский Союз, журн. «Коммунистический Интернационал», № 9—10 за 1929 г., стр. 193 и след.

[3]) «Коммунистический Интернационал», № 1 за 1919 г., стр. 128.

В своей статье «Die Nationalversammlung» [1]) Роза Люксембург еще более уточняет это понятие, вкладывая в диктатуру пролетариата — использование всех политических средств принуждения для осуществления социализма и для экспроприации класса капиталистов в духе и волею революционного большинства пролетариата, следовательно, в духе социалистической демократии. Она сознавала, что «пролетарская революция — погребальный звон всякого рабства и угнетения» и поэтому против пролетарской революции встают все эксплоататоры и капиталисты. «Силе буржуазной контрреволюции должна быть противопоставлена сила пролетариата; намерениям, козням и проискам буржуазии — непреклонная ясность цели, бдительность и всегда готовая активность пролетарских масс» [2]).

Было бы, однако, ошибкой сделать отсюда вывод, что Роза Люксембург вполне усвоила сущность диктатуры пролетариата. Это подтверждается хотя бы ее рассуждениями о терроре и насилии вообще в период пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

24 ноября в статье «Ein gewagtes Spiel» [3]) Роза писала:

«Террор и терроризм являются в буржуазной революции средством, чтобы разрушить исторические иллюзии или защитить против течения истории безнадежные интересы. Социалистический пролетариат благодаря теории научного социализма вступает в свою революцию без всяких иллюзий... Поэтому ему нет надобности в том, чтобы разрушить свои собственные иллюзии актами кровавого насилия и вырыть пропасть между собой и буржуазией».

В программе Спартака [4]) Роза вновь затрагивает вопрос о терроре, причем проводит в основном ту же мысль:

«В буржуазных революциях кровопролитие, террор и политические убийства были неизбежным оружием в руках поднявшихся классов. Пролетарская революция для своих целей не нуждается в терроре, она ненавидит и презирает убийство людей. Ей не нужны эти средства борьбы, потому что она борется не с индивидуумами, а учреждениями и потому, что она выступает не с наивными иллюзиями, за разочарование в которых ей пришлось бы жестоко мстить». Но аналогичное писала Роза и в сентябре 1918 г., критикуя применение большевиками в России насилия:

«Декреты, диктаторская власть завкомов, драконовские меры наказаний, террор, — все это средства, которые препятствуют возрождению. Единственным путем к этому возрождению является сама школа общественной жизни, самая неограниченная, самая широкая демократия, общественное мнение. Именно террор-то и действует деморализующе» [5]).

Роза в сентябре поучала тов. Ленина, что основная его ошибка заключается в том, что он, как и Каутский, противопоставляет диктатуру демократии — «диктатура или демократия». Но и в период Ноябрьской революции Роза остается на той же позиции, считая «демагогической передержкой» альтернативу — «демократия или диктатура».

Как же увязывается у Розы Люксембург гражданская война с ее представлениями о терроре и демократии? — Ларчик просто открывается, если иметь в виду преклонение Розы перед стихийностью и недооценку значения организации революции, организации восстания. Насилие, которое она иногда и употребляет, представлялось ей как нечто кратковременное, быстро преходящее. Здесь Роза Люксембург, безусловно, осталась на старой своей

---

1) «Роте Фане» от 20 ноября 1918 г.
2) Was will der Spartakusbund, S. 17 und andere.
3) Там же, от 24 ноября 1918 г.
4) Die Russische Revolution, S. 112.
5) Die Russische Revolution, S. 112.

позиции, занятой ею еще в Ганноверском с'езде германской социал-демократии.

«Революция, — говорила тогда Роза Люксембург, — может протекать и в культурных формах, и, если какая-либо революция могла бы на это рассчитывать, то именно — пролетарская; ибо мы принадлежим к тем, кто лишь в последнем счете хватается за насильственные методы и кто менее всего жаждет какой-нибудь зверской революции» [1]).

Для полного уяснения всех позиций Р. Люксембург в революции 1918 г. в Германии нам необходимо отметить и другие моменты практического ее поведения в этой революции.

Небезызвестно, что с началом революции в Германии в польских областях — Познани и Верхней Силезии — началось сильное движение поляков, подогреваемое еще той шовинистической политикой, которую проводило здесь «революционное» правительство Эберта - Шейдемана. Однако голоса Розы мы не слышим. Думается, что это молчание об'ясняется старой ее позицией в национальном вопросе, повторенной ею и в сентябрьских писаниях:

«Ведь это же азбучная истина, что социалистическая политика борется со всякого рода утнетением, а также одной нации другой» [2]).

В отношении разрешения Октябрьской революцией национального вопроса в России Роза там же писала:

«Об'ективные затруднения положения обострены самими большевиками через их лозунги, которые они поставили во главе своей политики: так называемое право самоопределения национальностей или то, что в действительности скрывается за этой фразой — государственный распад России».

Только этими соображениями и можно об'яснить молчание Розы.

Характерно и другое. Роза Люксембург ничего не сделала, чтобы направить внимание Спартака в сторону профсоюзов. Она не учла массового поворота рабочего класса в сторону профсоюзов. И на основе прошлого, вполне правильно считая профсоюзы тормозом революционного движения, совершенно упустила их с поля своего зрения. Меж тем, эта политика Спартака должна была привести к укреплению социал-демократов в профсоюзах и изоляции Спартака; тем более, — в такую пору, когда профсоюзы превращались в массовые организации. За время революции профсоюзы увеличились: «свободные» — с 1.664.991 чл. до 5.479.073, гирш-дункеровские — с 113.792 до 189.831 чл. и христианские — с 404.682 чл. до 858.283. Иначе говоря, общее количество членов профсоюзов указанных трех направлений вместе взятых, увеличилось с 2.183.465 членов в 1918 году до 6.527.187 членов в 1919 г. [3]). А это массовое стихийное движение рабочего класса совершенно ушло с поля зрения Спартака и его вождей. Недаром Владимир Ильич в «Детской болезни левизны» [4]) отметил ошибочность тактики немецких коммунистов, не дооценивших значения профсоюзов.

Не менее ошибочной была позиция Розы и Карла Либкнехта — не участвовать в Исполнительном Комитете Советов. Как видно, политика большевиков в Советах в 1917 году в период керенщины не пошла впрок Спартаку. Правда, уже в последние недели Роза старается исправить этот пробел.

Нам остается остановиться еще на позиции Розы Люксембург в январские дни 1919 г.

Безусловно решающим в отношении январского поражения следует считать то, что «действительно революционной партии у немецких рабочих...

---

[1]) Цитирую по книге И. Альтер, Роза Люксембург в борьбе с реформизмом, «Прибой», 1927 г., стр. 66.

[2]) Die Russische Revolution, S. 87

[3]) Маркузон, Наемный труд на Западе, изд. «Вопросы Труда», ст...

[4]) Ленин. т. XVII. I изд. стр. 161

времени кризиса не оказалось» (Ленин). Все слабости Спартака и его вождей вышли наружу в эти дни.

Как вела себя Р. Люксембург? — Совместно со всем ЦК компартии она была против свержения Эберта-Шейдемана в январе. Это мотивировалось следующим:

«Если бы рабочие Берлина сегодня разогнали Национальное Собрание, бросили бы в тюрьму Шейдемана и Эберта, а рабочие Рурской области, Верхней Силезии, сельские рабочие восточного побережья Эльбы остались бы в покое, капиталисты завтра же могли бы покорить Берлин путем принудительной голодовки. Наступление рабочего класса на буржуазию, борьба за власть рабочих и солдатских советов должно стать делом всего трудящегося народа по всей стране» [1]).

Ведь эта листовка, к которой, вероятно, имела отношение и Роза Люксембург, распространялась уже в начале января 1919 года, можно сказать за несколько дней до восстания. Тут ярко выступила старая тенденция стихийности. Надвигался всеобщий под'ем масс, который в период 5—10 января получил широкое распространение, а Спартак бездействовал. Когда движение в Берлине переросло в вооруженное восстание, Роза Люксембург, а с ней и весь Спартак, вместо того, чтобы ринуться в бой, чтобы силе надвигающейся белой гвардии Носке противопоставить мобилизацию почти поголовно поднимающегося к борьбе рабочего класса, ограничилась критикой вождей независимых, оставаясь как бы в стороне — в роли регистратора промахов и недостатков восстания. Свидетельством этому служат статьи Р. Люксембург, помещенные ею в «Роте Фане» в эти кровавые дни января. Ведь сама Роза признает, что поражение имело место и «вследствие слабости и половинчатости действий» [2]); «двойственный характер этого кризиса, противоречие между сильным, решительным, боевым выступлением берлинских масс и нерешительностью, медлительностью и половинчатостью берлинских руководителей являются особой отличительной чертой этого последнего эпизода» [3]). А действенно способствовал Спартак и Роза Люксембург в частности исправлению «на ходу» этих недостатков, была попытка со стороны ЦК компартии поднять всю страну на помощь восставшему Берлину? — Нет и нет. А ведь, как показали потом развернувшиеся по всей Германии события, под'ем рабочих масс в связи с берлинским восстанием достиг небывалой высоты. Но «организация революции» не входила в расчет Спартака и его вождей, они ждали стихийной массовой борьбы в городе и деревне, только тогда, «когда она станет стремительным потоком, который зальет всю Германию, лишь тогда взорвется капиталистическое правительство и Национальное Собрание и на его развалинах воздвигнется правительство рабочего класса» [4]).

Таким образом, перечисленные нами выше основные недостатки Розы Люксембург отразились и на ее позиции в период январской недели — в момент кульминационного обострения борьбы пролетариата за власть.

* * *

Подводя итоги:

Роза Люксембург в период Германской революции сделала безусловно шаг вперед в сторону ленинизма. Однако имеется еще в наличии недопонимание сущности диктатуры пролетариата, недооценка роли партии в революции, вооруженного восстания, преклонение перед стихийностью масс и т. д.

[1]) Programmatische Kundgebung des Spartakusbundes, Richard Müller, der Bürgerkrieg in Deutschland, S. 230.

[2]) «Die Ordnung herrscht in Berlin», «Роте Фане» от 15 января 1919 г.

[3]) Там же.

[4]) Из цитированного уже нами, Programmatische Kundgebung des Spartakus-

и т. п. Надо думать, что январская неделя еще более вскрыла Розе многие ее ошибки. Статьи ее в «Роте Фане» в течение 5 — 15 января служат этому подтверждением. Роза Люксембург таким образом в практике революции неуклонно шла к Ленину, постепенно, правда, и медленно изживая так называемое люксембургианство.

Мы, однако, совсем не согласны с тем, будто «в декабре 1918 года люксембургианство превратилось в большевизм, слилось с ним на основе признания неурезанных принципов большевистской программы, тактики и организации» [1]. Данный нами анализ позиций Розы Люксембург говорит ясно о том, что последняя была на пути к ленинизму, но далеко еще не слилась с ним. Потребовалось много боев, чтобы в огне революции обольшевизировалась Германская компартия. В революции 1918 года компартия выступала еще под знаменем спартакизма, последний же далеко еще не усвоил тогда сущности ленинизма. Что это так, подтверждается тем обстоятельством, что многие из тогдашних соратников и учеников Розы Люксембург до сих пор остались на позиции Спартака 1918 года и, ничему не научившись, скатились назад к социал-демократии. Тем хуже для них. «За или против социализма, третьего не дано», скажем мы им словами Розы Люксембург.

[1]) И. Альтер, Роза Люксембург в борьбе с реформизмом, стр. 61.

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБРАЗЕЦ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВИЗИИ МАРКСИЗМА. (По поводу книги т. Тымянского. Введение в диалектический материализм. Изд. «Прибой». 1930 г. Стр. 286. Тираж 15.000 экземпляров). 1-е и 2-е издания.

Рецензируемая книга представляет обработку курса лекций и предназначается автором, повидимому, в качестве учебника для вузов. На это указывает и значительный тираж книги. Это обстоятельство требует от автора большой ответственности за ее содержание. Дело в том, что у нас до сих пор нет популярного учебника по диалектическому и историческому материализму, не страдающего значительными дефектами. Все товарищи, работающие в этой области, знают, какие огромные трудности встречаются в подборе популярной литературы по этим дисциплинам. Поэтому надо приветствовать выход в свет каждой книги, действительно популяризирующей теорию марксизма. К сожалению, книга т. Тымянского не удовлетворяет этому требованию. Она представляет собой яркий образец идеалистического опошления марксизма, превращения материалистической диалектики в схоластику, в игру понятий. Развитие действительности автор заменяет развитием понятий. Тов. Тымянский принадлежит к руководящей верхушке деборинской группы и наиболее типично выражает ее антимарксистскую сущность. Автор вместе со всей группой продолжает и «углубляет» худшие традиции Плеханова. Разрывая теорию с практикой, он превращает тем самым теорию марксизма в идеалистическое учение. Выступая формально под флагом марксизма-ленинизма, эта ревизия марксизма принимает наиболее утонченные формы. Щеголяя ленинской терминологией, цитируя Маркса и Энгельса, автор на деле вместе со всей школой Деборина забывает указания Маркса, Энгельса и в особенности Ленина по переработке гегелевской диалектики в материалистическом духе. Диалектика Гегеля превратилась у них в канон и заменила собой диалектический материализм. Разработка же диалектики превратилась в чистое методологизирование, в игру понятий. Извращая и опошляя диалектический материализм в идеалистическом духе, автор в разбираемой книге одновременно крайне опошляет, грубо вульгаризирует исторический материализм, давая перлы механистического извращения вопросов исторического материализма. Автор сочетает в единстве механистическое и идеалистическое извращение марксизма, доказывая тем самым еще раз, что всякий механист неизбежно приходит к идеализму, а идеалист — к механистическому пониманию общества. Автор сам заявляет, что он в изложении исходит из того, что материи как бы нет, а есть лишь одно чистое движение.

> «В дополнение,— пишет автор,— раз'ясним здесь одно возможное недоразумение. М о ж е т п о к а з а т ь с я с т р а н н ы м (!!). ч т о м ы г о в о р и м о м а т е р и и, у п о т р е б л я е м с л о в о «м а т е р и я» т о л ь к о в н а ч а л е и к о н ц е и з л о ж е н и я; в о в с е м ж е п р о ц е с с е и з л о ж е н и я м ы д е й с т в о в а л и т а к, к а к б у д т о е с т ь о д н о д в и ж е н и е, н е т р е б у ю щ е е у п о м и н а н и я о м а т е р и и. О т с ю д а м о ж е т в о з н и к н у т ь с о м н е н и е — н у ж н о л и с а м о е п о н я т и е м а т е р и и» (178, разрядка моя.— С. Б.).

Для автора, оказывается, материя не нужна, он может о ней лишь упомянуть, а [illegible] философию можно без нее. В соответствии с этим автор определяет

материальный мир вслед за Дебориным и Гессеном, как «единство многообразных отношений» (177). Природа, вещи суть только отношение и связи (26).

> «Природа,— пишет т. Тымянский,— есть единство отношений (!?) конкретных вещей, каждая материальная вещь есть момент развивающемся отношении и, следовательно, отражает в себе другие моменты отношений. Возьмем для примера камень. Поскольку мы говорим, что он есть момент отношения, например, отношения к земле, камень отражает в себе землю, хотя бы в своем весе, который есть отношение массы камня к массе земли» (182, разрядка моя.— С. Б.).

И еще:

> «Вещи суть также отношения других материальных элементов» (183). Автор стремится «узнать помимо вещей то, что вещи связывает, что ими управляет.

> «Разве не стремится наука узнать помимо вещей то, что вещи связывает, то, что их изменяет, то, что скрыто внутри вещей и определяет их состояние, их возникновение и уничтожение» (25)

Это чистейший идеализм, гегелевщина, поиски законов материи вне материи. Связь наук не дана в об'ективной действительности и определяется логикой, поэтому законы познания составляют основной вопрос диамата (24). Вот как т. Тымянский характеризует отношение логики к другим наукам.

> «Теория логики,— пишет автор,— является учением о всеобщих закономерностях. Всеобщие же законы, как мы видели раньше, являются определяющими по отношению к частным и конкретным законам. Это вытекает из того, что изменение и соотношение частных законов определяется всеобщими законами развития. Отсюда и в системе классификации наук теория логики занимает первое место и предшествует всем другим конкретным наукам» (147, разрядка моя.— С. Б.).
>
> И дальше.
>
> «Всеобщие законы, как мы уже знаем, лежат в основании конкретных форм закономерности».
>
> «Категории диалектической логики вскрываются в частных науках и в известном смысле определяют ход их развития» (206, разрядка моя.— С. Б.).

Логика, по мнению автора, занимает определяющее, руководящее, решающее положение в «познании и деятельности общества», подобно политической партии в классовой борьбе. Он все ставит на голову.

> «Будучи моментом общего активного процесса развития, сама логика становится активной, играя определяющую роль в развитии познания и деятельности общества. В этом смысле роль теории логики можно сравнить с ролью политической партии. Партия есть результат известного исторического процесса — классовой борьбы и изменений внутри того класса, который ее порождает; но, будучи результатом классовой борьбы, партия сама становится моментом классовой борьбы, силой, участвующей в этой борьбе. Мало того, партия, возникшая в процессе классовой борьбы, становится часто руководящей силой в этой борьбе, и в некоторые исторические моменты, как, например, при организации восстания, она играет решающую, определяющую роль (148).

Логика превращается у автора в самостоятельную силу, она — основа всего. Она определяет течения в философии, она следовательно определяет развитие идеологий классов. Логика подменяет собой действительность.

> «Формальная логика является необходимой предпосылкой идеализма и является несовместимой с развитым материализмом; это мы видим и на историческом примере — французском материализме XVIII века, который не мог быть проведен последовательно благодаря своему формально-логическому методу и становился идеализмом, в особенности проявившимся у французских материалистов в их учении об обществе. На том же историческом факте французского материализма проверяется и другой вывод — то, что формально-логический метод приводит к точке зрения неизменности и однородности »

конов действительности,— что заставляет материализм стать механистическим» (74, разрядка моя.—С. Б.).
Логика же выводит свои законы из самой себя, из своих идей.

«Логически вывести всеобщие законы движения материи, т.-е. категорий диалектической логики, на основе ее собственных идей — это значит не что иное, как логически воспроизвести историю развития материального мира» (146).

Она является самостоятельною частью истории (39).

Поскольку логика занимает доминирующее положение, постольку познание для автора есть развитие понятий, выведение из общих понятий конкретной действительности.

«Логическое или научное познание,—пишет он,—таким образом есть процесс развития понятий, процесс их конкретизации».

«И наука об обществе есть логический процесс развития понятия от абстрактного общества к его конкретным, более богатым содержанием общественным единствам» (197, разрядка моя.—С. Б.).

«Мышление, таким образом,—пишет автор,—есть движение понятия, его развитие» (разрядка моя.—С. Б.). Суждение есть «вскрытие противоречий внутри понятия» (198). Понятие в действительности есть лишь отражение в сознании действительности, форма мышления, приобретает у автора и свою форму и содержание (195—196). Понятия превращаются у автора в живые силы и получают собственное движение.

«Понятия движутся, вскрывают свои противоречия в суждениях и становятся более конкретными в результате умозаключений» (199).

Диалектику понятий, как отражение диалектики действительности, автор превращает в схоластическую игру, в пустую фразеологию.

«Единство непосредственности и опосредственность движения представляют собою глубокое противоречие, которое должно найти свое разрешение. Это разрешение заключается в том, что не только движение противоречиво, но и противоречие движения само есть движение. Оно, следовательно, само противоречиво и таким образом снимает себя в новом движении» (109, разрядка моя.—С. Б.).

«В примере с диктатурой пролетариата мы видим, что диктатура пролетариата включает в себе капиталистические противоречия в снятом виде; поэтому противоречия диктатуры пролетариата оказываются более богатыми, содержащими больше определений. Диктатура пролетариата поэтому оказывается более конкретным понятием, нежели капитализм. То же относится и к понятию «человек», которое является более конкретным, чем понятие «животное», ибо содержит не только свои противоречия, но и противоречиво уничтожает противоречия животных». (111—112, разрядка моя,—С. Б.).

Самодвижение понятий принимает у автора поистине чудовищный вид.

«Движение есть всеобщее. Как всеобщее, оно является безграничным, абсолютным. Оно не может быть ничем ограничено, ибо в этом случае мы имели бы не всеобщее движение, а ограничивающие друг друга частные формы движения. Поскольку движение абсолютно и в то же время оно—движение, то отсюда следует, что оно подчинено самому себе, охватывает само себя, само себя движет. Другими словами, всеобщее движение само движется. Это понятие — движение движения или самодвижения для нас не чуждо. Мы уже познакомились с ним при изложении философии Гегеля. Эта диалектика понятия всеобщего движения характерна для всех всеобщих понятий» (154, разрядка моя.—С. Б.).

«Переход одной общественной формации в другую,—продолжает автор,—есть движение движения». «Капитализм сам есть некоторое движение, некоторый процесс, переход же капитализма в социализм есть движение движения. Всякая революция есть движение движения». Поэтому предмет логики будет «движение движения вообще» (154—55).

И дальше:

«Движение ведь само собою движется, само уничтожает себя, но уничтожая само себя и в то же время становясь другим, оно уничтожает [illegible] самоуничтожение и сохраняется. Таким образом, движение [illegible] ход его в другое, изменение, заключается в том, что оно порождает другое [illegible] в то же время сохраняется наряду с этим другим» (165. разрядка моя.—С. Б.).

Подобные же образцы схоластики понятий, их самодвижения даны [illegible] следующих страницах 160—61, 162, 164, 166, 176.

Явление у автора не есть проявление, раскрытие сущности, а нечто обособленное, самостоятельное от сущности. Оно само—сущность для других [illegible] (176,177). Явление автор понимает чудовищно. Например, захват власти в революции есть явление, а конфликт между производительными силами и производственными отношениями—сущность революции.

«Конфликт между производительными силами и производственными отношениями,—пишет он,—является сущностью революции, без которой революции не может быть, а захват власти является только явлением революции» (176).

«Партия есть явление классовой борьбы и ее развития» (177).

Автор приходит к тому, что заявляет: «бытие дано нам в нашем сознании» [illegible] Дальше итти некуда!

«Познавая бытие, мы ни на одну секунду не можем освободиться [illegible] нашего сознания, ибо бытие дано нам в нашем сознании. Имеем ли мы право поэтому говорить о законах материального бытия, поскольку это бытие нам дано в познании» (разрядка моя.—С. Б.).

Тов. Тымянский перепевает гегелевский мистицизм, видя источник развития [illegible] «беспокойстве» вещей (259).

Автор превращает сущность диалектики—единства и борьбы противоположностей—в два-три схоластических выверта понятий и называет его поэтому [illegible] гическим законом» (160). Он совсем не говорит о реальных противоположностях [illegible] о противоречиях самой действительности. Вместе с тем т. Тымянский совершенно не говорит о борьбе противоположностей. Между тем, без борьбы противоположностей нет развития, нет движения, нет противоречий. Поскольку автор [illegible] имеет дело с чистой мыслью, для него совершенно несущественно это [illegible] обнаружение противоположностей в их борьбе.

Автор совершенно избегает всего конкретного, реального, материального. Он всюду говорит об общих связях, о всеобщих законах и отношениях [illegible] выводит все конкретное. Он всюду подчеркивает логизирование, движение [illegible] мысли. «Рассмотрим это логически» (162), «выражаясь логически» (166), «диалектика логически неуязвима» (180).

Тов. Тымянский удвояет и самое логику, разделяя ее на теорию логики [illegible] фактическую логику (38).

Исходный пункт познания—признание об'ективной действительности—[illegible] тает недоказанным положением, предпосылкой (139). Он повторяет [illegible] ошибку Плеханова, указанную Лениным, в вопросе о допущении существования внешнего мира, о вере в его об'ективность.

Тов. Тымянский не понял коренного вопроса в познании,—практики. [illegible] за Плехановым, Дебориным и др. он понимает критерий практики в [illegible] весы, устанавливающие правильность уже готовых истин (204). Для него [illegible] развивается само по себе, приспособляясь к практике (36) и в свою очередь [illegible] действуя на практику (149). Ленин вслед за Марксом всюду и везде [illegible] значение практики в познании, как основы познания, как исходного пункта. «Точка зрения жизни, практики,—пишет Ленин,—должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» (т. XIII, 116).

Практика не только проверяет наше познание, она ставит познанию задачи и дает средства для их разрешения. Только тогда познание имеет об'ективное значение, когда оно исходит из практики и проверяет себя практикой. Маркс гениально сказал, что человечество всегда ставит перед собой такие задачи, которые оно в состоянии разрешить.

Исходя из чистой мысли, исследуя общие связи, всеобщее единство вне различий, т. Тымянский понимает и предмет философии как изучение единой природы вне ее реального различия, чистые абстракции бытия.

Известно, что философия для марксизма есть не что иное, как теория познания или диалектика, а последняя—наука об общих законах развития природы, общества и мышления (Энгельс). Тов. Тымянский же придерживается иного мнения. Он ищет единства вне различий. «Философия, —пишет он,—есть наука об общих законах развития природы. Но природа только одна, нет много природ; существует, следовательно, только одни всеобщие законы одной природы. А значит наука об этих законах может быть только одна» (стр. 32). Автор абстрагируется от всей конкретной действительности в ее реальном различии, он берет природу вне ее различия. Природа принимает у него формальный характер вне конкретного реального определения.

Он прямо извращает Маркса, излагая его только половинами фраз.

«Собственно, диалектический метод,—пишет т. Тымянский,—исходит из признания единой всеобщей науки, отражающей единый процесс развития материальной природы — истории. Существует одна наука—история» (212).
Но Маркс дальше продолжает, что это единство имеет две стороны: историю природы и историю людей (Архив, I, 214). Реальное единство противоположности природы и общества т. Тымянский подменяет чистым их тождеством, лишенным реальности.

Тов. Тымянский, критикуя формальную логику, сам находится в плену у нее. Он настойчиво доказывает, что древняя Греция была истинным царством метафизики и формальной логики. Греки «по своему характеру» были метафизиками, их мышление характеризуется как «застойность, непонимание движения и изменения» (стр. 40). По т. Тымянскому, для древней Греции нет истории, нет классов и рабов, нет классовой борьбы, нет различных течений в философии, а существует абстрактная метафизическая Греция. Для него не существует и Гераклита, материалиста диалектики. А ведь Энгельс говорит обратное, он говорит, что древние греки были «прирожденными диалектиками». Наоборот, средневековье и новое время до XIX столетия в большей мере характеризуется господством метафизического миросозерцания.

Мало этого. Тов. Тымянский всю историю хочет об'яснить из формальной логики. Пытаясь об'яснить длительность господства формальной логики в новое время, т. Тымянский стремится доказать, что оно неизбежно вытекает из буржуазного сознания, обусловленного ее интересами.

«Основной причиной такой жизненности и долгого существования формальной логики,—пишет он,—является противоречие между материальным содержанием процесса труда и общественной формой, т. е. противоречие между производительными силами общества и производственными отношениями. Это противоречие и его влияние на идеологию общества исследуется подробно в работах об историческом материализме. Здесь же необходимо указать следующее. На известной ступени развития общества его производительные силы вступают в противоречие с производственными отношениями. Существующие производственные отношения защищает господствующий класс, ибо тем самым он защищает свое [illegible]. Господствующему классу приходится, таким образом, [illegible] противоречия (?), которое имеет место между производительными силами и производственными отношениями. [illegible] этого противоречия есть отрицание его (?), т. е. [illegible] (!?) к его уничтожению, к восстановлению [illegible] тождества (!?). Это стремление к тождеству произ-

кает в сознание господствующего класса, которое становится формально-логическим» (стр. 47—48, разрядка моя.—С. Б.). У Тымянского выходит, что борьба с «противоречием» (!) ведет неизбежно к тождеству, к формальной логике. Формально-логическое мышление с необходимостью вытекает из об'ективного положения буржуазии. Но ведь в истории как будто существует Гегель? Как же с ним-то быть? Ведь нельзя же его зачислить по департаменту формальной логики, которой он впервые нанес смертельный удар?

Ниже автор дает еще более блестящие перлы вульгаризации. «Познание буржуазии вообще ограничено лишь теми предметами и событиями, которые не противоречат воспроизводству классового положения буржуазии» (!?) (стр. 49; см. также стр. 32). «Страх перед ростом производительных сил, перед мощью пролетариата вызывал стремление задержать их развитие путем торможения научной мысли». Пояснения излишни. Это—грубейшая карикатура на марксизм.

По т. Тымянскому, буржуазия вообще не заинтересована в развитии науки и философии. Но науку она вынуждена развивать по «требованию» развития производительных сил, а философию она не развивает.

> «Науку,—пишет он,—буржуазии приходится развивать; здесь ничего не поделаешь, ибо этого требует развитие производительных сил, но что философия, истинная теория—это вещи опасные, эти вещи могут дать пролетариату в руки слишком сильное оружие и толкнуть на познание вещей, которые буржуазии вовсе не выгодны. А потому особенно развивать философию не следует» (32).

Философия понимается автором как надклассовая, одинаковая для всех классов наука. Пролетариат, по его мнению, до захвата власти не заинтересован в развитии наук о природе, т. к. производительные силы тогда в руках буржуазии. Поэтому он изучает лишь общественные науки.

> «В условиях капитализма,—пишет т. Тымянский,—когда средства производства находятся в собственности буржуазии, пролетариат непосредственно не заинтересован в науках о природе. Эти науки разрабатывает буржуазия, ибо развитие производительных сил зависит от развития науки. Пролетариату же приходилось прежде всего изучать общественные отношения. Другое дело после социалистической революции, когда пролетариат овладевает всеми производительными силами. Тогда ему кроме общественных наук приходится заняться изучением и естественных наук» (19—20).

И только после пролетарской революции пролетариат, чтобы двигать производительные силы, стремится изучить и науки о природе (215). Грубое механистическое понимание соотношения наук с производительными силами сочетается у автора с суб'ективизмом. Он не исходит из об'ективной необходимости развития классов, а из психологии, из настроений людей, к тому же выдуманных им самим. Критиковать по существу эти нелепые выдумки автора вряд ли необходимо.

Для т. Тымянского формальная логика не есть выражение ограниченности развития наук, не есть, как говорили Гегель и Энгельс, низшая ступень развития мышления, которая поэтому является необходимым этапом в развитии мышления и присуща одинаково и идеализму и материализму. Вместо того, чтобы об'яснить господство формальной логики ограниченностью знания, автор, наоборот, знание, науки, их характер, об'ясняет формальной логикой. Классовую основу идеализма т. Тымянский подменяет формальной логикой. Вместо социальной действительности—логика! Дальше ехать некуда!

Автор невероятно вульгаризирует развитие мышления, как прямое отражение развития производительных сил. Напр., «Теория логики возникла в ... производства» (стр. 147 и еще стр. 41, 47 и др.). Известно, как еще Энгельс ... с подобной вульгаризацией развития идеологий. Развитие идей и ... не сводится не только к производительным силам, но и к производственным отношениям, а опосредуется общественно политическим строем общества ... борьбой (см. предисловие «К критике» Маркса).

Автор часто делает исторические экскурсы и пытается дать социальный генезис мышления, но в результате дает грубейшую карикатуру на материалистическое понимание истории. «Вследствие незначительности научных достижений и характера (!?) классовой борьбы в конце греко-римского общества и средние века идеалистическая философия оказалась преобладающей и стала философией господствующих классов (стр. 77).

Общие фразы: «характер классовой борьбы», пустой схематизм и формализм! Какой именно характер классовой борьбы? Какие борющиеся классы? и т. д.

Идеалистический схематизм, схоластическое извращение диалектики приводит т. Тымянского к грубому механистическому истолкованию общества. Подобно Богданову и Бухарину т. Тымянский дает сочетание механицизма и идеализма в области исторического материализма.

Он изучает общество вообще, общие связи, общие закономерности, логические понятия об обществе. Цель автора «вскрыть в логической форме (!!) главные общие (!) связи, существующие в обществе и определяющие его развитие» (252). Как и всюду, общие определения, логические формы являются, по мнению автора, определяющими моментами в развитии, из них выводится все конкретное.

Наш автор подобно всем схоластам пытается вывести конкретную действительность из общих логических определений.

> «Наш путь, следовательно,—пишет он,— есть путь от абстрактного к конкретному, от познания общих законов общественного развития к познанию его конкретных форм. Вряд ли нужно доказывать, что и Маркс шел этим путем, когда ставил перед собою задачи научного познания общества» (253).

Несколько ниже мы остановимся на том, как смотрит на это Маркс. Теперь же пойдем за автором. «Наука об обществе,—пишет автор,—есть логический процесс развития понятия (!?) от абстрактного общего к его конкретным, более богатым содержанием общественным единствам» (...). Лучшего и сам Гегель написать не мог. Общество—саморазвивающееся понятие, идея! Автор видит все значение марксизма именно в создании абстрактных понятий об обществе.

> «Наука об обществе,—пишет автор,—обязана Марксу тем, что она стала наукой, благодаря открытию в абстрактном понятии противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Также и политическая экономия стала наукой, благодаря открытию тех всеобщих отношений капиталистического общества, которые выражаются в абстрактном понятии стоимости. Дальнейшее развитие науки есть развитие абстрактных понятий в конкретные, всеобщих форм связей в конкретные формы» (197—98).

И дальше.

> «Маркс и Энгельс создали философию диалектического материализма и, пользуясь диалектическим методом, открыли всеобщие законы исторического процесса и в частности законы развития капитализма» (211).

Итак, задача исторического материализма, по мнению т. Тымянского, создать общие логические понятия и из них затем выводить все конкретные формы развития общества.

> «Логически познать общественные процессы,—пишет он,—значит познать их общие связи, а это прежде всего означает—познать закономерность абстрактного общества и потом уже, исходя из него, притти к познанию конкретных общественных формаций» (252).

Тов. Тымянский в этом вопросе идет, пожалуй, дальше т. Бухарина. К сожалению, такое понимание общества старо-престаро и марксизм родился именно в борьбе и преодолении абстрактных конструкций об обществе. Марксизм вообще отрицает общие законы, присущие всем временам и народам. Каждая историческая ступень в развитии общества, каждая общественная формация имеет свои собственные законы. Нельзя, например, законами капиталистического общества об'яснить наш переходный период.

«Маркс, пишет Ленин, отрицает именно ту идею, что [illegible] ны экономической жизни одинаковы и для прошедшего и [illegible] настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет [illegible] явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали [illegible] с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы [illegible] и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование [illegible]мической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом». (Ленин, т. I, стр. 3. Разрядка моя.—С. Б.).

Маркс всегда понимал общество как определенно историческое общество в его конкретной формации (античное общество, феодальное, капиталистическое) (Маркс, соч., т. V, стр 429).

Тов. Тымянский повторяет чрезвычайно распространенное смешение общих определений общества с общими законами. Общие определения общества [illegible] необходимым звеном в раскрытии всякого конкретного общества. Но эти общие определения, абстрактные моменты, отражающие сходные признаки всякого общества, сами по себе лишены всякого смысла и значения, при помощи их нельзя [illegible] знать ни одно конкретное общество. (Маркс). Общие определения могут быть [illegible]ведены только на основе конкретного, из конкретного и только для конкретного. Оперирование общими определениями без их конкретного содержания есть [illegible]стика. Чисто-логическое изучение общества, как общества вообще, неизбежно [illegible]водит к отрицанию классов и классовой борьбы. Если т. Бухарин [illegible] книгу по историческому материализму и лишь в конце механически [illegible] главу о классах, то т. Тымянский вообще обходится без такого прибавления, [illegible] совершенно не касается классов и классовой борьбы, витая в логических [illegible]циях. Повидимому, по логике вещей, т. Тымянскому пришлось при отсутствии [illegible]сов придать мистический оттенок развитию общества. Он стал выводить [illegible] общества из «беспокойства» вещей (259).

При анализе общества автор исходит из богдановско-бухаринской [illegible] соотношения общества и природы, и это внешнее соотношение является [illegible] причиной внутреннего развития общества. «Процесс труда, конечно, [illegible] природы (?), НО причиной его развития является противоречие между человеком и природой (?!), которое приводит к образованию новых и новых орудий труда...» (стр. 190; разрядка моя.—С. Б.). Чем [illegible] Бухарина и Богданова? Это—натурализм в понимании общества в его [illegible] форме.

Автор натурализует вслед за Бухариным производство, производительные силы и производственные отношения. Он сводит их к техническим [illegible] к отношениям вещей. «Как отношение людей и средств производства, — пишет Тымянский,—производство есть технический акт (?!), [illegible]ШЕНИЕ материальных вещей (!!), особенность которых [illegible] в том, что они в процессе воспроизводства воспроизводят друг друга» [illegible] Но это еще пустяки. Смотрите еще дальше. «В чем же заключается [illegible] своеобразие производительных сил?»—спрашивает автор. И отвечает: «[illegible] последних (т.-е. производительных сил.—С. Б.), есть, [illegible]зом, техническое качество их вещества и формы» (стр. [illegible] разрядка моя.—С. Б.). Чем лучше т. Бухарина! Мы думаем, что [illegible]

Итак, производительные силы есть техническая категория, [illegible]

сил производства in natura, как содержание, формой которого являются производственные отношения. Содержание натурально, а форма социальная категория. Форма и содержание даны как две разнородные категории. «Производительными силами являются люди и средства производства,—пишет автор,—которые в своем взаимоотношении обусловливают свое воспроизводство и воспроизводство своего отношения. Это отношение, рассматриваемое по своему содержанию, есть техническое отношение, рассматриваемое по форме—общественное отношение Как техническое отношение (т.-е. производительные силы.—С. Б.), оно есть процесс воспроизводства, взаимодействие людей как частей природы, людей in natura со средствами производства, как произведенной природой» (стр. 263, разрядка моя.—С. Б.).

Известно, что на подобное определение производительных сил т. Бухарина Ленин весьма коротко заметил: «Караул!». Хуже такого опошления производительных сил сделать трудно. Рабочая сила и средства производства берутся, как силы природы in natura, процесс производства понимается натуралистически, люди понимаются, как живые машины, а производственные отношения, как технические отношения. «Люди, участвующие в процессе общественного воспроизводства, должны быть рассмотрены,—так же, как и средства производства,—как с точки зрения своего технического содержания, так и своей формы. С точки зрения своего технического содержания, люди, так же, как средства производства, суть части природы, материальные вещи, некоторая совокупность мускулов, костей, нервов и т. п.» (стр. 262, разрядка моя.—С. Б.). Автор разрывает производительные силы и производственные отношения, первое он выбрасывает в мир натурального, а последнее включает в общество. Здесь автор полностью повторяет небезызвестного кантианца, идеалиста И. Рубина. Читатель поймет сам, что по многим вопросам т. Тымяноский находится в согласии с И. Рубиным.

Автор отожествляет рабочую силу с машиной и рассматривает ее как «часть природы» in natura. Этим самым он не отличает рабочую силу не только от работы скота, но и от работы машины. Соответствующий вывод отсюда может сделать сам читатель.

«Рабочая сила,—пишет автор, есть массовая сила, связанная внутренними связями, создает своеобразие рабочей силы как технической силы» (стр. 270, разрядка моя.—С. Б.). «Рабочая сила—не только физиологическая машина и даже не только физиолого-психическое существо...» (стр. 230).

Рабочая сила есть исторически созданная ступень труда, она есть продукт всех веков, ее нельзя вывести из организма рабочего, она есть социальная категория. Средства производства представляют накопленный, овеществленный труд всех прошлых поколений. Поэтому и производительные силы есть социальная категория, как исторически созданная ступень борьбы общества с природой. Производительные силы есть отношения общества к природе, процесс воздействия на природу, как исторически развивающееся отношение. Это воздействие или отношение осуществляется только через взаимные связи и отношения людей (производственные отношения), только через эти общественные отношения производства осуществляются отношения людей к природе (Маркс, «Наемный труд и капитал», 6 соч., т. V, стр. 429). Маркс и Энгельс ставили в вину своим предшественникам именно то, что они выбрасывали из общественной науки отношения людей к природе—производительные силы. Тем самым они разрывали общество с природой и закрывали для себя все пути к историческому пониманию общества (Маркс и Энгельс о Фейербахе, «Архив», кн. 1, стр. 228).

Маркс понимал производительные силы, как «материальные производительные силы общества», отличая их от естественных производительных сил, от стихийных сил природы, не подчиненных человеку, не прошедших через [illegible]

Тов. Тымянский смешивает все в одну кучу, и получается [illegible]. Рабочая сила в натуре у него есть совокупность производительных сил и производственных отношений. При чем производительные силы как натуральная сторона рабочей силы, а производственные отношения—общественная. Правда, производственные отношения он положительно не определяет, он отделывается [illegible] общей фразой. Рабочая сила в действительности — составной элемент производительных сил, но не in natura, а как труд, как социальная категория. Биологические процессы, совершающиеся в организме рабочего во время работы, не входят в изучение общественного процесса производства. Как производственные отношения рабочая сила берется уже как класс, как отношение производителей в процессе производства. Совокупность же производительных сил и производственных отношений образует общественный процесс производства.

«Рабочая сила,—пишет автор,—взятая как таковая in natura (!), как совокупность костей, мускулов,—представляет собой только одну сторону реальности. Взятая как конкретная рабочая сила, она есть единство своего количества и качества, единство данных производительных сил и данной формы производственных отношений» (стр. 270, разрядка моя.—С. Б.). «Рабочая сила, таким образом, взятая как единство своего технического содержания и общественной формы, есть единство производительной силы и производственных отношений» (стр. 271).

Крайний натурализм, крайняя механистичность понимания производительных сил и производственных отношений! Вместо точного и положительного определения автор всюду находит выход во всеспасающих общих фразах количества и качества, единства проникновения противоположностей и т. п. Тов. Тымянский прекрасно демонстрирует единство идеализма и механицизма, перерастание одного в другое, и их взаимопроникновение. Всякое отступление от марксизма, от диалектического материализма в своем развитии ведет к идеалистическим и механистическим построениям. Тов. Тымянский неизбежно скатывается на пробитую дорогу Богданова, Рубина и др., давая новейшую форму, новейшую разновидность извращения марксизма.

Трактовка методологии общественных наук у т. Тымянского более механистична, чем у т. Бухарина. Тов. Тымянский преумножает механистические построения т. Бухарина.

Рецензируемая книга в целом безусловно вредна для распространения и должна быть из'ята из числа пособий для учебных заведений.

Второе, «переработанное» издание книги т. Тымянского вышло под названием «Введение в теорию диалектического материализма» (1931 г., 428 стр., тираж [illegible]).

Автор в предисловии смело говорит, что «предлагаемая читателю книга является по существу новой работой». Ряд глав, имевшихся в первом издании, отсутствует, остальные подверглись большей или меньшей переработке. Такое [illegible] изменение книги об'ясняется прежде всего поворотом на философском фронте.

На деле же существо книги совершенно не изменилось. Автор выбросил лишь некоторые совершенно недопустимые формулировки, [illegible] перестановку глав, расширил некоторые из них, оставляя неизменным основное содержание книги 1-го издания. Во 2-м издании сокращено количество цитат [illegible] и увеличено — из Ленина. Появились цитаты из Сталина. Фигурируют [illegible] классы и классовая борьба, даже упоминаются факты современной действительности. Но эти новшества введены автором внешне, механически, при помощи [illegible] и клея, для украшения текста. Антимарксистское содержание [illegible] лишь еще больше прикрашено «марксистско-ленинской [illegible] фразеологией».

Однако, автор сам выдает секрет «переработки» своей книги. [illegible] перерабатывалась им летом 1930 г., когда дискуссия на философском [illegible] не развернулась и когда не были еще достаточно ясно вскрыты [illegible] бывшего философского руководства. Трудно было в то время [illegible]

рых, и на том этапе развития философской дискуссии, как сознает сам автор, он «поворота» во втором издании своей книги не осуществил.

Автор заявляет: «осуществлен ли мною «поворот» в настоящей книге? Должен признаться, что, если данное издание мне кажется значительно *более близким* к современным задачам, которые партия ставит перед философией на данном этапе, нежели первое издание, *то и оно меня, как по всей вероятности и читателя, не совсем удовлетворяет. Об'ясняется это в значительной мере тем, что книга была переработана в течение двух месяцев летних каникул*». (Предисловие, разрядка моя.—С. Б.).

Всякий может резонно спросить, зачем же тогда переиздается книга, которая не удовлетворяет даже самого автора? Но вся беда т. Тымянского в том, что он, по-видимому, и теперь лишь формально присоединился к «повороту», совершенному на философском фронте. На деле же он остался на старых позициях. Он и теперь не видит в 1-м издании своей книги антимарксистской сущности, признавая лишь ряд частных ошибок. Поэтому он не счел нужным переработать самые худшие главы книги. Он сам пишет об этом в предисловии.

«*Ряд неправильностей и ошибок* (движение движения, вопрос о пространстве, «беспокойство» производительных сил, соотношение чувственного и рационального понятия и т. п.), *имевшихся в первом издании, мною исправлен, но я лишен возможности переделать или даже вернее написать наново последнюю главу—о методологии общественных наук*, которая по содержанию и по трудности изложения выходит за рамки «Введения». *Точно так же я не имел возможности дополнить главу о методологии естествознания и развить главу о понятии*». (Разрядка моя.—С. Б.).

Это признание автора облегчит нам анализ его книги. Главы по методологии естествознания и методологии общественных наук действительно переработаны т. Тымянским. Но об этой переработке он сам считает нужным умолчать, так как он здесь механически делает добавления и изменения даже вопреки тексту, чтобы только замазать, прикрыть антимарксистскую сущность содержания. Например, автор сам развивает самого худшего сорта социологическую схоластику и в то же время в добавлении выступает с критикой социологической схоластики у т. Бухарина и Оранского. Он умалчивает о том, что ввел специальный параграф о классах—«основные классы» (стр. 418—20), чтобы этим исправить всю книгу, где нет ничего о классах и классовой борьбе. Этот параграф механически прикреплен к тексту, без всякой внутренней логики по отношению ко всему содержанию книги.

Автор посмел утверждать о «коренном изменении книги», когда даже текстуальные изменения, в смысле расширения об'ема имеются почти исключительно в 3-х главах, остальные 9 глав почти без всяких изменений перепечатаны в старом издании. Когда т. Тымянский заявляет, что подверг коренной переработке свою книгу, то отсюда можно сделать вывод о его фактическом «повороте». Все отмеченные извращения марксизма, которые составляют далеко не все вообще извращения марксизма, имеющиеся в 1-м издании этой книги, на данном этапе требуют особого отношения, иной оценки, тем более, что сам автор их не сознает.

Второе издание представляет собой еще большее опошление марксизма, ибо на новом этапе развития оно воспроизводит (и дополняет) старые грехи.

Автор в главе «Марксизм и философия» вынужден был ввести специальный параграф «Марксизм и ленинизм». Как характерно это и. Он не мог обойти молчанием тот факт, что дискуссия установила один из основных недостатков б. философского руководства—недооценку Ленина как философа, отрицание ленинизма в философии. И вот наш автор, желая исправить свои недочеты по этому вопросу, принимает как раз лицо типического представителя деборинской группы. Он совершенно не понял того, что ленинизм и в области философии представляет новый, высший этап в развитии марксистской философии. Для него Ленин остается ве-

ликим только в области политики, в области применения марксистского метода. Хотя автор и приводит известное место из Сталина по этому вопросу, он все же идет по пути троцкистов, правых, механистов и деборинцев, отрицающих ленинизм в философии.

«Ленин развил марксизм,—пишет автор,—применяя метод Маркса к тем новым экономическим отношениям, которые возникли в капиталистических странах, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Он не только мастерски показал, как следует применять метод Маркса к изучению общественных явлений, дав блестящий анализ империализма, но он развил существенное в марксизме — учение о диктатуре пролетариата. Любая область знания, которой Ленин занимался, им связывалась с классовой борьбой и освещалась ярким светом гениально примененного метода диалектического материализма» (стр. 30, разрядка моя.—С. Б.). Ленин, по мнению т. Тымянского, развил марксизм тем, что он «гениально применил» его. О новом этапе развития марксистской философии в учении Ленина у него ничего нет. Для автора, как и для многих писавших о ленинизме, последний исчерпывается практически применением марксистского метода к политике и тактике рабочего движения.

Тов. Тымянский и во 2-м издании продолжает защищать ошибки Плеханова, который, по его мнению, «лишь одно время» разделял теорию иероглифа. Автор остается на старых позициях деборинской группы.

Тов. Тымянский видит лишь одну ошибку Плеханова, которую продолжила группа Деборина и он в том числе — разрыв теории и практики. Казалось бы, что из этого кардинального недостатка необходимо вывести все недостатки в области диамата. Но наш автор об этом умалчивает. А ведь этот недостаток есть основной порок всех теоретиков II Интернационала, он составляет характерную черту всех оппортунистов. Совершенно ясно, что автор еще не понял схоластической сущности меньшевиствующего идеализма, наиболее ярко выраженного в его книге. Он не видит, что это неизбежный результат разрыва теории и практики, продолжение и развитие худших плехановских традиций. Пытаясь внести поправочки к 1-му изданию своей книги по вопросу о роли практики и познания, т. Тымянский вставил в текст всего лишь два слова — «классовая борьба», не изменяя совершенно того содержания. Он понимает роль практики в познании исключительно, как критерий истинности познания, как мерку для измерения готовых истин. И тут же, пытаясь увязать вообще теорию с практикой, он проезжается относительно практицизма у нас в СССР (208 стр.).

Нечего и говорить о том, что т. Тымянский не дает и не может дать ленинского понимания диамата. Само построение книги достаточно указывает на неправильное представление нашего автора о предмете. После того, как он в 5 главах разобрал основные течения в философии до Маркса, он приступает к изложению диамата.

Сначала идет глава «теория познания», затем «теория логики» и после этого еще «теория об'ективной логики» и, наконец, «теория понятия». Диалектика излагается автором отдельно, обособленно от теории познания, после нее. Сначала рассматривается теория познания, затем отдельно — логика, и только после этого автор приступает к изложению диалектики. Автор не только разрывает теорию познания и диалектики, но утроняет этот разрыв, создает три отдельных [illegible]. Сущность материалистической диалектики — единство и борьба противоположностей — разбирается в конце всего анализа диамата.

Я уже не говорю о том, что по существу автор превращает [illegible] логической эквилибристики, в схоластику понятий, что было [illegible] внешнее расположение вскрывает неправильность содержания.

Автор докатывается до такого взгляда, что реальность [illegible] понимать не в том смысле, что они об'ективно выражают действительность [illegible], что они реальны вне нашего сознания. Он прямо так и пишет: [illegible]

или же они только формы нашего сознания? «Существуют ли абстрактные понятия реально, или только как форма нашего сознания, — решается в первом смысле» (стр. 326, разрядка моя. — С. Б.).

Это—прямое скатыванье на позицию средневековых схоластов, реалистов, признававших реальность понятий об'ективно вне нашего сознания.

В этой именно связи автор рассматривает все развитие познания как выведение конкретного из общих, абстрактных понятий. «Научное мышление занимается лишь тем, что выводит из этого (т. е. синтетического. — С. Б.) общего закона его конкретные проявления» (стр. 342). Или так: «логическое или научное познание (?!), таким образом, есть процесс развития понятий, процесс их конкретизации» (стр. 326). Все развитие познания превращается в мыслительные процедуры выведения понятий из понятий.

Наука становится таковой лишь после установления абстрактных понятий. «Дальнейшее развитие науки есть развитие абстрактных понятий в конкретные, всеобщих форм связей в конкретные формы» (стр. 327).

Понятия превращаются автором в живые силы, саморазвивающиеся существа, которые определяют собой развитие действительности. Действительность же, в понимании автора, есть лишь единство связей и отношений (стр. 312, 240, 238 и др.).

Совершенно очевидно, что 2-е издание книги т. Тымянского не менее вредно, чем 1-е.

С. БАТИЩЕВ.

ПРОТИВ ПРОПАГАНДЫ ИДЕАЛИЗМА В ХИМИИ.

А. Смит. Введение в неорганическую химию, т. I и II, Гиз, изд. 1931 г. под редакцией и с добавлениями проф. А. В. Раковского.

В период обострения классовых боев борьба на идеологическом фронте принимает особенно широко развернутые формы, так как здесь враг чувствует себя еще достаточно сильным. Одним из участков такого фронта является химия, где по существу еще не была начата борьба. Пользуясь этим, классовый враг ведет наглое наступление в открытой и завуалированной форме как с позиций открытого идеализма, так и механицизма и меньшевиствующего идеализма.

Книга Смита представляет собой один из ярких примеров борьбы против материализма в области химии.

«Сотни и тысячи раз об'являли материализм опровергнутым, в тысячу первый раз продолжают его опровергать и поныне» (Ленин, т. XIII, стр. 17).

Смит в тысячу первый раз старается опровергнуть материализм.

В отличие от многих, учебник Смита является не простым преподнесением эмпирического «научного» материала с отдельными философскими замечаниями, а весь органически проникнут классово-враждебной нам философией. Автор вполне сознательно весь фактический материал излагает, исходя из своей философской установки.

Сущность своей философии он выражает так:

«Единственно реальное знание, которым мы обладаем, вытекающее, так сказать, из первоисточника, — это знание, относящееся к нашим состояниям сознания. Все другое, например тот способ, которым мы истолковываем и описываем наш опыт, есть создание нашей мыслительной способности. Мы получаем сведения об известных вещах, которые мы называем ощущениями, и стараемся построить способ их описания и приведения во взаимное соотношение. Мы имеем обыкновение говорить о них так, как если бы они были произведены чем-то лежащим вне нашего ума; таким образом мы **начинаем конструировать внешний мир** (стр. 12—15, разрядка наша.—Б. и К.).

Первоисточник нашего знания — наше сознание, вещи — это лишь ощущения.

Вот содержание его философии, родословная которой через Маха ведет к философии епископа Беркли.

«Кто сколько-нибудь знаком с философской литературой,— пишет В. И. Ленин,— тот должен знать, что едва ли найдется хоть один современный профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма» (Ленин, т. XIII).

Учебник Смита прямо, без особых выкрутасов, ставит своей задачей опровержение материализма.

«Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовым врагом?». Так четко определяет т. Сталин наши задачи на теоретическом фронте.

Эту непримиримую борьбу с буржуазными теориями упустила из виду редакция ГИЗ'а, выпуская в качестве «допущенного пособия для вузов» такую махистскую книгу.

В свое оправдание ГИЗ заявляет, что к учебнику написано большое предисловие (см. предисловие Гиза, т. I, с. V—XI), где редакция издательства пытается разоблачить идеализм, дать правильные установки. Но к сожалению она только пытается. С первых слов и до конца редакция прежде всего усиленно рекомендует книгу: «Книга Смита не нуждается в рекомендации с научной стороны. Она не нуждается в рекомендации и с педагогической стороны»,— безапелляционно заявляет редакция.

Если педагогическая ценность учебника является бесспорной, то только с чисто формальной стороны. Ибо умелое педагогическое опровержение материализма вряд ли ценно для нас.

Что же касается научной стороны, то и здесь редакция впадает в грубую ошибку, об'являя учебник не нуждающимся «в рекомендации с научной стороны», забывая, что единственно правильным, единственно научным методом всякой науки является диалектический материализм, и отрывая, таким образом, метод марксизма от конкретного знания — в данном случае, химии. Здесь уже торчат уши меньшевиствующего идеализма.

Так как гносеология и есть логика, то вполне понятно, что Смит и в своем изложении фактического материализма делает ряд грубых ошибок. Он [illegible], например, «атом и ион получают значение символов, играющих лишь подсобную роль при описании фактов, ибо учащиеся не видят атомов, не взвешивают их».

Даже в то время, когда Смит писал свой учебник (1906 год), уже были известны опыты Томсона, Розерфорда, «Брауновское движение» и друг., которые если не могли показать самого атома и электрона, то вполне отчетливо показывали их действие.

Сейчас мы уже не только можем наблюдать действие электронов, но и измерять их массу, быстроту полета, электрический заряд и т. д.

Очень странная «научность» учебника, выпускаемого в 1931 году!

Такая же «научность» встречается при определении понятия элемента.

«Элемент,— пишет Смит, повторяя Лавуазье,— определенный вид материи, который мы не в состоянии ни разложить по желанию (?!) на другие вещества, ни составить химически из других веществ» (стр. 22).

Если такое, принципиально неверное, определение соответствовало состоянию науки во времена Лавуазье, то сейчас, с изучением явлений радиоактивности, с данными работ Розерфорда, Содди, Астона и др., оно уже является совершенно ненаучным, ибо вопрос о разложении элементов по желанию является только вопросом времени, а вовсе не об'ективной характеристикой элемента.

«Однако наиболее существенной чертой книги,— продолжает свою рекомендацию редакция,— является, пожалуй, постоянное стремление автора к [illegible] максимальное достижение практических навыков с подлинным учением [illegible]

освещать их посредством теории, но и делать самую теорию мощным орудием практики».

Здесь уже полностью выясняется, с каких позиций критикуется идеализм Смита, когда практика понимается исключительно как лабораторная, экспериментальная работа. Смит прямо об этом пишет: «Без сомнения, химия лабораторий— единственная настоящая химия».

Совершенно по-другому подходит к этому вопросу Маркс: «Но тем более практическим образом ворвалось зато естествознание через посредство промышленности (разрядка наша.—Б. и К.) в человеческую жизнь, преобразовав ее и подготовив освобождение человечества».

И Маркс и Ленин под практикой понимают производственную деятельность рабочего класса, технику, промышленность, а не узко-лабораторный эксперимент.

Так же идеалистически редакция разрывает теорию и практику, хваля Смита за умелое сочетание теории и «практических навыков» (?!) за то, что он «делает самую теорию мощным орудием практики»... Отсюда прежде всего вытекает, что теория сама по себе, а практика сама по себе; задача же сводится только к умелому их сочетанию. Второе—совсем забывается, что практика для марксиста есть критерий истины, «согласие наших восприятий с предметной объективной природой» (Ленин), доказательство материалистической теории познания.

«Точка зрения жизни, практики,—пишет Ленин,—должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» (т. XIII, стр. 116).

Здесь имеется в виду прежде всего не лабораторная практика, а производственная деятельность человека. Лаборатория, конечно, играет роль в человеческой практике, но только как одно из подсобных звеньев.

В этом направлении мы уже начинаем перестраивать наши вузы и научно-исследовательские институты, организуя заводы-втузы, длительную производственную практику, вводя полузаводские установки в лаборатории научно-исследовательских институтов и т. д. А как в действительности обстоит дело у Смита с практикой? Для иллюстрации возьмем раздел о хлористом водороде.

«Если налить немного концентрированной серной кислоты на хлористый натрий, то замечается бурное вскипание смеси»—описывает он получение HCl.

«Газ HCl,—продолжает свое описание Смит,—очень сильно растворим в воде и, будучи тяжелее воздуха, может быть собран в сосуд с отверстием открытым сверху, при чем из сосуда вытесняется воздух».

Описанная реакция обычно применяется в лабораториях (стр. 208—209).

Смит не ограничивается этим. Он пишет: «Существует еще другая важная реакция, в результате которой получается хлористый водород...»

«Так, например, если прибавить немного воды к одному из хлоридов фосфора, то образуется хлористый водород» (см. стр. 212). Где же практика? Где умелое сочетание теории с практикой?

Водный раствор хлористого водорода—соляная кислота—является важнейшим продуктом в промышленности. Смит об этом пишет буквально три строчки: «Применение соляной кислоты. Это вещество (соляная кислота) применяется для очистки металлов и в производстве хлористых солей. Соляная кислота представляет важную составную часть желудочного сока, хотя концентрация ее достигает только 1 ч. на 500 гр. сока». (стр. 216).

Последнее может вызвать большое недоумение на счет того, как «применить» соляную кислоту в желудке и в промышленности. Действительно: «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Вот такое «сочетание теории с практикой» редакция выдает за одну из наиболее положительных существенных сторон учебника.

Безусловно, нам нужно не такое понимание практики и не диалектика, пришитая к учебнику, чем многие думают ограничиться, а диалектический учебник, где теория вытекает из практики, где она неразрывно связана с ней,

ибо теория может превратиться в величайшую силу, если «она складывается в неразрывной связи с революционной практикой» (Сталин). Иначе говоря, нам нужен «индустриализированный учебник», учебник, где весь теоретический материал вытекает из производственного и неразрывно с ним связан. Не надо, однако, понимать это односторонне и удаляться в другую крайность, в узкую технологию, которая также не отвечает марксистско-ленинскому пониманию единства теории и практики.

Помимо рекомендации учебника, редакция не забывает и роли критики. Указывая на ряд махистских положений Смита, она совершенно правильно отмечает, что его философские взгляды не простой привесок к книге, что книга «органически проникнута чуждой нам идеологией, которую мало отвергнуть, ее нужно преодолеть». На этой отписке редакция и успокаивается, предоставляя преодоление философии Смита вузовцу 1-го курса, еще не изучавшему элементарного курса диамата.

Такую отписку нельзя рассматривать иначе, как умыванием рук в борьбе с воинствующим махизмом Смита.

Полную несостоятельность проявляет редакция в оценке философии Смита. Она пишет:

«Однако делает он (Смит) это с точки зрения именно той философии, которая сама страдает отмеченным Смитом недостатком. Она не справляется с трудностями, отмахивается от них, скользит мимо них, прельщая иногда начинающего студента обманчивой видимостью разрубленных «проклятых вопросов» и легкостью обхождения с труднейшими проблемами логики и теории познания.

Наконец, редакция решается заявить: «Это махизм — «философия философствующих естествоиспытателей», точнее, вульгарный естественно-научный прагматизм и эмпиризм, приводящий Смита не только к неверной общей установке в вопросе о взаимоотношении между научным познанием и об'ективной действительностью, но и к прямым ошибкам в области собственной специальности.

Итак, мы узнаем, что махизм есть «философия философствующих естествоиспытателей» и только. Почему редакция ни разу не ссылается на работы Ленина, который дал исчерпывающую критику махизма?

«Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, так называемой имманентной» (Ленин, т. XIII, стр. 291), и далее, вскрывая связь махизма с естествознанием, Ленин пишет, что основная идея махизма и философствующих естествоиспытателей (чего как раз и не сказала редакция) есть—отрицание об'ективной реальности, данной нам в ощущениях и отражаемой нашими теориями, или сомнение в существовании такой реальности» (Ленин, т. XIII, стр. 248). Так Владимир Ильич определял сущность махизма.

Это далеко не скольжение по поверхности, это не эмпиризм сам по себе,—это одна из самых реакционных идеалистических школ, такова ленинская оценка. Эту «малость» редакция не заметила.

Не обратила она внимания и на классовую сущность, на партийность философии Смита, что также органически присуще школе меньшевиствующего идеализма.

Философия Смита рассматривается и характеризуется академически, нейтрально, без связи с практикой классовой борьбы.

Ленин видел главное в махизме—его партийность, и на эту сторону обращал особое внимание.

«Махизм, как разновидность идеализма, об'ективно является орудием реакции, проводником реакции» (Ленин, т. IX, стр. 206. Наши упрощения).

Ленин, вскрывая классовую сущность, ставил точки над «i», [illegible] партийности, по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанской [illegible]

худосочной беспартийностью, является материализм и идеализм» (Ленин, т. XIII, стр. 292).

Разоблачение классовой сущности махизма еще в большей степени необходимо в период развернутого социалистического наступления у нас, в период обостренных классовых боев во всем мире.

Следовательно, такая аполитичная оценка, какую дала махизму редакция, не только не вскрывает сущности махизма, но является чуждой, классово-враждебной марксизму.

Редакция, не желая понять сущности махизма, в своей критике берет его под прямую защиту.

«Правильно борясь с абсолютированием и фетишизацией понятия закона в науке,—пишет редакция,—отмечая его абстрагирующий характер, Смит выражает это, однако, в такой форме (?!!), из которой легко (!) сделать вывод, будто в природе нет ничего соответствующего формулированному наукой закону и хотя бы в приблизительной, неполной и неточной форме отображаемого им».

Напрасно редакция старается подправить Смита, — он совершенно отчетливо заявляет: «В природе нет законов. Природа представляет материал и явления, как ей угодно. Законы—это часть науки, создаваемая человеком и являющаяся описанием естественных фактов в том виде, в каком человек видит эти последние» (стр. 46).

Полное непонимание махизма, замазывание его сущности становится ясным из следующего критического замечания редакции: «Выступая таким образом против метафизики, он (Смит) сам становится при этом ее жертвой; поэтому причина, закон, об'яснение, наука, — все это лишь абстрактные человеческие построения, ничему конкретному не соответствующие. Поэтому даже такие понятия, как энергия, материя, для него только—«продукты мышления, а не первичные об'ективные реальности»...

Именно это положение — «материя и энергия — продукты мышления» — (а не: «даже») есть основное положение философии Смита—Маха, устанавливающее их прямое родство с философией епископа Беркли. При чем дело здесь идет не о понятии материи и энергии, как старается представить редакция, а о прямом отрицании материи, как об'ективной реальности. Совершенно непонятным становится, как можно критиковать махизм, игнорируя ту оценку, какую дал ему Ленин, и выдавать это за марксистскую критику.

Но «сам» Смит говорит яснее, отчетливее, чем редакция.

«Итак, при описании наших ощущений, — пишет он, — мы обходимся с помощью этих двух понятий (материи и энергии) совершенно так же, как в аналитической геометрии мы описываем положение точки при помощи двух координат Таким образом, материя и энергия суть продукты мышления, а не первичные об'ективные реальности» (стр. 33). Ясно—мы описываем наши ощущения, а не мир, как об'ективную реальность, данную нам в ощущениях, отсюда и материя и энергия только мыслимы. Смит—вполне последовательный идеалист и совсем не должен отвечать за непоследовательность критиков.

Критикуя Смита, при чем эту критику, как видит читатель, смело можно поставить в кавычки, редакция излагает и свои взгляды. Дальше мы читаем: «Поэтому, больше того, они оказываются лишь такими понятиями (речь идет о материи и энергии.—Б. и К.), которые лежат рядом друг с другом и вне друг друга, не будучи способными отобразить ни глубокого единства и связи реальной материи и энергии в природе, **ни их взаимного перехода друг в друга**» (разрядка наша.—Б. и К.). По взглядам редакции, материя переходит в энергию. Что же останется, если вся материя перейдет в энергию? Но это—только взгляды редакции, а не диалектического материализма. Здесь явно смешивается философское и естественно-научное определение материи. «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть об'ективная реальность, данная нам в ощущении» (Ленин, т. XIII, стр. 119). Вот философское

определение материи, и разрывать ее на энергию и материю значит вслед за энергетизм Оствальда скатываться к идеализму.

Одновременно с защитой махизма редакции не чужды подобные тенденции. Так, она пишет: «Кажется Смиту, что он руководствуется собственными соображениями экономии мышления и т. п., на деле же соображения определяются характером материала, который он изучает, над которым и с которым он работает». Здесь махизм совсем причесывается под материализм. С другой стороны получается, что наука—сама себе философия. Философская, методологическая установка определяется тем научным материалом, которым оперирует [illegible].

Обратимся теперь к первоисточнику.

«В химии об'яснения бывают троякого рода,—пишет Смит. 1) Мы обыкновенно стремимся доказать, что такое-то явление — не единственное в своем роде. Так, мы доказываем... что железо ржавеет, и мы чувствуем известное умственное удовлетворение. 2) Затем мы стараемся приобрести возможно больше сведений касательно факта, подлежащего об'яснению. Например, когда мы к знакомству с внешними проявлениями ржавления присоединяем новые сведения, а именно—что здесь имеется приращение веса и что это, вероятно, обусловлено соединением железа с кислородом воздуха, мы чувствуем дальнейшее удовлетворение и говорим, что данный факт об'яснен. 3) Если мы все еще не удовлетворены, но не можем открыть никаких дальнейших полезных фактов, то мы придумываем такую комбинацию обстоятельств, которая, будучи верной (?), может помочь классификации факта или увеличить наше знание о нем» (стр. 10—11).

Отсюда ясно — степень нашего умственного удовлетворения есть по существу критерий правильности об'яснения факта. Под этим углом рассматриваются все явления химии и совсем не так, что соображения Смита определяются тем материалом, над которым он оперирует, а как раз наоборот: все выводы и обобщения из материала, над которым он оперирует, тесно связаны и вытекают из его основных методологических установок.

Но на деле, игнорируя «собственные соображения» Смита как ненужный привесок, вопреки своему первоначальному утверждению, редакция еще раз авторитетно рекомендует учебник.

«Вот почему книга может быть полезным учебником, несмотря на общую неверную установку».

Читая такое предисловие трудно понять, что является его целью—сгладить ли реакционную установку книги и как можно лучше преподнести ее читателю или же вскрыть ее идеалистическую сущность.

Большое значение в материалистической теории познания Ленин придает пониманию причинности.

«Действительно важный теоретико-познавательный процесс,—пишет Ленин о причинности,—разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигали наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, а в том, является ли источником нашего познания этих связей об'ективная закономерность природы или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины» (т. XIII, стр. 131).

Вот что отделяет материалистов от агностиков и идеалистов. По вопросу причинности Смит отчетливо становится на точку зрения махистов; так же, как Пирсон, заявляющий, что человек—творец законов природы, как Пуанкаре) и Мах (кроме логической, нет никакой другой необходимости) и многие другие современные махисты, он говорит:

«В заглавии предыдущего параграфа мы употребили слово «причина», и оказалось, что никакой причины мы не нашли. И так всегда бывает в области физических или химических явлений» (стр. 39).

По Смиту, нет никаких причин. Редакция вскользь затрагивает, [illegible]

критикует столь важный вопрос марксистской теории познания. Это для нее не случайно, как не случайно и то, что критику идеализма Смита редакция начинает не с отрицания им реальности материи, как главного, основного вопроса, считая его второстепенным.

Примиренчество, некритическое отношение к буржуазному естествознанию, и что критиковал Ленин Плеханова и что характеризует деборинскую школу, выступает и в заключительной оценке учебника редакцией:

«Приведенного нам кажется вполне достаточно для,—пишет редакция,—характеристики философской установки Смита, тем более, что прямые научные ошибки, с нею связанные, в настоящее время уже оттолкнули от нее большинство естествоиспытателей, так что Смит фактически принадлежит к тому поколению соратников Маха, которые почти уже окончательно сошли со сцены».

«Но книга его, как научное и педагогическое произведение, пережила не только самого автора, но и его философские убеждения и, как незаменимый учебник, еще долго будет находить себе читателя и ценителя».

Отсюда ясно, что несмотря на махизм, на неправильные научные установки, книга ценная, хорошая. Ясно и то, что соратники Маха сошли со сцены, правда с оговоркой,—такие, как Смит. Так ли это?

Возьмем наудачу любой учебник химии, хотя бы С. Н. Реформатского. 18-е изд., 1931 г., где автор даже делает попытки применять диалектику. Мы находим там тот же идеалистический разрыв теории и практики как по расположению материалов, так и в самом его изложении. В определении материи Реформатский не ушел дальше Смита. «Ощущение,—говорит он,—об'ективируется в качестве внешнего, вполне реального мира» (предисловие).

Мы уже не говорим о книжке Шарвина «Как создается наука», являющейся прямой защитой махизма, т.-е. защитой философии Смита.

Но лучшей иллюстрацией махизма в современности являются добавления, сделанные в 1928 г., в условиях советской действительности, но выдержанные в духе Смита, редактором учебника, профессором Раковским.

Для Раковского «применение понятия атома является весьма удобным» (т. II, стр. 428), но, «здесь не следует думать, что описанные орбиты электронов действительно существуют в атоме, это тоже только схемы» (стр. 427). «Было бы большой ошибкой думать, что данные схемы отображают действительность,—это только схемы, способы графического изображения соотношений между электронами в атоме, подобные способу представления черточками валентности в молекуле» (стр. 423).

Чем хуже Смита? Те же символы, то же удобство, та же [illegible].

Очевидно редакция, во избежание «эклектизма», решила выдержать в духе смитовского махизма и свои добавления к тексту, грубо извратив действительность, смазав опасность махизма, являющегося идеализмом в современном естествознании.

Вместе с тем редакция выдает свидетельство в том, что «учебник еще долго будет находить себе читателя и ценителя». Редакция не указала только—где [illegible] кого?

В том же духе, что и редакция, пишет профессор Бочинский (или, вернее, [illegible] в духе Бочинского), который особенно ценит в учебнике «наряду с глубоким пониманием места, занимаемого отдельными проблемами в логическом [illegible] данной науки... то, что человек, проработавший книгу Смита, действительно [illegible]» в тайны химии (и махизма—Б. и К.) и вооружен методами химического [illegible]». («Успехи Физ. Наук», т. VIII, стр. 674, 1928 г.).

И тут же Бочинский с восторгом заявляет, что «русский» переработанный [illegible] Раковского) во много раз лучше американского. Мы должны со всей

определение материи, и разрывать ее на энергию и материю значит через энергетизм Оствальда скатываться к идеализму.

Одновременно с защитой махизма редакции не чужды позитивистские тенденции. Так, она пишет: «Кажется Смиту, что он руководствуется лишь собственными соображениями экономии мышления и т. п., на деле же соображения определяются характером материала, который он изучает, над которым и с которым он работает». Здесь махизм совсем причесывается под материализм. С другой стороны получается, что наука—сама себе философия. Философская, методологическая установка определяется тем научным материалом, которым оперируешь.

Обратимся теперь к первоисточнику.

«В химии об'яснения бывают троякого рода,—пишет Смит. 1) Мы обыкновенно стремимся доказать, что такое-то явление — не единственное в своем роде. Так, мы доказываем... что железо ржавеет, и мы чувствуем известное умственное удовлетворение. 2) Затем мы стараемся приобрести побольше сведений касательно факта, подлежащего об'яснению. Например, когда мы к знакомству с внешними проявлениями ржавления присоединяем новые сведения, а именно—что здесь имеется приращение веса и что это приращение обусловлено соединением железа с кислородом воздуха, мы чувствуем повышенное удовлетворение и говорим, что данный факт об'яснен. 3) Если мы все же не удовлетворены, но не можем открыть никаких дальнейших полезных фактов, то мы придумываем такую комбинацию обстоятельств, которая, будучи верной (?), может помочь классификации факта или увеличить наше знание о нем» (стр. 10—11).

Отсюда ясно — степень нашего умственного удовлетворения есть по существу критерий правильности об'яснения факта. Под этим углом рассматриваются все явления химии и совсем не так, что соображения Смита определяются тем материалом, над которым он оперирует, а как раз наоборот: все выводы и обобщения из материала, над которым он оперирует, тесно связаны и вытекают из его основных методологических установок.

Но на деле, игнорируя «собственные соображения» Смита как ненужный привесок, вопреки своему первоначальному утверждению, редакция еще [illegible] авторитетно рекомендует учебник.

«Вот почему книга может быть полезным учебником, несмотря на [illegible] неверную установку».

Читая такое предисловие трудно понять, что является его целью—сгладить ли реакционную установку книги и как можно лучше рассказать ее читателю или же вскрыть ее идеалистическую сущность.

Большое значение в материалистической теории познания Ленин придает пониманию причинности.

«Действительно важный теоретико-познавательный процесс,—пишет Ленин о причинности,—разделяющий философские направления, состоит не в том, [illegible] степени и точности достигали наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, а в том, является ли источником нашего познания этих связей об'ективная закономерность природы или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные [illegible] ные истины» (т. XIII, стр. 131).

Вот что отделяет материалистов от агностиков и идеалистов. По [illegible] причинности Смит отчетливо становится на точку зрения махистов; так же [illegible] Пирсон, заявляющий, что человек—творец законов природы, как Пуанкаре [illegible] (кроме логической, нет никакой другой необходимости) и многие другие [illegible] менные махисты, он говорит:

«В заглавии предыдущего параграфа мы употребили слово [illegible] оказалось, что никакой причины мы не нашли. И так всегда бывает [illegible] физических или химических явлений» (стр. 39).

По Смиту, нет никаких причин. Редакция вскользь затрагивает [illegible]

[illegible]ирует столь важный вопрос марксистской теории познания. Это для нее не случайно, как не случайно и то, что критику идеализма Смита редакция начинает не с отрицания им реальности материи, как главного, основного вопроса, считая его второстепенным.

Примиренчество, некритическое отношение к буржуазному естествознанию, в что критиковал Ленин Плеханова и что характеризует деборинскую школу, выступает и в заключительной оценке учебника редакцией:

«Приведенного нам кажется вполне достаточно для,—пишет редакция,—характеристики философской установки Смита, тем более, что прямые научные ошибки, с нею связанные, в настоящее время уже оттолкнули от нее большинство естествоиспытателей, так что Смит фактически принадлежит к тому поколению соратников Маха, которые почти уже окончательно сошли со сцены».

«Но книга его, как научное и педагогическое произведение, пережила не только самого автора, но и его философские убеждения и, как незаменимый учебник, еще долго будет находить себе читателя и ценителя».

Отсюда ясно, что несмотря на махизм, на неправильные научные установки, книга ценная, хорошая. Ясно и то, что соратники Маха сошли со сцены, правда с оговоркой,—такие, как Смит. Так ли это?

Возьмем наудачу любой учебник химии, хотя бы С. Н. Реформатского, 8-е изд., 1931 г., где автор даже делает попытки применять диалектику. Мы видим там тот же идеалистический разрыв теории и практики как по расположению материалов, так и в самом его изложении. В определении материи Реформатский не ушел дальше Смита. «Ощущение,—говорит он,—об'ективируется в качестве внешнего, вполне реального мира» (предисловие).

Мы уже не говорим о книжке Шарвина «Как создается наука», являющейся прямой защитой махизма, т. е. защитой философии Смита.

Но лучшей иллюстрацией махизма в современности являются добавления, сделанные в 1928 г., в условиях советской действительности, но выдержанные в духе Смита, редактором учебника, профессором Раковским.

Для Раковского «применение понятия атома является весьма удобным» (т. I, стр. 428), но, «здесь не следует думать, что описанные орбиты электронов действительно существуют в атоме, это тоже только схемы» (стр. 427). «Было бы грубой ошибкой думать, что данные схемы отображают действительность,—это только схемы, способы графического изображения соотношений между электронами в атоме, подобные способу представления черточками валентности в молекуле» (стр. 428).

Чем хуже Смита? Те же символы, то же удобство, та же [illegible] [illegible].

Очевидно редакция, во избежание «эклектизма», решила выдержать в духе [illegible]ского махизма и свои добавления к тексту, грубо извратив действительность, [illegible] опасность махизма, являющегося идеализмом в современном естествознании.

Вместе с тем редакция выдает свидетельство в том, что «учебник еще будет находить себе читателя и ценителя». Редакция не указала только—где [illegible] кого?

[illegible] же духе, что и редакция, пишет профессор Бочинский (или, вернее, [illegible] в духе Бочинского), который особенно ценит в учебнике «наряду с [illegible] места, занимаемого отдельными проблемами в [illegible] [illegible] науки... то, что человек, проработавший книгу Смита, действительно [illegible] в тайны химии (и махизма—Б. и К.) и вооружен методами химического [illegible]». («Успехи Физ. Наук», т. VIII, стр. 674, 1928 г.).

[illegible] Бочинский с восторгом заявляет, что «русский» переработанный [illegible]ского) во много раз лучше американского. Мы должны со всей

определенностью заявить, что нам нужен не «русский», а советск[illegible] для вуза, отвечающий периоду социалистического строительства в [illegible]

Мы вполне сознательно при критике Смита уделили так [illegible] разбору предисловия, так как сейчас издательство, приступив к [illegible] ботке книги Смита, должно не только избежать допущенных [illegible] ствительно суметь преодолеть идеализм Смита, использовав [illegible] фактический материал, который содержится в учебнике.

Перерабатывая книгу, надо помнить, «что без непримиримой борьбы с [illegible] жуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории, невозможно [illegible] полной победы над классовыми врагами».

С. Балезин и [illegible]

По техническим причинам в № 3 «Под знаменем марксизма» вкрались [illegible] дующие опечатки:

Передовая: стр. 5, абз. 2-й, стр. 4 выпали слова. Следует читать: «Ли[illegible] кулачества как класса на базе сплошной коллективизации...» Там же дал[illegible] дует читать: «Ни один эксплоататорский класс...».

Е. Ярославский. «Задачи антирел. пропаганды в период соц. наступ[illegible] стр. 36, абз. 3 напечатано: «581 новое предприятие». Следует читать: «518 [illegible] предприятий».

Стр. 91, абз. 3, стр. 6 напечатано: «Диктатура пролетариата есть необх[illegible] условие для осуществления социализма, т.-е. уничтожения классов. Отсю[illegible] видно, что для этой полной и окончательной победы коммунизма необходи[illegible] ровой коммунистический переворот...».

Следует читать: «Диктатура пролетариата есть необходимое услови[illegible] осуществления социализма, т.-е. уничтожения классов.

Для полной и окончательной всемирной победы коммунизма, объединяющ[illegible] все нации в одном обществе без государства,—необходим мировой коммунисти[illegible] ский переворот...».

Стр. 88, абз. 1-й от конца напечатано: «Как в 1915 г....».

Следует читать: «Как в 1905, так и в 1915 г....»

Стр. 100, абз. 3-й от конца следует читать: «. . . . . . она вскрыла тро[illegible] цкистскую установку оппозиций т.т. Зиновьева—Каменева и всего оппозиционного блока, доказав, что их отрицание возможности построить социализм в СССР [illegible] технической отсталости страны, опорочение социалистического характера [illegible] промышленности, паническое преувеличение ими сил кулака...».

Уполномоченный Главлита № В — 4859. Тираж [illegible]

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.